

Светлана
Беличева-Семенцева

НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

ИСПОВЕДЬ
ПСИХОЛОГА



УДК 316.6
ББК 60
Б 43

Беличева-Семенцева С.

Б 43 На переломе эпох. Исповедь психолога / С. Беличева-Семенцева. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015 – 336 с.

ISBN 978-5-4438-0991-5

Драматическая борьба за детство, а в конечном счете за будущее страны и нации, разворачивается не только на педагогических баррикадах, но в экономике, политике, культуре, в психологической науке и даже в религиозной сфере. И об этой драматической борьбе в условиях эпохальных перемен, переживаемых Россией, пишет автор — президент Консорциума «Социальное здоровье России», 40 лет своей профессиональной деятельности посвятивший психологическому обеспечению гуманизированной социальной политики и охранно-защитной превенции социального сиротства и преступности несовершеннолетних.

Книга адресована тем, кому небезразлична судьба нашего детства, а значит, и будущее страны и нации.

**УДК 316.6
ББК 60**

ISBN 978-5-4438-0991-5

© Беличева-Семенцева С., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Вместо пролога

Правда почему-то торжествует,
но почему-то потом.

Александр Володин

Жанр этой книги трудно определить, поскольку автор — профессор психологии, заслуженный деятель науки РФ — пишет не только о своем непростом и нестандартном пути в науку и о пути развития отечественной психологии в этот переломный исторический период, но и о том социально-экономическом и культурном фоне, на котором в это время развивалась научная и практическая психология и складывалась собственная судьба.

Действительно, автору и ее сверстникам выпало жить в эпоху кардинальных перемен сразу во всех жизненно важных сферах, связанных не только со своей профессией, но и происходящих в экономике, политике, культуре и общественном сознании. И вряд ли еще какая страна пережила столь резкие и контрастные перемены, изменившие весь привычный уклад жизни людей, как это произошло в России за последние 20-25 лет.

Социалистическая уравниловка сменилась рыночной экономикой и резким расслоением общества на сверхбогатых олигархов и еле сводящую концы с концами основную массу населения страны. В политике вместо непогрешимой и всевластной КПСС к управлению пришли эффективные менеджеры-оптимизаторы, а с ними и ранее невиданные рейдерские захваты и поражающая своими масштабами коррупция. Перелом общественного сознания означен рухнувшей безбожной коммунистической идеологией и пришедшей взамен ей религиозностью одних и проповедью разнузданной свободы от совести, культивируемой в обществе потребления, у других. А кроме того, произошел невиданный технократический скачок, когда за время жизни всего одного поколения вместо дремучих бухгалтерских счетов получили всеобщую доступность компьютеры и интернет.

Судьба автора сложилась так, что на своем личном опыте ей пришлось испытать все эти эпохальные переломы, пройдя путь от инженера-электронщика, комсомольского, партийного работника до доктора психологических наук, учредившего в начале 90-х годов консорциум «Социальное здоровье Рос-

сии», чтобы вместе с коллегами-единомышленниками помогать нашим детям и их родителям, переживающим все тяготы этого трудного переломного времени.

Непрост был путь автора к профессиональной деятельности психолога, но еще труднее вызревало понимание, что причины детской преступности нужно искать не столько в вине подростков-правонарушителей, сколько в их беде. И для предупреждения преступности несовершеннолетних нужны не административно-карательные меры и постановка на учет в милицию, а профессиональная социальная, психолого-педагогическая и медико-психологическая помощь трудным детям и их родителям.

Казалось нереальным, что эта охранно-защитная превенция станет возможной в России, и государство найдет средства для создания новой социальной инфраструктуры, ориентированной на поддержку семьи и детства, потратится на подготовку новых для России специалистов — социальных работников и педагогов, практических психологов, оказывающих профессиональную помощь семьям и детям группы риска. Но как это ни удивительно, автору удалось зародившуюся еще при советском строе идею охранно-защитной превенции вопреки всему довести до законодательного уровня. И в лихие 90-е, несмотря на социально-экономический коллапс и пустой государственный бюджет, которого не хватало на выплаты зарплат и пенсий, охранно-защитная превенция получила свою реализацию. Была введена социальная работа и психологические службы, открылась сеть новых социальных учреждений, для которых началась массовая подготовка в высшей школе новых для России специалистов. Давались эти победы ценой тяжелой борьбы и накаленных дискуссий, благодаря армии единомышленников, которые находились не только среди ученых и практиков, но и среди министерских чиновников.

Трагизм эпохальных перемен, происходящих в стране, не минул личную жизнь автора и судьбу учрежденно-го ею Консорциума «Социальное здоровье России», которого, как и других, не щадили коррупционеры и взяточники. Но не так страшны для гуманизированной социальной политики и охранно-защитной превенции оказались лихие 90-е, как «сытые» двухтысячные, когда к власти пришли эффективные менеджеры-оптимизаторы и циничная монетократия стала проникать во все сферы общественной жизни, включая образование, здравоохранение, культуру, религиозные кру-

ги. И первыми жертвами этой бездушной оптимизации стали дети, одинокие матери, многодетные и малообеспеченные семьи, а заодно и специалисты, помогающие им.

И снова, как когда-то казалась нереальным замена административно-карательной превенции на охранно-защитную, так и сейчас нереальным кажется противостоять тем, у кого власть и деньги. Но вспоминаются справедливые слова героя Сергея Бодрова из фильма «Брат»: «Вот скажи, американец, разве сила в деньгах? ...Нет, не в деньгах, а в правде».

И не может быть праведной дегуманизованная социальная политика оптимизаторов, от которой страдают наши дети и те, кто им помогает. И не может не победить армия бескорыстных единомышленников на этих современных баррикадах борьбы за детство, а значит, и за будущее страны и нации.

Знаки судьбы

Людам свойственно ощущать чужой пристальный взгляд. Даже если человек дремлет в электричке, глубоко погружен в свои переживания на концерте или раздраженно скучает в очереди, он забеспокоится от устремленного на себя взгляда, невольно начнет оглядываться по сторонам, пока не поймет, в чем дело.

Но когда беспокойство испытываешь в таком необычном месте как пустынная кладбищенская аллея, не просто беспокойство, а чувство мистического страха начинает овладевать душой. В тот июньский день 1992 года, находясь по делам в Санкт-Петербурге, я выбралась в Александро-Невскую лавру. Было около четырех часов пополудни. Нежаркое солнце пробивалось сквозь ветви старых развесистых некропольских лип и кленов. Я не спеша брела вдоль правой крайней аллеи, где были захоронены русские композиторы прошлого века. За надгробием Петра Ильича Чайковского аллея обрывалась полуразрушенной часовней. Свернув влево, недалеко от входа в часовню я остановилась у скромного обелиска, увенчанного мраморным женским бюстом, на котором значилось: ***Здесь покоится прах девицы Варвары Николаевны Асенковой. Родилась 17 апреля 1817, скончалась 19 апреля 1846.***

Девушка Варвара Николаевна Асенкова, в возрасте двадцати девяти лет ушедшая из жизни, была не кто иной, как знаменитая актриса императорского театра времен Александра Сергеевича Пушкина, которой восхищался поэт. А Некрасов посвятил ей стихи:

Кумир моих далеких дней,
Любимый и желанный,
Мне не забыть судьбы твоей,
Таинственной и странной.

Я смотрела на застывшее в мраморе лицо и было грустно от мыслей о быстротечности жизни, славы, любви, всего зем-

ного, чему так бурно радуется и от чего так горько страдает человек.

Постепенно чувство беспокойства, испытываемое при ощущении, когда тебя пристально разглядывают, начало овладевать мною. Я оглянулась по сторонам. Как ни странно, что редко бывает в Александро-Невском некрополе, все прилегающие аллеи были пустынные. А беспокойство, тем не менее, не только не покидало, но и усиливалось.

Безмолвный старый ворон сидел на невысоко расположенном суку прямо надо мной и смотрел на меня с такой не птичьей пронзительностью, что становилось не по себе.

Наслышанная про внезапные нападения ворон на людей, я решила не спеша и осторожно, чтобы не спугнуть птицу, удалиться. Однако не успела сделать и несколько шагов, как ворон сорвался с ветки, догнал, коснулся крылом моей головы, и, пролетев вперед несколько метров, уселся на ветку впереди стоящего дерева и снова вперил в меня свой острый, не птичьему осмысленный взгляд. Такой неожиданный и странный пассаж кладбищенского ворона ввел меня в чувство мистического ужаса, но делать было нечего, нужно было как можно спокойнее двигаться вдоль злополучной аллеи к спасительным входным воротам. Однако не успела я минуть пристально рассматривающую меня птицу, как все повторилось. Снова он сорвался с ветки, догнал, шевельнул крылом мои волосы, и, усевшись на суку впереди стоящего дерева, с той же пристальностью уставился на меня, будто что-то хотел сказать, о чем-то предостеречь. Но увы... не дано нам, простым смертным, понимать безмолвный язык птиц и животных, каким бы выразительным он ни был.

Не поняла я и тогда, что хотел сказать этот старый ворон, проживший свою долгую жизнь среди погребений Александро-Невской Лавры, среди душ великих усопших и привыкший кружить вместе с ними над кладбищенским садом и крышей заброшенной часовни.

Вороны о добром не вещают. Но в эту старую истину верить не хотелось, позади было так много потрясений и преодолений и в каждой нашей личной судьбе, и в судьбе нашего многострадального отечества, что не верилось, что впереди могут ждать еще более тяжкие испытания.

В то лето 1992 года мы жили радужными надеждами и в бешеном темпе. Это был год после августовского путча, когда, казалось, в почти безнадежной ситуации был спасен Белый

Дом и новая Россия, когда жизнь была на пиковом подъеме, и кружили голову наши бурные дела и дерзко смелые начинания, и мы были до отказа ввинчены в свои непривычно новые и самостоятельные заботы. Не верилось, ох, не верилось, что самые тяжкие испытания впереди. И пройдут они через наши души, через самое святое и сокровенное, через любовь, дружбу, дом, семью. И многие, ох, многие, а главное, самые близкие и дорогие люди в этой непримиримой борьбе добра и зла, — фронт, который переместится в наши души, останутся по ту сторону баррикад.

Пассионарный 1991 год

Вот уж действительно, поистине верно сказано, что человек предполагает, а Бог располагает. Новый 1991 год мы встречали в только что обжитой, уютной квартире на Сивцевом Вражке, которая после долгих мытарств и многолетней жизни на чемоданах стала нашим постоянным пристанищем в Москве.

Казалось, этот старый дом с толстенными кирпичными стенами, похожими на крепостные, с окнами в глухой двор, отгороженный высоким забором от Канадского посольства, принесет, наконец, долгожданную, спокойную и размеренную жизнь со всеми нехитрыми земными радостями.

Новый 1991 год мы встречали с немолодой супружеской четой, знакомой психологиней и ее мужем-художником. Художник обладал странным даром неосознанного предвидения чужих судеб, что отражалось в написанных им портретах и в его еще более странной биографии. За его неполных 60 лет судьба так распорядилась, что он в разные годы своей жизни пересекался с разными знаменитостями своего времени. В четыре года на даче он познакомился с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, который приезжал погостить с дядькой-актером МХАТа, позже, в двенадцать лет, в пионерском лагере дружил с другим отдохавшим здесь пионером, который сочинял стихи — Женей Евтушенко. В двадцать пять лет он отдыхал в Евпатории с молодой четой Горбачевых, в ту пору, когда еще Михаил Сергеевич комсомолил в Ставрополе. Профессиональная наблюдательность и хорошая образная память нашего Художника запечатлели такие мелкие, точные и характерные детали в облике и поведении знаменитостей, о которых нигде больше не прочтешь и не услышишь и потому слушать его воспоминания можно было взахлеб и бесконечно.

Не менее выдающимся свойством нашего Художника была способность рисовать провидческие портреты, в которых отражалось не столько современное лицо и выражение позирующей модели, сколько ее будущее. По его портретам можно было читать чужую судьбу и порой, весьма трагическую. В его доме особенно выделялся портрет женщины-са-

моубийцы, обреченность которой читалась во всем: в отчаявшихся глазах, безвольной позе, сигарете, будто забытой в краешке губ. Писался этот портрет задолго до трагического конца, в лучшие годы той женщины, когда казалось, ничто не предвещало жизненного тупика, из которого ей так и не удалось выйти. Но каким-то странным образом, которого Художник не мог объяснить, он уже тогда увидел эту отчетливую печать безнадежной обреченности.

Вот почему, когда он захотел написать мой портрет, я согласилась с немалым страхом, поскольку всегда жутко заглядывать в свое будущее. Портрет действительно получился из будущего и внешне был весьма отдаленно похож на меня. На портрете, написанном в колоритных, контрастных тонах, приковывали внимание глаза, полные страдания и глядящие вдаль, вперед, как бы поверх повседневной суетности. Было непонятно, как ему удалось изобразить такую бездонную, и вместе с тем, приподнимающуюся над суетностью жизни боль. Этот собственный взгляд из будущего, полный душевного страдания я не выдерживала, и потому никак не могла решиться забрать сей портрет из дома Художника. И вот через два года после его написания он принес мне этот портрет в подарок сразу к двум праздникам: Новому Году и новоселью.

И на этот раз портрет Художника оказался провидческим. Нет, не покой и мирное семейное счастье принесло это уютное гнездышко на Сивцевом Вражке. Здесь пришлось пережить и сумасшедшие взлеты и не менее сумасшедшие жизненные крахи, пережить и выжить в которых можно было только благодаря глубинному духовному перерождению, приходящему через страдания, непереносимую душевную боль и невозполнимые потери.

Прямо сразу, с первых месяцев того памятного Нового 1991 года, когда вместе с Новым Годом отмечалось и новоселье, незаметно и стремительно мы были вынесены на гребень бурнейших событий, связанных с невиданными социальными и экономическими переменами, переживаемыми в стране. И самое удивительное, все это произошло непреднамеренно и непредсказуемо, как бы помимо нашей воли.

Вскоре, вслед за новогодними праздниками, в нашем доме появился неожиданный и желанный гость — наш общий Друг по Тюменскому университету, скромный кабинетный Ученый, как он себя называл, которого мы не видели больше двух лет и которого нам всегда не доставало. Он приехал с какими-то фантастическими проектами своего коммерческого пред-

приятия, что тогда казалось совсем нереальным и уж во всяком случае, неожиданным для успешно работающего в науке физика. Наши ночные, далеко затягивающиеся за полночь беседы, пестрели неслыханными доселе и плохо понимаемыми словами: биржи, акции, фондовый рынок, эмиссия, номинал, открытая экономическая зона.

Идеи были так новы, так фантастически необычны и привлекательны для нашего еще советского восприятия, что захватили не только нас с мужем, но и стали интересны расторопной прессе. И эти обсуждения и рассуждения из нашей скромной квартиры стремительно переместились на страницы газет, экраны телевидения, в эфир.

Мы помогали нашему Другу как могли. На этом этапе главное было завоевать общественное признание и общественное доверие. Бурно расширялся журналистский круг, заинтересовавшийся идеями нашего Друга. На первую пресс-конференцию, которая проходила в июне того 1991-го года во внушительнейшем здании Москвы — здании СЭВ на Калининском проспекте, приняло участие около тридцати журналистов из разных отечественных и зарубежных изданий. Наш Друг выдержал первое публичное испытание с честью. Нефть и политика, нефть и ценообразование, нефть и рыночная экономика, нефть и геополитические интересы Востока и Запада — он знал все и успел все обдумать, его невозможно было заставить врасплох. Он не горячился и не волновался, был спокоен и рассудителен, покорял скромностью, человечностью, обычностью и отсутствием всякой эффектации.

Новый герой выходил на небосклон политической и экономической жизни вступающей на новый путь России. Его ждали и ему поверили. Акции учрежденных под его началом первых бирж и предприятий превзошли все рекорды Гиннеса и расходились с превышением в триста с лишним раз от номинала. Неустанно растущий от их продажи капитал тут же перекачивался в новые дочерние предприятия, возникающие в западных и восточных, северных и южных районах страны, включая Москву и Санкт-Петербург, Калининград и Кемерово, Ростов и Тюмень, Харьков и Новочеркасск.

Штаб-квартира этой все разрастающейся империи находилась в затхлом подвале на Спиридоновке, вблизи Патриарших прудов, где когда-то объявился в Москве Воланд со своей свитой. И так же, как золотой дождь сыпался в зал на представлении, устроенном Воландом, так же, чудесным и непостижимым образом, народ с деньгами устремился на Спиридоновку

за акциями, брокерскими местами, учредительными документами, не замечая странного несоответствия между неслыханными капиталами, оседавшими здесь и облупившимися стенами, проваливающимися полами и несусветной перенаселенностью этого магически притягивающего подвала.

Друг появлялся после поездок с очередного учредительного собрания и в неизменно шутливой форме комментировал стремительно нарастающий бум вокруг своего имени и своей все разрастающейся компании. Гуляя по Арбатским переулочкам, недалеко от того места, где доживал свои последние годы Булгаков и где он работал над «одной вещичей», как называл писатель свой роман «Мастер и Маргарита», принесший впоследствии ему небывалую посмертную славу, мы наткнулись на старый скромный особнячок, в котором размещался крохотный уютный ресторанчик «У Маргариты». В ресторанчике негромко играла скрипочка, стояло всего шесть—семь столиков, за которыми располагались довольно необычные и, судя по всему, весьма состоятельные посетители, бывшие накоротке с владельцем ресторанчика.

Этот ресторанчик с негромкой, нежной скрипочкой и холеным, с острыми изучающими глазами хозяином, понравился нам. Где, как не «У Маргариты» можно было обсуждать фантастические успехи и еще более фантастические перспективы предприятия, основанного нашим Другом. Среди бурных перемен и событий, на Друга вдруг наваливалась ностальгия по прежней спокойной и размеренной жизни кабинетного ученого. Его еще не оставляла надежда на то, что выкроится время для защиты практически готовой докторской диссертации, и что когда-нибудь он вернется к своей, как тогда казалось, на время оставленной физике.

Очень его занимала и моя судьба. И он, в своей спокойной аргументированной манере обстоятельно доказывал мне, что я должна отказаться от моей теперешней, тоже очень суетной и напряженной деятельности и целиком уйти в кабинетное творчество, и что именно сейчас у меня для этого есть все условия. Меня обижало его упорное нежелание понимать и принимать смысл и содержание моей работы и невозможность оставить ее на полпути, незавершенной.

Калина красная

По удивительному стечению обстоятельств одновременно почти день в день с регистрацией в Москве предприятия нашего Друза, тоже в марте 1991 года, стартовало и мое долгожданное детище. В Белом Доме, после долгих и изнуряющих проволочек и согласований, был подписан приказ и техническое задание на разработку и внедрение впервые в России новой специальности и новой для нас социальной науки и практики — социальной работы. А это означало, что от политики администрирования, карания и подачек Государство перейдет к профессиональной и адресной помощи и поддержке всех страждущих: сырых и калец, сирот и одиноких, стариков, тех, кто встретился в этой жизни с тюрьмой и с сумой. Сбывалось то, к чему все годы своей, казалось, ранее никому ненужной профессиональной деятельности, я стремилась и призывала и голос мой был как глас одинокого в пустыне. На тех, кто в старые добрые застоиные времена милость к павшим призывал, смотрели с неодобрением, либо, в лучшем случае с недоумением.

Особенно больно было за судьбу детей, угораздивших родиться в семьях с непутевыми родителями, которые и сами не могли найти своего места в жизни. В шагающей к коммунизму стране для тех, кто не вписывался в пионерские лагеря, существовала своя сеть лагерей-гулагов, где и начиналась биография десятков тысяч подростков.

Эту боль и трагедию в своем последнем фильме, вышедшем в 1974 году — «Калина Красная», показал Василий Шукшин. Безнадежно загубленная судьба бывшего зэка Егора Проскурина щемящей, не отпускающей тоской давила сердце. Но, увы ...реакция на этот фильм была далеко неоднозначная, особенно среди тех, кто по роду своей службы должен был заниматься судьбами таких, как Егор Проскурин. Помню, как на одной большой и представительной научной конференции, крупный ученый-криминолог — общепризнанный авторитет в области детской преступности, формировавший в то время государственную превентивную политику, с брезгливостью вешал с трибуны о вреде таких фильмов, как «Калина Крас-

ная», в котором, по его выражению, размазываются слюны и слезы по участи преступников.

Уже потом, много позже, поняла я, откуда этот нетерпимо брезгливый тон к чувству сострадания у представителя нашего официоза. Спустя десять лет после выхода «Калины Красной», работая над докторской диссертацией, я задалась целью просмотреть историю нашей государственной политики в отношении трудного детства.

Я вышла на тогда еще негласно запрещенную тему, связанную с кровавыми следами, оставленными в нашей истории Отцом народов. С не меньшей изошренностью и жестокостью, с которыми вождь расправлялся со своими политическими противниками и социально чуждыми элементами, расправился он и с детьми. Беспрецедентный сталинский указ от 7 мая 1935 года предписывал пацанов с 12 лет и старше судить наравне со взрослыми, согласно суровому уголовному кодексу того времени и содержать малолеток в Гулаге вместе со взрослыми, не создавая никаких отдельных условий и поблажек. Упразднялась деятельность всех социальных институтов, занимающихся защитой детства, закрывались трудовые воспитательные колонии, в которых когда-то работал Макаренко и воспитывались Александры Матросовы. Больше всего удивляло то, что кому-то потребовалось при этом подчистить историю. Статьи и материалы о социальных учреждениях для трудных детей, действующих в стране до 1935 года, были аккуратно, бритвочкой вырезаны в тех старых журналах, которые мне удавалось найти в закрытой библиотеке НИИ Прокуратуры.

Горячий и непоследовательный Никита Сергеевич за свое короткое десятилетнее правление, называемое впоследствии «хрущевской оттепелью», сумел исправить трагическое положение малолетних правонарушителей. Был изменен уголовный кодекс, по которому полная уголовная ответственность наступала теперь с 18 лет, частичная — с 16 лет, и лишь по отдельным тяжким преступлениям — с 14-ти. Максимальный срок для несовершеннолетних ограничивался 10 годами. Восстанавливались специальные воспитательные учреждения в системе народного образования и специальная сеть исправительно-трудовых учреждений для несовершеннолетних в системе МВД.

Тогда, в краткую эпоху оттепели, думали о детях из неблагополучных семей. Почти повсеместно возводились типовые интернатные учреждения со своими школами, спальными корпусами, приусадебными участками, домами для учителей.

Но характерная советская печать казарменности и казенности присутствовала и здесь: классы были рассчитаны на сорок учеников, а спальни — на двадцать. Вульгарный коллективизм, предполагающий хождение строем и ежеутреннее построение на линейку, на которой прорабатывались отстающие и недисциплинированные, был главным фактором воспитания и перевоспитания. И очень скоро дети, помещенные в эти казармы, перестали понимать благие намерения их создателей и ответили черной неблагодарностью. Побег и хулиганство, неуспеваемость и недисциплинированность начали нещадно огорчать педагогов и портить официальные показатели, по которым оценивались учебно-воспитательные заведения.

Потребовались дополнительные дисциплинарные воздействия, которые не входили в компетенцию школы. И за дело принималась милиция, теоретически вооруженная теми самыми учеными-криминологами, которых раздражала «Калина Красная» и Василий Шукшин вместе со своими незадачливыми героями. Все усилия советской системы сводились к социальному контролю, то бишь, к постановке на учет в милиции с неограниченно раннего возраста и административно-уголовному наказанию, которое, правда, имело свои возрастные ограничения, что весьма возмущало воспитателей в погонах. Однако, по отношению к тем, кто еще не достиг возраста, когда судят, тоже работы хватало: обсуждение на комиссии, письма на производство родителям, штрафование, мобилизация общественности, родителей с испытанным домашним средством — ремнем, учителей с двойками и записями в дневник. О социальной работе, о психологической помощи, о медико-психологических консилиумах и консультациях тогда не слышали, а если бы и слышали, то воспринимали бы их как некие интеллигентские шуточки и пустые сантименты.

Но эти злополучные подростки, несмотря на все усердие и старание милиции, комиссий, инспекций, а может, и благодаря им, бросали школы, сбегали из дому, бродяжничали, воровали и грабили на улицах, пока не попадали в главные воспитательные учреждения — колонии, где за дело брались паханы, готовя из малолеток достойную смену для преступного мира. За двадцать лет благополучного советского времени с 1968 по 1988 годы преступность несовершеннолетних выросла на 200%, то есть, росла в среднем в год на 10%.

Нет, не могли мы, те немногие, кто занимался психологией трудных детей, не понимать, что за каждым таким подростком стоит не столько вина, сколько беда, и что нужны здесь

не инспекции и колонии, а совсем другие меры помощи, поддержки и защиты. Отгороженные от цивилизованного мира, мы шли на ощупь и очень смутно себе представляли, как реально можно организовать государственную охранно-защитную систему превенции.

Где-то начиная с 1990-го года, когда у нас стали проходить первые представительные международные конференции, стала пробиваться идея социальной работы, социальных служб и учреждений, что существовала в западных странах без малого 70—80 лет. Сколько же было положено усилий, чтобы получить от российского Правительства заказ на разработку этого долгожданного проекта по внедрению у нас социальной работы и охранно-защитной превенции, что должно было положить начало принципиально новой, гуманистически ориентированной и цивилизованной социальной политике. К тому времени я только что защитила докторскую диссертацию, посвященную детско-подростковым девиациям, и мне было поручено возглавить ВНИК — временный научно-исследовательский коллектив «Государственная система социальной помощи семье и детству», разрабатывающий этот проект.

В начале столь нового пути, естественно, вопросов было больше, чем ответов. С благородной миссией — помочь России в становлении социальной работы — к нам прибыл тогда из Швейцарии генеральный секретарь международной Ассоциации социальных работников Андрей Владимирович Муравьев-Апостол, потомок известной семьи декабристов. После встречи с нами он направился в Китай, где тоже только приступали к созданию системы социальной работы.

Поразительно, как причудливо переплетаются порой в нашей жизни связи времен и судеб, как неожиданно, спустя десятилетия, проявляются знаки судьбы. Почти двадцать лет назад, также на переломе моей судьбы, уже возникла эта фамилия Муравьев-Апостол. Но тогда это был Матвей Иванович, которому Андрей Владимирович приходился праправнучатым племянником.

Поворот судьбы

Был солнечный май 1972 года, я бродила по маленькому деревянному уютному сибирскому городку Ялуторовску, где когда-то в ссылке, после каторжных работ, проживала колония декабристов из семи человек. Гуляя, я набрела на деревянный домик с полисадничком перед окнами, который мало чем отличался от соседних. Мемориальная доска на стене домика свидетельствовала, что в ссылке здесь проживал декабрист Матвей Иванович Муравьев-Апостол. Строя свой дом, в фундамент он заложил бутылку со скупой записочкой, в которой для будущих потомков перечислял фамилии живущих вместе с ним в Ялуторовске ссыльных товарищей.

По неслучайной прихоти судьбы, через сотню лет в домике поселился ссыльный агроном Иван Юрьевич Азолин, увлекающийся краеведением и по крохам собирающий материалы об истории Ялуторовска. Перед самой войной, перекатывая дом, Азолин обнаружил бутылку с запиской Муравьева-Апостола, удостоверявшей принадлежность этого дома ссыльному декабристу. И эта записка послужила главным доводом для открытия в 1938 году в доме Матвея Ивановича первого в Советском Союзе мемориального музея декабристов.

Уже после войны вернувшийся с фронта учитель истории, тоже заболевший краеведением, Терентьев Иван Степанович стал директором музея и посвятил себя сбору мемориальных экспонатов в этот музей.

Весь Ялуторовск помогал Ивану Степановичу собирать вещи декабристов, хранившиеся в семьях горожан. Уезжая из Ялуторовска после указа о помиловании в 1856 году, декабристы дарили своим ялуторовским друзьям, соседям, ученикам свою мебель, домашнюю утварь, книги. И вот сейчас эти бережно, из поколения в поколение хранившиеся вещи, собирались в свой родной дом.

Дом не походил на музей. Он был обжитым и уютным, будто хозяева только на время отлучились и незримо присутствуют в маленьких комнатах с низкими, небольшими оконцами. Служители музея говорили о декабристах, как о живых и хорошо знакомых людях. Сочувствовали горькой судьбе луч-

шего друга Матвея Ивановича Якушкина Ивана Дмитриевича, жене которого царь не разрешил следовать за мужем. И она умерла, не выдержав разлуки, оставив двух малолетних сыновей. Всю свою оставшуюся жизнь Иван Дмитриевич прожил бобылем и посвятил себя воспитанию чужих детей. Ему удалось открыть две школы, мужскую и женскую. Государственным преступникам не разрешалось заниматься образовательной деятельностью, и местный священник Знаменский взял на себя большой грех, назвав светские школы, обучение в которых велось декабристами по составленным ими же программами, церковно-приходскими.

Душой общества был Иван Иванович Пущин, лучший лицейский друг Пушкина, судьба которого была не менее романтической, но более счастливой, чем судьба Якушкина. Он тоже через всю жизнь пронес любовь к одной женщине, жене декабриста генерала Фонвизина, который в ссылке вместе с женой жил в Тобольске. Наталья Дмитриевна Фонвизина несколько раз навещала Ивана Ивановича, и уже после помилования и возвращения из ссылки, когда муж умер, влюбленным на склоне лет удалось обвенчаться и доживать свою жизнь вместе.

Иван Иванович имел склонность к адвокатской деятельности, он писал за горожан и крестьян из прилегающих деревень прошения и ходатайства в суд и к местному начальству, защищая неграмотное население от лихоимства.

Там, в Ялуторовске, открылась для меня одна истина, о которой почему-то не говорилось в наших учебниках истории. Самый большой жизненный подвиг декабристы совершили не столько 14 декабря 1825 года, выйдя бунтарями на Сенатскую площадь, сколько здесь, в заснеженной Сибири, где провели они последующие тридцать лет, в отрыве от родных, от культурных центров и привычного образа жизни. Здесь их гражданский долг и духовность выдержали испытание в негромких малых и добрых делах, незаметном служении людям и их повседневному нуждам. Великодушие, благородство и бескорыстие, с которым несли они свой крест и свою миссию, не остались незамеченными окружающими. Аура добрых дел, исходящая от них, пропитывала воздух этого, затерявшегося в просторах Сибири городка, жила в памяти потомков и делала их души миролюбивыми и благожелательными, что не могло не чувствоваться здесь и спустя полтора века.

Был, был и у России этот исторический шанс — в соответствии с программой декабриста Никиты Муравьева — пойти

по пути реформ и просвещения, без кровопролитных братоубийственных войн и революций, по пути конституционной, сдерживаемой парламентом монархии, по которому, к декабрю 1825 года, без малого триста лет уже жила процветающая Англия. Но историческая судьба распорядилась по-своему. Одни, имущие, не смогли преодолеть свой эгоизм, другие, неимущие, — свою нетерпимость.

«Весь мир насилия мы разрушим...», — запели трудящиеся массы и, вооружившись идеями большевизма, ринулись разрушать, крушить и созидать новое общество на обломках, обильно замешанных на своей и классово чуждой крови своих соотечественников. Пьянящий революционный романтизм не отрезвлялся ни пролитой кровью гражданской войны, ни страшными сталинскими репрессиями. Одни гибли в лагерях, а другие с песнями и браваурными лозунгами воздвигали Магнитку и Днепрогэс, и будущее казалось лучезарно прекрасным.

И мы, выросшие в пионерских отрядах и распевавшие революционные песни у пионерских костров, хотя и имели в своих родословных бесследно сгинувших дедов, мало что о них знали и тоже дышали революционной романтикой.

Дышали романтикой и мои комсомольские друзья, с которыми я приехала в Ялуторовск. Нет, ни стремление познать историю с историей декабристов привело меня в этот уютный городок. Я приехала сюда с бригадой Тюменского обкома комсомола, привлеченная моей Подругой, работающей тогда в обкоме комсомола, для проверки Ялуторовской комсомольской организации. Но Подруга, несмотря на свой служебный обкомовский пыл и рвение, была ко мне снисходительна и смотрела сквозь пальцы на то, что я занимаюсь не делом, а пропадая в музее декабристов. Ей тоже вечерами в гостинице было интересно слушать о моих открытиях и впечатлениях.

Моя великодушная Подруга так до конца жизни и осталась неисправимым романтиком, мечтающим великими делами перевернуть мир. Она надорвалась, и неизлечимая, страшная болезнь изглодала ее в расцвете лет. Но все это будет потом, потом, а тогда она сыграла в моей жизни роль человека, переломившего всесильную судьбу.

Она перетянула меня с моторного завода, где я была секретарем комитета комсомола по идеологии, в обком комсомола и определила меня на должность заведующей лекторской группой, которая свела меня с самыми разными людьми и самыми запутанными судьбами, заставила видеть во всем непостижимом разнообразии этот, не устающий удивлять мир и

чувствовать неукротимый и непредсказуемый пульс жизни. Мы мотались с ней по Тюменским северам, не успевая запоминать адреса ударных строек: Надым и Уренгой, Нижневартовск и Сургут, Березово и Игрим, Когалым и Тобольск. Мы видели, как в буреломной тайге и непролазных болотах росли города и прокладывались многослойным настилом, будто слоеные пирожки, дороги, как высились нефтяные вышки и горели газовые факелы. Мы видели удивительных людей, становившихся сильнее суровой природы и неукротимой стихии заполярного севера. Эти люди получали немалые деньги, но они работали не за деньги, за деньги так работать невозможно. Все та же романтика переполняла их и удесятеряла силы.

Но не все, не все было безоблачно в жизни этих былинных богатырей. Они страдали и ломались, казалось, на каких-то неважнейших, неприметных бытовых житейских историях: неверности мужей и жен, неразделенной любви, зависти и интригах менее удачливых сослуживцев, несправедливости начальства.

Да и в наших жизнях, меня и моей подруги, все было ох как не гладко. Я приезжала после своих потрясающих командировок в дом, где меня совсем не ждали. Она возвращалась, переполненная впечатлениями к мужу, который был занят своей жизнью и своими проблемами. Что-то очень сильно не ладилось у всех нас, и отмахнуться от этого было все труднее и труднее. Каждый из нас искал свой выход. Подруга все больше погружалась во все новые и новые дела, я все больше зарывалась в книги и уходила в себя. У нас не принято было плакать в жилетку и делиться своими житейскими трудностями.

Только неизлечимо больная, на пороге ухода, она рассказывала мне о том, что омрачало ее жизнь и подтачивало жизненные силы. Каждый шел своей дорогой, но судьбы наши так и не расходились до самого конца. Мы обе, каждая своей крутой дорогой, шли к Богу и пришли, наверно, слишком поздно. Но не наша в том вина.

Несмотря на бурное течение жизни и переполненность внешними событиями, томилась и металась в глухих потемках душа. Чувство неясной тревоги и неудовлетворенности росло и все больше вытесняло другие ощущения. Не принято, да и не с кем было говорить об этих непонятных и неуместных внутренних метаниях. Но всегда, когда свои силы на пределе, Бог посылает спасительную помощь, спасительную встречу и поворот судьбы.

Режиссер

Тогда, истомленная духовным одиночеством, я узнала и близко сдружилась с человеком, который надолго дал пищу мятущейся, изголодавшейся душе. Это был главный режиссер областного театра кукол, дружбу с которым мне суждено было пронести через десятилетия моей с непредсказуемыми поворотами жизни.

Режиссер был из числа оглашенных, безмерно преданных своему делу и театру, человек. Его любимой и часто повторяемой шуткой была: театр моя жена и моя любовница. Действительно, он дневал и ночевал в театре, обуреваемый все новыми идеями и постановками. Тогда Режиссер был еще молод, ему только минуло 36 лет, и он переживал пик своей творческой интуиции, которая позволяла ему ставить пронзительные по своей созвучности с какими-то глубинными состояниями души, спектакли.

Он был очень изобретателен в своих изобразительных средствах: световые эффекты, куклы, маски, живые актеры, на равных участвовали в его сценических действиях, потрясая души и сердца зрителей. Но потрясала не только и не столько его фантастическая изобретательность, но и сверхидеи его спектаклей, которые как всполохи молний, высвечивали скрытые и порой незаметные для самого человека пружины его трагических падений и предательств.

Первый спектакль, который я увидела у Режиссера, был поставлен по незатейливой японской сказке «Журавлиные перья». Бедный юноша-крестьянин подобрал в поле раненного журавля и выходил его. Журавль превратился в прекрасную девушку, которая стала его женой и принесла ему не только любовь, но и богатство. Но алчность оказалась сильнее любви. Все снова и снова упрашивал неожиданно разбогатевший бедняк ткать свою жену дорогое полотно из своих журавлиных перьев, пока она не покинула его, обезумевшего от горя невозвратной потери.

Слезы застилали мои глаза, когда в зале зажегся свет. Как будто свою судьбу, в которой я боялась признаться не только другим, но и себе, увидела я на сцене. Знаком, до боли знаком

был этот пронзительный сюжет. Только вместо бедного крестьянина столь же неутолимым аппетитом страдал мой муж, в недавнем прошлом бедный и безродный студент. Не хотелось в это верить и сознаваться себе, что разрыв неизбежен и что нельзя посвящать жизнь чужим безграничным потребностям, и что даже у Золотой рыбки из пушкинской сказки в свое время наступил конец терпению.

И как ответ на все тайные сомнения и муки, грянул этот спектакль «Журавлиные перья», задолго, почти за пять лет предупредив об этом неминуемом и болезненном разрыве. Тогда, когда это произошло, казалось, что жизнь окончена и уже ничего не будет, кроме этой, черной кровью запекшейся душевной раны. Но не суждено было тогда окончиться моей женской судьбе, и за ее поворотами ожидали и другие встречи, и другие разрывы.

Вспоминала я Режиссера и его спектакли и потом, спустя двадцать лет, когда наступили новые времена новых возможностей. Его спектакли «Прекрасная Галатhea» и «Слово о полку Игореве» были об этом новом времени и его трагедиях. Длинноногая, прекрасная и бездушная Галатhea, развращающая своей красотой и доступностью окружающих мужчин, соблазнившая самого Зевса, стала, в это время новых возможностей, нашей активно действующей на жизненной сцене современнойницей. И оглушенные похотью, мужчины из «новых русских», предавали себя и своих близких, как в омут, бросаясь в отнюдь недешевые, любовные приключения.

В Петербурге в 1993 году я познакомилась с героем нашумевших газетных публикаций, удачливым коммерсантом и сильной личностью, год проведенным в Крестах из-за такой красоты. Газеты писали о фантастической криминальной истории, как красotka, в наручниках и с черной повязкой на глазах, томилась в тайной квартире, охраняемая наемниками коммерсанта, якобы потому, что не уступала его домогательствам. И только чудом ей удалось спастись и обратиться за помощью в органы, где только того и ждали, чтобы тут же незамедлительно поместить коммерсанта в Кресты. Год длившееся следствие не подтвердило ни мужских домогательств, ни финансовых нарушений, приписываемых коммерсанту. Уже при одном взгляде на этого атлетически сложенного красавца со жгучими глазами, как-то очень трудно представлялось, что может найтись современная девица, которая будет столь упорно сопротивляться любовной связи с этим богатым, щедрым и к тому же, обаятельным мужчиной.

История действительно была довольно банальная. Да, был романчик, флирт, мимолетная связь, благодаря которой провинциальная юная особа получила невиданные возможности: деньги, наряды, квартиру, прописку в Питере и право распоряжаться благотворительными средствами, которые выделялись фирмой коммерсанта. Как водится, красotka не удержалась и начала беззастенчиво злоупотреблять и этими средствами, и своим влиянием на шефа, которое к тому времени успело весьма ослабнуть. По сему поводу пошли внутренние разборки, которые и подвинули героиню романа вкупе с заинтересованными лицами из органов прибегнуть к такому необычному и рискованному пассажу.

Увы, история и типичная, и поучительная. Но, к сожалению, мало кого и чему она научила. А как иначе объяснить, что, спустя три года, уж совсем скандальная и шумная история приключилась с Министром юстиции, служителем Фемиды, на которого опять же заинтересованными лицами из органов были представлены фото- и киноматериалы с кадрами из сауны, где министр развлекался все с теми же красотками.

Недаром в русских сказках часто повторяется о том, как их герой проходит через огонь, воду и медные трубы. А вот в трубах-то многие и застревают, не проходят испытаний славой, властью, деньгами и женщинами. И распад даже самых, казалось бы благочестивых чащ всего начинался с женщин и не с любви, большого и светлого чувства, а с элементарной, искусно разжигаемой похоти.

Еще одно, не менее тяжкое испытание, которое готовят медные трубы — это испытание властью и честолюбивой ненасытностью. И об этом был поставленный Режиссером в те далекие застойные времена спектакль «Слово о полку Игореве». И этот спектакль, к несчастью, пришлось вспомнить спустя двадцать лет, в новые времена новых возможностей. Честолюбивые, не поделившие власть и почести русские князья, обрекли на гибель свои разрозненные дружины и на поругание — землю русскую. Как живые и скорбные памятники этому губительному княжескому честолюбию, стояли, в конце спектакля, поникшие русские женщины с раскосыми младенцами на руках, родившимися от чужеземных насильников. Трудно было придумать более впечатляющий символ предательства и попражня.

Честолюбие и похоть идут бок о бок в черном деле развращения душ. Из-за честолюбия и жажды власти предаются бывшие друзья и соратники, из-за похоти — любимые, то есть,

все и вся, что составляет фундамент души человеческой. А распад душ с неизбежностью ведет за собой гибель самых блистательных начинаний: разорение цветущих фирм и компаний, развал некогда могущественных государств.

Не так ли, бывшие защитники Белого Дома, выстоявшие в августе 1991 года, когда, казалось, вся государственная мощь Советского Союза — и армия, и КГБ, и Верховный Совет, и средства массовой информации были против, не успев пережить лавры победы, превратились в непримиримых врагов и уже через два года очутились по разные стороны баррикад того же Белого Дома. И ценой все новой и новой человеческой крови начали платить России за политические амбиции и неутоленное честолюбие новоявленных князьков.

Не мог знать Режиссер об этих грядущих спустя два десятилетия событиях, не могли и мы думать тогда, как провидчески его спектакли. И никакое, даже самое буйное, воображение не могло предвидеть тех фантастических перемен, которые произошли со всеми нами и нашим обществом за это время.

А тогда эти провидческие спектакли и их бурные обсуждения с Режиссером начали открывать во мне какое-то внутреннее зрение, и словно слабый фонарик засветил среди моих затянувшихся духовных потемок. Начало созреть робкое, неуверенное, долго не оформляющееся и не формирующееся решение — искать себя в новой профессии. И так постепенно и с муками из бывшего инженера и комсомольского работника начал рождаться психолог.

Начать сначала

Начинать всегда трудно. Но начинать новую профессию с поступления в аспирантуру, когда у тебя нет базового образования и нет профессионального общения, чтобы делать и оттачивать первые профессиональные шаги — это похоже на авантюризм. Однако, отнюдь не смущаемая этим обстоятельством, в пору роскошных белых ночей, я прибыла в Ленинград, чтобы подать документы в аспирантуру факультета психологии Ленинградского университета, познакомиться со своим будущим шефом и получить его добро на право держать вступительные экзамены.

Питерские белые ночи потрясли меня. Я бродила по площадям и набережным этого, как когда-то сказал поэт, «державного» города, и рефреном во мне звучали, пели, били в набат Пушкинские строки:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит.

Много позже потом мне довелось увидеть немало роскошных европейских городов и столиц, но не изменилось убеждение, что Петербург по красоте и величественности не уступает прославленным Вене, Парижу и Лондону.

Величие и красота города словно вбиралась в мою душу и укрепляли решимость преодолеть все мыслимые и немыслимые препятствия и выйти победителем в своих авантюристически дерзких планах.

Решающее слово оставалось за Шефом. Знакомство с Шефом было кратким и впечатляющим. Крупный, добродушно-сурового вида человек с ямочками на круглых розовых щеках возвышался над дубовым, огромных размеров старинным письменным столом и, казалось, заполнял собой всю довольно просторную комнату. Он бегло, по диагонали просмотрел мои документы и требуемый при поступлении реферат, никак не отреагировал на мой инженерный диплом и сказал корот-

ко: «Ну, что же, давайте попробуем, сдавайте документы и готовьтесь к экзаменам».

Это уже была победа и удача, поскольку больше всего я боялась, что буду выставлена сразу с порога, как только обнаружится мое не базовое образование. Окрыленная, засела я за книги и учебники. Дело оставалось за малым, за месяц пройти университетский курс социальной психологии. Государственная библиотека имени Салтыкова-Щедрина с ее чудесным дымящимся черным кофе на время стала моим родным домом. Я приходила к открытию и уходила последней. Мне было по-настоящему интересно, и я не чувствовала себя уставшей или переучившейся.

На экзаменационные вопросы я отвечала без запинки. Шеф был вполне удовлетворен, вывел мне жирную «Отлично» и даже поставил в пример другим экзаменующимся. Итак, я получила благословение на дальнейшую работу, теперь уже над диссертацией. И все эти нелегкие аспирантские годы, и много позже, когда судьба посылала новые испытания, как-то так получалось, что этот город с его холодновато-надменной державной красотой словно служил мне внутренней опорой и укреплял мой дух в самых тяжких испытаниях, посылаемых судьбой.

Чем больше я узнавала этот город, тем больше благоговела перед ним. Он был очень разный и очень контрастный. Отточенная и безупречная архитектурная красота фронтальной части зданий повсеместно соседствовала со зловещей убогостью каменных дворов-колодцев и черных, безнадежно запущенных лестниц. Я снимала комнату на Пяти Углах, недалеко от дома с мемориальной квартирой Достоевского. Казалось, тени его несчастных героев сопровождали меня, когда я вечерами возвращалась через пустой, зигзагообразный двор-колодец к двери бывшей дворницкой, располагающейся в торце старинного здания. Моя квартира и ее обитатели также были чисто в духе Достоевского и его персонажей. Входная дверь открывалась сразу в большую переднюю с провалившимся полом, которая одновременно служила кухней, столовой и местом сбора всего хозяйского семейства. Из передней шел узкий, с низким тяжелым сводчатым потолком коридор, с чередой дверей. За этими дверями располагались крохотные, совершенно облупленные комнатенки с затхлою, убогой мебелью, где проживали и члены семейства, и квартировавшие. Помимо хозяйки семейства, главой которого была маленькая, очень деятельная женщина-дюймовочка, здесь также проживали старая, никуда не выходившая бабка и двое, вороватого

вида сорванцов, в одной или двух комнатах временами селились на короткое время жильцы вроде меня.

Несмотря на совершеннейшую убогость своего пристанища, я любила его и его обитателей и даже успела проникнуться их повседневными заботами и горестями. Дюймовочка была постоянно озабочена добыванием денег. Для чего она выполняла сразу массу разнообразных функций: работала сторожихой в соседней школе, чистила снег с крыш, ходила мыть окна состоятельным жильцам, сдавала комнаты и еще, вела непрерывные военные действия со своим приходящим мужем-пропойцей. Бабка целый день воевала с сорванцами, а в выкраивающееся свободное время со вздохами, охами и обескураживающими подробностями, рассказывала о военных и послевоенных тяготах деревенской жизни. Жизнь обитателей дворницкой была бесконечно далека от парадного Ленинграда и от университетско-библиотечного мира, но тем не менее, очень совмещалась с темой моего диссертационного исследования.

После долгих раздумий и взвешиваний темой диссертации я выбрала детскую преступность. Обследование несовершеннолетних преступников я проводила в следственном изоляторе. Пропускали меня туда только по воскресеньям, когда был свободен отсек со специальными комнатами для допросов. Словоохотливый замполит следственного изолятора, в нарушение всех инструкций и с известной долей риска, запустив меня в этот отсек, выводил ко мне по пять пацанов, которые распределялись по одному в комнатках с привинченными табуретками и столом и запирал на ключ общее помещение. Охрана по воскресеньям тоже отдыхала и я оставалась одна с пятью подследственными, заполняющими мои анкеты и тесты.

День такой работы заканчивался для меня состоянием полной опустошенности. Было безумно жаль пацанов, выглядевших затравленными волчатами. Большинство из них впервые в жизни делали открытие, что со взрослым человеком, оказывается, тоже можно по-человечески общаться, без окриков и нравоучений, и что кому-то интересна их жизнь. Участиливого разговора было достаточно, чтобы теплели их лица и начинались откровения, от которых становилось не по себе.

Я вспоминала свой, когда-то поразивший меня, скромный опыт перевоспитания трудных подростков, за которыми закрепили меня по комсомольской линии на заводе, где началась моя трудовая биография. Тогда на завод прибыла большая ватага ПТУшников-детдомовцев, с которыми не было никакого слода. Они никак не могли войти в рабочий режим и

прогуливали работу в самый неподходящий момент, когда в цехе объявлялся аврал и каждая пара рабочих рук была на учете. Не помогали ни комсомольский прожектор, ни проработка на собрании, ни суровый разнос начальника цеха. По малолетству их нельзя было уволить, принять же на занятое рабочее место других тоже было невозможно, и цех горел синим пламенем вместе со своим производственным планом и премиальными. И тогда мне пришло в голову пообщаться с девчонками, наиболее злостными прогульщицами, в их домашней обстановке. Я заявила к ним в воскресенье, в их комнату в рабочем общежитии. За полупустым столом сидела большая курящая компания, которая нисколько не смутилась от моего появления. Один из гостей, криминального вида юноша, вытащил финку с автоматически выбрасывающимся лезвием, которым и был разрезан мой тортик, и мы начали мирное чаепитие. Разговор был крайне незатейливый, что называется, ни о чем. Я заинтересовалась, из каких средств они питаются и ведут свое хозяйство, поскольку заработки с учетом многочисленных прогулов были мизерными. Мне ответили, что много им и не надо, на чай и хлеб хватает, а к остальному они не приучены. Не было потребностей и в развлечениях: кино, театре, книгах, не беспокоила и проблема нарядов. Жизнь была скучна и необременительна никакими размышлениями о будущем.

После чаепития меня хором проводили домой и в конце, всем захотелось посмотреть, как я живу. Моя скромная однокомнатная хрущевка, тем не менее, произвела на моих гостей весьма сильное впечатление. Оказалось, что выросшие в детдоме, они никогда не видели обыкновенной жилой квартиры и впервые попали в семейный дом.

С этого вечера у нас завязалась теснейшая дружба, девчонки привязались ко мне так, как могут привязаться бездомные животные к вдруг обретенному хозяину. Удивительно, как немного потребовалось им, чтобы решительно изменить свой образ жизни. Закончились проблемы с прогулами, они бросили курить, прибарахлились, поступили в вечерние школы и довольно скоро обзавелись своими семьями. А еще, им захотелось разыскать когда-то отказавшихся от них мамаш. Поразительно, но у этих бедных детдомовских девочек не было и тени обиды на своих несостоявшихся мамаш, а только жалость и желание вытащить их из беспутной, пропащей жизни.

Как немного всем им было нужно, но и этого немногого не могли им дать люди. Жалость и бессилие приводили меня в отчаяние после общения с моими юными арестантами. Я ничем, ничем не могла помочь этим пацанам. Ведь наивно же

было думать, что моя диссертация действительно способна принести хоть какую-нибудь реальную пользу.

И когда мы с Шефом, после моей защиты, обсуждали за бутылочкой коньяка мои дальнейшие планы, я сказала, что буду менять свою проблематику, и что у меня больше не хватает здоровья заниматься этими трудными детьми, которые никому не нужны в нашем государстве. На что мой немногословный Шеф изрек свою очередную пророческую фразу: «Кто всерьез начинает заниматься этой проблемой, тот ее уже никогда не оставляет». Я ответила, что в ситуации, когда этими детьми никто, кроме милиции, не интересуется, наши научные изыскания не что иное, как спекуляция на злободневной проблеме. На что Шеф, будучи уже хорошо подшофе, выдал не характерную для себя пространственную тираду на тему, что так не может долго продолжаться и что, в противном случае, доживем опять до Октябрьской революции. Неправдоподобными, ох, как неправдоподобными, казались мне тогда, в 1978 году, его нетрезвые речи. И хотя я знала редкую прозорливость Шефа, тогда эти прогнозы я отнесла на издержки хмельного застолья.

Но Шеф оказался прав, как всегда и когда говорил, что я не смогу оставить свою проблему, и когда предрекал грядущие перемены в нашем отечестве.

Но, как говаривал Воланд в знаменитом романе Булгакова: «Ваш роман Вам принесет еще сюрпризы», — так и грядущие перемены, которые предрекал Шеф, также принесли много неожиданностей. Не меньше сюрпризов преподнес мне и мой научный интерес. Начиная после защиты кандидатской диссертации преподавать психологию в Тюменском университете, я не на шутку решила сменить свою проблематику, практическая невостребованность которой меня угнетала. Хотелось сосредоточенной академической жизни, уединенных занятий за письменным столом и лекторской деятельности в студенческой аудитории. Чего-чего, а лекторской нагрузки оказалось более, чем с избытком. С полной выкладкой была учебная аудиторная нагрузка, которая включала все читаемые в то время психологические дисциплины, к этому добавлялись бесчисленные лекции по линии общества «Знание», которое тогда весьма исправно функционировало, кроме того, для преподавателей Университета были обязательными лекции в Институте усовершенствования учителей.

Казалось бы, дай Бог справиться со всем этим. Но как уже было замечено не нами — «Человек предполагает, а Бог располагает». Так и тогда, не получилось у меня размеренной академической жизни. А началось все с того, что мне пору-

чили руководство макаренковским студенческим педагогическим обществом, что меня, на первых порах, крайне обескуражило. Ни с Макаренко, ни с педагогикой я была не знакома. А пытливые студенты халтуры не прощали. Они и сами, придя в макаренковское общество, не намерены были халтурить. Всем хотелось попробовать себя на реальном педагогическом поприще, и инспекция по делам несовершеннолетних такую возможность, конечно же, предоставила. Прослушав коротенький психолого-педагогический курс, мои студенточки брали себе в подшефные трудных подростков и становились, по сути дела, теми самыми социальными работниками, о которых у нас заговорили лишь десять лет спустя. Они добросовестно навещали своих подшефных, утрясали их непростые отношения в школе, дома и во дворе.

Не все и не у всех шло гладко. Но, не обремененные жизненным опытом, мои юные воспитатели не склонны были отчаиваться. Наши связи с внешним миром все больше расширялись. Мы дружили с подростковыми клубами, начали сотрудничать с кафедрой психиатрии медицинского института. И психиатры не только стали делать доклады у нас, но и, в случае необходимости, обследовать и консультировать наших трудных. Мы даже смогли съездить в Куряж, бывшую колонию имени Дзержинского, где когда-то, в конце двадцатых годов, работал сам Антон Семенович Макаренко. И Макаренко стал для нас не просто хрестоматийным автором, а человеком живым, страстным, страдающим и ищущим, как и мы, способы помощи этим попавшим в беду пацанам.

Но самой захватывающей страницей нашей жизни стала дружба с подростковыми клубами и особенно с клубом «Дзержинец», который как вольная и независимая республика «ШКИД», размещался в центре города, в бывшей водонапорной башне и неудержимо влек к себе пацанов со всего города.

Увы, эта вольнолюбивая башня влекла к себе не только подростков, не меньше свой недобрый интерес к ней проявляли и взрослые из различных проверяющих инстанций, начиная от прокуратуры, милиции, пожарников, горono, совета ветеранов и т.д. Цену, с которой тогда педагогические новации пробивались в жизнь, мне пришлось узнать не только по газетным публикациям, но и по многострадальной судьбе нашего любимого клуба и его руководителя, Нечаева Геннадия Александровича, Генсаньча, нашего местного Макаренко, как с легкой руки журналистов его прозвали.

Педагогические баррикады

Середина 80-х годов запомнилась газетными и журнальными баталиями по поводу педагогических новаций, которые получили тогда имя «педагогики сотрудничества». Это движение начало формироваться вокруг «Учительской газеты», когда ее главный редактор Владимир Федорович Матвеев и журналист Симон Соловейчик стали писать о педагогах-новаторах, сотрясая своими публикациями устои традиционной советской школы и академической педагогической науки. Тогда стало известно о донецком математике Викторе Федоровиче Шаталове, о директоре белгородской сельской школе Михаиле Петровиче Щетинине, о тбилисском докторе психологических наук Шалве Александровиче Амонашвили, о семье Никитиных и о многих других подвижниках этого зарождающегося движения, которому суждено было взорвать застывший казенный монолит нашей школы, где главным мерилом педагогического успеха стал «порядок». «Новый порядок», это, как известно, было любимое слово и цель кровавых завоеваний Гитлера. Может быть, это неслучайное совпадение как нельзя лучше отражало суть тоталитаризма, независимо от того, на какой основе он замешан — коммунизме или фашизме.

Советский тоталитаризм, как это ни парадоксально, что, кстати сказать, было мало кем замечено, начал взрываться из школы. Собственно, суть педагогики сотрудничества, как и суть последовавших спустя пять лет после возникновения этого движения общественных перемен, сводился к простому — относиться к человеку, даже маленькому, не как к бездушному винтику, а как к партнеру, который имеет право на свои пристрастия, на свое мнение, и помнить, что успех его школьной деятельности зависит от того, насколько этому человеку интересно или неинтересно в школе, на уроке, с учителем. Это, казалось бы простое и понятное условие в корне заставляло менять и педагогическую науку и педагогическую практику, больше ориентированных на принуждение.

В октябре 1986 года учителя-новаторы вместе с Матвеевым и Соловейчиком собрались в подмосковном Болшеве, в доме семьи Никитиных, и разработали свой коллективный

манифест с основными принципами педагогики сотрудничества, делавшими не нужной практически всю академическую педагогическую науку, над которой работали 16 научно-исследовательских институтов Академии педагогических наук.

Бешенная оголтелость, с которой была принята педагогика сотрудничества и ее последователи столпами академической науки, не останавливалась ни перед чем. В ход шли в основном проверенные средства: интриги, клевета, шельмование, навешивание ярлыков. И это было все труднее делать, поскольку в поддержку новаторов стало формироваться широкое общественное мнение, и не только «Учительской газетой». Во всех наиболее передовых и массовых периодических изданиях того времени, газетах «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», журналах «Огонек», «Новый мир» и других, появилось свое бойкое перо, которое писало на тему школы, детства, учительства. И читать это было по-настоящему всем интересно. В обществе переживался интересный феномен. Педагогические темы на какое-то время стали центром общественного внимания.

Борьба, между тем, была, что называется, не на жизнь, а на смерть. И к сожалению, не обошлось без жертв в прямом смысле слова. Не выдержав многолетней травли, сгорел в конце восьмидесятых главный редактор «Учительской газеты» Владимир Федорович Матвеев. После его смерти стали затухать газетные баталии по поводу педагогики сотрудничества. Но уже был расшатан и основательно подгнил главный бастион противника — тоталитарная идеология и ментальность, которыми жило и с которыми сжилось общество за 70 лет.

Тогда в пылу школьной полемики не осознавалось, что за прорывом в педагогике последуют решительные перемены всей социально- политической и экономической жизни нашего общества, нашего государства и каждого из нас.

И наверно, не случайно, что первыми обостренно почувствовали невозможность застойной омертвляющей жизни в школе те, кто соприкасается с живыми, растущими и развивающимися детскими душами. И там, опережая политиков всех рангов, начали с боем прорываться ростки новых очеловеченных отношений.

В нашем далеком от столицы сибирском городе бастионном этих педагогических сражений стал наш любимый подростковый клуб «Дзержинец». Тучи постепенно собирались над крышей бывшей водонапорной башни, где размещался «Дзержинец», и над его начальником, неунывающим крепышом Генсанычем.

Ребячья жизнь бурлила в «Дзержинце». Здесь подростков не делили на трудных и благополучных, хотя трудные-то и составляли в клубе большинство. Они стекались в башню со всего города, побуждаемые вначале простым и понятным для мальчишек желанием «подкачаться». Непростая и опасная уличная жизнь требовала от пацанов физической силы и ловкости для отстаивания себя и своего мальчишеского достоинства в кровавых драках. Наслышанные, что в «Дзержинце» можно быстро освоить приемы самбо и каратэ, ребята спешили записаться в клуб. Генсаныч принимал всех, понимая, что выслушивал полуправду, полуложь новичков и ставил условие: «Доступ к желаемому карате и самбо возможен только через участие во всех коллективных делах клуба».

Но чем больше завоевывал клуб популярность у мальчишек города, тем больше у него становилось недоброжелателей, особенно среди блюстителей порядка, в милиции и прокуратуре. Вряд ли эти блюстители, которые ополчились на «Дзержинец» и Генсаныча, могли объяснить себе мотивы своей яростной ненависти. Эта категория людей вообще не склонна к рефлексии и каким бы то не было глубоким размышлениям. Как известно, чтобы запрещать и не пущать, много ума не требуется, и мало того, ум при этом еще и мешает.

Поводом, давшим выход кипевшим вокруг «Дзержинца» страстям, стала история с Наташкой, 13-летней строптивой девчонкой, в очередной раз сбежавшей от воспитывающей ее, как правило, ремнем, бабки. Только в этот раз она сбежала не на вокзал или в подвал, а в клуб, в который незадолго перед этим прибилась и успела полюбить больше, чем свой дом.

На беду, Наташкина бабка оказалась из разряда таких же яростных блюстителей порядка, нашедших свое призвание на старости лет в сутяжничестве и писании жалоб. Обнаружив пропавшую Наташку в клубе, она тут же разразилась письмами и жалобами во все мыслимые и немыслимые инстанции, в которых дала волю своим буйным фантазиям, согласно которым, клуб был ничем иным, как притоном, развращающим малолетних.

Такого сигнала только и ждали, и сразу же, вереница въедливых и ничему не желающих верить проверяющих двинулась в «Дзержинец». Инспектора из народного образования требовали планы воспитательной работы, сотрудники инспекций по делам несовершеннолетних — списки стоящих на учете в милиции подростков и планы индивидуальной работы с ними, пожарники — правил соблюдения пожарной безопас-

ности, санэпидстанция — медицинских освидетельствований детей и сотрудников.

Но больше всего старался представитель совета ветеранов, который был представлен в лице еще вполне крепкого, полоумного дедка, вышедшего на заслуженный отдых из органов. На встречах с молодежью, где он делился воспоминаниями о своем богатом жизненном опыте, больше всего этот ветеран любил рассказывать, как во время войны, служа в СМЕР-ШЕ, расстреливал разных отщепенцев и не закапывал. Эту фразу он почему-то произносил подчеркнуто горделиво, как главный свой воинский подвиг. Конечно же, по строгой оценке всех проверяющих ни Генсаныч, ни «Дзержинец» не выдерживали никакой критики и клуб надлежало немедленно закрыть. Напрасно Генсаныч просил представителей всех инстанций встретиться с ребятами, и ребята сами прорывались к проверяющим. Напрасно им подсовывали пухлые альбомы, где питомцы клуба, бывшие хулиганы, были сфотографированы в военных формах с приложенными благодарностями от воинских частей, где они успешно служили. Напрасно наперебой рассказывали о бывших питомцах клуба, по которым когда-то плакала тюрьма, как благодаря клубу состоялась их судьба, как стали они учителями, офицерами, передовиками производства, учились в институтах, служили в армии.

Но ни слушать ребят, ни знакомиться с живой историей клуба и судьбами его питомцев проверяющие и не думали. Задача была простой и предельно ясной — прикрыть клуб и примерно, по всем возможным линиям, наказать Генсаныча. Это бы, конечно, и произошло, если бы Генсаныч, несмотря на свое богатырское здоровье, не свалился с тяжелейшим заболеванием нервной системы — парезом правой стороны.

В разгар этих событий я возвратилась из Москвы, где наконец-то после долгих проволочек и изобретательных интрижек коллег по кафедре получила приказ Министерства о переводе в докторантуру и предвкушала наконец-то с головой погрузиться в свои научные труды. Не успела я разложить свой багаж, как затрещал телефон с печальными известиями, а следом прибежали дзержинцы с моими студентами-макаренковцами, работающими в клубе, и подробно, в картинках, изложили всю историю разгрома «Дзержинца».

Наутро я была в больнице у Генсаныча. Его вид меня ошеломил. Вместо невысокого крепыша, каким я его знала много лет, навстречу мне вышел щуплый подросток с перекошенным от пареза нерва лицом. Он держался мужественно и пытался

шутить, но было явно не до шуток. Надо было что-то делать, спасти Генсаныха, спасти клуб и всех, кто с ним связан.

На два месяца я потеряла сон и аппетит. Квартира превратилась в штаб, где писались письма в инстанции, статьи в местные и центральные газеты, приходили журналисты и все, кто болел за клуб. Таких оказалось немало. Приехала журналистка из «Учительской газеты» Лена Хилтунен. Ее визит в отдел народного образования и затем, публикация в газете, заставили присмиреть проверяющих, разоблачающих «непедагогичность» Генсаныха.

Собкор «Советской России» Игорь Огнев, с нашей общей статьей, прошелся по высоким этажам партийных органов. Я сама с коллективным письмом от научной общественности обошла почти двадцать кабинетов городских и областных властей. Подключилась местная пресса.

Наша бурная деятельность закончилась тем, что как-то утром у меня дома раздался звонок секретаря горкома партии по идеологии, которая раздраженным тоном приказала прекратить шумиху вокруг «Дзержинца», поскольку это мешает властям работать. На что я резко по тем временам ответила, что мы оба, она как партийный работник, а я как ученый, даром едим свой хлеб, если такие, как Генсаных, оказываются в больнице.

Общими усилиями пожар вокруг «Дзержинца» удалось загасить, подлеченного Генсаныха отправили восстанавливаться на курорт, жизнь в клубе начала понемногу восстанавливаться.

Но история на этом не закончилась. Теперь мстительные блюстители порядка принялись за меня, а вернее, за мою закрытую год назад хоздоговорную научную тему, которую я вместе со своими студентами — макаренковцами выполняла по заказу областного управления внутренних дел. Нам тогда, с девчонками-второкурсницами, третьекурсницами удалось обследовать около тысячи стоящих на учете подростков, добрая половина из которых находилась в тяжелейших условиях и требовала немедленной помощи, которую милиция, конечно же, не имела возможности оказывать. Мои сердобольные девчонки, как могли, поддерживали пацанов, подкармливали со своей степешки, помогали с уроками и безнадежной школьной запущенностью, увещевали пьянствующих, потерявших человеческий облик родителей, словом были, по сути дела, настоящими социальными работниками, о которых мы в то время не слышали. За свою работу они получали по нашей хозтеме 0,1 ставку младшего научного сотрудника, то есть 10 рублей, что составляло треть от их степешки.

Тщательнейшая проверка никак не могла установить ни нарушений, ни хищений в нашем, более чем скромном бюджете. И тогда подключили, как к особо опасному делу, городскую прокуратуру. Для проверки была направлена старейшая, опытнейшая работница прокуратуры. Прокурорша, действительно, оказалась не на шутку добросовестной и обошла всех моих девчонок, чтобы убедиться, что это их подписи стоят в ведомостях с их копеечной зарплатой. В нашем провинциальном городишке и таком же провинциальном, любящем посадить университете, эти прокурорские проверки вызвали немалый переполох и еще большие пересуды.

Наконец-то проверка закончилась, и я получила повестку для явки в прокуратуру. Можно себе представить, в каком состоянии я шла в это грозное заведение. Но мне повезло, и крупно. Когда я с дрожащими коленками вошла в кабинет, мне навстречу встала пожилая женщина с уставшим лицом, неожиданно для меня протянула мне руку и сказала: «Я пригласила вас, чтобы извиниться». Добросовестность прокурорши не прошла даром. Она увидела всех моих девчонок, которые в свои восемнадцать-девятнадцать лет как могли спасали пропащих пацанов, получая при этом символическое вознаграждение. И сердце пожилой женщины дрогнуло, тем более что о каких-либо финансовых нарушениях и хищениях при нашем копеечном финансировании было смешно и нелепо говорить.

Мне действительно повезло, поскольку затем, с годами выяснилось, что в аналогичных делах еще не факт, что отсутствие хищений либо нарушений освобождает от заключения и тюремных нар.

Шло лето девяносто первого года, канун злополучного путча, разгар демократической эйфории опьяневшего от свобод российского общества. Мы приступили к работе над ВНИКовской программой, сформированной российским правительством Ивана Силаева.

Наконец-то мы получили возможность вместе с Правительством разрабатывать и внедрять сеть социальных и психологических учреждений, способных помогать трудным детям и их родителям. Наша команда состояла из людей, ни один год болеющих этой проблемой. Ученые объединились с практиками, руководителями опытно-экспериментальных площадок, первых реабилитационных центров, социальных приютов и психологических консультаций, работающих в режиме эксперимента, без всякой нормативно-правовой базы.

И вдруг, как гром среди ясного неба, — арест по очевидно сфабрикованному обвинению директора в то время первого в России московского социально-реабилитационного центра, Быковского Александра Александровича. Ему грозило ни много ни мало 10 лет. Коллективные письма, обращение к депутатам, бегание по инстанциям позволили добиться пересмотра дела лишь на четвертом судебном заседании, когда наконец заслушали свидетелей со стороны защиты и скостили срок до 5 лет. К тому времени он пробыл в следственном изоляторе 3 года. И это было не меньшее потрясение, когда я увидела некогда импозантного мужчину, интеллигентного человека исхудавшим и затравленным в железной клетке зала судебного заседания. Еще ушло два года, пока Верховный суд пересмотрел дело и вынес оправдательное решение, отменив все предъявленные обвинения. Это оправдательное решение стоило Александру Александровичу пяти лет тюремного заключения.

Спустя пять лет после злополучной истории с Быковским, проверяющие добрались и до директора одного из первых в России Санкт-Петербургского социального приюта, Камаевой Галины Игнатьевны. Социальные приюты начали создаваться в России в начале 90-х. Сколько детского горя вобрали в себя эти печальные заведения. Завшивленные, замызганные, потерявшиеся, брошенные родителями дети-беспризорники, попадали сюда с улиц, вокзалов, чердаков, сбежав от побоев и истязаний.

До конца дней не забыть мне, потемневшие от потрясения, остановившиеся глаза 4-летнего Алеши, при мне привезенного в приют Камаевой вместе с братиком и сестренкой, на глазах которых отец убил мать. Сколько нужно душевного тепла, милосердия и сердечности, чтобы отогреть эту детскую душу и души других несчастных детей, поступающих в приют.

У Галины Игнатьевны сердечность и сочувствие детскому горю сочеталась с энергией и пробойными способностями, умением убеждать начальство, упрашивать спонсоров. В начале 90-х она выбила под социальный приют девятиэтажное находящееся в непригодном для эксплуатации состоянии здание бывшего рабочего общежития. Не прошло и года, как это заброшенное здание превратилось в настоящее детское царство с уютными спальнями на 2-3 человека, игротеками, комнатами медицинской и психологической реабилитации, своим театром, кабинетом домоводства, гостиницами для приема

гостей, и прежде всего непутевых родителей этих социальных сирот, если таковые отыскивались.

Но за добыванием средств, материалов, оборудования, перебранкой со строителями и хождениям по начальственным кабинетам, не забывала Галина Игнатъевна о главной проблеме и заветной мечте своих питомцев: иметь свой дом и свою семью. И она придумала устраивать детей в приемные семьи, где приемные родители вначале выступают в роли воспитателей, а в случае, если дети приживутся и сроднятся, то и усыновляют их. Вместе с детьми она передавала и средства, отпускаемые на содержание ребенка в приюте, а приемных родителей оформляла на четверть ставки воспитателя, что делало их членами педагогического коллектива и позволяло психологам и педагогам оказывать помощь семье и держать ситуацию под контролем.

Это потом министерство одобрило и узаконило такую форму устройства детей и рекомендовало ее к широкому внедрению. А тогда Галина Игнатъевна действовала на свой страх и риск, не имея никаких нормативных документов и руководствуясь лишь здравым смыслом и интересами детей.

Первая же прокурорская проверка усмотрела в этом тяжелейший криминал и дала делу самую широкую огласку, потребовав уволить директора. И Камаеву, недолго думая, уволили. В мэрию Санкт-Петербурга пошел поток писем от научной общественности, от Ассоциации работников социальных служб и просто от граждан. Коллектив приюта, среди которого были и бывшие дети блокадного Ленинграда, объявил голодовку. Но потребовалось пять лет судебных разбирательств, чтоб справедливость восторжествовала и Камаеву восстановили на работе.

Активность в интересах детей не протухла не только директорам приютов и реабилитационных Центров, очередь доходила и до более высоких инстанций. Не поздоровилось и заместителю министра соцзащиты Панову Андрею Михайловичу. Это он стоял у истоков социальной работы в России, формировал новую социальную инфраструктуру, разрабатывал Положения о, разного рода социальных и психологических центрах, выходил в Думу с законодательными проектами, открывал подготовку социальных работников в высшей школе, привлекал к работе ведущих ученых, приглашал зарубежных экспертов.

С его легкой руки был учрежден наш ВНИК (временный научно-исследовательский коллектив), «Государственная сис-

тема социальной помощи семье и детству», которому правительство России поручило обосновать систему мер социальной помощи и разнообразных социальных учреждений, позволяющих перейти от карательной превенции к охранно-защитной, оснастить ее профессиональными кадрами — социальными работниками, практическими психологами, разработать учебные планы и программы для вновь открывающихся факультетов социальной работы.

Наш ВНИКовский коллектив собрал более 150 ученых из разных городов, вузов, НИИ, здесь были и педагоги, и психологи, и медики, и юристы, и экономисты, все, у кого были практические наработки, чтобы в кратчайшие сроки реализовать поставленную задачу. Работа кипела днем и ночью. За жаркими спорами, напряженными дискуссиями и обсуждениями допоздна просиживали мы в рабочем кабинете Андрея Михайловича. Приезжающие зарубежные консультанты дивились и объемам нашей работы и срокам ее продвижения.

Уже были практически готовы учебные планы и программы, и вузы готовились открывать факультеты социальной работы, но разрешения на открытие новой специальности все не было. Не хватало подписи важного начальника из Госкомвуза, который никак не мог уразуметь, кто такие социальные работники и зачем они нужны.

Для объяснения с важным начальником, Андрей Михайлович вызвал из Канады профессора Ральфа Гарбера, президента международной Ассоциации высших школ социальной работы. И когда мы втроем пришли на прием к упрямому начальнику, удивляться пришла очередь Ральфу Гарберу, который никак не мог поверить, что такой высокий чин, отвечающий за вузовскую подготовку в стране, не слышал о социальных работниках. Перед международным авторитетом начальник сдался, и недостающая подпись была получена.

Шли реорганизации министерств, менялось начальство, сворачивалось производство, приватизация плавно, у всех на глазах, перетекала в прихватизацию, государство становилось хроническим должником по зарплатам, пенсиям, пособиям, а Андрей Михайлович упрямо тянул свою лямку, терпеливо объясняя все новым и новым начальникам суть государственной социальной защиты семьи и детства.

И как это не удивительно, несмотря ни на что и вопреки всему, повсеместно росла и формировалась сеть новых социальных учреждений, открывались социальные приюты, реабилитационные центры, факультеты социальной работы и

психологические факультеты, а главное, медленно и верно менялся полицейский менталитет. И на фоне общего социально-экономического коллапса наметилась тенденция снижения детской преступности, чего не могли добиться в стабильные благополучные годы советской власти.

Столь бурная деятельность скромного заместителя министра была, наконец, замечена и удостоена тщательной проверки Счетной палаты, которая не досчиталась аж целых пяти тысяч рублей, полученных Андреем Михайловичем на законных основаниях за договорную научную работу, что кстати, было значительно меньше его месячного оклада. Этого, с позволения сказать, криминала, было достаточно, чтобы снять Панова с работы и оповестить об этом через прессу.

Давно, давно было сказано Федором Ивановичем Тютчевым «Умом Россию не понять». И уж совсем не понять, что двигает этим сонмом проверяющих, когда так яростно, с такой маниакальной настойчивостью, будто это главное дело их жизни, борются они с теми, кто встал на защиту детей. Нет, не просто формально выполняют эти проверяющие свой служебный долг, а делают все, что в их силах, чтобы извести, уничтожить, помешать, запретить, опорочить. И это — в вырождающейся стране, где только за пятнадцатилетие реформ население сократилось на 15 миллионов.

Нет этому рационального объяснения и сдается, будто инвальтированы они некой злой волей свыше.

Дорога к Богу

Так уж получилось, что и начало, и окончание моей работы над докторской диссертацией, совпали с жесточайшими войнами, в которые я была втянута помимо своей воли.

Начало работы над докторской совпало с войной, которую мы вынуждены были вести в защиту Нечаева Геннадия Александровича и «Дзержинца», а окончание работы выпало на разгар боев, которые велись вокруг Щетинина Михаила Петровича.

Тогда, в середине 80-х, имена педагогов-новаторов Щетинина, Шаталова, Амонашвили были у всех на слуху. Они взрывали костную, беспощадную к ребенку и учителю педагогику, названную авторитарной и своей новаторской практикой показывали, как сделать непростой процесс обучения увлекательным походом в страну знаний, а отношения учителя и ученика сделать доверительным содружеством старшего и младшего. Эта педагогика сотрудничества делала ненужной всю Академию педагогических наук, бывшей со времен отца народов научным столпом авторитарной школы. И конечно же, академики от педагогики дружно мобилизовались на защиту своих позиций. А лучшая защита, как известно, нападение.

И приемы при этом верные и испытанные — найти компромат, ошельмовать и опорочить. И легче всего было отыгаться на М.П.Щетинине, поскольку, будучи директором экспериментальной школы на Белгородчине, он числился научным сотрудником самого агрессивного института Академии педнаук, который возглавляла тройка известных и самых яростных академиков, прославившихся еще травлей Василия Александровича Сухомлинского. Тогда, в начале семидесятых, они обвинили Сухомлинского во всех смертных грехах, самым тяжким из которых было приклеивание его пронизанной гуманизмом и любовью к ребенку педагогической системе ярлыка буржуазного индивидуализма, несовместимого с советским коллективизмом. Отбиваясь от яростных нападок академиков, Василий Александрович написал удивительную по мудрости и человечности книгу «Мудрая власть коллектива», которая вышла после его смерти, и где он объяснил своим

критикам: «Я хочу, чтобы ребенок чувствовал себя в коллективе не прутиком в венике, а цветком в букете». Но, не услышанными были его слова и незамеченной была его позиция. Его затравили и раньше времени свели в могилу.

Теперь дошла очередь и до Щетинина. Как водится, в его школу была направлена команда пристрастных проверяющих, которые, конечно, постарались на славу, и началось. Тогда было принято такие судилища устраивать публично, на общих собраниях коллектива, куда сбегались и стар, и мал. В желающих выступить отбоя не было. Выступающие в выражениях не стеснялись, попытки Щетинина объясниться раздраженно прерывались выкриками с места. И он, в конце концов, обреченно замолчал.

Я к тому времени, будучи членом этого злополучного коллектива, сидела в дальнем углу и потрясенно наблюдала за публичным избиванием несчастного Михаила Петровича. Собрание под председательством маститых академиков клочкотало без малого четыре часа. Наконец народ устал и начал выдыхаться, собрание уже решено было закрыть, и тогда я попросила слово. Мне дали всего три минуты. И я смогла только сказать, что такое поведение не украшает нас как ученых и научные дискуссии в таком тоне не ведутся. Но этого было достаточно, чтобы мстительные академики взяли меня под свой прицел и открыли боевые действия против меня.

Самое неприятное состояло в том, что все эти баталии развернулись накануне защиты моей докторской диссертации, когда я уже вышла на финишную прямую и должна была делать доработку замечаний после последнего обсуждения.

Шло лето 1988 года. Мы с приятельницей сняли чудесную дачу, уютный двухэтажный деревянный домик, в живописном дачном месте села Троицкое, под Истрой. Мой институтский режим работы с двумя присутственными днями в неделю позволял мне быть на даче с пятницы по понедельник включительно. И таким образом, я имела четыре свободных дня для работы над докторской.

Но, увы, мне было не до работы и не до докторской. Натервшие в интригах академики устраивали мне за эти два присутственных дня, когда я должна была находиться в институте, такую красивую жизнь, что я в пятницу приезжала в свое Троицкое буквально невменяемая, не способная не только работать, но и спать, есть и разговаривать. Очень возможно, что проведи я в таком состоянии еще месячишко, дело кончилось бы нервным срывом с самыми неприятными последствиями для здоровья. И тогда, умудренная жизненным опытом при-

ятельница, видя мое состояние, повела меня прогуляться до ближайшего храма, старинной церкви, стоящей на пригорке в окружении вековых деревьев.

К моему теперешнему стыду, это было мое первое посещение храма. Воспитанные искренними атеистами в пионерских и комсомольских отрядах, мы смотрели на религию, как на опиум для народа.

Рассматривая старинные иконы, я обошла храм и остановилась около иконы Божьей Матери Троиручницы. Миловидное, с затаенной грустью лицо молодой женщины приковало мое внимание, я остановилась и начала ее внимательно рассматривать. И от этого созерцания мне становилось все спокойней и легче на душе, я словно исцелялась и выдыхала из себя все ядовитые отравления, проникшие в меня от моего враждебного окружения. И так я простояла, испытывая все более овладевающее мною давно забытое душевное спокойствие, минут 30-40. Но самое удивительное, я заметила, что лицо молодой женщины, изображенной на иконе, буквально на глазах постарело, обозначились впадины губных складок, залегли тени под глазами, будто она приняла на себя всю мою душевную смуту и черноту. Я подумала, уж не чудится ли это мне, но подошедшая приятельница подтвердила произошедшие с иконой перемены.

И хотя академики не унимались, были они теперь уже не так страшны. Всякий раз, как я приезжала в Троицкое, я шла к своей спасительной иконе, восстанавливала свое душевное равновесие и принималась за работу. Баталии продолжались еще какое-то время и потребовали от меня немало усилий и нервных затрат, но в конечном счете все разрешилось благополучно, вражеские силы иссякли и диссертация была успешно защищена.

Встреча с этой чудодейственной иконой в такое критическое для меня время не прошла бесследно, я приняла решение креститься, и так начался мой путь к Богу.

Когда человек делает шаг к Богу, Бог тоже идет навстречу человеку. И моя судьба сложилась так, что мне удалось побывать в наших главных христианских святыхнях. И прежде всего, в Сергиевом Посаде, монастыре, основанном Сергием Радонежским, духовная сила и святость которого положила начало единению разрозненных и враждующих русских княжеств и одержать историческую победу русского воинства, предводимого Дмитрием Донским на знаменитом Куликовом поле. С этого исторического сражения в 1380 году, на которое благословил русских воинов Сергий Радонежский, началось ос-

вобождение древней Руси от 250-летнего татаро-монгольского нашествия.

Удивительна судьба этого святого и удивителен духовный подвиг, совершенный им. 25-летним юношей удалился он для уединенной жизни и молитв в лес, и 10 лет длилось его добровольное отшельничество, когда креп и просветлялся он духом, и потянулись к нему люди. Вначале присоединилось 12 братьев монахов, основавших вместе с Сергием Радонежским монастырь на Маковце, а затем, за советом и благословением, стали приезжать со всех русских земель и князья, и простые смертные. И сам Сергей с сумой и посохом обошел немало городов и весей, освятив почти сорок монастырей, которые, как грибы, начали подниматься по всей земле русской, единить и укреплять народный дух.

Тяжелое, гибельное это было время для русских людей. Помимо татаро-монгольского ига раздирали земли русские тяжелейшие междоусобицы с кровопролитием, взаимным разорением сел и городов, княжеским коварством и предательством. Пожары и чума опустошали города русские, Москву и Тверь, Суздаль и Владимир. От этих бесконечных бед и напастей дичал народ и грубели нравы, и, казалось, неоткуда было ждать спасения.

Не имея ни рычагов власти, ни прессы в теперешнем понимании, позволяющей доносить высказанные мысли в разные уголки страны, ни просто почты, только с Божьей помощью и силой духа, влиял Сергей из своего монастырского уединения на умы, сердца и волю своих соотечественников. И прозревали русские люди, и забывали про старые распри и междоусобные войны, и собирали единое воинство, и крепили духом.

И не раз потом Сергиево-Посадская лавра становилась оплотом, в самые трагические и кризисные периоды российской истории. Юный царевич Петр спасался здесь от расправы взбунтовавшихся стрельцов, подстрекаемых царевной Софьей.

А еще раньше, в начале XVII века, когда поляки, предводительствуемые Лжедмитрием, хозяйничали в Кремле, отсюда, из Троице-Сергиевой лавры, уходило сражаться за Москву, за Россию народное ополчение, собранное в Нижнем Новгороде Мининым и Пожарским.

И сейчас в возрожденную Лавру приложиться к мощам Сергия Радонежского стекаются люди со всей России. И потому живет надежда, что будет преодолена очередная российская смута, которая пришла не с иноземным нашествием, а вкралась незаметно, исподволь, когда под лозунгами демократических свобод, по которым стосковался и в которые пове-

рил народ, к экономической и политической власти пришли олигархи, коррупционеры и просто криминальные элементы. И в который раз был обманут доверчивый и романтический российский народ.

Религий много, Бог один. И религия не только путь к Богу, она как бы помогает человеку осознать высшие ценности и делает более доступным для человеческого понимания это непостижимое, в конечном счете, понятие БОГ. Конечно же, для современного цивилизованного человека, само собой разумеющимся является веротерпимость, признание права другого человека на свободный выбор вероисповедания, уважение к религиозным чувствам человека.

И все-таки, и все-таки, я не могу не согласиться с Даниилом Андреевым, когда, в своей знаменитой книге «Роза мира» он писал о том, что католицизм инволютирован Дьяволом. А как иначе объяснить эти кровавые крестовые походы, совершаемые с именем Христа, эти изощренные пытки инквизиции, эти, полыхавшие по всей Европе без малого пять столетий костры, на которых публично сжигали ведьм. Разве все это имеет что либо общее с личностью Христа и его учением? «Возлюби ближнего как себя самого», — заповедовал Христос. Любовь и мир нес Он людям, за что и был распят фарисеями, которые ждали от миссии восшествия на царский трон во всеоружии силы и власти, покоряющей все новые и новые народы. Призывы к любви и милосердию были признаны книжниками как неслыханное смутьянство, заслуживающее самого страшного наказания — распятия на кресте.

Долгое время мне, уже окрестившемуся человеку, не верилось в то, что Христос существовал в реальности, казалось, это миф, красивый, благородный, заслуживающий всяческого уважения и очень нужный человечеству, но все-таки миф. И убедило, что это вовсе не миф, а абсолютная реальность, только посещение Израиля и святых мест, бережно сохраненных первыми христианами, начиная от Вифлеема, где родился Христос, Назарета, где рос в семье Марии и Иосифа, реки Иордан с ее зелеными водами, где Он принял крещение из рук Иоанна Крестителя, Галилеи и Галилийского озера, где совсем недолгий срок, три коротких, но навсегда вошедших в историю человечества, перевернувших ее, три коротких года проповедовал Он и творил свои чудеса. И наконец, Иерусалим, с камнем в Гефсиманском саду, на котором молился Он, зная, что не избежать мучительной и искупляющей человечество казни. И крестный путь к Голгофе, по узкой улочке восточного города, тесно уставленной лавчонками с пестрым восточ-

ным товаром. И Голгофа, и распятие, и воскресение, и купол Храма Гроба Господнего над местом его последних смертных страданий.

И больше всего поразило то, что в том же Храме Гроба Господня, под одним куполом — шесть пределов разных христианских церквей, когда католический предел находится рядом, без всяких перегородок, с православным. Словно хочет тем самым призвать Господь людей к миру и согласию, несмотря на все их национальные и религиозные различия. И в соседних кварталах, рядом с христианской святыней — Стена плача — иудейская святыня и мусульманская мечеть — место паломничества мусульман. Три святыни трех разных народов и религий, и все рядом. И опять, Господь словно говорит: один Бог, а религии разные, но не должно это мешать людям жить в мире и согласии.

Простая и понятная эта истина, но как непросто доходит до нее человечество.

Идеи любви и милосердия, за которые Христос заплатил распятием, не погибли, а проросли и воскресли вместе с первыми христианами, последователями Христа. Дорогой ценой платили эти первые смельчаки, принявшие заповеди христианства, их жестоко преследовали, подвергали пыткам, казнили, но не отрекались они под пытками и страхом жестокой насильственной смерти от веры христовой, и вера завоевывала все новые сердца все новых поколений.

Но коварен и силен Искуситель и, не победив христианство страхом пыток и казни, он, как всегда, начал действовать хитростью и расколом христианский мир; появилось католичество, с его иезуитскими пытками и кровавыми крестовыми походами, которое мечом и огнем насаждало веру Христову и искажало Божий промысел.

Грубели нравы, черствели человеческие сердца, и люди теряли человеческий облик, в средневековой Европе, покрытой мраком иезуитского мракобесия. В знаменитом Бельведерском дворце, в Вене, есть стена с миниатюрными портретами горожан XV—XVI веков. Посетители предпочитают не задерживаться перед этой стеной, уж очень удручающее впечатление производят изображенные на портретах физиономии, которые и лицами-то нельзя назвать, столь искажены и по-звериному грубы их черты.

И вот в этой огрубевшей и потерявшей человеческое лицо средневековой Европе наступает эпоха Возрождения — необъяснимое чудо, ниспосланное Господом. Как могли в одно и то же время, не раньше и не позже, появиться эти титаны —

Рафаэль и Микеланджело, Тициан и Леонардо да Винчи. Где брали они модели для своих прекрасных художественных полотен и скульптур, как вдохновлялись на столь бессмертные шедевры?

«Красота спасет мир», — говорил Ф.М. Достоевский. И Господь послал этих титанов, наделил их талантом и силой духа, чтобы своими прекрасными и бессмертными произведениями — Сикстинской Мадонной, Моной Лизой с ее непостижимо загадочной улыбкой, скульптурой совершенного и мощного Давида и всеми другими, созданными ими совершенными творениями, вернуть заблудшее человечество к истинному пониманию своего назначения, создавая которое по образу и подобию своему Господь наделил душой, чуткой к красоте, истине и справедливости.

За эпохой Возрождения последовала эпоха Просвещения, с ее французскими философами просветителями, неистовым Вольтером и, подкупающим детской непосредственностью, Жан Жаком Руссо, которые разбудили спящие умы своих современников и поселили в обществе неприятие жестокости и религиозного фанатизма.

И еще столетием позже Европа получила мощный стимул к духовному развитию в лице целой плеяды выдающихся композиторов и музыкантов — Бетховен, Моцарт, Бах, Паганини и позже — Шопен, Лист, Шуман, Штраус-отец и сын. Вена — музыкальная столица того времени, притягивала к себе как магнит и будоражила сердца и души чарующими звуками, рожденными ее музыкантами и композиторами.

Из средневекового мракобесия Европа выбиралась не столько благодаря католической церкви, сколько вопреки ей. Достаточно вспомнить, что отголоски крестовых походов можно увидеть и в 20-м веке, когда на пряжках ремней нацистских молодчиков значилось «С нами Бог».

Для Европы спасительным оказался путь к прогрессу, прежде всего, через достижения культуры и искусства. Но и этот путь, не одухотворенный божьим промыслом, может стать губительным и становится губительным, что в полной мере доказал XX век со своим разнузданным навязыванием через СМИ, телевиденье, шоу-бизнес морали насилия, вседозволенности, половой распущенности. И здесь Искуситель нашел возможность противостоять Богу и совращать души людей, и прежде всего молодых.

Кого Бог любит, того испытывает

У России тем временем был свой путь и свои отношения с Господом.

Православие не поощряло захватнических войн, да и не было в них необходимости. Прирастание российского государства шло мирным путем. Миротерпимые и веротерпимые русские люди неуклонно продвигались все дальше на Восток и в отличие от кровавых завоевателей Северной и Южной Америки, почти поголовно истребивших местное население, присоединяли новые сибирские и дальневосточные земли и народы добровольно и естественно, не нарушая их привычный уклад жизни.

А если и шли войны на Юге, за завоевание Крыма и южных земель, так это были войны, вынужденные набегами крымских татар, превративших юг России и Украины в Дикое Поле и угонявших жителей этих сел на невольничий рынок в Бахчисарай — столицу Крымского ханства.

«Не убий» — первая и главная заповедь христианства свято соблюдалась православием.

Традиционно православные священники благословляли воинов на поле брани, когда речь шла о защите отечества и освобождении от иноземных поработителей. И неоднократно за историю своего существования подвергалась Россия опустошительным нашествиям, когда неприятель занимал столицу и хозяйничал в Кремле. Но недолго длилось торжество поляков, воздвигших на российский трон Лжедмитрия, разорвавшего Москву и Россию. Еще меньше, всего 40 дней, торжествовал Наполеон, когда после памятного Бородина занял сожженную и опустошенную Москву. У народа и государства российского находились силы даже и в этих, казалось бы, безнадежных ситуациях, когда занята практически основная территория страны вместе со столицей, чтобы отразить нашествие и залечить раны, оставленные безжалостными оккупантами.

И как же объяснить, что в могучем российском государстве со столь славной историей, государстве, где расцвет культуры, науки, состояние экономики, промышленности, сельского хозяйства не только не уступало, но во многом и превосходило

развитые западные страны того времени, случился в октябре 1917 года правительственный переворот, ввергший страну на долгие десятилетия в пучину тяжелейших несчасть, оплаченных миллионами безвинных жертв. И разве можно объяснить это массовое увлечение революционной идеей в стране, переживающей в конце XVIII и в начале XIX века буквально промышленный и культурный ренессанс, только с позиции социально-экономического неравенства и классовых противоречий? После столыпинских реформ активная трудоспособная часть крестьянства, поддерживаемая государственными субсидиями, устремилась на восток, в Сибирь, где практически неограниченно могла осваивать свободные земли. Эксплуататоры и толстосумы, о которых писали наши учебники по истории КПСС — Ряпушинские, Морозовы, Третьяковы, Щукины и прочие, не вывозили капиталы за границу, а помимо того, что создавали рабочие места и расширяли производство, щедро меценатствовали, открывали всемирно известные галереи, где собирались полотна самых выдающихся отечественных живописцев, основывали всемирно известные театры и, среди них, МХАТ, основывали научно-исследовательские институты, в том числе и в такой отрасли, как психология и психоневрология — Психологический институт в Москве (1914 г.) и Психоневрологический в Петербурге (1908 год), и конечно же, повсеместно возводили храмы. Не было такого, даже самого захолустного городишка и отдаленного села, где бы ни был выстроен исключительно на пожертвования свой храм.

А имена, какие русские имена того времени записаны золотыми буквами в историю мировой цивилизации во всех сферах науки, культуры, искусства! В литературе — Достоевский, Толстой, Чехов. В музыке — Чайковский и целая плеяда композиторов «могучей кучки». В живописи — Репин, Шишкин, Суриков и художники-передвижники. В театре — Станиславский, Мейерхольд, Комиссаржевская, Ермолова, Качалов. В балете — Павлова и Нежинский. В науке — Менделеев, Сеченов, Бехтерев, Павлов. И здесь названа только небольшая часть самых выдающихся российских деятелей культуры и науки того предреволюционного времени. Так неужели же страна, имеющая столь мощный культурно-интеллектуальный потенциал и столь славную героическую историю, не смогла бы найти мирные эволюционные пути более совершенного общественного развития, к которому всегда будет стремиться человечество, традиционно испытывающее недовольство существующим порядком вещей?

Думается, что, чтобы ответить на этот вопрос, надо начинать не с привычного социально-экономического и политического анализа, а с особенностей русского национального характера и духа русской нации, позволивших себе так преданно поверить коммунистической идее и так самоотверженно ей служить. Ведь нельзя забыть и вычеркнуть из памяти то, что сотни тысяч, если не больше, наших соотечественников, по сути дела, повторили подвиг Христа, добровольно приняв мученическую смерть за коммунистическую идею.

Что это была за идея, почему так крупномасштабно удалось ей завоевать души российского народа и почему она не только не состоялась, но и была оплачена столь кровавой ценой?

Известно, что наши недостатки — продолжение наших достоинств. Привитые православием заповеди «Возлюби ближнего как себя самого», «Положи живота за други своя» обострили у русского человека чувство сострадания и желания счастья для всех. Русский не может, не замечая страдающего рядом, углубиться в молитву о спасении и очищении своей души, успокаивая себя тем, что спасая себя, ты спасаешь других. Милосердие у русских должно носить действенный характер, и потому коммунистические лозунги о социальной справедливости нашли такой массовый и горячий отклик в России. Но идея социальной справедливости, понимаемая как братство и равенство, легко может перейти и легко перешла в большевистское «отнять и поделить», что и начали повсеместно с революционным азартом и горячностью делать. И таким образом парадокс русской истории, выразившийся в октябрьском перевороте и в последующих драматических и кровавых событиях, заключался в том, что православие, которое, в отличие от католицизма, избежало непосредственной дьявольской инвольтации, но невольно подготовило психологию русского народа к активному восприятию коммунистической идеи о равенстве и братстве, увы, достигаемому посредством насилия и при помощи насилия.

В 1917 году, незадолго до октябрьской революции, испанским пастухам было богоявление Божьей Матери, когда она сказала: «Молитесь за Россию. Ее ждут большие испытания, которые спасут мир».

На долю России действительно выпали тяжелейшие испытания на своем горьком опыте провести социальный эксперимент — реализовать на практике заманчивую идею построения общества всеобщего равенства и братства насильственным путем. В достижении своей такой привлекательной и

благородной цели большевики не останавливались ни перед чем. Нужно было деморализовать армию и народ, проиграв войну с немцами, — шли на это, заодно одолжив у противника на революционные нужды несколько сот тысяч марок. Нужно было любой ценой удержать только что захваченную власть — пошли на страшнейший по своим условиям Брестский мир, когда большая половина европейской части страны, включая Украину, была отдана немцам.

Ну, а уж когда власть была окончательно захвачена, то никаких тормозов и ограничений не стало, а главное, напрочь обесценилась человеческая жизнь. Вначале безжалостному истреблению подлежали эксплуататоры, помещики, фабриканты, дворяне, белые офицеры. Без больших колебаний и раздумий их истребили. Затем принялись за крестьян, тех самых крестьян, которые поддержали большевиков, поверив их обещаниям раздать крестьянству помещичьи земли. Не успели крестьяне обосноваться на этих землях и отойти от ужасов продразверстки, когда под вой обезумевших баб выгребали подчистую все зерно, включая посевное, как грянула коллективизация. И здесь главным врагом советской власти стал середняк, то есть рядовой сельский труженик, своим тяжким трудом кормивший и свои семьи, и страну. И по уже привычной революционной традиции с ним, этим многомиллионным середняком, расправились решительно и беспощадно, одних насильственно загнав в колхозы, предварительно лишив личного имущества, лошаденки и коровы, без которых не мыслил крестьянин своей жизни, других вообще вместе с многочисленными малыми детишками выслал в труднодоступные необитаемые места. Благо что в России чего-чего, а таких мест предостаточно.

Ну а затем, как водится, врагов народа начали искать промеж собой, среди бывших соратников и сподвижников и конечно же, с успехом находили и беспощадно истребляли.

Но при всем при том, несмотря на кровавую вакханалию, непрерывно чинимую большевиками, им, тем не менее, удалось внушить подавляющей массе российского населения, что все эти расправы оправданы и необходимы во имя светлого будущего. И народ истово верил в это будущее и, не жалея сил и здоровья, строил его.

О, эта способность и стремление русского народа к истовой вере, ради которой хоть куда, хоть на амбразуру, хоть на плаху! Как же тебя можно нещадно и беззастенчиво эксплуатировать, как же ты можешь и спасти свое отечество в критические моменты и заводить его в исторический тупик?!

А может, в этом как раз и было предназначение России, чтобы на своем горчайшем и трагедийнейшем опыте показать тушиковость для человечества этого пути насильственного достижения всеобщего счастья и благоденствия, намеченного пролетарскими вождями

Вслед за Россией, Советским Союзом коммунистическую мечту об обществе всеобщего равенства и братства при активном влиянии и поддержке старшего брата попытались реализовать и в других странах, и всюду это завершилось крахом. А в странах Юго-восточной Азии коммунизм по-кампучийски завершился невиданным самоистреблением народа, когда треть населения страны, за неимением другого орудия убийства, была просто забита тяпками и мотыгами. Недалеко по масштабам истребления и массовым публичным зверствам ушли во время культурной революции в Китае. Ну и уж совсем показательны успехи социализма в Восточной Германии и Северной Корее, соответственно по сравнению с Западной Германией и Южной Кореей. История так распорядилась, что эти страны с одним и тем же народом, культурой, экономикой оказались насильственно разъединены жесткой границей и одновременно приступили к строительству новых государств, принадлежащих к разным социальным системам. Не прошло и пятидесяти лет, как выявилась разительная разница в уровне социально-экономического развития этих государств, в уровне жизни их населения, а главное — в уровне демократических свобод, которые были доступны их гражданам.

Казалось бы, все ясно с преимуществами социализма. Сама история расставила все точки над «и». Но нет, сколько сожалеющих о прошлых порядках, о сильной руке у нас и, что интересно, не только у нас, еще осталось.

Мне вспоминается, как в 1994 году, через три года после распада Советского Союза и краха КПСС, мы с небольшой делегацией работников высшей школы находились во Франции и в рамках нашей программы встречались с руководителем фракции коммунистов во французском парламенте. Седовласый, немолодой, благородного вида мужчина от имени французских коммунистов выражал искреннее сожаление по поводу краха Советского Союза и КПСС, которые, как он выразился, были оплотом международного освободительного и рабочего движения.

Я спросила этого господина, а как он считает, почему социализм и коммунистические идеи не оправдали себя ни в одной стране, а не только в Советском Союзе. Господин задумался и искренне признался, что не знает ответа на этот вопрос.

Да, всячески критикуя социалистическую уравниловку и коммунистов, наши политики нового толка как-то не утруждают себя объяснением, почему все-таки оказалось невозможным построение коммунистического общества ни в одной из стран, несмотря на безусловную привлекательность его лозунгов о братстве и равенстве.

А ответить нужно, как и нужно извлечь уроки из столь недавней трагичной и кровавой нашей истории.

Но наш классик Федор Михайлович Достоевский давно дал ответ на этот вопрос, когда сказал, что ни одной слезинкой ребенка нельзя заплатить за чье-либо счастье. А разве может быть построено счастливое общество на фундаменте, замешанном на море слез и крови. Общество, где нарушается главная христианская заповедь «Не убий», где отрицается и попирается сам Бог, а взамен его насаждаются коммунистические идолы — кровавые коммунистические вожди.

Да, приходится признаться, что коммунизм, в его безбожном, насильственном варианте — это тоже дьявольская инволютация, возможность которой предопределена доверчивостью и нетерпеливостью русского национального характера в своем милосердном стремлении немедленно перестроить и осчастливить мир. Христианство со своими гуманными заповедями мешало непримиримым большевикам перестраивать мир на свой лад, не считаясь с человеческими жертвами. В годовщину Октябрьской революции Патриарх Тихон в своем послании к Совету Народных Комиссаров назвал развязанную большевиками гражданскую войну «небывалым по жесткости братоубийством.» «Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть и заглушили в нем сознание греха, но какими бы деяниями ни прикрывались бы злодеяния — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отщипении грехами и преступлениями».

В ответ церкви и священнослужителям была объявлена беспощадная война. Чего стоит наказ вождя мирового пролетариата своим сподвижникам в письме от 19 марта 1922 года «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства нам удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше».

И наказ вождя успешно выполнялся. Если в 1918 году в России было сто пятьдесят тысяч священнослужителей, то к 1941 году сто тридцать тысяч из них было либо расстреляно, либо погибло в Гулаге. Повсеместно сносились и разрушались храмы. За годы советской власти было уничтожено более двух третей православных святынь, а из оставшихся большая часть осквернялась и использовалась не по назначению. Полуистребленная, находящаяся практически в полуподполье церковь, жила и молилась за своих заблудших современников и переживающую не лучшие времена отчизну.

И, наверное, благодаря этим молитвам наше поколение, воспитанное на революционной романтике искренними и убежденными безбожниками, в потемках, на ощупь, без духовных наставников и духовной литературы искало и находило свой путь к Богу.

Тяжкий путь прозрения

Наше поколение, рожденное сразу после войны, наверно было самым счастливым за все годы советской власти. Наши родители были мужчины, вернувшиеся с фронта, которым посчастливилось выжить на этой страшной войне, а нашими матерями были те немногие женщины, которым посчастливилось дождаться своих мужей и суженых. Уже только поэтому, несмотря на голод, разруху, послевоенные тяготы, они были счастливыми людьми. Мы росли в бедных семьях с более чем скромным достатком, но бедность была всеобщая и потому не обидная и не унижительная. Ужасы коллективизма и массовых репрессий были позади, и в семьях не принято было вспоминать об этом, тем более, при детях. Зато героикой гражданской, отечественной войны были наполнены наши пионерские сборы, игры; запойное чтение, которым за неимением телевиденья поголовно увлекались мальчишки и девчонки того времени. Существующий миропорядок казался справедливым и незыблемым.

Студенческие годы нашего поколения выпали на хрущевскую оттепель и тоже проскочили весело, безбедно и беззаботно, под песни Визбора и Окуджавы. Будущее также рисовалось в розовом свете, после окончания вузов мы получали направления и разъезжались по местам своей будущей работы. По месту назначения предоставлялась работа по специальности, и все бы ничего, но огорчали более чем скромные зарплаты и весьма туманные перспективы продвижения, для которого, помимо диплома и профессионализма еще, как выяснилось, нужен был и партбилет. А тут снова выяснялось, что доступ в партию интеллигенции также весьма ограничен и надо по-особому отличиться перед парткомом.

Наконец, отдельным счастливымчикам удавалось проникнуть в эту самую партию и, оказывалось, что партии и парткому до всего есть дело. И без партийной характеристики-ходатайства ты не только не можешь продвигаться по службе, но и не можешь взять заграничную путевку, получить квартиру, развестись с женой и вообще, ничего не можешь. Вспоминается мое первое партийное собрание профессорско-преподаватель-

ского коллектива Тюменского университета, где после аспирантуры я начала работать. Триста человек присутствующих на собрании с интересом выслушивали доклад председателя комиссии по персональному делу профессора с физфака, у которого, якобы, наклеивался роман со своей студенткой-дипломницей. Седовласый профессор, вытщенный для объяснений на трибуну, смущенно отнекивался, а с задней скамьи декан истфака его сурово, по-партийному, одергивал: «Ты давай не финти, скажи прямо, ты с ней прелюбодействовал?».

И как-то так получалось, что в парткомы подбирались люди, не блиставшие особыми талантами в науке и вообще в производственной деятельности, но при этом, имея непосредственную возможность влиять на карьеру своих более талантливых коллег, они проявляли чудеса изобретательности, чтобы помешать их продвижению. Да собственно никакой особой изобретательности и не требовалось. Выходит, допустим, молодой математик, заведующий кафедрой на защиту докторской и ему, естественно, нужна характеристика парткома. Так чего проще, проверить его кафедру по воспитательной работе в студенческих общежитиях и заслушать на парткоме! А поскольку у математиков традиционно не ладится с воспитательной работой, вот и готов заслуженный выговор, с которым никакой положительной характеристики не полагалось. И что из того, что несчастный математик сделал выдающееся открытие и уже признан в мире научных светил, — с отрицательной характеристикой он не может быть допущен к защите.

Помимо интрижек и отслеживания разных нарушений морального облика парткомы усердно занимались организацией изучения материалов Пленумов и Партсъездов КПСС. Эти материалы, в которых рапортовалось об очередных достижениях партии и народа, дотошно прорабатывались на собраниях партийными и беспартийными. Но вот что интересно, чем о больших достижениях рапортовали на партсъездах, тем меньше было продуктов и товаров в наших магазинах. Да и то, что было, увы, спросом не пользовалось, все изощрялись как могли, заводили блат, знакомства с торгашами и их родственниками, чтобы достать импорт. Вместо слова «купить» употреблялось «достать». И после партсобраний с очередным славословием в адрес партии и правительства, народ разбегался по кухням, где в тесных компаниях травились анекдоты типа «Пять противоречий социализма»:

Первое противоречие — Никто не работает, а план выполняют.

Второе — План выполняют, а в магазинах ничего нет.

Третье — В магазинах ничего нет, но у всех все есть.

Четвертое — У всех все есть, но все недовольны.

Пятое — Все недовольны, но все голосуют «за».

Лишенный возможности высказываться публично, народ перешел на своеобразный вид фольклора — анекдоты, в которых в юмористической форме вполне находили отражение и оценку внутренние и международные события.

И когда такие знаменитые и заслуженные люди, как академик Сахаров и писатель Солженицын сделали попытку высказаться публично, их тут же всенародно осудили и выслали. Одного — из страны, а другого, в виду того, что был носитель важных государственных секретов, в Нижний Новгород под бдительный контроль вездесущего КГБ.

Обсуждение и осуждение, конечно же, проводились в лучших советских традициях — «не знаю», «не слышал», «не читал», «но осуждаю». Однако на этот раз обсуждение и осуждение проходило как-то совсем без энтузиазма и даже раздавались кое-где робкие голоса отдельных любознательных товарищей «Дескать, нам бы почитать, познакомиться, чего там они пишут, а то как — то неинтересно обсуждать без ознакомления».

И тогда партийные идеологи, видя, что народ заскучал без печатного слова, предложили выпущенную миллионными тиражами трилогию, написанную, якобы, от первого лица о славном жизненном пути нашего кремлевского вождя времен застоя. Подробное описание жизненного пути Л.И. Брежнева в трех томах под названием «Возрождение», «Малая земля» и «Целина» тут же доморощенными остряками были переименованы в неприличные названия с аполитичным оттенком «Возражаю», «Земли мало», «Цель иная». Ох и докаркались злые языки, не прошло и десяти лет, как вновь избранный после нескольких траурных кремлевских процессий молодой и современно мыслящий генеральный секретарь заговорил именно так и выдвинул именно эти лозунги.

Но до этого времени еще надо было дожить, а пока, пока страна катилась в полный маразм, и казалось, выхода из этого нет.

Самый счастливый 1989-й

И все-таки, несмотря на все дефициты, самый острый дефицит, который испытывала интеллигенция, а ее за годы советской власти воспиталось немало, самый острый дефицит был информационный. Хранились в тайниках «Архипелаг Гулаг» Солженицына, «Жизнь и судьба» Гроссмана, с купюрами чуть не в полромана издан «Тихий Дон» Шолохова, недоступны были писатели эмигранты — и те, которые бежали в свое время из советской России, и те, кто позже были выдворены как диссиденты. Что говорить, если «Роковые яйца» и «Собачье сердце» моего любимого Булгакова мне давал Режиссер читать в варианте, перепечатанном на машинке, аккуратно переплетенном и тайно хранившемся в домашней библиотеке. Какой же поистине подвиг совершили Елена Сергеевна, вдова писателя и главный редактор журнала «Москва» Константин Симонов, когда в 1966—1967 годах опубликовали бессмертный булгаковский роман «Мастер и Маргарита». Да и знаменитый, издаваемый огромными тиражами «Тихий Дон» Шолохова, без купюр и сокращений мне удалось прочесть лишь в 2010 году, когда неожиданно в книжных развалах на Арбате обнаружила этот роман в 4-х толстенных томах, значительно по объему превосходящих те, что хранились у нас дома и которыми я зачитывалась в юности. Я, конечно, была удивлена этими объемными томами, пока не прочитала в предисловии, что это первое без купюр и сокращений издание «Тихого Дона» 2004 года.

Чтению этого полного издания я посвятила отпуск. И была буквально потрясена описаниям кровопролитной жестокости и со стороны красных, и со стороны белых, и того, как были втянуты помимо своей воли в братоубийственную гражданскую войну казаки, мечтавшие после окопов империалистической войны вернуться к мирному хлебопашеству. Описывал Шолохов эту кровавую жестокость красных и белых с равным сочувствием ко всем, как всеобщему гибельному народному бедствию, завершив роман символической сценой, когда Григория, возвратившегося домой после военных ски-

таний, встречает лишь сын Мишутка, один оставшийся в живых из многочисленного семейства Мелиховых.

Конечно, не могли советские цензоры пропустить всю подлинную правду о бессмысленности и жестокости братоубийственной гражданской войны, развязанной большевиками. И многочисленными купюрами подправили ту трагическую действительность, которую изобразил гений писателя.

Там же, в книжных развалах Арбата, нашла я роман «Сивцев Вражек», написанный Михаилом Осоргиным в эмиграции в 1926 году и не издаваемый в Советском Союзе. Не могла Советская власть допустить, чтобы в стране победившего социализма знали, как вымирали и вымерзали безобидные московские интеллигенты, оставшиеся в годы гражданской войны без продовольствия и дров, которыми отапливались арбатские особнячки.

Так бы, наверно, и жили мы в условиях информационной блокады, если бы Михаил Сергеевич, возглавивший КПСС в 1985 году, не объявил гласность и перестройку. Перестройку мы, признаться, не почувствовали, но гласность... Гласность в корне изменила нашу жизнь. Периодические журналы «Новый мир», «Современник», «Огонек» и прочие передавались из рук в руки и зачитывались до дыр. Их тираж фантастически рос. И среди толстых журналов, пожалуй, рекорды бил «Новый мир». Если в 1975 году его подписка составляла 175,000 экземпляров, то уже в 1986 году она увеличилась до 1,200,000 экземпляров и держалась так да 1991 года, после чего, шоковая терапия обрушила и подписку журналов, и их подписчиков. К концу 1992 года подписка уже была чуть больше 240000 и дальше начала также стремительно снижаться.

Исторический парадокс революций повторился в очередной раз. Революционеры становятся жертвами свершенных ими революций. Так и наша интеллигенция, с восторгом принявшая и поддержавшая гласность и перестройку, первая стала ее жертвой, в массе своей лишившись работы и профессии, когда высококвалифицированные инженеры становились рыночными торгашами и уличными бомбилами, то есть таксистами-нелегалами. А кандидаты и доктора наук в НИИ и вузах — из высокооплачиваемого контингента перешли в ряды нищенствующих граждан с поистине грошовой зарплатой. Но все это было потом. А пока...

А пока жизнь бурлила и после наскучившего и, как казалось, беспросветного и бесконечного застоя была ключом. Литературные обсуждения выливались в бурные политиче-

ские дебаты, разворачивающиеся за семейными застольями и в дружеских пирушках. Особенно страсти накалялись в нашей родительской семье, где мой младший брат, темпераментный и убежденный демократ первой волны, сражался с не менее убежденными коммунистами: папой, вступившим в партию на фронте, и дядькой, 25 лет проплававшим на военных кораблях замполитом.

Следивший за литературными новинками брат крыл неизвестными доселе фактами, обезоруживая убежденных коммунистов, всю сознательную жизнь верно служивших партии.

Брат был последователен в своих убеждениях и от слов перешел к делу.

В Харькове он возглавил избирательную компанию в поддержку кандидатов от демократов: Виталия Коротича, главного редактора сверхпопулярного «Огонька» и Евгения Евтушенко. Борьба была не шутейная. Харьков был заклеен листовками с остроумными текстами, чаще в стихотворной форме, организовывались митинги и собрания в коллективах, вербовались единомышленники среди журналистов. И эти усилия не прошли даром. Коротич и Евтушенко стали депутатами Верховного Совета СССР от Харькова. Да, это был удивительный, действительно избранный в 1989 году без всякого административного ресурса и мошенничества на избирательных участках Верховный Совет, куда вошли не только известные личности, литераторы, ученые, юристы, но и опальные при советской власти Сахаров и Ельцин.

Думал ли, ожидал ли Михаил Сергеевич, какими непредсказуемыми последствиями обернется объявленная им гласность и чем закончится для страны поголовное опьянение от свободы и демократии?

Так же, как плотину прорывает из-за образовавшейся микроскопической трещины, так и целую страну, нерушимый Советский Союз смыло разбушевавшимися волнами демократических свобод. Но каковы бы не были последствия, нельзя винить за них этого мужественного и честного человека, попытавшегося вывести из тупикового пути страну, которая была колоссом на глиняных ногах.

Однако этот колосс на глиняных ногах был скреплен истине стальными скрепами КПСС и КГБ. Поскольку наличие партийного билета было обязательным для карьерного роста, то большая часть активного дееспособного населения должна была быть в партии, а это значит, должна всегда одобрять и голосовать «за». Иначе, в противном случае, — партбилет на

стол, за чем следовало не только увольнение, но и в дальнейшем проблемы с трудоустройством, так как частного сектора не было, а в госучреждениях заправляла вся та же партия. А для беспартийных, да и для партийных тоже, существовало всевидящее и бдительное око КГБ, которое особенно пристально следило за гуманитариями.

Помню, как пострадала одна наша преподавательница, которая на лекции по линии общества «Знание» объяснила, почему американцы во второй раз проголосовали за «собаку» Рейгана, и чем он им нравится. Незаметно сидевший среди других слушателей представитель органов тут же сообщил куда следует. Работы эта незадачливая лекторша, правда, не лишилась, но дорогу в докторантуру ей, конечно, перекрыли.

К концу 70-х я, вступившая когда-то в партию по убеждению и сделавшая карьеру от комсомольского секретаря на заводе до секретаря Горкома комсомола, а также поработавшая в аппарате горкома партии, уже имела возможность убедиться в полной абсурдности нашего государственного устройства, возглавляемого непогрешимой КПСС, да и не только я одна.

Где-то в году 1978-79, в узкой компании собкоров центральных газет, работающих в Тюмени, умных мужиков, знавших жизнь не с парадного входа, а с изнанки, мы откровенно обсуждали «прогнившесть» и безвыходность системы, державшейся на общем лицемерии стальных скрепками КПСС и КГБ. И хотя мы прекрасно понимали, что вечно так продолжаться не может, но выхода не видели, поскольку революция и вооруженное восстание со всей очевидностью были невозможны, как и невозможен добровольный отказ партии от ее руководящей и направляющей роли. И тогда пожилой мудрый болгарин, затесавшийся в нашей компании, сказал: «Вы русские плохо себя знаете. Русский человек всегда найдет выход из любой ситуации».

«Как они в Болгарии в благодарность за освобождение от турецкого владычества идеализируют русских», — подумала я тогда.

Но прошло каких-то десять лет, и система бескровно рухнула, стоило было Михаилу Сергеевичу неосторожно объявить «гласность». С каким ликованием ходили мы в 1989-м на митинги на огромную и незастроенную тогда Манежную площадь, которая вся вместе с прилегающими улочками была запружена народом, восторженно слушающим наших первых демократов: Юрия Афанасьева, Галину Старовойтову, Гавриила Попова и примкнувшего к ним Ельцина. Ельцин был тогда

всобщим кумиром, поскольку он первым отважился на публичный вызов КПСС, выступив с критикой на пленуме ЦК КПСС еще осенью 1987 года.

Не понимали мы тогда, как не понимал и Ельцин, что обязаны мы этой оглушительной свободой Михаилу Сергеевичу, не побоявшемуся прервать многолетние советские традиции славословия, лицемерия и лжи. И когда в канун 2000 года Ельцин, уходя с поста президента, публично каялся перед народом, каяться ему, прежде всего, надо было в том, что в стремлении к единоличной власти пошел на непримиримый конфликт с Горбачевым. И в этом конфликте он не остановился даже перед тем, чтобы развалить Советский Союз, когда три лидера братских славянских республик, тайно собравшись в Беловежской пуще и вопреки воле народов страны, выраженной в безусловных результатах всенародного референдума, подписали предательский Беловежский договор, оставив родных людей, народы, объединенные общей историей, культурой, экономикой, по разные стороны границ. Так и мои родные — родители, брат и сестра со своими семьями оказались за границей, в Харькове.

Близко увидеть Ельцина мне довелось лишь однажды, на совещании по вопросам семейной политики, которое проходило в Белом Доме весной 1991 года. Этот человек оставил у меня тогда незабываемое впечатление. Он был необыкновенно хорош собой, высокий, прекрасно сложенный, с ослепительно серебристой сединой, моложавым розовым лицом и яркими, голубыми глазами, встретиться взглядом с которыми я просто боялась, такая всепробивающая энергетика исходила от него. И хотя совещание было посвящено семейной политике, говорил Ельцин исключительно о своих конфликтных отношениях с Горбачевым, при этом вместо фамилии или имени-отчества все время употреблял «Он».

Конечно, тогда и в голову не приходило, что следствием этого конфликта станет развал Союза, уход с политической арены Горбачева, а затем — шоковая терапия, безработица и обнищание, чеченская война, прихватизация олигархами всех природных и производственных ресурсов, способных давать прибыльные барыши и созданных героическим трудом народа.

Так в итоге закончилось наше ликование на Манежной площади. Конечно, история не имеет сослагательного наклона. Но если бы, если бы эти два лидера, взорвавшие стальные скрепы, на которых держался наш колосс на глиняных но-

гах, смогли бы стать единомышленниками и дополнили друг друга в поисках нового пути свободной России, может быть, тогда мы бы избежали всех этих катастроф и разочарований.

В бурных политических событиях того времени я практически не участвовала, а вернее, участвовала пассивно, иногда посещая многолюдные митинги на Манежной площади. 1989 год был особо счастливым и знаковым в моей судьбе. 30 июня 1989 года, в жаркий летний день я защитила докторскую диссертацию на факультете психологии в МГУ. Это было не просто, после аспирантуры и защиты кандидатской в Ленинградском университете — защититься в МГУ. Тогда две психологические школы не на шутку враждовали. Спасало то, что кафедры социальной психологии этих университетов поделили сферы научных интересов. В Ленинграде исследовали группы, коллективы, совместимость, лидерство, руководство, в Москве, больше в философско-социологическом плане рассматривали проблемы личности. И когда я привезла на суд своему шефу, основавшему в Ленинградском университете еще в 1968 году первую в Советском Союзе кафедру социальной психологии, свою докторскую «Социально-психологические основы предупреждения десоциализации несовершеннолетних», он, бегом пролистав ее, без излишних церемоний и дипломатии спросил: «А что, у тебя московско-еврейская ориентация?»

Я ответила, что я же не географию с национальностью изучала, у них же этими проблемами не занимаются. На что многоумный шеф изрек: «А ты у нас не защитишься». И на мой вопрос, а что же мне делать, ответил: «В МГУ».

— Но я там никого не знаю, — пролепетала я.

— А я тебе здесь не помощник, — успокоил меня шеф.

Но все-таки он помог, правда, эту помощь я оценила не сразу, а лишь через несколько лет.

Он назначил обсуждение моей докторской на кафедре, которая должна была состояться через три дня. Мою диссертацию предварительно поверхностно просмотрели три рецензента, которые не имели никакого отношения к теме диссертации, что, однако, не помешало им разнести ее в пух и прах. Ответного слова мне никто не дал и я, как ошпаренная, в негодовании от такого оскорбительного и несправедливого отношения выскочила с кафедры. Ночь провела в тамбуре московского поезда, смоля сигарету за сигаретой. Однако в результате этого бессонного кипения произошло именно то, на что очевидно и рассчитывал шеф. Я начала смотреть со сто-

роны на свою диссертацию. То есть, вынырнула из того моря теоретического и эмпирического материала, в котором то-нешь, когда работаешь над докторской, и оценила ее собственным непредвзятым взглядом. И поскольку я, как говорится, была в теме, то подвергла ее критике и более существенной и более серьезной, чем мои рецензенты. И только переработанный вариант представила на кафедру социальной психологии в МГУ.

Однако, прежде чем представлять диссертацию в докторский совет факультета психологии МГУ, которым меня все осведомленные люди вполне справедливо пугали, мне пришлось изучить еще одну не менее, если не более сложную науку весьма непростых человеческих отношений вообще и в научном коллективе, в частности. Сколько раз позже приходилось наблюдать и в науке, и в искусстве, как талантливые и работоспособные люди оказывались выброшенными за борт, не постигнув этой науки человеческих отношений. Наверно, о них в народе говорят «Умная голова, а дураку досталась». А мудрая и остроумная Фаина Раневская на этот счет заметила: «Талант — как бородавка, садится, куда не смотрит». В этом отношении мне пришлось пройти суровую школу жизни задолго до защиты докторской.

Пути Господни неисповедимы

Могла ли девочка, выросшая до 16-ти лет в глухой сибирской деревне, мечтать о защите докторской диссертации по психологии, о существовании которой в то время и не слышала. На этот вопрос может быть дан однозначно только отрицательный ответ. Но там, в этой деревенской школе, которая стояла на берегу лесной, с зеркальной гладью реки, рядом со сказочной красоты деревянным храмом, использовавшимся, естественно, под колхозный склад, закладывались и основы знаний и основы личности, без которых я вряд ли могла потом состояться. Там нас учили удивительные сельские учителя, отдающие сердце детям. Лишь немногие из них были присланы по направлению из центральной России, большинство было из местных жителей, окончивших педучилище в Таре или пединститут в Омске. И среди них особенно яркими и запоминающимися были выходцы из сиблаговских поселков, куда еще детьми, вместе с родителями, были высланы в суровые 30-е годы. К числу которых, кстати, принадлежал и мой папа, учивший нас биологии, с которым мы разводили кроликов и выращивали овощи на пришкольном участке. Эти учителя не только добросовестно учили нас литературе, арифметике и другим предметам, они еще сумели создать атмосферу дружбы, взаимопомощи и взаимоподдержки в школьном коллективе, где помимо уроков, жизнь была ключом, со своим школьным драмкружком, школьным хором, тематическими вечерами по субботам и спортивными соревнованиями по воскресениям.

Повезло мне со школой и потом, когда папа, мечтавший о возвращении на юг в родные края, перевез семью в небольшой зеленый донбасский городок, где жил его дядька, чудом уцелевший от расказачивания и раскулачивания. Там, в центральной школе, где я заканчивала 10 и 11 класс, тоже были очень добросовестные и профессиональные учителя. Правда, внеклассная жизнь уже не была таким ключом как в нашей сибирской деревенской школе, но зато я попала в класс, девочки в котором получали профессию пионервожатых, поскольку 11-летнее образование предполагало тогда и начальное про-

фессиональное образование. И на мое счастье, мы обучались не на швей-мотористок, водителей трамваев и прочие рабочие профессии, а на пионервожатых, а значит, один день в неделю проводили во Дворце пионеров, где разучивали танцы и подвижные игры.

Итак, мы два года протанцевали и проиграли, а потом, как и стрекозе из басни Крылова, пропевшей все лето, с наступлением зимы наступила расплата, так и нам наступила расплата с известием о выпускном экзамене, на котором мы, оказывается, должны были сдавать педагогику и психологию за педучилище, а в придачу — историю комсомольской и пионерской организации. Наш руководитель, директор Дворца пионеров прекрасно понимал, что за два дня, отведенных на подготовку экзамена, невозможно выучить три курса за педучилище, к тому же не прослушав при этом ни одной лекции по этим дисциплинам. И он через доверенное лицо из числа наших одноклассниц объяснил, как мы будем сдавать этот злополучный экзамен. 30 билетов были разложены по порядку номеров и каждая должна будет тащить свой единственно выученный билет. Такое решение устроило всех, кроме меня. Я решила выучить все билеты и, не нарушая общего порядка, тащить билет наугад. Очевидно, мне повезло с учебниками для педучилищ, которые были написаны кратко и доходчиво, что и позволило мне выучить за два дня психологию вместе с педагогикой и историей комсомольской и пионерской организации и получить заслуженную пятерку. Мало того, меня по-настоящему заинтересовали эти дисциплины, что, однако, отнюдь не сказалось на моем профессиональном самоопределении и выборе для поступления педагогический вуз.

Вообще с этим вопросом, выбором вуза, в который собралась бы поступать выпускница — серебряная медалистка, возникли у меня большие и мучительные трудности. Мне легко давались все предметы, кроме черчения. Однако больше всего тяготела я к гуманитарным предметам: литературе и истории, но при этом тайно страдала каким-то комплексом, порождающим у меня страх перед вступительными экзаменами в эти вузы. Тем временем выбор за меня сделала наша учительница математики, она же наш классный руководитель, которую в классе не любили и боялись, переименовав ее из Ольги Васильевны в ОВ — Отравляющее Вещество. Эта была строгая, старая учительница, которая начинала преподавать наверно еще в гимназии или, по крайней мере, закончившая ее. Она не затрудняла себя работой со всем классом, для всех она ак-

куратным почерком на доске писала формулы, повторяла их вслух и заставляла переписывать в тетрадь. В классе она выбирала 3-4-х человек, которых считала способными к математике и, что называется, сдирала с них три шкуры. Я, к несчастью, попала в это число. Задания она нам давала усложненные, из каких-то своих особых задачников. И если их не выполняли, выбрасывала в дверь твою папку (тогда было модно ходить в школу с папками), следом выпинывала, в буквальном смысле, коленом под зад владельца папки, сопровождая пинок грозным окриком: «За родителями!» Когда тебе 16 лет и на тебя уже заглядываются мальчишки, пережить такую позорную экзекуцию совсем непросто, и приходилось корпеть на задачках Ольги Васильевны.

Делом чести для Ольги Васильевны было подготовить своих избранников для поступления в ТРТИ, Таганрогский радиотехнический институт. В начале 60-х, когда в моду входила автоматика, телемеханика, вычислительная техника, этот институт один из первых начал готовить таких специалистов и пользовался огромной популярностью, и соответственно, отличался большими конкурсами, поскольку от желающих поступить в ТРТИ не было отбоя. Поток абитуриентов прореживали на первом вступительном экзамене — письменной математике, которая была особо повышенной трудности. Именно к успешной сдаче этого экзамена и готовила нас Ольга Васильевна, не церемонясь в средствах.

Нужно отдать ей должное, она справилась со своей задачей, и я выдержала, несмотря на весьма значительный конкурс, вступительные экзамены на факультет автоматике, телемеханики и вычислительной техники ТРТИ.

Вот уж действительно, пути господни неисповедимы. Без этого зигзага судьбы, когда я, по сути дела, по воле случая оказалась в радиотехническом институте, вряд ли я потом попала бы в Тюмень и вряд ли потом жизнь предоставила бы мне шанс заниматься психологией. Это стало ясно потом, спустя десятилетия. А пока предстояло пять лет тяжкого труда в вузе, где по полной грузили студентов расчетами лабораторных работ, курсовых, семинарскими конспектами и другими домашними заданиями, не считая того, что строго требовалось посещение всех лекций и занятий. И вообще, вузовская дисциплина была такой жесткой, что стоило было в семестре накопить два хвоста, как ты становился реальным кандидатом на отчисление. В результате, смогли окончить институт только 30% от поступивших в свое время по большому конкурсу студентов из числа школьных отличников и хорошистов.

Мне же не только нельзя было иметь хвосты, но и, чтобы получать стипендию, требовалось иметь не больше одной тройки в семестр. Мама из нашего семейного бюджета, который рассчитывался не только на меня, но и на родителей, живших с младшим братом, а также на сестру, учившуюся в Харькове, могла мне выкраивать не более 10-20 рублей в месяц. Прожить на эти деньги было невозможно без стипендии. Стипендия составляла 35 рублей. Это была вполне приличная сумма, поскольку в день тогда на скромное питание хватало рубля.

Таким образом, стипендия была серьезным стимулом добросовестного отношения к учебе. А это добросовестное отношение требовало проводить в институте с 8 утра, когда начиналась первая лекция, и до 9 вечера, когда закрывался читальный зал.

И конечно же, мне с моими гуманитарными наклонностями, не выжить бы эти пять лет, занимаясь только интегралами, дифференциалами, начерталкой и теоретическими основами электротехники, если бы не было своей отдушины и даже не одной.

Еще на первом курсе, опять же волей случая, я попала в студенческий кино клуб и надолго задержалась там в качестве вольноопределяющегося слушателя. Костяк кино клуба составляли ребята старшекурсники, кинематографические асы. Они с увлечением рассказывали новичкам об истории отечественного и зарубежного кино, знакомили с творчеством Дзиги Ветрова, Сергея Эйзенштейна и Чарли Чаплина, учили обращаться с киноаппаратом и звукозаписывающей аппаратурой, часть из них потом так и ушла в профессиональное кино. Однако при всем моем интересе мои кинематографические успехи были более чем скромные. Тем не менее посещение кино клуба не прошло для меня бесследно. Там я познакомилась с моим будущим мужем, отвечающим в кино клубе за техническое обслуживание звукозаписывающей аппаратуры, брак с которым стал для меня тяжким, но необходимым и закаляющим испытанием.

Тогда же, в студенческие годы, к увлечению кино добавилось увлечение театром. Таганрогский театр уникален тем, что в миниатюре он представляет Большой театр, с таким же многоярусным залом и с красными бархатными креслами. В последнем ярусе Таганрогского театра, там, где обычно располагается галерка, были расположены купоны, отгороженные на четыре кресла кабины, билет в которые стоил 30 копеек. Мой купон был третий, билетерша знала это и всегда остав-

ляла мне билетик, поскольку я смотрела все спектакли со всеми составами.

Кроме киноклуба и театра мне повезло еще в том, что в нашей группе училась девушка из Таганрога, мать которой работала в библиотеке. Эта девушка, в отличие от меня, была очень замкнутая, необщительная, не участвовавшая ни в каких дружеских посиделках и студенческих пирушках. Но тем не менее, она почему-то выбрала меня, чтобы делиться со мной книжными новинками, которые приносила из материнской библиотеки. А учитывая, что это было время хрущевской оттепели, то новинки были неслабые. Как раз от нее я получила журнал «Москва» с только что напечатанным романом Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита». Роман произвел на меня шоковое впечатление. Я три дня не выходила на улицу, пока не прочитала его. И закрыв последнюю страницу, еще долго не понимала, в каком времени и пространстве нахожусь. Потом, в течении всей своей жизни, я неоднократно перечитывала его. И хотя мое восхищение не уменьшалось, я уже могла смаковать какие-то выражения, оценивать события и персонажей, но первое прочтение, иначе как шоком не назовешь, когда буквально отключилась возможность рассуждать и анализировать. Очевидно, этот шок произошел от того, что Булгаков своим романом взорвал мое атеистическо-материалистическое сознание, сформированное марксистско-ленинским материализмом. И хотя ортодоксальные священнослужители не могут простить писателю того, что его Воланд представлен весьма симпатичным персонажем, что непозволительно для сатаны, тем не менее, ничто так не взрывало наше атеистическое мировоззрение как этот гениальный роман. И при этом надо не забывать, что писался он во времена самого свирепого богоборчества, когда взрывали Храм Христа Спасителя, рушили тысячи других храмов и монастырей, расстреливали и гноили в ГУЛАГе священников. Да и Воланд - сатана в «Мастере и Маргарите» представлен как верный слуга Бога, выполняющий за него черную работу по наказанию всяческих мошенников типа вороватого буфетчика, торгующего осетриной не первой свежести. А его собственное отношение к Богу более чем почтительно. Достаточно вспомнить, какой испуганной была реакция Воланда, когда он услышал на Патриарших прудах атеистические рассуждения Берлиоза и Ивана Бездомного о неверии в Бога.

Помимо литературы, подбрасываемой мне однокурсницей, помогал переживать драконовские порядки нашего ра-

диотехнического сам Таганрог, который я полюбила сразу и на всю оставшуюся жизнь. Удивительный этот город, основанный Петром I за 5 лет до Петербурга, в 1698 году. Потом, правда, после позорного прусского мира оказавшийся в окружении вместе с разбитой армией, Петр в 1711 году возвратил туркам Азов и пообещал снести Таганрог, который к тому времени насчитывал уже 11000 жителей. При этом царь предусмотрительно велел не взрывать крепостные валы, поскольку был уверен, что город, рано или поздно, будет восстановлен. Старая историческая часть города, в котором находился наш институт и в котором я жила, была расположена на узком, изогнутом, напоминающем рог полуострове. Отсюда название города пошло — от слова таганий рог. Город традиционно был купеческим, поскольку крупнейший на Азовском море порт позволял вести оживленную торговлю с той же Турцией и другими приморскими странами. Поэтому старый исторический центр, улицы которого утопают в зелени, застроен одноэтажными и двухэтажными старинными особняками и, к чести городских властей, не испорчен многоэтажным новостроем. И перед сном, после многотрудного учебного дня мы обязательно гуляли по этим зеленым улочкам, продуваемым со всех сторон морским ветерком. Обязательно ходили к Петру, то есть к памятнику Петру I, стоящему на гористом носу полуострова, где внизу, под горой, круглосуточно трудился порт. А еще надо было прогуляться до каменной лестницы, своими 180 ступенями с Греческой улицы спускающейся к пляжу. А какие поэтичные названия улиц и переулков в этом городе: переулок Гарибальди, Некрасовский, Лермонтовский, Итальянский, Спартаковский, Гоголевский, улицы Греческая, Петровская, Розы Люксембург, Карла Либкнехта и конечно, улица Чехова, где стояло старинное здание бывшей гимназии, с которого начинал свою историю наш институт, позже расстроившийся дополнительно в несколько многоэтажных корпусов.

Таганрог прежде всего известен как родина Чехова. И память о писателе бережно сохраняется в городе, здесь сохранен целый мемориальный музейный чеховский комплекс, включая маленький домик, где родился писатель, лавка, где торговал его в конце обанкротившийся отец, гимназия, в которой учился Антон Павлович. Улица Чехова завершается памятником писателю, где он сидит с наклоненной головой и грустно всматривается в нас, своих потомков. Это удивительно, но дух Чехова живет и ощущается до сих пор и в горожанах, и во всем облике города, и в его культурных традициях.

Но не только Чеховым славен Таганрог. Здесь когда-то с семьей Раевских, путешествуя на Кавказ, останавливался Пушкин. Здесь, на Азовском море под Таганрогом, родились эти строки, посвященные юной Марии Раевской, будущей жене декабриста Волконского, одной из первых последовавшей за мужем в Сибирь.

Я помню море пред грозою,
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!

В гости к брату Ипполиту, служившему в таганрогском порту, неоднократно приезжал П.И. Чайковский. Живописный домик Чайковского с окнами на море стоит на Греческой улице, где сейчас расположена музыкально-нотная библиотека. Южным чувством юмора, видимо, пропиталась в Таганроге выросшая здесь Фаина Раневская. И наконец, именно в Таганроге умер в 1825 году Александр 1, о котором Пушкин написал: «Всю жизнь провел в дороге и умер в Таганроге», после смерти которого декабристы сделали бесстрашную и неудавшуюся попытку избавить Россию от самодержавия и крепостничества.

Этот город я полюбила нежной и преданной любовью. После окончания института не было года, чтоб я на день-два не приезжала сюда. И он отблагодарил меня за мою преданность. Через 31 год после окончания института я стала владелицей своего таганрогского дома, продававшегося соседями моей квартирной хозяйки, незабвенной Люки, с которой были проведены лучшие студенческие годы.

Из огня в полымя

Распределения в нашем радиотехническом были самые завидные. Киев, Ростов-на Дону, Саратов, Куйбышев (теперь Самара), Астрахань — города всего юга России хотели заполучить специалистов по автоматике, телемеханике и вычислительной технике. И вот среди этого списка южных городов неожиданно затесалась Тюмень. Выпускники пожимали плечами и недоумевали, какой дурак согласится ехать в какую-то Тюмень. Но дураки нашлись, это были мы с мужем. Как ни странным это может показаться, но нами двигала романтика, которой нас заразила радиостанция «Юность», распеваящая о краях, куда только самолетом можно долететь.

Муж оканчивал на год раньше, и мы сидели на распределении с его группой и боялись, как бы не уплыла наша Тюмень, поскольку выбор городов был по очереди, и очередь начиналась с отличников и далее — по убыванию среднего балла. Его балл и очередь были в конце списка, так что повод для волнения был реальным. Но претендентов на Тюмень не нашлось, и это распределение досталось нам. А спустя время мы смалодушничили и написали на тюменский моторный завод, куда были распределены, письмо с отказом.

Дело в том, что на преддипломной практике, которая началась после распределения и которую муж проходил в институтской лаборатории, его убедили, что институт бурно расширяется, готовятся к открытию при радиотехническом НИИ и КБ, запроектировано строительство жилых домов для преподавателей и сотрудников, в которых институт остро нуждается, и глупо при таких перспективах уезжать из Таганрога. А тут еще Люка, наша квартирная хозяйка, на доступном южном диалекте объясняла нам: «Вас что, петух в задницу не клевал? Куда это вы собрались?». В общем, все доводы и любовь к Таганрогу сделали свое дело, и мы отправили это злополучное письмо. Ответ пришел скоро и состоял из одной фразы. Начальник отдела кадров, как позже мы узнали, сильно пьющий летчик-пензионер лаконично ответил: «В специалистах, нежелающих жить и работать в Тюмени, мы не нуждаемся». Ответ настолько задел за живое не столько мужа, сколько меня, что доводы в пользу Таганрога сразу поблекли. И мы двинули в Тюмень.

Тюмень встретила нас неприветливо низким свинцовым небом. Мы оставили в камере хранения на вокзале свои нехитрые пожитки, помещавшиеся в двух чемоданах, и по деревянному тротуару, мимо покосившихся деревянных домов и таких же косых заборов двинулись искать моторный завод. Город ошеломлял своей грязью и убожеством. Позже мне довелось побывать во многих российских городах, но более жалкого зрелища, чем то, что представляла тогда Тюмень, я нигде не видела. Если другие сибирские города — Омск, Новосибирск, Красноярск выросли во время войны за счет эвакуированных предприятий, то в Тюмень никого не эвакуировали. Там с самого начала войны и по 1944 год тайно хранилось тело Ленина. Эту тайну рассекретили только во время перестройки. Правда, мне еще в 70-е годы по секрету об этом рассказала пожилая маникюрщица, которая во время войны делала маникюр жене профессора Збарского, ухаживающего за телом Ленина.

Несколько ошеломленные открывающимися видами города, мы дошли до его центра, так ни у одного из прохожих не узнав, где находится моторный завод и как туда добраться. Мало того, никто и не слышал ни про какой моторный завод. В полной растерянности остановились мы около кирпичной водонапорной башни, именно той, где позже будет наш знаменитый подростковый клуб «Дзержинец», который потом, спустя годы займет такое важное место в моей будущей профессии. Так же, как позже мемориальный дом Матвея Ивановича Муравьева-Апостола в Ялуторовске: это было еще одним знаком судьбы, постичь который тогда было не суждено. И что самое интересное, мы остановились прямо на остановке служебного автобуса, который раз в час отправлялся на моторный завод, о чем нам поведала ожидающая этот автобус женщина.

Неудивительно, что никто из горожан, к которым мы обращались, ничего не слышал о моторном заводе. Завода, по сути дела, еще и не было. Нельзя же было назвать заводом административный корпус, в котором размещались дирекция, партком, профком, комитет комсомола и наш вычислительный центр, вычислительная машина которого «Минск-22» своими шкафами, заполненными ячейками, занимала помещенье размером 120 квадратных метров. Остальные корпуса либо достраивались, либо были представлены строительными котлованами. Как понять плановую советскую экономику, которая запланировала в Тюмени строительство моторного завода, изготавливающего двигатели для военных самолетов,

для чего требовались сложнейшие технологии и соответственно, высококвалифицированные специалисты, инженеры и рабочие, чего здесь отродясь не было. И мало того, этот городишко в то время трещал по швам от геологов, нефтяников, газовиков, строителей, поскольку уже тогда начинался бум освоения Западно-Сибирской нефтяной целины.

Естественно, все специалисты, как и мы, были завезенными из других годов: Уфы, Казани, Ульяновска. Киева, Харькова и прочих. Ехали не столько за длинным рублем, поскольку в самой Тюмени, в отличие от северных нефтяных и газовых районов, надбавка была небольшой, всего 15 %. Ехали за квартирами, которыми обещали всех со временем обеспечить. Так что нашему героическому директору Хutorьянскому Владимиру Яковлевичу приходилось не только строить завод и налаживать с нуля производство авиационных моторов, но и строить жилые дома для сплошь завезенных специалистов.

А пока всем приходилось жить в перенаселенном общежитии, пятиэтажном кирпичном здании с длиннющими коридорами, заканчивающимися общим туалетом и умывальней.

Нас также поселили в общежитии вместе с молодыми специалистами, выпускниками вузов, ПТУ, демобилизованными солдатами, освободившимися зэками, семейными, холостыми, а больше с разведенными. Рабочий день на заводе начинался в половине восьмого. В 7-00 уже стояли служебные автобусы, чтобы вести всех на завод, который располагался за городом. Поэтому завтрак надо было готовить с вечера и ставить кастрюльку на подоконник за занавеску. И к утру в кастрюльке обнaруживался вместо супа кусочек льдинки — такие стояли морозы в ту первую тюменскую зиму. Температура до самого 8-го марта не поднималась выше 50 градусов. Кстати, что удивительно, за все последующие 18 лет, которые мне довелось прожить в Тюмени, больше не было такой лютой зимы.

Тюменский моторный стал стартовой площадкой моей трудовой биографии. Здесь я проходила преддипломную практику, писала диплом и после его защиты получила должность инженера-электронщика, обслуживающего вычислительную машину «Минск 22», которую кроме меня обслуживали еще четыре парня, включая начальника машины, моего мужа.

Но страшнее морозов и бытовой неустроенности оказалась скука и несносная бездеятельность, которой я вынуждена была томиться 8 рабочих часов. Дело в том, что машина сбила нечасто, но даже когда она сбила, ребята вполне справлялись без меня и, чтобы я не путалась под ногами, не очень-то подпускали меня к неисправному узлу.

Моей главной проблемой стало чем-то себя занять эти постылые 8 часов. Для разнообразия я прогуливалась вдоль длинного коридора, в одном конце которого был вычислительный центр, в другом партком. И вот однажды, указующий перст судьбы привел меня к парткомовской доске объявлений. Там висел типографски изготовленный плакатик, зазывающий в вечерний университет марксизма-ленинизма на философский, социологический и другие, не менее интересные факультеты. Беспросветная скукота моей жизни настойчиво требовала разнообразия, и я решила записаться в этот вечерний университет марксизма-ленинизма.

Сейчас, с высоты своего возраста, я хорошо понимаю изумление секретаря заводского парткома, когда к нему в кабинет вошла юная особа в короткой по моде юбке и с модной молодежной прической, называемой хвостом. И конечно, его изумили не моя короткая юбка и хвост на голове, а то, что добровольно, заметьте, добровольно, я пришла записываться в университет марксизма-ленинизма, в который он с трудом, по большому принуждению набирал по разрядке горкома слушателей из числа заводчан. Отдать должное этому секретарю, он мне подробно обрисовал, как мне будет страшно вечером одной, через пустыри и стройплощадки возвращаться домой, и что я все равно брошу занятия в этом университете, и ему придется отвечать за меня в горкоме. Я заверила нежелающего зачислить меня в слушатели университета секретаря, что буду ходить не одна, а с мужем. Я, конечно, кривила душой, потому что знала, что муж все равно ходить на эти совсем ему неинтересные лекции не будет. Но в данном случае мой довод сработал, и я стала слушательницей социологического факультета вечернего университета марксизма-ленинизма.

Да, недаром когда-то Тютчев сказал: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». А для меня это добровольно высказанное в парткоме желание записаться в университет марксизма-ленинизма отозвалось тем, что я оказалась на освобожденной комсомольской работе. Секретарь парткома на первом же ближайшем заводском комсомольском отчетно-выборном собрании предложил избрать меня вторым секретарем заводского комитета комсомола, бывшего на правах райкома, что и означало переход на освобожденную комсомольскую работу. Тогда было принято поддерживать единогласно предложения парткома, и все дружно подняли руки. Я была буквально ошеломлена таким поворотом дел, тем более, что никто со мной предварительно не посчитал нужным

поговорить, настолько в парткоме было очевидным, что девушка, добровольно записавшаяся в университет марксизма-ленинизма, ориентирована на комсомольско-партийную карьеру. Однако я восприняла это избрание буквально как катастрофу. И на другой день еще раз изумила секретаря парткома, когда пришла со слезами на глазах отказываться от освобожденной комсомольской работы, объясняя ему какой трудный вуз я закончила и как важно для меня быть инженером-электронщиком. В итоге мы пришли к компромиссному решению, что я поработаю 2-3 месяца, пока они подберут новую кандидатуру.

Но и этих двух месяцев хватило, чтобы я по уши ушла в работу и забыла о своем инженером дипломе. Нет, не бездушными чинушами и бюрократами мы были в нашем заводском комитете комсомола. Мы занимались живыми людьми, а только комсомольцев у нас было 2000 человек и не меньше — не союзной молодежи, и мы пытались решать их реальные проблемы и делать их жизнь интересней и содержательней.

Не устраивало молодежь то, как работает заводской спорткомитет. И мы добились, что наши обленившиеся спорткомитетчики зашевелились и начали проводить зимние и летние спартакиады, туристические слеты и по-настоящему руководить спортивными секциями. Отреагировали мы и на жалобы жильцов общежития, которые больше всего возмущались тем, что технички, кстати, сами проживающие в общежитии, по выходным, когда все дома, не убирают туалеты, зайти в которые было просто невозможно. Наш «Комсомольский прожектор» устроил воскресный рейд в общежитие и, не постеснявшись, вывесил на своем стенде фотографии переполненных унитазов. После чего последовали кадровые решения, и в общежитии был наведен порядок. Начальники цехов шли к нам за помощью разбираться с прогульщиками, молодые жены — с обидами на увлекающихся спиртным и посторонними женщинами мужей, свое сотрудничество предлагал профком и совет ветеранов.

Очень пригодился мне мой университет марксизма-ленинизма. Там действительно были очень интересные молодые преподаватели с кафедры философии индустриального института, которые читали нам этику, эстетику, социологию, философию, а не только марксистско-ленинскую. Я задружились с ними. И они зачастую к нам проводили диспуты, крутые столы, вечера вопросов и ответов.

Предначертанная кем-то свыше судьба продолжала подставлять мне ступеньки на причудливой лестнице, ведущей

меня к научным психологическим степеням. Лучшим, не прогуливающим занятия слушателям нашего университета марксизма-ленинизма, к числу которых относилась и я, в качестве поощрения предложили сдавать кандидатские экзамены по философии и иностранному языку.

Это предложение мне было очень кстати и не потому, что я планировала научную карьеру, аспирантуру, защиту кандидатской, мне это в то время и в голову не приходило.

Мне надо было чем-то занять свое свободное время, чтобы справиться с любовной тоской. Там, на заводе, я испытала глубокое романтическое чувство, называемое любовью. Он был военпред-двухгодичник, окончивший киевский авиационный институт, где на кафедре военной подготовки получил звание лейтенанта и, как тогда было принято, призван на два года в этом звании в армию. Подтянутый, спортивный парень с синими глазами в форме военного летчика был неотразим и очень ответственно отвечал у нас в комитете комсомола за спортивный сектор. Нас сближали не только спортивные дела комсомола, но и общие литературные и музыкальные пристрастия, к чему был совершенно равнодушен мой муж. К тому времени молодых специалистов переселили в более комфортные условия, в дом гостиного типа, где каждый имел отдельную комнату с собственным туалетом и умывальником. Мы оказались соседями и начали запросто заходить друг другу в гости. Он к нам на чашку чая в семейной обстановке, я — послушать его магнитофонные записи модного тогда Валерия Ободзинского, который страстно пел об этих глазах напротив.

Многое тогда удивляло меня в этом человеке: и в углу, на стене, икона Божьей матери с зажженной лампадкой, и штудирование французского языка, и спортивный разряд по фехтованию, которым ему, к его большому сожалению, здесь не с кем было заниматься. Одним словом, то многое, что по не всегда уловимым мелочам выдает дворянское происхождение и воспитание, которое, как потом выяснилось, он получил от своих чудом уцелевших бабушек-дворянок.

«Любовь нечаянно нагрянет», — поется в песне. Так произошло и со мной. Это чувство было мучительным, хотя и небезответным. Будучи замужем и секретарем по идеологии комитета комсомола, никого сближения и двойной жизни я себе позволить не могла. Стояла дилемма — либо оставлять мужа, либо наступать на горло собственной песне. И то и другое было трудно и невозможно. Уйти от мужа удерживал страх пе-

ред общественным осуждением заводского коллектива, в котором я была на виду и должна была быть примером для всех, и мамино патриархальное воспитание, не позволяющее и помышлять о разводе. Победить, задавить в себе это, захватившее меня чувство, также было выше моих сил. Он, очевидно, понимал мои проблемы и не считал для себя возможным разрушать нашу внешне благополучную семью, предоставив мне право решения. Я металась, внешне ни дома, ни на работе не выдавая себя. Эти метания закончились тем, что он уехал, не оставив адреса, когда окончился срок его службы. Не знаю, как бы я справилась с охватившей меня тоской, если бы ни эти кандидатские экзамены и последующий после них перевод меня по ходатайству моей Подруги, которая работала в отделе пропаганды обкома комсомола, в обком комсомола на должность заведующей лекторской группой.

Стартовая площадка моей научной карьеры

Нужно сказать, что должность завлекторской группой была той единственной должностью в обкоме комсомола, которая позволила мне в дальнейшем стартовать в науку психологию. Дело в том, что молодые преподаватели гуманитарных кафедр, а именно, философии, научного коммунизма и истории партии, поскольку других гуманитарных кафедр тогда не было, входили на общественных началах в лекторскую группу обкома комсомола и ездили с лекциями на ударные комсомольские стройки Тюменского севера. А ударные комсомольские стройки тогда охватывали весь Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа. Строились Западно-Сибирские нефтегазовые города: Урай, Кагалым, Нефтеюганск, Ноябрьск, Нижневартовск, Сургут, Надым, Уренгой, вокруг которых уже громоздились буровые, качающие нефть, по непролазным топям и таежному бурелому прокладывались дороги. И все это совершалось, в основном, руками молодых. 35-летние и 40-летние ходили в авторитетных начальниках, вкальвающих не меньше своих подчиненных. Да, мне довелось наблюдать, каким титаническим и без преувеличения героическим трудом в тяжелейших природных условиях и при полном бездорожье осваивалась Западно-Сибирская нефтяная целина. Эти молодые люди так героически трудились не столько из-за корысти, хотя зарплаты на севере были действительно большими, сколько они были одержимы духом романтиков-первооткрывателей и созидателей большого государственного дела. И действительно, до сих пор, тюменские нефть и газ кормят страну, являясь основными наполнителями государственного бюджета. Нелепо и уж конечно несправедливо, что освоенная героическим трудом народа тюменская нефтегазовая целина передана в пользование олигархам, потерявшим всякое чувство меры в своем стремлении к обогащению.

Доставалось и работникам обкома комсомола. Я помню, что не успевала разобрать свою дорожную сумку, как надо было отправляться в новую командировку, на очередную новостройку, куда только самолетом можно долететь. Всякий

раз, возвращаясь из командировки, я была переполнена впечатлениями от увиденного, от знакомства с этими удивительными, мужественными и неунывающими людьми, в тяжелейших погодных и природных условиях осваивающих Тюменскую нефтяную целину.

Но самое неизгладимое впечатление оставил Надым-город на полярном круте, где начинали осваиваться газовые месторождения. Собственно, города тогда еще не было, строители жили в балках, утепленных войлоком вагончиках, которые, конечно, не спасали от 40-ка градусных морозов и пронизывающего ветра. Но народ не унывал, по вечерам пели под гитару и слушали песни Высоцкого.

В одном из таких вагончиков, куда мы были приглашены в гости, светильником служил человеческий череп с лампочками в глазницах. Видя нашу оторопелость, хозяин пояснил: «Не удивляйтесь, здесь этих ископаемых хватает». Здесь в 1949 году Сталин затеял строить мертвую дорогу, которая должна была пройти по полярному кругу от Салехарда до Норильска, но успели проложить только половину, от Салехарда до Надыма. Строили вручную заключенные из числа тех, кто во время войны был в плену. Дорога потому и мертвая, что вся на костях, выжить здесь в сумасшедшие морозы без утепленной одежды и хорошего питания невозможно. Но она еще и мертвая, потому что ею так и не пользовались, только и прошел, что пробный дизель.

Трудно было переварить эту страшную информацию о бессмысленном и бесчеловечном истреблении людей, прошедших ад гитлеровских лагерей, на строительстве дороги в абсолютно безлюдном месте, где только кочевали олени стада ненцев и не было известно о газовых месторождениях. Такое изуверство, продемонстрированное Сталиным в послевоенное время, когда была выбита большая часть мужского населения и страна лежала в руинах, из-за одной только этой мертвой дороги нельзя назвать иначе как кровавым преступлением против человечества и страны. Но, увы, не преступником и изувером живет Сталин в памяти многих наших соотечественников, особенно из старшего поколения; его помнят как вдохновителя и организатора наших побед и на ниве индустриального строительства, и на полях сражений с фашистской чумой. И это тоже историческая правда, и за эту правду удивительный в своей преданности отчизне русский народ готов забыть и простить вождю его кровавые преступления. Жаль, что хотя бы частичкой такого великодушия не облада-

ют наши бывшие соотечественники: прибалты и западно-украинцы, пострадавшие в свое время от режима, а не от русских, которые выдерживали гнет этого режима значительно дольше и по времени, и по жестокости.

И не меньшее преступление — разжигать межнациональные конфликты и вражду к русскому народу за преступления режима, жертвой которого он был еще в большей степени.

Однако, несмотря на переполненность впечатлениями и на бешеный темп обкомовской жизни, все чаще начали посещать меня раздумия о моем будущем, когда рано или поздно закончится комсомольская работа. Партийная и советская работа, на которую, как правило, уходили освобожденные комсомольские работники, меня не привлекала, возвращение на инженерную должность просто пугало. И получалась, что я к 27 годам оказывалась без профессии и без будущего.

Однако спасительная надежда пришла с кафедры философии индустриального института, с которой я дружила со времен моторного завода и еще больше сблизилась в обкоме комсомола, поскольку преподаватели этой кафедры были активными членами нашей лекторской группы. Заведующий кафедрой, видя мой интерес к этике, а я к тому времени уже начала читать лекции по этике, заказал для меня место в целевую аспирантуру по этике в Свердловский университет. Для меня это была единственная возможная перспектива будущего трудоустройства в соответствии с моими склонностями, и я готовилась со всей ответственностью.

Но, коварное «но» возникло в последний момент, когда уже нужно было подавать документы в аспирантуру. Выяснилось, что выпускница Свердловского университета, первый год работающая на кафедре, тоже претендует на это место и, естественно, на правах штатного сотрудника имеет преимущество. Помню, когда я вышла из кабинета заведующего кафедрой, где мне объявили эту новость, я забыла дорогу в находящееся по соседству здание обкома комсомола. Это была для меня настоящая жизненная катастрофа.

Однако в очередной раз пришлось убедиться, что человек предполагает, а Бог располагает и располагает с прицелом на большую, невидимую нашему близорукому зрению перспективу. Не успела я рассказать своей Подруге, с которой мы сидели в одном кабинете, о своем крахе и выслушать слова ее искреннего сочувствия, как к нам зашел завкафедрой педагогики и психологии Тюменского университета, чтобы обсудить работу своей секции на конференции молодых ученых, которую организовывал обком комсомола.

Тюменский университет был совсем молодым, всего год назад преобразованным из пединститута, и его преподаватели не отличались общественной активностью, как и не блистали талантами. Узнав о моем обломе с аспирантурой по этике, завкафедрой предложил мне воспользоваться возможностью взять направление в заочную целевую аспирантуру по социальной психологии в ЛГУ, которое пришло к ним на кафедру, и направлять в которую им было некого. Правда, он тут же, не церемонясь, добавил: «Вы, конечно, не поступите, но мы хоть перед министерством отчитаемся».

Плохо знал он меня, как и я плохо знала себя.

Воодушевленная новой, неожиданной перспективой, я тут же начала действовать, взяла горящую путевку в санаторий в Пярну, что в Эстонии, набила чемодан библиотечными книгами по социальной психологии, которых тогда было не так много. Но к моему счастью, среди них оказалась книга Е.С. Кузьмина «Основы социальной психологии», 1967 года издания, первая отечественная книга по социальной психологии, которая помогла автору, Евгению Сергеевичу, открыть на факультете психологии Ленинградского университета первую в Союзе кафедру социальной психологии, в аспирантуру при которой мне предстояло поступать. Естественно, обо всем этом я тогда нечего не знала и понятия не имела, что в руках держу книгу своего будущего шефа и наставника, благословившего меня в психологическую науку. В санатории мне предстояло написать реферат по одной из социально-психологических тем, который требовалось представить еще до сдачи вступительных экзаменов. Самое неприятное в этой истории было то, что я никогда не видела рефератов вообще и по социальной психологии, в частности. Поселившись в изоляторе, комнате для больных, которых опять же, по счастью, не оказалось, я обложила себя книгами и как могла, написала этот злуполучный реферат.

Из санатория я сразу же заехала в Ленинград, чтобы получить вызов на вступительные экзамены. Мне в очередной раз повезло, на кафедре я застала шефа, что было не так-то просто, поскольку он появлялся на кафедре раз в неделю. Он тут же запросил мой реферат, и как ни странно, этот, как мне казалось, весьма сомнительный реферат его устроил. Мало того, узнав, что у меня сданы кандидатские по философии и иностранному, он мне милостиво объявил, что вместо вступительных экзаменов я могу сдать кандидатский экзамен по социальной психологии. Это весьма упрощало дело, поскольку

отведенного на вступительные экзамены месяца мне вполне хватило, чтобы, просиживая по 12 часов в библиотеке Салтыкова-Щедрина, изучить положенный для кандидатского экзамена список литературы и сдать этот экзамен на «5», а стало быть, и поступить в аспирантуру.

С этим радостным известием я объявилась на кафедре психологии и педагогики Тюменского университета, давшей мне направление в аспирантуру. По тогдашней своей наивности я ждала от своих теперь уже коллег радостных похвал и поздравлений, но вместо этого увидела кислые улыбки и услышала: «Еще бы вам не поступить. Столичные профессора любят молодых симпатичных девушек».

То есть мне прямо, без обиняков дали понять, как на кафедре видят цену моей победы. Обескураженная, я вышла за порог этого храма науки, тогда еще не понимая, что получила первый урок профессиональной этики, царящей в научной среде.

Бег с препятствиями

Поступление в заочную аспирантуру никак не отразилось на привычном режиме моей жизни. В обкоме комсомола была все такая же напряженная работа с командировками, различными областными мероприятиями, с непрерывным писанием каких-то докладов, справок, служебных записок, что обычно поручалось мне. Никто не собирался делать скидку на мою заочную аспирантуру, мало того, об этом даже нельзя было никому и заикаться. Это я еще поняла, когда со скандалом уезжала на вступительные экзамены, куда обкомовское начальство меня никак не хотело отпускать, выражая при этом крайнее неудовольствие какой-то там непонятной аспирантурой, явно не вписывающейся в напряженные обкомовские планы.

Не лучше дело обстояло и дома. Муж раздражался, когда видел меня за письменным столом и вообще, он был довольно требователен в быту, который, включая завтраки, ужины, стирку, уборку, целиком должна была обеспечивать я, без всяких скидок на занятость по работе и аспирантуру. И ничего не было удивительного в том, что, когда он увидел переплетенную диссертацию, то с удивлением спросил: «Когда это ты успела?»

Да, действительно, чтобы успеть за два года написать диссертацию, мне надо было немало исхитриться и весьма обдуманно спланировать свою жизнь, исключив из нее выходные. В эти дни, когда не работали следователи, по договоренности с замполитом следственного изолятора я проводила обследование несовершеннолетних преступников, находящихся в следственном изоляторе. Замполит, конечно, рисковал, когда закрывал меня с пятью подростками, сидящими в следственном изоляторе, в пристройке с пятью кабинетами, где в будни работали следователи и была вооруженная охрана. В выходные дни эти кабинеты пустовали, и естественно, охрана тоже отдыхала. И замполит на свой страх и риск выводил пятерых заключенных подростков, рассаживал их по этим пустующим кабинетам и оставлял меня одну с этими ребятами. Он запирали на замок следовательский пристрой, где я могла до обеда беседовать с ожидавшими суда подростками и анкетировать их. После обеда мне приводили следующую партию обследуемых подростков, с которыми я работала теперь уже до ужина.

Надо сказать, мне удавалось преодолевать изначальную враждебную настроенность этих пацанов. И наше общение отнюдь не исчерпывалось одним анкетированием и тестированием. Много грустного, печального и трагического узнавала я из их бесхитростных рассказов о своей жизни, жизни своей семьи и своих друзей. И чем больше узнавала, тем больше проникалась сочувствием к этим мальчишкам, начинающим жизнь с тюремных нар, но не видела способов помочь им и таким, как они.

И так с большими нервными и эмоциональными затратами я собрала эмпирический материал. Но, чтобы написать теоретическую главу и вообще познакомиться с тем, что представляет собой такой жанр, как диссертация, надо было посидеть в Ленинской библиотеке в Москве.

Но и тут мне повезло. В высшей комсомольской школе в Москве проводился двухнедельный семинар заведующих лекторскими группами обкома комсомола, куда я была и направлена. Этих двух недель, проведенных не на семинаре, а в Ленинской библиотеке, мне хватило, чтобы познакомиться с близкими по теме диссертациями и написать теоретическую главу, что, кстати, оказалось не так уж и трудно.

Таким образом, моя диссертация была подготовлена без всякого ущерба для моих бытовых и служебных обязанностей. Мало того, за это же время я дослужилась до серьезного повышения и через полтора года после поступления в аспирантуру была избрана вторым секретарем, то есть, секретарем по идеологии Тюменского горкома комсомола.

Сейчас принято хаять все советское и комсомол в том числе, с чем я никак не могу согласиться. Мало того, не завидую современной молодежи, не имеющей возможности проходить школу комсомола. Не одобряю также попытки готовить молодых лидеров в молодежных лагерях на озере Селигер, на что тратятся кругленькие государственные суммы. Это не просто пустое, но и вредное дело по отбору молодых карьеристов, неспособных и нежелающих заниматься реальными общественно-полезными делами, но при этом рвущихся к власти.

Да, в комсомоле был формализм, навязанный коммунистической идеологией, к чему мы также формально и относились, тратя на это не больше времени и сил, чем требовалось для отчетов. Но были и реальные дела: и студенческие стройотряды, и комсомольские ударные стройки, и комсомольские оперативные отряды, и комсомольский проектор, и фести-

вали, и конкурсы творческой молодежи, и спортивные соревнования, и шефство над трудными подростками. Комсомолу многое поручалось и многое с него спрашивалось.

Так и я, не успев заступить на свой пост второго секретаря горкома комсомола, тут же была строго озадачена горкомом партии немедленно навести порядок в подростковом клубе «Дзержинец» и в только что выстроенном концертно-танцевальном зале.

Этот клуб, расположенный в романтическом месте, в бывшей водонапорной баше, выстроенной когда-то тюменскими купцами, был в то время большой головной болью для городских властей. В середине 60-х годов его организовал молодой сотрудник КГБ, куда привлек подростков, желающих заниматься спортом и мечтающих о службе в органах. Затем организатор уехал, а подростки оказались предоставленными сами себе, что, конечно, плохо кончилось, и башня, по сути, дела, стала притоном.

Озадаченная партийными органами, я отправилась в башню и увидела удручающую картину: грязь, запустение и несметное количество пустых бутылок. Надо было немедленно делать ремонт, а главное, искать руководителя для этого подросткового клуба, который сможет справиться с такой, казалось бы, безнадежной ситуацией. Опрос общественного мнения вывел меня на Нечаева Геннадия Александровича, который тогда успешно руководил подростковым клубом «Кижеватовец». Улыбающийся, небольшого роста крепыш не произвел особого впечатления, но и его еще надо было здорово поуготоваривать занять этот далеко не завидный пост директора «Дзержинца». Ремонт поручили студенческому стройотряду университета, горисполком выделил стройматериалы, и с осени клуб начал работать. Не думала я тогда, что в Генсаныче, как его звали ребята, кроется настоящий Макаренко и что нас будут связывать десятилетия дружбы, сотрудничества и взаимовыручки.

Не меньшие сюрпризы преподнес мне концертно-танцевальный зал, когда вечером в разгар танцев я пришла туда. С высоты балюстрады, которая на втором этаже по всему периметру окружала просторную танцевальную площадку, открылась ошеломляющая картина. Зал был буквально забит разгоряченными, дергающимися, как в конвульсиях, телами в весьма неприятных одеждах, в которых местная братва привыкла ходить на танцы в горсад, где под каждым кустом можно было хлебнуть из горла для храбрости. Вся эта публи-

ка и все эти нравы в полной мере были перенесены сюда в современное, только что выстроенное здание концертно-танцевального зала, с той только разницей, что из горла пили не в кустах, а в туалете.

Вместе с растерянным директором я наблюдала этот кошмар и понимала, что справиться с такой бушующей стихией беснующейся толпы нет никакой возможности. И все-таки, от безнадежности, я задала ему вопрос:

— Ну а как по науке, как вас учили в институте культуры, что нужно в этом случае делать?

Директор, недавно окончивший в Ленинграде институт культуры, помнил, что в этом случае нужен художественный совет.

— Хорошо, — сказала я, — значит, создадим художественный совет из самых авторитетных представителей культуры. Кстати, кто у нас в тюменской культуре самый авторитетный?

— Самый авторитетный у нас режиссер театра кукол, — последовал ответ.

Но тут же директор уныло добавил:

— Но он не занимается никакой общественной работой и отказывает даже горкому партии. Благо, что не партийный, и его не могут прижать по партийной линии.

Уговорить несговорчивого Режиссера мне удалось доводом, что концертно-танцевальный зал при его участии может стать очагом культуры, способным повышать культурный уровень тюменской молодежи, в чем он был крайне заинтересован. И действительно так и стало. Будучи увлекающейся творческой натурой, он дал волю своей фантазии, и в ход пошли и показательные выступления балльных танцоров, и вечера при свечах, и лучшие музыканты из училища искусств, и ведущие в театральных костюмах, и искусно подобранная музыка. В концертно-танцевальный зал, как на премьеру новомодного спектакля, стало невозможным достать билет, и в итоге обком партии провел для районных секретарей на его базе показательный вечер с целью обучения и обобщения опыта.

Дружба с Режиссером продолжалась без малого 40 лет, до самой его кончины, когда мне, с его дочерью и узким кругом людей, которые когда-то работали с ним в тюменском театре, пришлось хоронить его на подмосковном кладбище рядом с тремя годами раньше умершей женой.

Его судьба оказалась незавидной. Взлет карьеры пришелся на тюменский период, когда он был замечен Министерством культуры, оформившим ему перевод в Москву главным

режиссером областного кукольного театра на Бауманской, где он успел поставить два спектакля, на которые ломилась Москва и затем он был благополучно скушан закаленными театральными интриганами. После Москвы его приглашали главным режиссером в театры разных городов, где он также не задерживался более 2-3 лет. Последним местом его работы был Владимир, но и здесь он не задержался и остался без работы, не дослужив до пенсии, что для человека, жившего театром и в театре, было катастрофой. Режиссер своей несостоявшейся судьбой представлял наглядный пример того, что недостаточно таланта, образования, работоспособности, чтобы реализоваться и в мире искусства, и в мире науки, и, видимо, в других сферах. Несмотря на все удары судьбы, он так и не освоил школы выживания в коварной и опасной среде честолюбцев, завистников и интриганов, с которыми надо научиться играть как на шахматной доске, предвидя ходы противника и предупреждая их. Целиком погруженный в творческий процесс, он не замечал хитросплетаемые вокруг него интриги, не умел выстраивать отношения с начальством, упорно не вступал в партию и вообще, в упор игнорировал все, что не касалось очередного спектакля, над которым сейчас работал. И в результате, несмотря на оглушительный успех своих спектаклей, всякий раз он был изгоняем из очередного театра, где он обычно пропадал с утра до ночи без всяких выходных. Помню, как на мои советы уделять время отдыху он отвечал: «Отдохнем там, с червячками». Увы, отдыхать, ему пришлось задолго до червячков. Из последнего Владимирского театра кукол он был изгнан, не доработав до пенсии, и почти 15 последних лет провел в бездеятельности и одиночестве в деревенской глуши.

Режиссеру я обязана приобретением своего Колокшанского пристанища — дома на Владимиро-Суздальской земле, где более 20 лет я провожу каждый июль и здесь в спокойном деревенском уединении пишу, редактирую, выдаю все самое серьезное, что было издано и под моим авторством, и под моей редакцией. Этот дом был приобретен случайно в тот счастливый 1989 год, когда мы после защиты моей докторской приехали в Колокшу, где к тому времени Режиссер приобрел себе дом, отмечать его 50-летний юбилей.

Утром, когда мы пили кофе и приходили в себя после юбилейных возлияний, на веранде раздались шаги судьбы, кто-то неизвестный и неожиданный, тяжело ступая, двигался к нам.

Вошла пожилая женщина и пригласила посмотреть соседний дом, который, овдовев, решила продавать и переез-

жать к дочери. Не собираясь его покупать, мы, тем не менее, из любопытства решили посмотреть на этот дом. Я зашла в залитую солнечным светом комнату, села на стул и вдруг со всей отчетливостью ощутила, что это мой дом. И дом действительно оказался моим, и без него вряд ли мне удалось бы издать и половину тех пособий, которые составляли первую профессиональную библиотеку для новой в России психосоциальной работы.

Приобретение нами этого дома оказалось спасительным и для Режиссера, когда он вскоре остался без работы и безвыездно в полном одиночестве, поселился в Колокше, где его по выходным навещала только заботливая жена, с которой, увы, их связывали довольно сложные, не располагающие к откровениям отношения. А выговориться и рассказать о всех своих злоключениях погрузившемуся в тяжелую депрессию Режиссеру было жизненно необходимо. И я была тем спасительным, сочувственно внимавшим ему слушателем. Я слушала его и вспоминала свою школу выживания, которая ждала меня по окончании комсомольской работы, наполненной творческой самостоятельностью, живыми делами и интересными людьми.

Школа выживания

Мое увлечение проблемами культуры и тесные деловые связи с театром, музыкальным училищем, любительскими и самодеятельными коллективами, пока я работала в горкоме комсомола, были замечены и по достоинству оценены в горкоме партии. И меня пригласили работать в аппарат горкома партии, где я должна была курировать всю городскую культуру. Переход с комсомольской работы на партийную считался завидным повышением, которого удаивался далеко не каждый комсомольский работник. Тем не менее, согласие я дала с большим трудом и колебаниями, понимая, что в горкоме партии закончится моя славная комсомольская вольница. Прельстило два довода, во-первых, мне действительно было интересно заниматься проблемами культуры, а во-вторых и главных, мне пообещали, как и положено партийному работнику, улучшить жилищные условия, то есть, дать двухкомнатную квартиру в «дворянском гнезде», тихом центре, где обычно селилось городское начальство. Против такого обещания было трудно устоять, поскольку мы жили в ведомственной однокомнатной хрущевке, полученной на моторном заводе. Кстати, должна сказать, что получение приличной квартиры — это была единственная льгота для рядового партийного работника. Зарплата в должности инструктора горкома партии у меня была в два раза ниже, чем у доцента университета, дефицитные продукты нам за наш счет выдавали только по большим праздникам, так же как ОРСы (отделы рабочего снабжения) выдавали их сотрудникам строительных, нефтяных и прочих главков, о каких-то подарках и тем более, взятках, мы и близко не слышали. Так что слухи о якобы партийных привилегиях сильно преувеличены.

В горкоме партии мне пришлось поработать почти три года. И это был, пожалуй, самый черный период во всей моей почти 50-летней трудовой биографии, о котором мне до сих пор тяжело вспоминать. Я попала в отдел пропаганды, который целиком, не считая заведующего, состоял из женщин. Наверно, страшнее, чем женщины, в партийных аппаратах никого нет. Это в массе своей были добросовестные лизоблюды

и патологические карьеристки. И я оказалась в этой среде на положении белой вороны, которых, как известно, стая заклевывает. Кроме того, положение усугубляла моя аспирантура, о которой хотя я и не заикалась, тем не менее, было известно, и это являлось безусловным преимуществом для моего карьерного роста, что еще больше возбуждало врыв негативных эмоций по отношению ко мне. И партийные дамы начали тесно дружить против меня, а они, отдать им должное, были большими мастерами в области интриг и различных подсидок. Искусно дирижировала этим враждебным бабским хором одна, приятная во всех отношениях, притворно любезная дама, занимающая должность секретаря по идеологии одного из райкомов партии, мечтающая со временем занять пост секретаря горкома партии по идеологии и считающая меня главным конкурентом на пути к этой вожделенной должности. Кстати, она так и заняла этот пост уже после того, как я ушла с партийной работы. Но как говорится, кошка скребет на свой хребет. Дама любила дорого и красиво одеваться, на что, естественно, партийной зарплаты не хватало, и она стала использовать свои партийные связи для приобретения дефицитных тогда автомобилей с последующей их перепродажей по спекулятивной цене. За эту, в общем-то невинную по теперешним временам, провинность ей пришлось дорого заплатить, ее с позором и партийным выговором освободили от занимаемой должности.

Что интересно, более чем через 20 лет мы пересеклись с ней в Израиле на международном конгрессе по социальной работе, куда я была приглашена как ученый, стоящий у истоков социальной работы в России, а даму командировали с кафедры социальной работы одного тюменского института, которая раньше была кафедрой научного коммунизма и в целях самосохранения с окончанием советской власти вынуждена была сменить вывеску. Естественно, мы оказались в разных научных весовых категориях, и даме очень льстило наше давнее знакомство, что она с удовольствием демонстрировала окружающим.

Но все это было потом, через много-много лет, а пока мне как-то надо было выжить в сплошном враждебном окружении и не просто выжить, а еще и защитить кандидатскую диссертацию, которая к тому времени уже была готова.

Спасало то, что я по долгу своей службы занималась культурой и имела возможность общаться с интересными творческими людьми. И здесь меня поджидали обломы, заданные

правилами партийной жизни. Как известно, КПСС была партией рабочего класса и трудового крестьянства. А стало быть, в ней должны были преобладать рабочие, и в райкомах партии была разрядка на прием в ее члены: семь рабочих на одного представителя интеллигенции, включая инженеров, врачей, учителей, работников культуры, то есть все, кто не относился к рабочему классу, но для служебного роста нуждался в партийном билете. Таким образом, из интеллигенции на прием в партию выстраивалась солидная очередь, в то время как рабочих было очень сложно сагитировать вступать в ряды КПСС. Шли самые податливые и внушаемые работяги. Так, позже, когда моя дипломница писала диплом по социальной адаптации олигофренов, выпускников коррекционной школы, она обнаружила, что социально адаптированные олигофрены, добросовестно работающие на заводских конвейерах, без всяких осложнений были приняты в партию. Что касается интеллигенции, то в первую очередь принимали людей с перспективой выдвижения на руководящую должность, а стало быть, как правило, сереньких приспособленцев, что особенно было заметно в учреждениях культуры.

Так, из этой среды были директор и художественный руководитель тюменской филармонии, которая влачила жалкое существование, что особенно стало нетерпимым, когда было выстроено новое современное здание филармонии, и появились молодые выпускники консерваторий. Консерваторские выпускники пришли ко мне со своими планами и предложениями в корне изменить творческие филармонические планы, а стало быть, появилась реальная надежда на оживление музыкальной жизни в городе. Однако эти планы требовалось утвердить на партийном собрании, которое состояло из директора, художественного руководителя и рабочего класса, то есть уборщиц, рабочих сцены и гардеробщиц, непривыкших возражать начальству, тем более в творческих вопросах. Естественно решающее слово осталось за начальством, которое ничего не хотело менять, несмотря на позицию и мнение представителя горкома партии, представленного в моем лице. Сменить руководство было не в моей компетенции, тем более, что бюро горкома партии вполне устраивала тишь, благодать и бесскандалность серенького филармонического коллектива.

Такой же облом мы пережили и с Подругой, которая к тому времени стала директором городской киносети. Молодые художники, с которыми Подруга дружила еще со времен обкома комсомола, взялись оформлять интерьер вновь вы-

строенного кинотеатра «Юбилейный». Ребята подобрали выразительные кадры из лучших отечественных фильмов и сделали их эскизы, которые должны были украшать стены кинотеатра. Мы с Подругой были в восторге от такого решения. Однако и здесь требовалось одобрение коллективного органа худфонда, состоящего из вышедших в тираж партийных художников, которыми, кроме тайной зависти, руководили еще и элементарные меркантильные мотивы получить высокооплачиваемый заказ. И опять мы оказались бессильными перед серостью с партийными билетами.

Подруга, кстати сказать, недолго руководила городской киносетью. Ее освободили от должности, после того как она, через год после смерти Высоцкого провела вечер его памяти, прокрутив ленты с его участием, и пригласив для воспоминаний людей, близко знавших Владимира Семеновича. Всеми любимого исполнителя своих стихов власти продолжали преследовать и после смерти. Его талант, свободолюбие, абсолютное понимание и прочувствование наших сограждан из самых разных сословий делало его близким, понятным и любимым всеми. И не было дома, где не крутились бы записи Высоцкого, как по манию волшебной палочки расходившиеся по всей стране. Не могли власти простить этой всероссийской любви и известности преследуемого и запрещаемого барда.

Нужно сказать, что ориентация на серость была вообще в стиле партийного руководства, которое не упускало возможности расправиться с яркими нестандартными личностями, даже если они руководили успешно работающими коллективами. Помню, как дошедший до обкома слух о внебрачном увлечении директора птицефабрики, которая бесперебойно, во времена продовольственного дефицита кормила город курицами и яйцами, всего лишь слух, а не жалоба жены, послужил основанием для разбора его дела на бюро обкома партии и снятия с работы. А директор действительно был яркой личностью, думающей не только о производственных показателях. Он смог выстроить для своих сотрудников целый коттеджный поселок со своей школой, детсадом, поликлиникой, домом культуры и даже, бассейном. Естественно коллектив, что называется, горой стоял за него. Но никого не интересовало ни мнение коллектива, ни производственные успехи, так хотелось партийным боссам продемонстрировать всеисильность своей власти, для которой не существовали никакие авторитеты. Были и более устрашающие расправы, кончающиеся уголовными делами и сроками. С партией шутки были плохи, и это знал каждый, кто занимал какой-либо руководящий пост.

Так что я, работая во враждебном бабском окружении и хорошо зная людоедские порядки партийных аппаратов, должна была быть ежеминутно начеку, чтобы не стать очередной жертвой партийных расправ.

Но, как говорится, нет худа без добра. Женщины своими наветами и придирками сделали свое дело, и меня исключили из списков номенклатурного роста, что позволяло мне осуществить мою заветную мечту и в соответствии с полученной степенью кандидата психологических наук уйти в университет на преподавательскую работу.

Но переход в университет все задерживался и задерживался. Наш первый секретарь, который мне приветливо улыбался и все обещал решить мой квартирный вопрос, никак не спешил с выполнением своего обещания. Будучи человеком достаточно добрым, но увы, мягкохарактерным, свои обещания он не держал не только в отношении меня. А тем временем, моя жизнь после защиты кандидатской еще более усугубилась. Меня откровенно выживали, при этом, для большего торжества нужно было, чтобы я ушла, не дождавшись квартиры, ради которой и перешла когда-то на работу в горком партии.

Наверно, так оно и вышло бы, если бы не произошли довольно неожиданные кадровые перестановки в руководстве горкома партии. Буквально за три дня до отчетно-выборной городской партийной конференции собкор «Советской России» опубликовал критическую статью в адрес первого секретаря горкома партии, где прямо назвал его обещалкиным. Нужно сказать, что тогда опубликовать критическую статью в адрес первых партийных лиц было очень не просто, нужно было собрать неопровержимые, веские факты, пройти всевозможные согласования, но если такая статья выходила, то в отличие от теперешних времен сразу следовали кадровые решения. И обком партии принял решение выдвинуть на пост первого секретаря начальника Сибжилстроя Шаповалова Игоря Александровича.

Игорь Александрович был не просто начальником Сибжилстроя, который вел строительство всех нефтегазовых городов и поселков Тюменского севера, он еще был лауреатом Ленинской премии. Эту премию с группой товарищей они получили за внедрение блочно-комплектного строительства, которое позволяло завозить на север вертолетами, где не было никаких дорог, не просто строительный материал, а целые строительные блоки, изготавливаемые на специально построенном в Тюмени заводе.

Не думаю, что с большим желанием он шел на эту партийную должность. Пройдя путь от рядового строителя до начальника главка, он хорошо знал цену партийных аппаратов. И чтобы скрыть свою неприязнь к партийным чинушам, обычно вел аппаратные совещания не поднимая глаз от стола.

Новость о смене руководства меня больше огорчила, чем обрадовала. Если прежний первый мне обещал квартиру, то новый руководитель никакими обещаниями связан не был. Но делать было нечего, скрепя сердцем я отправилась на прием к грозному Шаповалову, захватив автореферат своей защищенной диссертации. Кратко изложила свой путь от секретаря заводского комитета комсомола до секретаря горкома комсомола, упомянув о защите кандидатской диссертации, на что он выдал совершенно неожиданную реакцию. Вдруг он поднял на меня глаза, озорно подмигнул и спросил: «Что, легче стало жить?»

Как же хорошо знал он здешние нравы, что сразу, без всяких жалоб и объяснений, все понял. Квартиру я получила в первом же сдающемся доме и заодно получила возможность распрощаться с доводившей меня до отчаяния и депрессии партийной работой. Перед увольнением я зашла попрощаться с Игорем Александровичем и совершенно искренне поблагодарила его за то, что он спас меня от двух кризисов: жилищного и морального.

На что он ответил: «Ну давай, становись докторицей».

Я, конечно, усомнилась в такой перспективе, но он провидчески заверил:

— Если в декрет не зачистишь, обязательно станешь.

Урок впрок

Таким образом, вопреки всем проискам врагов мне удалось за время своей адской работы в горкоме партии выполнить все основные свои задачи: защитить кандидатскую, получить квартиру и уйти на преподавательскую работу в университет. Как ни странно, партийные дамы придумали этому довольно неожиданное объяснение. Мне сменили национальность, записав меня в еврейки, поскольку считали, что русская баба не способна так вывернуться и решить свои проблемы вопреки всему и всем. Кстати, когда я ближе познакомилась с евреями, я действительно убедилась, что русскому человеку надо учиться у евреев настойчивости и искусству достигать намеченных целей, что, однако, не должно ронять их в глазах общественного мнения. Евреям, а вернее, жидам, приписывается хитрость, изворотливость и ни перед чем не останавливающаяся погоня за золотым тельцом. Но этими качествами обладают, во-первых, не все евреи, а во-вторых, есть такие представители и среди других национальностей, включая, в том числе и русских. Поэтому жида, имея в виду все перечисленные выше качества, это понятие интернациональное.

На кафедре, куда я так стремилась, меня встретили, увы, без распростертых объятий, там было свое объяснение моей успешной защиты, от которого никто не собирался отказываться. По мнению коллег преподавателей, все объяснялось моей женской привлекательностью и доступностью. И это было, пожалуй, пообиднее, чем смена национальности.

Чтобы выявить мою профессиональную несостоятельность, меня сразу же, в первый год нагрузили «по самое не балуйся». Я должна была читать на двух факультетах общую, возрастную, педагогическую психологию, вести лабораторные занятия, кроме того, читать лекции по социальной психологии в университете марксизма-ленинизма, по линии областного общества «Знание», в областном институте усовершенствования учителей, а так же, мне навешали макаренковский ФОП (факультеты общественных профессий), в которых тогда по выбору должны были заниматься студенты.

Такие нагрузки, тем более по дисциплинам, включая общую, возрастную и педагогическую психологию, с которыми

я была совсем не знакома, потребовали весьма серьезных усилий, но и обернулись в последствии для меня очень ценным багажом, позволившим мне выйти на междисциплинарный системный анализ генезиса, природы отклоняющегося поведения, что и было положено в основу превентивной психологии.

Было трудно, но было и интересно углубляться в разные разделы психологического знания, кроме того, мне нравилось читать лекции и завоевывать внимание аудитории. Очевидно, пригодилось мое давнее увлечение театром, поскольку лектору для успешной работы необходима доля артистизма.

Но больше всего меня пугал макаренковский ФОРП. Здесь мне нужно было студентам первокурсникам рассказывать о психолого-педагогических основах работы с трудными подростками и их родителями, а потом, на втором и третьем курсе, когда они начинали шефствовать над подростками, стоящими на учете в милиции, консультировать их в решении проблемных ситуаций. Главное, нужно было по настоящему заинтересовать их этой непростой работой, поскольку выбор у студентов был большой, включая такие необременительные занятия как студенческий хор, спортивные секции, литературные кружки, что тоже считалось ФОРПами.

Свои занятия с макаренковцами я начала с вопроса: «Кто читал «Педагогическую поэму»? Оказалось, почти все. И тогда я каждого попросила припомнить самый запоминающийся эпизод из этой книги. И за каждым эпизодом, который пересказывали студенты, крылись социально-психологические и социально-педагогические закономерности, на которые А.С. Макаренко интуитивно опирался, создавая свою систему воспитания в коллективе и через коллектив, а иными словами, создавая воспитывающую среду, которая и была самым действенным фактором социализации и ресоциализации, что, по сути дела, и является главной задачей социальной педагогики. В большом долгу перед Макаренко и его педагогической системой наша социально-психологическая наука, которая еще не приступала к исследованию его системы с позиции социальной психологии, науки о социальном взаимодействии.

Помимо психологии и педагогики я привлекла к нашим занятиям психиатров из медицинского института, поскольку хорошо была знакома с завкафедрой психиатрии профессором Приленским Юрием Федоровичем. Познакомиться с ним мне довелось еще на моторном заводе, куда на перевоспитание был устроен его сын, трудный подросток, бросивший школу и стоявший на учете в милиции за драки. Парень ока-

зался талантливым художником и разрисовывал у нас 6-метровые «Комсомольские прожекторы», где волк, персонаж из известного фильма «Ну погоди!», гонялся за прогульщиками и прочими, достойными осуждения персонажами. Выпуск комсомольского прожектора был событием на заводе, и его художник, из трудных подростков перешел в разряд весьма уважаемых личностей.

И сейчас Юрий Федорович с удовольствием откликнулся на предложение о сотрудничестве и начал читать лекции моим студентам о психопатии и акцентуациях характера, и в конце концов мы организовали совместный научный кружок из моих макаренковцев и студентов мединститута.

Студенты встречались и с юристами, которые знакомили их с уголовным правом, и с Генсанычем, у которого был реальный опыт перевоспитания в клубе «Дзержинец». В итоге наш макаренковский ФОРП стал самым популярным в университете, и его посещало 150 человек — рекордное число для ФОРПов. Однако я понимала, одно дело слушать интересные лекции и встречаться с интересными людьми, а другое дело — практическая работа с трудными подростками и их семьями, и не отсее ли большая часть моих макаренковцев, когда на втором курсе они возьмут себе подшефных подростков в инспекции по делам несовершеннолетних.

Ну и здесь мои опасения оказались напрасными. Меня просто удивляли эти 18-19-летние девочки, с какой ответственностью и душой они относились к своим подопечным, знакомились с их родителями, учителями, помогали нормализовать отношения в семье и школе, помогали исправлять двойки, то есть, выполняли по сути дела обязанности социальных работников и педагогов, которых тогда и в помине не было. Все больший интерес они проявляли и к психологии, и я начала вооружать своих макаренковцев методиками для исследования личности подростков, их семей и школьной ситуации. Многие стали писать дипломные работы и в итоге, руками студентов был собран материал почти о тысяче подростков, стоящих на учете в милиции и их семьях. Мы также изучили профилактическую работу инспекций и комиссий по делам несовершеннолетних, работу подростковых клубов. К тому времени нами заинтересовались в УВД и открыли под моим руководством хозяйственную тему по подготовке психолого-педагогических рекомендаций для инспекторов по делам несовершеннолетних, которые, как правило, были выпускниками педвузов, где их никто не учил, как работать с этим контингентом.

С открытием хозтемы, смета которой предусматривала командировочные расходы, я получила возможность, не выпрашивая лимитированные университетские командировочные, ездить на все конференции, которые тогда частенько организовывал руководитель нашей секции в педобществе РСФСР Михаил Алексеевич Алемаскин, заведующий лабораторией педагогически запущенных школьников в НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук. Оказалось, что проблемами трудных подростков занимается интересное научное сообщество в разных уголках страны. Удалось побывать в Перми у А.С. Новоселовой, которая внедряла суггестивные методы психологической коррекции, проводя в релаксационных кабинетах под умиротворяющую музыку искусно составленные внушающие программы. В Воронеже доктор медицинских наук, психиатр И. Ф. Мягков с кафедрой исследовал и лечил нервно-психические заболевания, которыми страдает немалая часть трудных подростков. В Коломенском пединституте И. П. Башкатов сотрудничал с исправительно-трудовыми колониями для несовершеннолетних по внедрению в современных условиях макаренковской системы. Г.П. Сологуб, директор Очерской спецшколы для несовершеннолетних правонарушителей, с успехом претворил на практике эту систему воспитания в коллективе и через коллектив, в чем мы и смогли убедиться, побывав в этой спецшколе.

Неудержимо расширялись круг моих научных интересов и круг научного сообщества, и начинали отчетливо прорисовываться контуры моей докторской диссертации, а также будущей Концепции охранно-защитной превенции и моей монографии «Основы превентивной психологии», дисциплины, которой не было до сих пор ни у нас в стране, ни на Западе.

На кафедре, научная тема которой была методология высшей школы, к счастью, моих успехов и продвижений не замечали. И когда на кафедре шли многочасовые обсуждения на недоступном, зануценном языке абсолютно неинтересных мне проблем, в обсуждении которых я не участвовала, просматривая во время кафедральных методологических семинаров работы своих студентов. В результате чего, завкафедрой сделал мне тактичный выговор: «Светлана Афанасьевна, вы занимаетесь полезным делом со своими трудными подростками, но вы же в университете работаете и вам надо наукой заниматься. А то мы вас в школу милиции отдадим».

Знал бы он, что не пройдет и 20 лет, как основной научной темой кафедры станет социальная педагогика, они будут пользоваться моими научными трудами и приглашать меня

в качестве докладчика на конференции и оппонентом на защите докторских. А тогда я, наученная горьким опытом, простодушно ответила: «Куда мне со свиным рылом да в калашный ряд».

К тому времени я уже знала, чем меньше коллегам известно о твоих планах, намерениях и успехах, тем меньше будут тебе мешать. Так оно и было, пока дело не дошло до докторантуры, решение о которой должна была принимать кафедра. Предвидя неизбежные осложнения, я, воспользовавшись своим сотрудничеством с милицией, взяла двухмесячную стажировку в Академию МВД, чтобы поработать в библиотеке и написать теоретические главы своей докторской, поскольку эмпирический материал у меня был уже собран за две академии. Свои подготовленные главы я предусмотрительно показала заведующему кафедрой психологии Академии МВД профессору А.М. Столяренко и заведующему кафедрой социальной психологии ЛГУ, своему шефу Е.С. Кузьмину и взяла у них положительные отзывы, о чем не спешила ставить в известность коллег.

Каково же было удивление нашего заведующего кафедрой, когда я вручила ему заявление о предоставлении мне докторантуры, снабдив его увесистой папкой с моими публикациями, справками о внедрении и рефератом, кратко излагающим содержание будущей диссертации. Заседание кафедры готовилось долго, больше месяца. Надо было подготовить мне достойную отповедь, и для этой цели был выбран в качестве рецензента весьма высокомерный товарищ, выпускник факультета психологии МГУ, где он имел счастье также заканчивать аспирантуру, защитить кандидатскую, чем очень гордился, особенно передо мной, не имеющей базового образования. Правда, я в свое время отказывалась рецензировать его статьи, поскольку из-за занученного птичьего языка ничего в них не понимала. Это я позже, приобретя большой опыт знакомства с научными трудами, узнала, что, если не можешь понять, то, не смотря на всю заумь и наукообразие, и понимать нечего.

Рецензент постарался оправдать возлагаемые на него надежды и на 23 страницы моего реферата сделал 25 разгромных замечаний, причем делал их с довольно брезгливым видом, с каким обычно расправляются с насекомыми. Были и те кафедральные педагогини, которые болели за меня, но не могли мне помочь, поскольку никто из них не мог состязаться в научной эрудиции с выпускником МГУ. У них от этой сцены поднялось давление, я же спокойно, с улыбкой выслушивала своего не в меру строгого оппонента и в конце, как и поло-

жено, поблагодарила его за столь внимательное отношение к моей работе и выразила надежду, что его критика мне будет полезна в дальнейшем.

В конце своей благодарственной речи я спросила этого критика — могу ли я ему задать пару вопросов, заранее зная ответ на них. Я спросила, занимался ли он социальной психологией. На что получила ответ «нет», поскольку он специализировался по педагогической психологии. Такой же ответ получила и на второй вопрос, об отклоняющемся поведении. И тогда я скромно вытащила отзывы ведущих ученых, социального психолога № 1, организовавшего первую в Союзе кафедру социальной психологии в ЛГУ, профессора Е.С. Кузьмина и не менее значимый отзыв заведующего кафедрой психологии Академии МВД, профессора А.М. Столяренко.

Игнорировать эти отзывы на кафедре, конечно, не могли, и я получила решение о предоставлении докторантуры, то есть, два года свободы, освобождения от учебной и прочей кафедральной нагрузки. Эта шахматная игра с заранее предвиденными ходами противника была мной выиграна. Но тогда я не знала, что столкнулась не просто с самоуверенным, неспособным уважать чужое мнение молодым ученым, я получила первое представление о стиле и поведении представителей лженаучной школы, которые, прикрываясь научными авторитетами, подавляя оппонентов своей агрессией и трудно воспринимаемым понятийным аппаратом, насаждали в школе методы обучения, представляющие серьезную опасность для отечественного образования, от которых страдали и ученики, и учителя, и которые позже мне с коллегами пришлось развенчивать. Кстати, мой критикан так и не решился защищать докторскую по психологии и спустя десять лет после моей защиты на факультете психологии в МГУ защищался по педагогике в Тюменском университете.

Мне же за два отпущенных года свободы нужно было не только написать докторскую диссертацию, но и подготовить почву для переезда в Москву, поскольку мною было принято окончательное решение распрощаться с Тюменью, которая хоть и стала моей стартовой площадкой, но далась слишком дорогой ценой, чрезмерными нервными затратами был оплачен этот старт. В этом городе я не могла больше находиться, был исчерпан весь мой эмоционально-энергетический ресурс и кроме того, я понимала, что по-настоящему большой наукой мне удастся заниматься только в Москве, создать научную школу в Тюмени для меня было нереально.

С переходом в университет еще больше углубился и стал непереносимым мой внутренний психологический разрыв с мужем, который жил своей жизнью и меньше всего интересовался моими проблемами. А я все больше нуждалась в поддержке и надежном домашнем тыле. Но как раз поддержки, ни моральной, ни бытовой у меня и не было. Делиться неприятностями было нельзя, поскольку в ответ я слышала: «Так тебе и надо, сама виновата». При всей занятости я должна была обеспечивать ежедневную чистую рубашку и ужин из трех блюд. Очевидно, и его больше удерживал бытовой комфорт. Тем более, что к тому времени для этого было все необходимое: просторная квартира в центре города, машина, дача, гараж, зарплата жены, на которую можно было жить, оставляя свою на карманные расходы. Бывшему сироте, выросшему с жесточайшей мачехой, от которой его в свое время спас интернат, такая жизнь не могла не нравиться. Для окружающих наша семья смотрелась вполне благополучной, тем более, что я никому не жаловалась и по привычке скрывала свои проблемы от окружающих. И только Подруга чувствовала неладное. Она говорила, что не может бывать у меня дома, потому что я на работе одна, а дома другая, дома об меня ноги вытирают. И она была права. Тем не менее, решение о разводе зрело во мне долго и далось с трудом. Ведь чем больше вкладываешь в человека, тем больше к нему привязываешься. А вложено было немало: и в восстановление здоровья, и в создание материальной базы, и в карьеру, поскольку, работая в горкоме партии, я способствовала его выдвижению на руководящий пост. Однако через 14 лет брака чаша была переполнена, и решение о разводе было принято, тем более, я не собиралась делить с ним машину, которая была главной нашей ценностью и которой он больше всего дорожил. А что касалось квартиры, то при его должности проблемы в этом не было. И я осталась в своем гнезде, что для меня было самым важным, поскольку у меня не было ни сил, ни времени заниматься переездами.

Я уходила ни к кому и в никуда. Это был очень трудный период моей личной жизни. Спасала работа и мои макаренковцы, многие из которых стали моими друзьями, вхожими в дом. Но Тюменскому университету я обязана не только аспирантурой и докторантурой, но и тем, что здесь нашелся человек, коллега, который стал моим мужем и тем надежным тылом, которого так не хватало.

Перевал, преодоленный вдвоем

Наученная горьким четырнадцатилетним опытом своего предыдущего брака, к выбору нового спутника жизни я подходила благоразумно и в большей степени рационально. Понимая, какой сложный и тернистый путь мне предстоит в моем научном восхождении, возможных претендентов я рассматривала, прежде всего, с позиции того, насколько будут разделяться и пониматься мои научные и околонуучные проблемы, неизбежно связанные с подкованными играми и закулисными интригами.

И, как это ни удивительно, такой человек нашелся, что я поняла далеко не сразу, а спустя пять лет совместной работы. Читая лекции на математическом факультете, я долго игнорировала пристальный интерес к своим публикациям в местной прессе и университетской многотиражке симпатичного, молодого преподавателя математики, курировавшего третий курс, на котором я преподавала. Находились темы для разговора и о проблемах студентов нашего третьего курса. Но все это было на бегу, поскольку у меня всегда не было времени, да и желания углубляться в пространные разговоры.

Сближение произошло в ЛЕМШ — летней естественно-математической школе, руководить которой меня сосватал наш не в меру энергичный и настойчивый ректор.

300 старшеклассников съехалось со всей области в загородный лагерь на берегу лесной реки, где, по сути дела, были организованы подготовительные курсы для будущих абитуриентов физического и математического факультетов. Преподаватели этих факультетов приезжали проводить занятия, а я должна была жить в лагере круглосуточно и отвечать за все и всех. В помощь мне было приставлено 30 студентов третьего курса с физического и математического факультетов, которых я хорошо знала, поскольку только что прочла им курс психологии. Со студентами мы сразу договорились, что они будут называться не воспитателями и, тем более, не пионервожатыми, а старшими товарищами и будут строить отношения со старшеклассниками по принципу «Рядом, но чуть впереди». Вместо отрядов, мы изобрели название «ингры» — инициа-

тивные группы, которые в свободное от занятий время должны придумывать разные интересные мероприятия и соревноваться в их организации и проведении. Нужно сказать, что эту идею и студенты, и школьники с энтузиазмом подхватили и жизнь в нашей ЛЕМШ забила ключом, причем практически без моего участия. Мне оставалось только утром проводить планерку со своими студентами, выслушивать и одобрять их планы, а вечером в качестве зрителя наблюдать спартакиады, олимпиады, соревновательно-развлекательные программы «А ну-ка парни», «А ну-ка девушки», капустники и другие шоу.

Мой будущий муж, приезжавший утром в ЛЕМШ проводить занятия по математике, чрезвычайно заинтересовался этой программой и стал оставаться на наши вечерние мероприятия. Коротая послеобеденное время, пока наши ингры готовились в очередной раз удивлять своим творчеством и выдумками, мы разговорились, и я узнала много для себя нового и интересного об этом человеке. Он закончил физико-математическую школу при Новосибирском академгородке. Причем, попал туда по одному из первых наборов после успешного участия в областной математической олимпиаде. Учиться довелось с внучкой академика Лаврентьева и сыном академика Марчука, запросто бывать в их семьях, и что называется, с горшка впитывать академическую культуру истинно научного сообщества. Выпускники физико-математической школы готовились для поступления в Новосибирский университет. Однако ему, победителю олимпиад, успешно окончившему физико-математическую школу при академгородке, единственному устроили такой повышенный уровень требований на вступительных экзаменах, что он провалился. И когда внучка академика Лаврентьева и сын академика Марчука, с которыми он вместе учился, побежали по начальству просить за него, им без обиняков объяснили, что евреев в Новосибирский университет не принимают. А он как раз и был единственным евреем этого выпуска.

Ох уж этот пресловутый и непростой еврейский вопрос. Сколько копий ломается и ломалось об него. Да, израильтяне, книжники-фарисеи распяли Христа, но ведь и Христос, как и его мать Мария, были евреями. Так почему же в своем испуганном антисемитизме мы забываем об этом? И можно ли вообще, людей одной национальности мерить одной общей меркой.

И в моей жизни, как и в жизни каждого, попадались люди корыстные, лживые, лицемерные, использующие в своих ин-

тересах доверчивость других и не останавливающиеся в выборе средств для достижения своих корыстных целей. Но разве это были только евреи, разве среди них не было русских, украинцев, татар и представителей прочих национальностей? Так почему же эти качества мы приписываем только евреям? А разве нам не приходилось долгие годы дружить и сотрудничать с евреями, сохраняя при этом самые теплые, уважительные и доверительные отношения?

Чем больше подробностей я узнавала о том, что придется переживать евреям с детских лет в нашем интернациональном советском государстве, тем большим сочувствием проникалась к этим людям, со злополучной пятой графой и к человеку, который вскоре стал моим мужем. Когда ребенок в 3-4 года выходит погулять во двор захолустного шахтерского городка в Кузбассе, а дети ему кричат: «Жид, жид по веревочке бежит», он, конечно, идет к родителям за разъяснением, а кто такой жид. И что ему может ответить мать, врач-гинеколог, пропадая днями и ночами на дежурствах в роддоме, а тем более отец, после киевского горного института приехавший по распределению работать на кузбасскую шахту и будучи убежденным коммунистом, дослужившийся на ней до секретаря парткома.

Вот с этим чувством врожденной второсортности предстояло расти и с трудом занимать под солнцем свое место, когда порой непреодолимым препятствием становилась злополучная пятая графа. Как говорила моя близкая старшая приятельница, умнейшая женщина, вынужденная пять раз перезащищать свою докторскую по социологии: «Что поделаешь, когда работаешь не только ученым, но и евреем».

Но, к счастью, в отличие от Новосибирского университета, старейший в Сибири Томский университет не был заражен бактерией антисемитизма. И выпускника физико-математической школы после успешно сданных вступительных экзаменов приняли в Томский университет, который он с отличием окончил и в 25 лет успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Наши задушевные беседы в ЛЕМШе, на берегу лесной реки, завершились законным браком. Причем моего будущего мужа не остановило, что я была старше его на целых 8 лет. А я не испугалась выйти замуж за еврея, что по тем временам считалось зазорным. По крайней мере, когда я, работая в обкоме комсомола, сопровождала в поездке по тюменским ударным стройкам бывшую стахановку, ветерана партии и комсомола, она мне поведала, что в свои 70 лет не может выйти за

вдовца, пенсионера, бывшего министерского работника, с которым уже 7 лет дружит, потому что он еврей. И главным доводом при этом было: «А что мне в ЦК комсомола скажут?».

Интересно, чтобы сказали в ЦК комсомола, узнав, что 23% от еврейского населения воевали на фронтах Великой Отечественной войны и 150 из них были Героями Советского Союза. Я уже не говорю о таких выдающихся именах, как художник Исаак Левитан, воспевший в своих картинах русскую природу, знаменитый талантливейший физик Лев Ландау, поэт Борис Пастернак, одним из первых писателей соотечественников получивший Нобелевскую премию за свой опальный роман «Доктор Живаго», всемирно известные музыканты Давид Ойстрах и Павел Коган и т.д. и т.п. Этот список еврейских фамилий можно продолжать и продолжать, список имен людей, своим трудом и талантом завоевавших заслуженную славу и признание и в стране, и за рубежом, что, однако, не мешает многим нашим соотечественникам страдать патологическим антисемитизмом. Интересно мне объяснил один англичанин, почему в Англии нет антисемитизма. Потому, что англичане не считают себя глупее евреев. Думаю, что и те русские, которые не считают себя глупей евреев, не страдают антисемитизмом и при этом понимают, что жидовщина, в своем самом мерзком проявлении, явление интернациональное.

И как же вовремя и кстати появился в моей жизни этот молодой еврей, ставший надежным спутником, поддержкой и опорой в тяжелейший переломный период моей, да и его тоже жизни. Это было время, когда я с большим трудом, преодолевая все препятствия, чинимые мне на кафедре, где по-прежнему, несмотря на все мои публикации и справки о внедрении, отнюдь не числили меня ученым или хотя бы человеком, имеющим задатки научной деятельности, наконец, прорвалась в докторантуру. А значит, получила два года полной свободы, за которые нужно было не только написать докторскую диссертацию (это как раз была одна из менее сложных задач), но и перебраться в Москву, решить квартирный вопрос и вопрос с трудоустройством.

Нужно сказать, что намерение уехать из очень нелюбимой мной Тюмени не оставляло меня ни один год за все 19 лет, которые я прожила в этом городе. Первые годы не давала покоя мечта вернуться в любимый Таганрог. Но все время какие-то, порой самые неожиданные препятствия мешали этому. Вначале нужно было отработать положенные после вузовского распределения 3 года. Потом, когда истекли эти 3 года, мужа, как

лейтенанта запаса, получившего это звание в вузе, призвали на 2 года в армию. Мы засобирались ехать по месту службы, а после ее окончания — в любимый Таганрог. Он уехал за назначением места службы в военный округ в Омск, а оттуда через два дня вернулся с двумя тюками обмундирования, поскольку был распределен в ракетную часть, расположенную в 20 километров от Тюмени, и мог спокойно в выходные приезжать домой. И так потом все новые и новые причины: ожидание получения квартиры, окончания аспирантуры и т.д. и т.п.

Но к тому времени, когда я получила свою вождеденную докторантуру и уже не мыслила себя вне серьезной науки, стало ясно, что переезжать нужно только в Москву. Однако легко сказать, но осуществить такой план в то время было практически нереально, поскольку Москва была закрытым городом, открытым только для лимитчиков и приглашенных министерствами ответственных работников. И тот и другой путь были недоступны для меня. Вспоминаю, с какой прочувственной тоской я читала на станции в метро «Пушкинская» строки поэта «Как часто в горестной разлуке в своей блуждающей судьбе, Москва, я думал о тебе».

Осуществление этой моей мечты стало возможно благодаря моему новому мужу. В их семье была своя неразрешимая проблема: что делать с одинокой, беспомощной теткой, единственной сестрой отца и ее киевской квартирой, скромной двухкомнатной хрущевкой, доставшейся ей от родителей, в которой некиевлянину нельзя было прописаться, поскольку Киев был полузакрытый город. Там не прописывали в квартиры иногородних родственников, но менять их можно было. И тогда у нас родилась идея по разрешению всех этих проблем — запустить киевскую теткинскую квартиру в обмен на Подмоскovie, переместив меня в Подмоскovie, а тетку — в Тюмень, под крыло любимых племянников, мужа и его брата, которые имели одну на двоих общую квартиру.

Поскольку тогда не было риэлтерских компаний, то для реализации этой идеи мне пришлось освоить новую и непростую специальность риэлтора, а заодно, в поисках подходящего варианта, объехать все ближайшие подмосковные города: Люберцы, Химки, Реутово, Красногорск, Одинцово, Балашиху, Мытищи. Дело было хлопотное и трудоемкое, но не прошло и полгода, как я была прописана в Мытищах, а тетка — в квартире своих любимых племянников. Надо сказать, что счастьем этой старой, беспомощной, одинокой женщины не было конца. Но мои проблемы только начинались.

Имея прописку в ближайшем Подмосковье, я получала право на работу в Москве, а стало быть, и необходимость поиска научной работы в Москве, плюс необходимость дальнейшего обменного процесса моей мытищинской квартиры на Москву и, теперь уже бывшей моей тюменской квартиры, где к тому времени был прописан муж, на Мытищи, то есть, так называемый тройной обмен. И при всем при этом, не позднее, чем через полтора года, необходимо было завершить первый вариант докторской, оставив полгода на неизбежную доработку после обсуждения на выпускающей кафедре.

Проблема с работой решилась неожиданно и самым наилучшим образом. Так получилось, что как раз во время моей докторантуры Альберт Лиханов учредил Детский фонд, а заодно и открыл под своим руководством лабораторию детских домов в Институте общих проблем воспитания АПН СССР. Я же была прикреплена для выполнения докторской к лаборатории этого Института, изучающей педзапущенность несовершеннолетних, с которой у меня еще задолго до моей докторантуры сложились теплые профессионально-дружеские отношения. Долгое время в лаборатории Лиханова числился один сотрудник, глубокий пенсионер из Министерства образования, которому Лиханов поручил подбирать научный коллектив своей лаборатории. Однако все кандидатуры, представляемые пенсионером Лиханову, он отвергал, поскольку ему были нужны научные сотрудники, учившие жизнь не по учебнику. А как раз реального знания реальной жизни неблагополучных детей и семей у научных сотрудников академического Института не было. Зато в избытке этого знания было у меня.

Встретил меня Лиханов в своем просторном кабинете главного редактора журнала «Смена» весьма неприветливо и крайне неучтиво. Не предлагая сесть, бегло просмотрел мое резюме и с немалой долей цинизма спросил: «Что, из Сибири решила сбежать?»

Такой циничный тон и бесцеремонное отношение меня не столько смугили, сколько разозлили. И я дерзко, и также весьма неприветливо ответила: «В Сибири я как декабрист, 19 лет после института отработала, так что моя совесть перед Сибирью чиста. Давайте по существу разговаривать».

Лиханов изумленно поднял брови, и разговор действительно начался по существу. Я изложила ему, что из тысячи обследованных под моим руководством подростков, стоящих на учете в милиции, лишь не более 30% — контингент, которым должна заниматься милиция, а остальные, вместе со своими

семьями, нуждаются в профессиональной в психолого-педагогической и медико-психологической помощи, оказывать которую у нас некому, и что необходим переход от административно-карательной к охранно-защитной превенции.

Результатом этого разговора стало зачисление меня старшим научным сотрудником в лабораторию детских домов, а также то, что часть изложенной мной информации вошла в его доклад на учредительной конференции Детского фонда. Однако идея охранно-защитной превенции так и повисла в воздухе и получила свою реализацию значительно позже и отнюдь, не по инициативе Детского фонда. Кстати, хотя Лиханов и числился заведующим нашей лабораторией, больше я так ни разу с ним и не встречалась, а работать пришлось с его заместителем, Кармановым Евгением Михайловичем.

К слову сказать, Лиханов не жаловал своим вниманием не только нашу лабораторию, в которую кроме меня так больше никого и не приняли, но и других своих активных единомышленников, что потом вылилось в большой публичный скандал, когда двое волонтеров-студентов МИФИ, всерьез занимающихся воспитанниками и выпускниками детских домов, чтобы привлечь к себе внимание председателя Детского фонда, объявили голодовку прямо в его здании. Среди этих голодающих, кстати, был Алексей Головань, ставший позже уполномоченным по правам ребенка Москвы и досрочий затем до уполномоченного по правам ребенка при президенте России.

Мой рабочий день в нашей лаборатории детских домов начинался с гостиницы «Юность», где в то время находился Детский фонд. Я приходила в кабинет Карманова, где мы сидели допоздна, готовя Постановление Совета Министров по льготам для выпускников детских домов. Льготы предусматривались солидные: и предоставление жилья, и материальная помощь при обучении в вузах, и в других учебных заведениях, и льготы при поступлении и т.д. Стоит отдать должное Лиханову, ему удалось добиться принятия этого Постановления. Нужно было также добиться решения о подготовке в педвузах воспитателей детских домов и разработать для них первые учебные программы, для чего мне потребовалось поближе познакомиться с детскими домами и посетить немало этих учреждений. Нужно сказать, что это знакомство приводило меня в глубокое уныние от казенщины и бездушности, царивших в этих детских заведениях. Унылые спальни, с 15-20 одинаково заправленными койками, с пустыми прикроватными тумбочками, где, кроме зубной щетки и пасты, как правило, ничего не

хранилось. Ведь ребенку здесь не полагалось иметь ни собственной игрушки, ни какой-то другой вещицы в память о своем родительском доме.

Директриса бойко рапортовала о планах этического и эстетического воспитания. При этом для мальчишек и девочек, третьеклассников, в виду экономии на уборке, функционировал один общий туалет без всяких перегородок и кабинок и даже без унитазов, а с простыми дырками в полу.

Боком выходила для детей такая государственная, обезличенная и бездушная забота. И мы как могли, били об этом во все доступные нам колокола. В итоге у Лиханова родилась идея открытия Института детства, и нам с Кармановым была поручена разработка его Концепции. И тут я дала волю своей фантазии. Мне хотелось, чтобы это был не очередной стандартный НИИ, один из 16, какие уже были в Академии педнаук, когда научные сотрудники сами сочиняли себе научные темы и сами у себя принимали научные отчеты по выполнению этих тем, не спеша, в светских разговорах проводя два положенных присутственных дня в стенах института. Хотелось, чтобы это был некий научно-производственно-образовательный комплекс, где разрабатываются самые разнообразные социально-правовые, психолого-педагогические, медико-психологические формы помощи семье и детству, которые тут же апробируются в функционирующей при институте консультации и которым при этом можно было бы обучать в институтском образовательном центре.

Нужно сказать, что эта идея понравилась Евгению Михайловичу Карманову, и мы начали с жаром и энтузиазмом ее обсуждать. Но обсуждения длились недолго, поскольку Карманову вскоре пришлось уйти из Детского фонда из-за того, что он имел неосторожность поддержать студентов-волонтеров, объявивших голодовку в знак протеста против самого председателя Детского фонда. На его место был принят бывший директор Артека, крепко проштрафившийся по финансовой части в этой всесоюзной пионерской здравнице и исключенный по этой причине из партии. Но, видимо, работа директором знаменитого крымского пионерского лагеря и связи с нужными людьми, приобретенные на этом посту, не прошли даром. И незадачливый директор Артека был Лихановым принят вначале на пост заместителя председателя Детского Фонда, а потом, будучи кандидатом педнаук, он был утвержден директором новоиспеченного Института детства.

Этот товарищ, производивший вначале, пока я передавала ему все свои наработки, включая Концепцию Института детства, впечатление компанейского парня, очень скоро разочаровал меня тем, что начал под своей фамилией публиковать материалы, которыми я щедро с ним поделилась. И хотя после защиты докторской он настойчиво приглашал меня в свой институт, место для которого Лиханов пробил чуть ли не под стенами Кремля, на улице Грановского, желание работать с этим человеком у меня навсегда было отбито. Институт детства просуществовал, кстати, недолго, чуть больше 15 лет и влачил довольно жалкое существование, что очевидно, не лучшим образом сказалось на здоровье его директора, который умер еще раньше, чем приказал долго жить этот институт. Что еще раз подтверждало русскую пословицу «Не в свои сани не садись».

Тем не менее, работа над Концепцией Института детства мне пригодилась буквально через пару-тройку лет, когда я сочиняла Устав нашего консорциума «Социальное здоровье России».

И так, за время моей докторантуры, был решен вопрос с моей работой, и почти завершилась эпопея с обменами. Оставалось устроить на преподавательскую работу в московском вузе мужа. Он, имея достаточно обширные связи в математических кругах, относился к этой проблеме вполне оптимистично. Но не тут-то было. После вполне обнадеживающего общения со знакомым заведующим кафедрой математики его дело безнадежно застревало в отделе кадров. И когда таким образом был исчерпан весь запас его математических знакомств, нам ничего другого не оставалось, как идти на прием к нашему бывшему ректору, ставшему к тому времени председателем Комитета по науке и высшей школе Российской Федерации. Ведь недаром же его прозвали в Тюменском университете птицей с вертикальным взлетом. Наш бывший ректор встретил нас весьма приветливо, предложил кофе и после традиционного рассказа о своих успехах спросил: «Ну а ко мне зачем пожаловали?»

Услышав просьбу о трудоустройстве, он сказал, что вопрос этот непростой и в подтверждении рассказал анекдот, как в отдел кадров проситься на работу пришел один еврей. Начальник отдела кадров с сожалением ему ответил, что хотя диплом и стаж работы соответствуют запрошенным условиям, но принять на работу его не смогут.

— Почему? — спросил недоумевающий претендент.

— Потому что ты еврей, — без обиняков ответил начальник отдела кадров.

— Но у нас же демократия, — беспомощно промямлил наивный еврей.

— Ах, ты еще и дурак! — удивленно воскликнул начальник отдела кадров.

И при этих словах рассказчик в своем начальственном кресле раскатисто расхохотался. Ничего не оставалось делать и нам, как кисло улыбаться. Это был 1988 год, третий год перестройки и гласности.

Но, несмотря на трудность вопроса, с помощью председателя Комитета по высшей школе Российской Федерации, мужа взяли доцентом в скромный вуз в пригороде Москвы.

И так нам оставалось преодолеть последний рубеж в нашей затянувшейся обменной эпопее по переезду в Москву. Работая в Москве, мы имели право на обмен мытищенской квартиры на квартиру в Москве, что мы не без труда дважды проделали, обменяв вначале эту квартиру, когда в ней была прописана я, потом, когда в ней, после вторичного обмена из Тюмени, был прописан муж. Оставался съезд двух однокомнатных квартир. И этот последний этап оказался самым затянувшимся, на него ушло два года.

Дело в том, что страдая болезненной любовью к переулкам старой Москвы, я хотела жить только в историческом центре в пределах Садового кольца. А наши однокомнатные никак не устраивали разъезжающихся из исторического центра, поскольку одна квартира, хотя и находилась в престижном районе вблизи метро «Академическая», но была убогой хрущевкой, на пятом этаже без лифта, мусоропровода и балкона. А вторая — современная, с лифтом и мусоропроводом, напротив, на тогдашней окраине вблизи МКАД.

После двух лет безнадежных поисков и попыток съехаться совершенно самым неожиданным и чудесным образом нашелся вариант, о котором нам даже и не мечталось. Мы въехали в небольшую трехкомнатную квартиру на Сивцевом Вражке, в огромный 8-ми этажный дом, который в начале 30-х годов построил для сотрудников Наркомтяжа Орджоникидзе.

О, этот знаменитый переулок Сивцев Вражек, на котором так любили селить своих героев русские писатели, а Осоргин так и назвал свой роман, написанный в эмиграции, «Сивцев Вражек». Максудов, герой булгаковского «Театрального романа», здесь читал свою пьесу на квартире не понявшего его мас-

титого режиссера, в образе которого писатель спародировал знаменитого Станиславского. И даже Ильф и Петров, выбрали место, где Киса Воробьянинов зарезал незабвенного Остапа Бендера — общежитие на Сивцевом Вражке.

Вот чем по воле Всевышнего увенчалась моя страстная и многолетняя мечта о Москве. И мне вспомнилось, как задолго до переезда сюда в задымленной Москве жарким, страдающим подмосковными пожарами летом 1972 года я очутилась в этих переулках и, забыв про усталость, жару, задымление, без устали, словно на каких-то невидимых крыльях, с невероятным душевным подъемом носилась по этим местам, где через 20 лет мне предстояло жить. Неужели это тоже был неразгаданный мной тогда Знак Судьбы?

Роман, который принес мне свои сюрпризы

Переезд на Сивцев Вражек совпал еще с одним замечательным событием: здесь я неожиданно смогла освободиться практически от всех своих производственных забот по месту работы в своем НИИ общих проблем воспитания Академии педнаук, который к тому времени мне изрядно поднадоел. Меня разыскал Юра Слоневский, практический психолог, работающий в Центре психического здоровья, организовавший с друзьями психологический кооператив, которые тогда только что были разрешены правительством. С Юрой мы познакомились случайно, на последнем съезде общества психологов СССР, который проходил в 1988 году. Хотя, как известно, ничего случайного в этой жизни не бывает. Юрин кооператив, в котором работали не остепененные психологи, для солидности нуждался в консультанте, докторе наук. При этом Юра мне объяснил, что от меня потребуется всего лишь иногда присутствовать на переговорах с заказчиком, изображая важный вид доктора наук. За это мне полагалась ежемесячная зарплата аж в 500 рублей, что почти в два раза превосходило мою зарплату ведущего научного сотрудника в НИИ общих проблем воспитания. Я с готовностью согласилась и тут же написала заявление о переводе меня в институте на полставки, что давало возможность появляться там раз в неделю с наименьшей нагрузкой.

Таким образом, у меня выкроилось время, в котором я так нуждалась для завершения моей книги «Основы превентивной психологии». Идея этой книги зародилась во время прохождения через кафедру социальной психологии МГУ моей докторской. То есть, пока докторская ходила по рукам моих рецензентов перед очередным ее обсуждением на кафедре, я имела свободное время для работы над этой книгой, находясь при этом в хорошей творческой форме, не позволяющей мне расслабляться. Задумка была более чем серьезной. Выяснив со своими макаренковцами, что большая часть стоящих на учете в милиции подростков и их родителей нуждаются в разнообразной профессиональной помощи, необходимо было научно описать причины деформации их психосоциального раз-

вития, с тем чтобы затем осуществлять адекватную этим причинам помощь и подросткам, и их родителям.

То есть, требовался так называемый, системный междисциплинарный анализ генезиса отклоняющегося поведения, для чего, конечно же, было недостаточно знаний только одной социальной психологии, по которой была подготовлена моя докторская. Здесь требовались знания и возрастной, и педагогической психологии, и патопсихологии. Конечно, очень пригодилось, что в свое время на кафедре в Тюменском университете меня нагрузили читать все эти дисциплины. Сейчас нужно было вычленить как бы их сухой остаток, объясняющий причины отклонений в развитии детей и подростков.

Очень мне также пригодились результаты судебно-психологических экспертиз, которые я проводила в бытность моей работы в Тюменском университете. Особенно уникальным было тобольское дело, к которому меня привлекли молодые следователи УВД. Они не могли поверить, что десять подростков 14—16 лет полгода держали город в страхе, совершив бесчисленное количество грабежей и семь убийств, и действовали самостоятельно, без старшего опытного преступника. Поскольку опыта судебно-психологических экспертиз в то время практически не было, они поставили передо мной не свойственный для психолога вопрос: выявить взрослого преступника-наставника. Я, также не знакомая с кругом вопросов, относящихся к судебно-психологической экспертизе, самонадеянно согласилась.

Начала с того, что просмотрела тома дела с фотографиями жертв малолетних убийц, от которых у меня волосы вставали дыбом. Выяснилось, что во всех семи убийствах участвовали только двое подростков: Тищенко и Кузнецов. Остальные после первого убийства в шоке ретировались и больше не принимали участия в этих преступлениях. Однако, когда я стала проводить социометрию, спрашивая каждого из десятиртых, с кем бы он хотел оказаться в зоне, все дружно называли Тищенко, объясняя при этом, что он спокойный, рассудительный и с ним можно по душам поговорить. И вместе с тем, все как один, были враждебно настроены по отношению к Кузнецову, который, как и Тищенко, был участником всех семи убийств. То есть, один из этих убийц был явным лидером, второй явным аутсайдером, но что-то их неуловимо связывало. Что?

Ответ на этот вопрос пришел при более близком знакомстве с каждым из них. Валерий Тищенко особенно поразил меня. Это был привлекательный, интеллектуально развитый,

синеглазый юноша, совершенно адекватно оценивающий каждого из участников этой преступной группы, как и адекватно оценивающий тяжесть совершенных преступлений. При этом он говорил: — «Не могу смотреть на свои руки. Это руки убийцы. И зря таких, как я, не расстреливают, а по малолетству дают только 10 лет. Я ведь не исправлюсь». И как объяснял, жестокость передалась ему от отца, первым воспоминанием о котором было то, как отец пытался на шарфике повесить полторагодовалого брата. Мать разошлась с отцом, когда Валерию было 6 лет. Он хорошо учился и даже после пятого класса, как лучший ученик, отдыхал в пионерском лагере «Артек». Мать рассказывала, что она только раз наблюдала у сына вспышку агрессии, когда он буквально чуть не разорвал щенка, который играя, укусил его за палец.

Вот такие же, неуправляемые вспышки агрессии вызывал у Тищенко задиристый, здоровенный Кузнецов, в состоянии которой и были совершены все семь убийств. Кузнецов же, в отличие от спокойного и мужественно державшегося Тищенко, при беседе с ним был весь в слезах и соплях и очень боялся неотвратимого наказания, т.е. десяти лет колонии, которые полагались несовершеннолетним за столь тяжкие преступления.

Так, на примере убийств, совершенных спокойным и рассудительным Тищенко, было наглядно продемонстрировано действие неосознаваемого регулятора социального поведения — фиксированной установки, открытой в середине XX века грузинским психологом Д.Н. Узнадзе. Фиксированная установка, готовность к определенному виду деятельности и реакции формируется не осознаваемо в раннем детстве за счет подражания, внушения, импринтинга — запечатления. Как и была сформирована фиксированная установка на неуправляемую агрессию у Тищенко за счет подражания отцу-садисту. Но и проявляется эта фиксированная установка также не осознаваемо, в обход сознанию, как реакция на некий раздражитель. В данном случае таким раздражителем для Тищенко и было поведение задиристого и агрессивного Кузнецова.

Так что моя судебно-психологическая экспертиза, проведенная в далеком 1979 году, не только позволила убедить следователей, что не было никакого взрослого преступника, руководившего группой подростков, но и вывела меня еще на один пласт очень важных причин преступного поведения, кроющихся в подсознании, в подкорке. Действительно, наше сознание регулируется корой головного мозга, тонким образованием, толщиной в шесть нервных клеток. А ос-

тальные полтора килограмма нашего серого вещества таят в себе непредсказуемые, плохо поддающиеся изучению и коррекции пласты подсознательного, с которыми также необходимо научиться справляться в превентивной практике.

З. Фрейд когда-то нашел объяснение причин психосоматических заболеваний за счет вытесненных в подсознание запретных либидозных влечений. И в результате изобрел психоанализ — первый психотерапевтический метод, позволяющий с помощью многочисленных искусно проводимых сеансов извлекать из подсознания вытесненные комплексы и избавляться от них. Но так он исцелял психосоматические заболевания, здесь же речь идет об агрессии и неосознаваемых регуляторах преступного поведения. К решению такой проблемы в то время психология была не готова. Ближе других к коррекции фиксированных установок подошла пермская педагог-психолог Алевтина Степановна Новоселова, практикующая суггестию, внушающие методы нейтрализации негативных и формирования позитивных неосознаваемых психологических регуляторов социального поведения. Но и она боялась открыто публиковать свои работы по запрещенной в свое время проблеме бессознательного.

Это потом, спустя 20 лет, в психологической консультации нашего Консорциума «Социальное здоровье России» Николай Дмитриевич Линде апробировал свой уникальный метод эмоционально-образной терапии, позволяющий за 2-3 сеанса буквально творить чудеса, исцелять хронические заболевания, справляться с депрессией, агрессией и другими тяжелыми состояниями, накопленными в подкорке.

Итак, при работе над своей книгой «Основы превентивной психологии», мне требовалось перелопатить воз литературы, обдумать непростые вопросы, до которых еще не добралась наука, а заодно заново проанализировать результаты исследований, которые мы проводили со студентами-макаренковцами при подготовке дипломных работ.

Для этого необходимо было время и подходящие условия, чтобы не отвлекаться на другие дела. И сейчас я получила и такое время, и такие условия.

Но написать — еще не значит издать. И здесь у меня начались свои неожиданные мытарства.

Неожиданными они были потому, что вначале своего научного пути мне удивительно повезло с изданием моих первых работ, в которых я была весьма и весьма не уверена. Ведь когда-то, после защиты кандидатской я также, будучи пере-

полненная и знаниями, и впечатлениями, при первой же выкроившейся мне возможности, находясь на обследовании в областной больнице и уединяясь после обеда в кабинете врачей, написала научно-популярную книжицу «Этот опасный возраст». И настолько была не уверена в ней, что целый год не решалась никому показать свою рукопись. И когда в Тюмень приехал Валера Хилтунен, корреспондент «Комсомольской правды», чтобы познакомиться с нашим клубом «Дзержинец», он своей простотой и доступностью так расположил меня, что я решилась показать ему свою рукопись. Мое творение ему понравилось, и он увез его с собой в Москву, чтобы отдать Ольге Гдальевне Свердловой, редактору тогда страшно популярного ежемесячного издания «Педагогический факультет», издаваемому обществом «Знание».

Прошел еще год, когда, будучи в Москве, я решилась зайти в эту редакцию, расположенную в Политехническом музее. Воображение отчетливо рисовало мусорную корзину, из которой редактор извлекает мою злосчастную рукопись. Однако редактор, элегантно красивая женщина, которой оказалась Ольга Гдальевна Свердлова, узнав, что я автор «Этого опасного возраста» непритворно обрадовалась и сказала: «Ну наконец-то объявился этот автор. Мы ведь уже поставили вас в план на ближайшее время и не знали, где вас искать».

Дело в том, что я, отдавая рукопись, по неопытности не снабдила ее ни адресом, ни телефоном. «Этот опасный возраст» вышел в начале 1982 года тиражом в 403 600 экземпляров и сразу принес мне широкую известность как автору, а главное, очень пригодился при защите докторской, где требовался солидный список литературы, изданной в центральных издательствах.

Потом еще раз мне несказанно повезло с публикацией в недоступном тогда для провинциального автора «Психологическом журнале», издаваемом Институтом психологии РАН. На одной из секций научной конференции по социальной психологии, которая проходила в Костроме, я делала сообщение по теме «Подростковый клуб как институт ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей». И вдруг после моего сообщения ко мне подошел человек небольшого роста и совсем непримечательного вида, который был заместителем главного редактора «Психологического журнала», Шустиков Виктор Степанович, фактически отвечающий за комплектование содержания этого журнала. Он сказал, что ему понравилось мое выступление, и заказал мне эту статью в свой

журнал. Опубликоваться в ведущем научном академическом журнале для защиты докторской было крайне важно, и вряд ли я смогла бы это сделать, не прояви бы Виктор Степанович интерес к моему выступлению. С огромным уважением и благодарностью вспоминаю этого человека, которого, к сожалению, вскоре сбил автомобиль во время его ежедневной утренней пробежки.

Где сейчас такие редакторы и такие журналы? Ни для кого не секрет, что сейчас наступили времена, когда для того, чтобы опубликоваться в так называемом ВАКовском журнале, необходимо заплатить кругленькую сумму. При этом, когда получены деньги, мало кого волнует содержание статьи.

О времена, о нравы. Получается, не все было так плохо в те достославные советские времена, о которых стало модным пренебрежительно отзываться.

Но тем не менее, с изданием моей, по настоящему научной солидной книги «Основы превентивной психологии», начались сплошные обломы. И причины обломов были в главном достоинстве этой книги — в ее междисциплинарности. Три года я мыкалась по разным редакциям. В «Юриздате» мне говорили, что в книге больше психологии, чем юриспруденции, в издательстве «Просвещение», что здесь не столько психологии, сколько педагогики и юриспруденции, в «Педагогике», что в ней недостаточно педагогики и т.д. и т.п.

А тем временем идеи, заложенные в этой книге, еще до ее издания уже начали получать международное признание. По крайней мере, когда я по приглашению ректора Академии социальной работы Вены Хайнца Вильфинга сделала в Вене на международной конференции доклад по превентивной психологии, он запросил у меня статью в национальный психологический журнал «Психология в Австрии». И самое удивительное, что снабдил эту статью своей преамбулой, в которой написал: идеи русского автора так новы, что нам придется их осваивать. И это на родине самого Фрейда.

Нужно сказать, что если в докторской, которая была посвящена социально-психологическим проблемам социализации и десоциализации, я больше опиралась на работы московских авторов, то в превентивной психологии научной основой для системного междисциплинарного анализа генезиса отклоняющегося поведения послужил принцип монизма, единства и взаимосвязи биологического и социального в личности, которого придерживался Б.Г. Ананьев, основатель ленинградской психологической школы, ставший деканом пер-

вого в стране факультета психологии, открытом в 1966 году в Ленинградском университете. Борис Герасимович, будучи учеником В.М. Бехтерева, считал, что человеческое развитие определяется как социальными, так и биологическими факторами, то есть, наследственностью, средой, воспитанием, собственной деятельностью и активностью личности. В то время как деятельностная теория А.Н. Леонтьева, основателя московской психологической школы и первого декана факультета психологии МГУ, открытого на год позже, чем в Ленинградском университете, исключала роль биологических факторов. Увы, такой подход не позволял в полной степени объяснять природу отклоняющегося поведения и соответственно, рекомендовать научно обоснованные меры превенции.

Главный сюрприз, который принес мне этот «роман» — «Основы превентивной психологии», был все-таки в другом и к тому же совершенно неожиданным. Моя вольница практически полной свободы от всяких посторонних обременений не продлилась и трех месяцев. Где-то в ноябре 1990 года обо мне вспомнил Андрей Михайлович Панов, который к тому времени был заместителем председателя Комитета по делам семьи и демографической политике РФ, созданном в обновленном российском правительстве после избрания Ельцина президентом России. С Андреем Михайловичем дальновидная судьба нас свела, когда два года перед защитой докторской я работала во ВНИКЕ «Школа-микрорайон», где руководила научным направлением по профилактике отклоняющегося поведения детей и подростков. Андрей Михайлович в то время был секретарем комиссии по делам несовершеннолетних при совете министров Российской Федерации. Заразившись моей идеей охранно-защитной превенции, он имел неосторожность пригласить меня с выступлением на заседание российской комиссии по делам несовершеннолетних, которую возглавлял пожилой старорежимный министр. Мои революционные речи с разностной критикой существующей административно-карательной превенции, которая вела к росту детской преступности, так перепугали этого старорежимного министра, что он запретил Панову впредь приглашать меня в Белый дом.

Но времена изменились, пришло новое правительство, возглавляемое И.С. Силаевым и укомплектованное молодыми, современно мыслящими министрами. Вновь созданный Комитет по делам семьи и демографической политике возглавила Гребешева Инга Ивановна, женщина решительная, готовая браться за претворение в жизнь самых смелых новых идей, а

главное, открыть, наконец, в России социальную работу. Потребовалось научное обеспечение этих наполеоновских планов, и Панов, ее зам, вспомнил обо мне и пригласил меня в Белый Дом, к Гребешевой.

Я вошла в просторный кабинет председателя Комитета по делам семьи и демографической политики, навстречу поднялась крупная белокурая женщина, крепко пожала мою руку и задала мне неожиданный вопрос: «Сколько ты получаешь в своем институте?»

Поскольку кроме зарплаты в институте мне еще и приносили домой мои кооператоры каждый месяц 500 рублей, я, конечно, не могла ей сказать, сколько я получаю и на вопрос ответила вопросом: «А что вас так заинтересовала моя зарплата?»

— Переходи к нам, — решительно потребовала Гребешева, — мы тебе платить будем больше. — И стала рассказывать, что в планах ее Комитета на введение социальной работы открытие психологических служб и вообще перевод социальной политики на западные цивилизованные рельсы.

Наверное, большего единомышленника, чем я, Инга Ивановна вряд ли могла бы найти. Но стать чиновником и перейти на работу в их Комитет я отказалась, сказав, что больше могу пригодиться как ученый. Договорились, что меня зачислят научным консультантом при условии, что рабочее место у меня дома и в их казенном учреждении буду появляться по мере необходимости. Первым заданием мне было прописать все необходимые условия для реализации тех грандиозных планов и задач, которые ставила перед своим Комитетом и новой российской социальной политикой Гребешева.

Я обозначила несколько пунктов, за каждым из которых стояло непечатое поле нереально трудоемких проблем. Нужно было разработать нормативно-законодательное обеспечение, создать финансово-ресурсное обеспечение, то есть, заложить немалый государственный бюджет, решить проблемы с помещением и оборудованием всех этих новых социальных учреждений, решить проблему кадрового обеспечения, то есть, открыть вузовскую подготовку новых для России специалистов-социальных работников и педагогов, практических психологов, создать научно-методическое обеспечение и учебного процесса, и практической работы специалистов, которым тогда не располагала отечественная наука. И самое главное и самое трудное — убедить правительство и Думу пойти на все эти траты.

Услышав про все эти весьма непростые условия, решительная Инга Ивановна крепко задумалась.

— Ну и что будем делать? С чего начинать? — Последовал резонный вопрос.

На этот вполне ожидаемый вопрос у меня, конечно, был заготовлен ответ.

— Надо учредить ВНИК, временный научно-исследовательский коллектив, который и обоснует необходимость всех этих мер и разработает научно-методическую базу для вузов, готовящих этих новых специалистов, а заодно и научно-методическую базу для практиков, которые начнут работать в этих новых учреждениях.

— Ну и как собираешься обосновывать? — Спросила Инга Ивановна.

И тут, конечно, я заговорила о своей так давно вынашиваемой охранно-защитной Концепции, предполагающей решать проблемы детской преступности мерами профессиональной и адекватной помощи, поддержки и защиты семей и детей группы риска.

Инга Ивановна живо смекнула, как убедительно будут звучать для правительства предложения новых, эффективных, современных, отнюдь не совковых мер предупреждения преступности несовершеннолетних. И сразу же дала добро на создание ВНИКа со скромным названием «Государственная система социальной помощи семье и детству», где я и занялась разработкой Концепции охранно-защитной превенции, основой для которой послужила практически завершенная к тому времени моя книга «Основы превентивной психологии» со своим системным междисциплинарным анализом генезиса отклоняющегося поведения.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается

Однако, прежде чем заняться моей долгожданной работой над охранно-защитной Концепцией, предстояло пройти через труднопроходимые бюрократические тернии, то есть подготовить Постановление правительства об открытии ВНИКа «Государственная система социальной помощи семье и детству», который рассчитывался на 3 года, а значит, на все это время требовалось разработать поэтапное техническое задание и просчитать его финансирование. Задача для меня была непосильная, и в этот воз впрягся Панов Андрей Михайлович. Допоздна сидели мы в его кабинете в Белом Доме, нещадно споря и ругаясь. Причем особенно несдержанной была я, что терпеливо сносил Панов, и о чем мне потом спустя годы пришлось просить у него прощения. На что великодушный Андрей Михайлович ответил, что он никогда не обижался на меня, поскольку понимал мою заинтересованность в этом деле и мою женскую эмоциональность. Три месяца ушло у нас на подготовку и согласование этого документа об открытии ВНИКа.

Однако, когда Постановление наконец 15 марта 1991 года было подписано, возникла новая, еще более трудно разрешимая проблема с помещением, где будет размещаться наш ВНИК. А ведь нам требовался не только кабинет, но еще и зал, где будут проходить сессии, столовая, где будут питаться сотрудники и члены ВНИКа, приезжающие на его сессии. Бедный Андрей Михайлович, сколько безуспешных попыток сделал он в поисках нашего пристанища, пока, наконец, ключ от помещения не принесли мне домой на блюдечке с голубой каемочкой, как любил говаривать незабвенный Остап Бендер.

И спасение, как ни удивительно, пришло от Свердловского райкома комсомола.

Проворные и предусмотрительные ребята там работали, достойные ученики Михаила Ходорковского, который в конце 80-х открывал при Свердловском райкоме комсомола молодежные научно-технические центры.

Ребята, следуя веяниям времени, учредили при своем райкоме комсомола Фонд социализации, и, опять же для солид-

ности, им потребовалось научное сопровождение, с чем и явился ко мне домой секретарь райкома комсомола. Действовать мы решили на взаимовыгодных условиях и сторговались быстро. Мы им — научное сопровождение, а они нам — помещение. И мы разместились в здании Свердловского райкома партии и райкома комсомола, в центре Москвы, по соседству с общеизвестной Петровкой, 38. Комсомольцы щедро выделили нам кабинет со столами, шкафами, телефоном и даже пишущей машинкой. В этом здании, естественно, был и зал, и столовая, короче, все условия, необходимые для работы нашего ВНИКа. И что интересно, нашим щедрым хозяевам в итоге не потребовалось никакого научного сопровождения. Всякий раз, когда я, в соответствии с намеченным нами планом, заходила в кабинет секретаря райкома комсомола, заваленный какими-то коробками с обувью, техникой и прочим товаром, он торопливо говорил мне: «Ладно, ладно, потом, потом, сейчас не до того, я занят, как освобожусь, сам к вам зайду».

На мое счастье, освободиться у него так не получилось. Да и мне к тому времени, как начал работать ВНИК, уже было не до комсомольцев и их Фонда социализации.

Техническое задание ВНИКа, кроме разработки Концепции охранно-защитной превенции, предусматривало разработку научно-методического обеспечения вузовской подготовки специалистов по социальной работе. А это, как нам объяснили западные консультанты, означало необходимость разработки более сотни учебных программ по самым разным дисциплинам: психологии, социологии, педагогики, медико-социальным, социально-экономическим, социально-правовым дисциплинам, ориентированным на поддержку, защиту и помощь социально-уязвимым слоям населения: инвалидам, одиноким старикам, безработным, алкоголикам и наркозависимым и конечно, в первую очередь, детям и семьям группы риска. То есть, требовался большой научный коллектив разнодисциплинарных практико-ориентированных ученых с уже имеющимися наработками. Увы, в 16 научных институтах Академии педнаук таковых не оказалось. Не входило в научные планы академических ученых заниматься униженными и оскорбленными.

Но Россия — удивительная страна. В ней всегда вопреки всем и всему находят чудачки, которые без всякого морального и материального поощрения занимаются не нужными сильным мира сего, неблагодарными проблемами социального оздоровления общества с помощью гуманных, научно

обоснованных мер. Со многими из таких чудачков я была знакома благодаря нашим научно-практическим конференциям по линии педобщества, проводимым в разных городах к тому времени уже покойным Михаилом Алексеевичем Алемаскиным. У моих знакомых были свои такие же знакомые чудачки. И уже на первую сессию ВНИКа, которая проходила в начале апреля 1991 года, приехало около 150 специалистов, готовых поделиться своими, ранее никому не нужными наработками.

Стояла проблема, как организовать работу этого весьма немалого и разношерстного коллектива. Для начала он был разделен на группы по специализации дисциплин. И потом был выбран некий пульсирующий метод работы. Вначале на пленарном заседании всем объяснялось, что такое социальная работа и с кем она проводится, потом все расходились по своим группам и там уже обсуждалось, какие учебные программы и в каком объеме по каждой дисциплине потребуются и кто будет их автором. Потом снова все собирались вместе, выслушивали предложения каждой группы. При этом выяснялось, что каждая дисциплина претендует на такое количество аудиторных часов, которое не вмещает пятилетний учебный план, и необходимо сокращение с учетом интересов смежных дисциплин. Ну, естественно, завязывался шумный спор, который мне приходилось гасить поиском компромиссного варианта.

Этот пульсирующий метод работы оказался вполне эффективным, но его успешность весьма зависела от руководителя группы и его профессиональной и личностной готовности воспринимать идею и суть социальной работы.

С подбором руководителей группы психологов и социологов помог все тот же Юра Слоневский, с которым я, якобы случайно, когда-то познакомилась на съезде психологов. Он хорошо знал весьма немногочисленных для того времени практикоориентированных ученых-психологов. И посоветовал в руководителя этой группы Бориса Юрьевича Шапиро, доцента факультета психологии и педагогики Московского педагогического университета, который оказался совершенно незаменимым моим помощником и заместителем по ВНИКу и который, в свою очередь, смог собрать коллектив единомышленников, выдавший более 30 учебных программ по психологии, необходимых для социальной работы. Борис Юрьевич привел в руководители группой социологов весьма профессиональную социологиню из Института социологии, занимающуюся, как и он, проблемами семьи и демографии Дементьеву Изабеллу Федоровну.

Других руководителей группами юристов, медиков, педагогов советовали представители заказчика из числа знаковых именитых ученых. И тут я столкнулась с весьма неприятным парадоксом. Именитые ученые никак не воспринимали и не понимали сути социальной работы и служили явным тормозом и помехой, от них надо было срочно отказываться и заменять на менее именитых, но более работоспособных. Отказываться от протеза заказчиков — это означало идти на открытый конфликт со своим начальством, которое финансировало ВНИК и в конечном счете, должно было принимать и оценивать результаты его работы. Но ничего другого не оставалось. И начало нашей работы, наряду с выявившимся несусветным объемом, который надо было выполнить в крайне сжатые сроки и с крайне скудным финансированием, омрачилось острым конфликтом и соответственно, весьма неприятным отношением ко мне начальников почти всех подразделений Комитета по делам семьи и демографической политики, главным нашим заказчиком.

Особенно много неприятностей доставила вынужденная отставка руководителя группы юристов, весьма именитого ученого, заслуженного деятеля науки, главного специалиста в стране, выдававшего рекомендации по профилактике правонарушений несовершеннолетних, того самого, который когда-то публично на конференции возмущался фильмом Шукшина «Калина красная», призывавшем, так сказать, милость к павшим, что особенно и не нравилось именитому ученому-юристу. Идеи социально-правовой охраны и защиты семьи и детства были не только новы, но и абсолютно чужды этому товарищу. Он привык мыслить категориями уголовного наказания, то есть какой, кому и за что давать срок, с тем, чтобы всем остальным было неповадно. Выдворить его оказалось весьма непросто, поскольку он обратился с жалобами к моему начальству, грамотно изложенными на бланке с грифом НИИ прокуратуры. Но все-таки мои доводы сработали, и с этим принципиальным товарищем удалось расстаться. Однако, несмотря на немалое число московских юридических вузов и НИИ, в Москве мне не удалось найти ученого специалиста по социально-правовой охране семьи и детства. Выручили юристы из свердловского профсоюзного института.

Тогда я не предала значения этим трудностям в поиске специалистов по вопросам социально-правовой защиты. А ведь это уже было грозное предупреждение того, какая непростая судьба ждет мою Концепцию охранно-защитной превенции.

И так, на первой сессии ВНИКа, которая прошла в начале апреля, мы отобрали авторов нужных учебных программ, и поскольку заказчик требовал эти программы к 1 сентября, договорились, что их привезут на следующую сессию, в конце июня.

Однако заказчики были весьма обеспокоены результатами этой первой сессии. Мало того, что я отказалась сотрудничать с протезированными ими именитыми учеными, да еще и среди тех, кому была доверена разработка учебных программ для вновь открывающихся факультетов социальной работы, были никому не известные, провинциальные кандидаты наук. Дело еще усугублялось и тем, что со всеми начальствующими аппаратчиками своего заказчика — Комитета по делам семьи и демографической политики — у меня к тому времени были напрочь испорчены отношения. Оставалась поддержка в лице только одного человека, Панова Андрея Михайловича. Но и ему было непросто в одиночку держать оборону, да очевидно, он и сам сомневался в качестве научного продукта, который выдаст наш ВНИК, состоящий из никому не известных людей. И тогда он принял гениальное решение: пригласить на июньскую сессию авторитетного международного эксперта, президента международной Ассоциации высших школ социальной работы, профессора из Канады Ральфа Гарбера.

Июньская сессия проходила в пору роскошных белых ночей в Петербурге, где нам выделили здание пустующего интерната, дети из которого были вывезены в лагерь. Предстояла адская работа — выслушать 117 учебных программ по разным дисциплинам, которые привезли наши авторы. Вначале эти программы обсуждались в группах, потом авторы, вместе со своими трудами, отправлялись ко мне на балкон, где излагали мне свои идеи, выслушивали замечания и вносили исправления, возникшие после коллективного обсуждения в группе и индивидуальной беседы со мной. Гарберу тем временем предложили десяток программ по самым важным дисциплинам, которые он изучал вместе с переводчиком.

Самые большие опасения вызывала самая ключевая и самая объемная программа на 272 аудиторных часа «Теория и технология социальной работы», подготовил которую никому неизвестный доцент из захолустного Новомосковска Тульской области Данакин Николай Семенович. Что интересно, на первой сессии, когда в группах отбирались авторы учебных программ, не нашлось желающих взяться за эту абсолютно новую дисциплину, раскрывающую теорию и технологию ни-

кому толком неизвестной в нашей стране социальной работы. Николай Семенович, хотя и принимал участие в работе группы социологов и пытался доложить коллегам о своей готовности взяться за эту программу, но при этом, своей сбивчивой, заикающейся манерой изложения не смог себя достойно презентовать. И группа не рекомендовала его в авторы этой новой и самой сложной программы.

Когда сессия закончилась и все разъехались, ко мне подошел скромный, застенчивый человек с потертым, распухшим от бумаг портфелем и начал объяснять, что у него есть материал, чтобы подготовить злополучную программу по теории и технологии социальной работы. Действительно материалов у него оказалось в таком избытке, что он сам в них утонул и потому не мог доходчиво и системно доложить свои намерения. Мы посидели с ним, разобрались в его залежах, составили структуру программы, и не прошло и месяца, как объемнейшая программа была им привезена. Надо сказать, он прямо-таки оказался Михайлом Ломоносовым в социальной работе, поскольку, помимо «Теории и технологии социальной работы», подготовил еще 17 программ по социологии и социальным технологиям, по социологии и социальным процессам. И все эти, никем не затребованные залежи копились в его столе, пока он после окончания факультета философии МГУ почти 20 лет преподавал студентам марксистско-ленинскую философию. Как и Ломоносов он приехал поступать в московский университет из российской глубинки, из мордовской деревни. И как рассказал Николай Семенович, натолкнула его на мысль повернуть свои научные изыскания в сторону тех проблем, которыми занимается социальная работа, о которой, как и мы, он раньше не слышал, моя научно-популярная книжка «Этот опасный возраст», вышедшая в 1982 в издательстве «Знание» тиражом чуть ли ни в 500000 экземпляров. В ней он увидел возможность, как использовать социально-психологические и социологические науки в решении злободневных социальных проблем, что собственно и является практикоориентированной наукой, которая так требовалась нашему ВНИКу. Вот уж действительно, нам не дано предугадать, как слово наше отзовется.

Наш международный эксперт, профессор Ральф Гарбер, в первую очередь запросил программу Данакина «Теория и технология социальной работы» и самым внимательным образом с ней ознакомился.

Не без волнения ждали мы с Пановым заключительной оценки международного эксперта. И конечно, гора с плеч свалилась, когда мы услышали хвалебные отзывы Гарбера о программе Данакина и других, просмотренных им программах. Правда, когда он узнал, что я за неделю, пока шла сессия ВНИКа, просмотрела 117 программ, из которых 106 были отобраны для впервые открывающихся в России факультетов социальной работы, спросил, как давно мы начали готовить эти программы. И услышав, что 3 месяца назад, несколько раз переспросил, кого года. И когда ему все-таки втолковали, что на эту работу ушло 3 месяца текущего года, он уставился на Панова и сказал: «Андрей, вы не понимаете, какой немислимый объем сделан в такие нереально короткие сроки. Для такой работы требуется лет 7, не меньше». И продолжил: «Да, если вы способны на такие темпы, у России большое будущее».

Хочется верить Гарберу, как и другим пророкам, что у России большое будущее. Но какие же тернии приходится преодолевать на пути к этому большому будущему! И если бы это были только бюрократические препоны чиновников, не меньшие проблемы и препятствия приготовила нам и академическая наука.

Ох уж эта наука

Когда-то мне попался томик Ломоносова, в котором было полтомика од, а полтомика — жалоб. Ломоносов беспрерывно жаловался Елизавете и графу Шувалову, курирующему российскую науку на то, как его притесняют немцы в Академии наук. И когда Елизавета умерла и Ломоносов лишился высокого покровительства, его выдворили из Академии, и он вскоре в возрасте 54 лет скончался. Позже пришлось уйти из Петербургского университета Менделееву, где он не был принят из-за конфликтов с чиновниками, в Академию Столетова. Не лучше складывалась научная карьера Сеченова и Лобачевского. И это все — светила российской науки, чьи работы получили международное признание и заложили основы современной физики, химии, физиологии высшей нервной деятельности, математики!

Еще более трагичны судьбы выдающихся советских ученых. Заморен голодом в тюремных застенках Николай Вавилов, ученый, посвятивший жизнь выведению самых плодородных сельскохозяйственных культур, расстрелян выдающийся ученый-экономист Вознесенский, чудом выжил в Колымских лагерях Королев, главный конструктор космического корабля, на котором впервые человек был запущен в космос.

Не ко двору у нас приходились и те, кто сердце отдавал детям. Был уволен из Смольнинского института благородных девиц выдающийся педагог, заложивший основы гуманистической педагогики К.Д. Ушинский. Ни в царское время, ни при советской власти не дали работать на поприще педагогики С.Т. Шацкому, еще в 1908 году организовавшему детское общество «Сетлемент», в котором на практике была воссоздана педагогика среды, позволяющая увлекательно готовить детей к взрослой жизни.

Педагогический стаж знаменитого А.С. Макаренко в общей сложности, включая колонии имени Горького и имени Дзержинского, составил 9 лет. Был затравлен и раньше времени ушел из жизни В.А. Сухомлинский.

И, как место выдающегося ученого генетика Вавилова занял невежественный агроном Трофим Лысенко, которому

власти доверили возглавить сельскохозяйственную науку, так и в психолого-педагогической науке угодны стали академические столпы, поддерживающие тоталитарную систему.

Отсюда неслучайно, что, когда был сформирован государственный заказ на научно-методическое обеспечение социальной работы и охранно-защитной превенции, наши академические институты и именитые ученые оказались на обочине и без всякого задела.

Пришлось изучать, перенимать и адаптировать западный опыт и психосоциальные технологии, наработанные за рубежом.

Еще в 1988 году, когда проходил последний съезд психологов СССР, бросалось в глаза и было непонятно, почему на этом съезде отсутствуют какие-либо зарубежные гости. Ведь шел третий год перестройки, и не было прежнего железного занавеса, ограничивающего международные профессиональные контакты. Уже позже стало понятным, что добровольный изоляционизм, в который ставили себя флагманы советской психологической науки, был неслучайным. Советской психологии в отличие от западной нечего было предъявить из того, чем она реально может помочь в решении проблем человека и общества. Главным достижением советской психологии были не достижения психологической практики, а достижения теории и методологии, базирующиеся на незидимых, как тогда казалось, принципах марксизма-ленинизма. Развитие психологии у нас и за рубежом происходило по противоположным законам. Если там психологическая школа начиналась с практической попытки психологов решить некую реальную проблему, а затем, уже в процессе работы, по мере накопления фактов, опыта проб и ошибок оформлялась научная школа и научное направление, то у нас все было с точностью наоборот. Вначале придумывалась и обдумывалась теория, затем она обрастала немисливо заначеным понятийным аппаратом, а потом претворялась в десятки диссертационных исследований, редко доходивших до практики, да, в общем-то, все-рьез и не ставивших такую задачу.

Конечно же, шли отдельные попытки развивать практическую психологию, но, как правило, эти попытки преследовали слишком утилитарные цели. Различные направления практической психологии целиком выстраивались вокруг каких-либо видов деятельности и были призваны исключительно выполнять задачи повышения эффективности этой дея-

тельности. Главенствующая тогда в психологии деятельностная теория в конечном счете подчиняла и делала вторичной, производной от деятельности и сознание, и саму личность. Заманчивая это была теория и как легко могла бы она решить все проблемы человека! Организуй только некий умный дядя правильно и своевременно эту самую спасительную деятельность и из каждого ребенка можно было бы воспитать Рафаэля.

Но, увы, неугомонный человек не хотел и не мог помещаться в прокрустово ложе деятельностного подхода. Выпирал, вырывался с массой каких-то своих, сугубо человеческих, очень неудобных и плохо объяснимых проблем, со своими неуправляемыми эмоциями, коварным подсознанием, наследственными и врожденными индивидуальными качествами, посттравматическими стрессовыми состояниями, проблемами пола, возраста, одиночества, этническими и национальными различиями и всем тем, что практически оставалось за рамками советской психологической науки. Это поразительно, но, несмотря на огромное количество диссертаций, монографий, научных сборников, самые притягательные, самые заманчивые для исследователя вопросы, как говорится, не ставились в повестку дня. И это приводило психологию в некую тупиковую мертвенную искусственность, с чем мы и столкнулись, когда встал вопрос о подготовке социальных и психосоциальных работников, практических психологов, работающих в социальных учреждениях, ориентированных на реальную помощь семье и детству, людям с личностными и межличностными проблемами, находящимся в кризисной ситуации.

Наши хваленные научно-методологические достижения и главенствующие научные школы не только не помогали, но и служили реальным, трудно преодолеваемым барьером в решении этих задач.

Однако мы столкнулись не только с нулевым заделом в психологическом обеспечении социальных учреждений. Еще большие сюрпризы преподнесла психолого-педагогическая академическая наука того времени. Дело в том, что охранно-защитная превенция наряду с мерами социальной и социально-психологической помощи семье и детству предполагала решение проблем школьной дезадаптации значительного числа учащихся мерами профессиональной психолого-педагогической помощи и поддержки. И по сему, от Министерства образования нашему ВНИКу был сформулирован заказ на обоснование введения в школах России системы компенсаци-

рующего, коррекционно-развивающего обучения и разработку диагностико-коррекционного инструментария для работы с дезадаптированными, не справляющимися с учебной нагрузкой учащимися.

Еще из своего детства я помнила мучения своих родителей-учителей, когда процветала так называемая процентомания и успешность работы учителя и школы оценивалась по проценту выставленных двоек. И учителя были вынуждены ради этой процентомании, кривя душой, выставять незаслуженные тройки и переводить из класса в класс, по сути, неуспевающих учеников. Но уж совсем для мамы, весьма успешной учительницы начальных классов, стала невозможной работа в школе, когда первоклашек запретили обучать с помощью палочек и наглядности. А в соответствии со спущенным сверху проблемным обучением потребовали оперировать понятиями — «А» больше «В», «В» равно «Д» и т.д., что никак не хотели воспринимать и понимать дети. Ведь поступающие в школу дети на вопрос, что больше весит килограмм свинца или килограмм пуха, отвечают: «Килограмм свинца». У них пока развито наглядно образное и наглядно действенное мышление. А понятийное мышление предстоит только сформировать, используя при этом наглядные пособия.

И мы в своем ВНИКе столкнулись с тем, что проблемное обучение, навязанное академической психолого-педагогической наукой, напрямую провоцирует школьную дезадаптацию и уж никак не может быть рекомендовано для коррекционно-развивающего обучения. И коллектив педагогов, под руководством Г.Ф. Кумариной, работающий в нашем ВНИКе, по сути дела, бросил вызов главенствующему тогда проблемному обучению, перейдя в коррекционно-развивающих программах на систему Л.В. Занкова, в которой обучение осуществлялось с опорой на наглядно-действенное, наглядно-образное мышление и невербальный интеллект детей.

Сессию ВНИКа по проблемам компенсирующего обучения осенью 1992 года мы проводили в моем любимом Таганроге. В ней участвовали ученые и практики, директора школ, в экспериментальном порядке внедряющие эту систему и подтверждающие ее жизненную необходимость для школы. Помню, ко мне подошел директор таганрогской школы и начал делиться трудностями, возникшими с проблемным обучением в двух первых классах, в которых было трудно учиться детям и трудно обучать учителям. В то время как в двух других

классах, где обучение шло по системе Л.В. Занкова, таких проблем не было.

— А что вам говорят ваши московские ученые, которые преподавали вашим учителям методику проблемного обучения? — спросила я.

Директор ответил, что московские ученые обещают в конечном счете скачок в развитии.

Нужно сказать, скачка не пришлось долго ждать. Вскоре ко мне приехал из Барнаула директор городского психологического центра и с испуганным недоумением рассказал, что они провели фронтальную диагностику познавательных процессов у учеников 17-ти первых классов, перешедших на программы проблемного обучения, в начале и в конце года. У всех детей обнаружилась депривация психического развития, о чем он боится вслух кому-либо кроме меня рассказывать. Уж слишком большие ученые авторитеты стоят за этим проблемным обучением, за которым действительно стояло имя академика, директора Психологического института Академии педагогических наук В.В. Давыдова. Мне до сих пор не особо верится, что Давыдов всерьез вникал в эту систему проблемного обучения. Будучи человеком широкой натуры, он руководил институтом по принципу «Пусть цветут все цветы». А тем не менее, вникнуть и понять абсурдность и вредность этой системы особого труда не составляло.

По крайней мере, когда в 1982 году на конференции психологов зоны Урала, где я специально, чтобы понять суть проблемного обучения, пошла на секцию педагогической психологии, мне, в конце концов, стало ясно, что ребята из уфимской лаборатории, ведущие по этой системе обучение аж в 15 школах, просто на просто блефуют.

Я действительно пришла на секцию с искренним желанием понять, что такое проблемное обучение, поскольку в книгах оно было так заумно описано, что я никак не могла уразуметь. Я села на первую парту и стала внимательно слушать всех уфимских выступающих, преподающих в школах по системе проблемного обучения самые разные предметы. И вот уже вышел последний выступающий, преподающий физику, а я так ничего и не понимала, а только слышала, как в разных сочетаниях употребляется слово «понятие». И тогда, чтобы до моей тупой головы, наконец, дошла суть этой научной теории, я задала наивный вопрос: «А как вы, не прибегая к наглядности, объясняете учащимся 5-го класса закон Архимеда?»

Из всех законов физики, изучаемых в школе, он больше всего запомнился, поскольку перед глазами до сих пор погружаемое в воду тело, которое не тонет за счет вытесненной этим телом воды.

Однако мой простой, наивный вопрос привел молодого ученого в полное замешательство. И он, порозовев и переминаясь с ноги на ногу, чистосердечно признался, что до законов они еще не дошли, а занимаются пока только понятиями. Все это было бы так смешно, когда бы не было так грустно. Ведь такие, противоречащие здравому смыслу и закономерностям психического развития детей методы обучения, навязанные академической наукой, порождают не только школьную дезадаптацию, неуспеваемость учеников, беспомощность учителей, но и депривируют психическое развитие, то есть, попросту отупляют наших детей и при этом подрывают их здоровье. Не случайно, по данным медиков, лишь 12—15% выпускников оканчивают школу полностью здоровыми, а 35% из них наживают за время обучения в школе хронические болезни.

И наш ВНИК, занимаясь предупреждением и коррекцией школьной дезадаптации, невольно опрокинул главное достижение академической психолого-педагогической науки — проблемное обучение. И хотя необходимость открытия классов коррекционно-развивающего обучения для учеников, поступающих в школу с явными признаками школьной неготовности, психосоматической ослабленностью и отставанием в развитии, в процессе опытно-экспериментальной работы было успешно доказано, представители академической науки продолжали оказывать упорное сопротивление.

Поскольку это было время разгула и торжества демократии, в качестве аргументов использовался довод, что не демократично формировать классы коррекционно-развивающего обучения, то есть, как они выражались, классы изгоев. И тогда, на одном из министерских совещаний, я задала нашим оппонентам вопрос: «Что, по их мнению, они считают демократией в обучении. Равные для всех условия обучения, или условия, адекватные уровню развития детей? Если равные, то тогда детей с отставанием в развитии мы окончательно доконаем, а способных — усредним и оглупим. А если условия адекватны возможностям детей, то отстающие смогут компенсировать отставание в развитии, а способные получают возможность в полной мере развить свои способности».

Но чтобы учащиеся классов КРО не были изгоями в школе, они должны на равных участвовать во всех внеклассных и

внешкольных кружках, мероприятиях, соревнованиях, праздниках. Как, кстати, это и происходило в наших опытно-экспериментальных школах.

Преимущество дифференцированного обучения было убедительно доказано на опыте наших базовых опытно-экспериментальных школ, в которых учащиеся в классах КРО обучались по индивидуальным коррекционно-развивающим программам, с учетом выявленных психологической диагностикой проблем. Кстати, добрая половина учащихся классов КРО уже за первый год вполне успешно компенсировала отставание в развитии, поскольку причиной этого отставания была не органическая природа, связанная с дефектами центральной нервной системой, а социально-педагогическая запущенность, порожденная неблагополучными условиями семейного воспитания. Эти учащиеся получали возможность переходить из классов КРО в общеобразовательные классы. Но что интересно, как правило, ни дети, ни их родители не хотели уходить из этих классов, где обучалось 10—12 человек, и был обеспечен по настоящему индивидуальный подход к каждому ребенку.

Не подтвердились и прогнозы наших ученых оппонентов, что учащиеся классов КРО будут чувствовать себя изгоями. Напротив, сравнительное лонгитюдное исследование, проведенное завучем нашей московской опытно-экспериментальной школы №1811 Н.Г. Авдейчук, показало, что в классах КРО нет так называемых изолянтов, то есть учащихся, с которыми никто не хочет дружить и общаться, тогда как при совместном обучении не успевающие, дезадаптированные учащиеся, как правило, изолированы в своих классах. Нина Георгиевна провела сравнительное семилетнее исследование по таким важным параметрам как динамика психофизического здоровья, самооценка, учебная мотивация, овладение государственными образовательными стандартами. И по всем этим параметрам выявилось значительное опережение учащихся компенсирующих классов по сравнению с теми, кто учился в обычных классах общеобразовательной школы.

Так, несмотря на острые дискуссии с нашими учеными оппонентами, нам удалось добиться в сентябре 1992 года приказа Министра образования об открытии классов компенсирующего обучения, позже названных классами КРО (коррекционно-развивающего обучения). Мало того, руководитель этой программы нашего ВНИКа Г.Ф. Кумарина, несмот-

ря на все телеги, которые представители академической науки писали в ученый совет и ВАК, защитила докторскую диссертацию по проблемам компенсирующего обучения, а Н.Г. Авдейчук, завуч опытно-экспериментальной школы — кандидатскую. И начиная с 1992 года, началось массовое открытие классов КРО и переход российской школы на так называемое дифференцированное обучение.

Нужно сказать, как ни странно это может показаться, что эти революционные нововведения в российской школе были замечены за рубежом. И в 1999 году я получила приглашение на Бундессконгрес, в Германию, в Оснабрюкский университет, где у меня состоялось неожиданное знакомство со своей заочной единомышленницей, германским профессором Хильдегард Мюллер-Коленеберг. Хильдегард делала длинный, нудный, по-немецки тщательно аргументированный и проиллюстрированный доклад о своем исследовании, в котором было проведено сравнение результатов интегративного и дифференцированного обучения детей с проблемами в развитии. Я уже почти засыпала, слушая ее длинную монотонную речь, когда в конце доклада она вдруг сформулировала краткий и обескураживающий вывод: «В условиях интегративного, то есть совместного, обучения страдают дети и с проблемами, и без проблем в развитии. И в интегративном обучении заинтересованы политические спекулянты и недалёковидные родители».

Такого четкого припечатывания сторонников интегративного обучения, мода на которое была весьма распространена на Западе, что и служило главным аргументом для наших демократически настроенных оппонентов, от этой деликатной аристократичной пруссачки я меньше всего ожидала и буквально чуть не слетела со стула.

Как же мы с Хильдегард крепко задружили и неудержимо потянулись друг к другу! Ведь сторонников дифференцированного обучения, тем более, так публично и убедительно доказывающих его преимущество, практически не было ни у нас, ни на Западе. Кроме того, мы оказались единодушны и по многим другим, спорным и мало кем разделяемым в психолого-педагогической науке проблемам. И во время товарищеского ужина, сидя за ресторанным столиком, я спросила ее: «Хильдегард, почему мы с тобой такие разные и по воспитанию, и по культуре, и по темпераменту так единодушно и вопреки устоявшемуся мнению авторитетного большинст-

ва сходимся по самым разным вопросам психолого-педагогической науки и практики».

На что мне Хильдегард, немного подумав, в своей неторопливой негромкой манере, ответила: «Понимаешь, Светлана, нас мало таких, кто работает на результат».

Как же права была эта прусская аристократка, родившаяся в 1940 году, и как это было принято в прусских аристократических семьях, воспитывающаяся в католическом монастыре. Действительно, и у них, и у нас мало таких, кто работает на результат, очень многими движут честолюбиво-карьерные мотивы, в результате чего появляются лженаучные школы и теории, устраиваются подлейшие интриги, и что самое печальное и драматичное, эти самые лжеученые травят и доводят нередко до могилы тех немногих, кто работает на результат.

Однако, увы, несмотря на всю заманчивость дифференцированного обучения, к массовому переходу на эту систему наши школы не были готовы, ввиду ее кадровой необеспеченности и прежде всего, отсутствия психологов, подготовленных для работы со школьной дезадаптацией и вооруженных диагностико-коррекционным инструментарием, необходимым для психологического сопровождения коррекционно-развивающего обучения.

И снова мы споткнулись о позицию академической науки. Дело в том, что концепция школьной психологической службы, разработанная в Психологическом институте Академии педнаук, заключалась в том, чтобы осуществлять психологическое сопровождение нормального развития нормальных учащихся. Тогда как директора школ, прежде всего, от психологов ждали помощи в работе со школьной дезадаптацией. И поскольку на академическую науку в этом вопросе не приходилось рассчитывать, значит, надо было нашему ВНИКу заниматься разработкой диагностико-коррекционного инструментария школьного психолога, а кроме того, изыскивать возможность издания этих пособий и, плюс, организовать обучение работающих в школах психологов. А это уже вышло за рамки и возможности ВНИКа.

Аналогичные проблемы обнаружались и при открытии факультетов социальной работы и при формировании новой социальной инфраструктуры, ориентированной на поддержку детей и семей группы риска. После развала Советского Союза приказали долго жить повсеместно существующие

во всех вузах кафедры научного коммунизма и истории КПСС, которые тут же начали менять вывеску на кафедры социальной работы, к чему, конечно же, были совершенно не готовы. А значит, и здесь срочно требовалась разработка и издание пособий по психосоциальным технологиям, обучение им и преподавателей вузов, и тех практиков, кто начинал работать во вновь открывающихся социальных учреждениях. И снова эти проблемы не могли решаться в рамках ВНИКа, где уже были свои наработки, хранившиеся в рукописных завалах.

Оправданный авантюризм

Не на шутку озабоченная тем, что делать и как придумать механизм внедрения наработок ВНИКа, я приехала в мае 1991 года в Нижний Новгород на Ассамблею «Здоровье человека», которую проводили Министерство здравоохранения и Академия медицинских наук. Ассамблея получилась чрезвычайно представительной. В ней принимали участие, кроме медиков, социологи, экологи, психологи, педагоги школ и вузов, священники. И все выступающие говорили о своих остро злободневных проблемах, в решении которых необходима была финансовая помощь государства. И чем больше сетовали выступающих я выслушивала, тем отчетливее понимала, что в решении наших проблем не приходится рассчитывать на государство, у которого не хватало денег даже на выплату пенсий и зарплат.

Вечером у меня в гостиничном номере собралась небольшая компания очень боевых креативных женщин, с которыми я поделилась своими нуждами. И как когда-то говорил Маяковский: «Чтобы хотелось этакой глыбе? А глыбе многое хочется». Так и мне многое хотелось: и книжно-журнальное специализированное издательство, и образовательный центр, и многопрофильная консультация, где будут вести прием вместе с психологами, психиатры, невропатологи, дефектологи, логопеды.

И тут врач, кандидат медицинских наук Нина Петровна Слепнева вдруг неосторожно пошутила: «Да тебе нужен целый консорциум».

Такого слова я раньше не слыхала, но, тем не менее, в шутку прозвучавшим советом заинтересовалась. И когда приехала в Москву, открыла юридический словарь и прочла «Консорциум-объединение ресурсов финансово-промышленных групп в рамках общих программ». Мы не были финансово-промышленными группами, но у нас были общие программы, для реализации которых необходимо было объединять наши, более чем скромные ресурсы. И пришла в голову совершенно авантюрная идея учредить консорциум «Социальное здоровье России».

Со знакомой юристкой, которая ранее, естественно, не имела никакого подобного опыта, мы начали сочинять Устав

нашего консорциума. Работа шла трудно. Она приезжала ко мне домой с утра пораньше, и мы после тщательных обсуждений рожали один пункт Устава и двигались на работу. На следующий день дорабатывался, исправлялся, дополнялся этот пункт и сочинялся новый. К октябрю Устав был готов. Это удивительно, но по какому-то непонятному наитию, мы заложили в нем такие удачные условия, которые потом не один раз выручали в последующие годы, о чем в то время мы не могли и догадываться.

Учредителями Консорциума «Социальное здоровье России» стали наш ВНИК «Государственная система социальной помощи семье и детству» и организации, сотрудничающие с ВНИКом: Московский городской центр социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних (директор А.А. Быковский); наша опытно-экспериментальная школа №1171(директор В.Ф. Зубкова); Московская психологическая консультация «Брак и семья» (директор Г.И. Крупин); негосударственный Центр «Сломанный цветок» (директор А.П. Русавская). Уставной капитал вновь учрежденного консорциума составлял аж 20,000 неденоминированных рублей, которые после деноминации превратились в 20 рублей. Конечно же, это было откровенной авантюрой, учредить организацию с таким громким названием без денег и без всякого имущества. Зато у нас были идеи и серьезный интеллектуальный капитал в виде разработок нашего ВНИКа. Чтобы не дать нашим критикам и недоброжелателям, которых в ту пору было немало, усомниться в серьезности и солидности нашего Консорциума, мы устроили весьма представительную презентацию в шикарном помещении Московской консультации «Брак и семья» на Пятницкой улице с приглашением прессы, начальства и столами, уставленными шампанским, фруктами и бутербродами с черной икрой, принесенной мной из дому.

Когда гости разошлись и остались только свои, я вспомнила и рассказала анекдот, как трехлетний мальчик, придя из детского сада, делился с мамой своим открытием. Ребенок узнал, что мальчики писают из краника, девочки из ничего, а воспитательница из рыжей мочалки. И когда народ просмеялся, я уже на полном серьезе доложила нашим учредителям, что наш Консорциум тоже возникает не более чем из рыжей мочалки и предстоит приложить немалые усилия, чтобы на деле оправдать его громкое название.

Предстояло открыть и залицензировать книжно-журнальное издательство, а заодно, с нуля, освоить издательское

дело; открыть и зарегистрировать образовательный центр, продумав при этом актуальные семинары-тренинги; запустить работу многопрофильной консультации, укомплектовав ее дефицитными в то время, опытными кадрами психологов, дефектологов, психиатров, невропатологов и наладить их взаимодействие.

Но прежде всего, надо было зарегистрировать наш консорциум и открыть счет. То и другое оказалось весьма нелегким делом. Городская регистрационная палата никак не могла понять, что такое консорциум «Социальное здоровье России», у которого, по сути дела, даже нет уставного капитала. Четыре месяца наша юристка обивала пороги регистрационной палаты, пока, наконец, 4 февраля 1992 года нас зарегистрировали. Далее начались проблемы с открытием счета. Это сейчас может показаться неправдоподобным, но тогда практически не было банков, а в те немногочисленные, которые стали появляться, невозможно было пробиться. И в это время в огромном многоэтажном здании на Октябрьской площади теперь уже бывшего Миннефтегазстроя, открылся НГСбанк. Однако для открытия счета в нем требовалось выкупить минимум две акции общей стоимостью 5 000 000 еще неденоминированных рублей. При нашем уставном капитале в 20 000 рублей сумма эта для нас была неподъемна. И тут я вспомнила, что наш Друг, появившийся в нашей квартире на Сивцевом Вражке в январе 1991 года с какими-то фантастическими коммерческими проектами, летом того же года учредил в Калининграде одну из первых в России денежно-товарную биржу и подарил мне 10 акций этой биржи.

Я тогда всерьез не отнеслась к этому подарку. А тем временем в подвальном помещении на Спиридоновке, рядом с тем местом, где когда-то на Патриарших прудах объявился булгаковский Воланд, шла бойкая торговля этими акциями, и ведал ею мой муж.

Поскольку мы в то время оба с ним так по уши были заняты своими новыми делами, то некогда было поинтересоваться, что там с моими подаренными Другом акциями. Каково же было мое удивление и радость, когда я узнала, что акции Калининградской биржи побили все рекорды Гиннеса и продаются в 330 раз выше от номинала. И за 10 проданных моих акций мне причитается почти три миллиона рублей. Ура! Мы были спасены, у нас появились деньги для открытия счета в НГСбанке, и кое-что осталось для финансирования наших наполеоновских планов. Таким образом наш Друг, который был

категорически против, чтобы я тратила свои силы на ВНИК и консорциум, и хотел, чтобы я сидела за письменным столом и занималась творчеством, невольно способствовал старту бурной деятельности нашего консорциума.

Теперь для реализации всех планов требовалось решение еще одной очень непростой задачи — найти помещение и под образовательный центр, и под многопрофильную консультацию, и под книжно-журнальное издательство. С помещением наш ВНИК уже успел пережить облом. Наше комфортное существование под крышей Свердловского райкома партии и райкома комсомола закончилось в марте 1992 года, когда переставших существовать к тому времени партию и комсомол выселяли из принадлежавших им зданий. Нам было дано три дня на сбор пожитков и выселение. А пожитков, то есть рукописей наших авторов, к тому времени накопилось с избытком. Опять у А.М. Панова начались безуспешные поиски помещения под ВНИК. И снова, за день до того, как истекал срок нашего выселения, у меня дома объявился ключ от квартиры на блюдечке с голубой каемочкой. В этот раз мне домой позвонил Ефим Злотник, директор негосударственного детского реабилитационного центра «Аист». Ефим, не будучи знакомым со мной, каким-то образом попал к нам на сессию ВНИКа, увидел, что мы тесновато живем и решил нам помочь. Центр «Аист» занимал две больших, бывших коммунальных квартиры в старом дореволюционном доме в Колокольниковом переулке, что рядом со Сретенским бульваром. Дом был под реконструкцию, и в освобождающиеся комнаты жильцов не подселяли. На одном этаже с «Аистом» стояла пустующая, абсолютно запущенная квартира, в которой числилась одна, не проживающая там бабка. Договориться с бабкой, чтобы за скромную плату заселиться в эту квартиру, труда не составило. Наши бизнесмены быстро сделали косметический ремонт, и мы переехали в просторную четырехкомнатную квартиру, где сотрудники ВНИКа разместились с еще большим комфортом. Однако, развернуть всю планируемую в консорциуме деятельность в этой бывшей коммуналке было, конечно, нереально, как и нереально было рассчитывать на чью-то помощь в поиске нужного помещения.

И опять помог его величество Случай. На работу к нам во ВНИК определилась одна гиперактивная дама, депутат Западного округа Москвы. У нее, как и у многих тогдашних депутатов, душа болела за все сразу: и за беспризорных детей, и за стариков, и за инвалидов, и за все беспорядки лихих девяно-

стых. А поскольку, как известно, нельзя объять необъятное, то ни одно дело до конца она довести не могла, все служебные поручения считала слишком мелкими и незначительными для такой масштабной личности как депутат окружного совета, коим она и была. И тогда мне пришло в голову использовать по назначению ее депутатский мандат и поручить ей поиск какого-нибудь заброшенного детского сада, которых тогда, ввиду демографического спада, было немало по Москве. Наша активная депутатка отлично справилась с этим поручением и вскоре привела меня к начальнице управления образования Западного округа Зерновой Тамаре Ивановне, в ведении которой было здание бывшего детского сада, используемого под складское помещение. Тамара Ивановна согласилась передать нам в аренду здание этого, некогда бывшего детского сада с условием, что мы поможем школам округа в научно-методическом обеспечении классов КРО, которые тогда входили в моду. Здание садика требовало капитального ремонта и реконструкции и находилось во дворах Рублевского шоссе, по адресу: Рублевское шоссе, 87, корпус 2. До этого мы привыкли размещаться в центре и мне не очень-то понравилась отдаленность этого помещения, находящегося в районе метро «Молодежная». Рублевка в то время была еще не в моде, и я, естественно, и предположить не могла, чем обернется со временем для нас это злополучное Рублевское шоссе.

А пока приходилось решить еще одну непосильную задачу — найти весьма немалые деньги для ремонта и реконструкции обретенного помещения. Составленная строителями смета зашкаливала за все наши мыслимые и немыслимые возможности. Но, как когда-то говаривал Остап Бендер: «Заграница нам поможет», заграница помогла и нам.

В начале мая 1993 года, вскоре после того, как мы получили в свое распоряжение этот заброшенный детский садик, меня пригласил на международную конференцию Хайнц Вильфинг, ректор Академии социальной работы Вены.

Майская цветущая Вена со своими садами, скверами, фонтанами, великолепными дворцами и трамвайным перезвоном очаровала меня. 9 мая, в день Победы, я отправилась на Шварценберг-платц, где в окружении огромных бетонных плит с именами погибших за освобождение Вены наших солдат стоял обелиск-памятник советскому солдату-освободителю. Я читала бесконечный список имен погибших солдат и неудержимые слезы заливали мне лицо. Я плакала и об этих погибших за освобождение чужой земли ребятах и о тех, оставшихся в живых победителях, которые, в отличие от освобожденных

ими венцев, нищенствовали в нашей несчастной стране, пораженной результатами неудавшейся перестройки и шоковой терапии.

Но, видимо, все-таки в памяти освобожденных жила благодарность России и россиянам, поскольку, когда я в своем докладе на конференции рассказала о наших планах и финансовых трудностях, меня буквально на второй день привели в фонд «Каритас», где изъявили желание помочь нам.

Однако, прежде чем выделить нам финансовую помощь, в Москву из фонда был отправлен эксперт, чтоб воочию убедиться в наших благих намерениях и профессиональной состоятельности. Конечно, наш ВНИК, располагающийся в бывшей коммунальной квартире, вряд ли бы произвел выгодное впечатление, и я повезла эксперта в Измайлово, в нашу опытно-экспериментальную школу № 1811. И то, как там работают учителя, психологи, дефектологи с проблемными школьниками в классах коррекционно-развивающего обучения, серьезно впечатлило венского эксперта. И фонд «Каритас» перечислил нам на ремонт и реконструкцию нашего на ладан дышащего детского садика 40 000 долларов. Недостающие деньги добавила разбогатевшая к тому времени организация моего мужа.

К марту 1994 года мы закончили ремонт и реконструкцию своего помещения, завезли мебель в его офисные помещения, в помещения образовательного центра и многопрофильной консультации. И 25 марта 1994 года устроили представительную презентацию по случаю открытия центра психосоциальной работы и всего комплекса учреждений, входящих в состав консорциума «Социальное здоровье России». К тому времени у нас уже было зарегистрировано некоммерческое, негосударственное образовательное учреждение дополнительного образования, подготовлено положение о многопрофильной консультации, получена лицензия на специализированное книжное издательство, зарегистрирован журнал «Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы», в котором планировалось издавать технологии психосоциальной работы и диагностико-коррекционный инструментарий, в чем так нуждались практики образовательных и социальных учреждений. Таким образом, наш консорциум «Социальное здоровье России» к этому времени имел всю необходимую базу, чтобы реально помогать переходу в России от административно-карательной к охранно-защитной превенции.

Бои неместного значения

Эта так долго вынашиваемая Концепция охранно-защитной превенции была подготовлена мной уже в первый год работы ВНИКа. Но чтобы она реально начала осуществляться, необходимо было закрепить ее в нормативно-законодательных документах, а значит, пройти в российском правительстве через межведомственные обсуждения, в которых участвовали представители министерств образования, здравоохранения, соцзащиты, МВД.

Вот где я понял, что самое сложное для реализации охранно-защитной Концепции — это преодоление ментального сопротивления, которое веками складывалось в чиновничьих головах нашего государства. Не за один год и век формировалось в России обесценивание отдельной личности и отдельной человеческой жизни. Со времен Ивана Грозного, Петра I, большевиков, Сталина и тех же младореформаторов, отдельные человеческие жизни ничего не стоили, сотни тысяч и миллионы этих жизней могли швыряться в топку истории, когда речь шла об интересах государства. А охранно-защитная Концепция требовала заботы и профессиональной помощи каждому, отдельно оступившемуся пацану и его родителям. Непросто это было — усвоить представителям Министерств и ведомств, которым требовалось кардинально перестраивать и свою работу, и свои мозги. Дискуссии на наших обсуждениях разворачивались весьма накаленные и длились без малого два года. И все-таки, 6 сентября 1993 года Ельцин подписал Указ «Об охране прав и профилактике правонарушений несовершеннолетних», который стал первым нормативным документом, позволившим на практике приступить к реализации охранно-защитных превентивных мер.

Однако, не успевали мы убедить одних представителей министерств и ведомств, как приходили другие, поскольку происходила непрерывающаяся чехарда со сменой правительства. В начале 1992 года на смену правительству Силаева пришло правительство Гайдара и наш главный заказчик, Комитет по делам семьи и демографической политике, приказал долго жить и был влит в Министерство социальной защи-

ты, который возглавила известный в то время политик-демократ, красавица Элла Памфилова. Элла была действительно демократка. Она удивила меня тем, что позвонила мне вечером домой и пригласила зайти к ней, чтобы посоветоваться по кадровым вопросам и обсудить проблемы нашего ВНИКа «Государственная система социальной помощи семье и детству», созданным ее предшественницей И.И. Гребешевой. Идеи ВНИКа, охранно-защитной превенции и социальной работы были Памфиловой близки, и она сохранила ВНИК и его программы, а заодно, освободилась от кадрового баланса, который, увы, мешал не только нам, а главное, сохранила в роли своего зама незаменимого Андрея Михайловича Панова.

Таким образом, в самые трудные, как потом стали называться лихие 90-е, начала формироваться новая социальная инфраструктура, ориентированная на помощь семье и детству, стали открываться факультеты социальной работы и социальной педагогики, психологические факультеты, то есть, стало формироваться новое профессиональное сообщество, к сожалению, не имеющее необходимой профессиональной подготовки и нуждающееся в обучении и в своем периодическом издании.

Новый закон о печати, принятый демократами, позволил всем желающим учреждать периодические издания, газеты и журналы, и этой возможностью не преминул воспользоваться наш консорциум «Социальное здоровье России». И 27 мая 1993 года мы зарегистрировали первый в России негосударственный психологический журнал, рассчитанный для практиков — «Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы». До этого у нас в стране, не считая Вестников психологии МГУ и ЛГУ, издавались лишь два государственных психологических журнала: «Вопросы психологии» — издатель Психологический Институт Академии педнаук и «Психологический журнал» — издатель Институт психологии Академии наук. В этих журналах публиковались сугубо научные статьи аспирантов, докторантов и научных сотрудников.

Главными же требованиями к публикациям нашего Вестника были технологичность и практико-ориентированность, то есть, это должны быть статьи с психосоциальными технологиями и коррекционно-диагностическим инструментарием, которые с листа могли бы осваивать практические психологи социальных и образовательных учреждений.

Признаться, дать такое название новому периодическому изданию было моей очередной авантюрой, поскольку я не

знала ни одной психосоциальной технологии и имела весьма скромное представление о диагностико-коррекционном инструментарии. Однако я знала, с какими проблемами и с кем придется работать практикующим психологам в социальных и образовательных учреждениях.

И снова пришел на помощь Питер, град Петров, давший мне когда-то путевку в профессиональную психологическую деятельность. Одно из первых заседаний УМО вузов России по образованию в области социальной работы проходило в Питерском городском пионерском лагере на берегу Финского залива в чудное время майских белых ночей. И здесь мне посчастливилось познакомиться и подружиться с питерским психологом Вадимом Раскиным, который уже сам освоил социально-психологические тренинги и имел друзей-психологов, прошедших разные семинары-тренинги у западных специалистов. Питер, как-то так исторически сложилось, более тесно сотрудничал с Западом. В 1989 году там уже была учреждена Ассоциация тренингов и психотерапии, которую возглавлял Виктор Алексеевич Ананьев, однофамилец Бориса Герасимовича Ананьева, основателя ленинградской психологической школы. Эти психологи по моему запросу организовали там же, в пионерском лагере на берегу Финского залива, выездную психологическую тусовку ближайших друзей-коллег, каждый из которых демонстрировал освоенную им психосоциальную технологию, либо психотерапевтическую методику. Мы провели там весьма профессионально насыщенную неделю, каждый день которой был посвящен знакомству и апробации на практике новой психосоциальной технологии. Потом за таким же обучением я стала ездить в питерский психологический центр «Иматон», который также проводил серию обучающих семинаров-тренингов, где помимо знаний я еще получала возможность заводить знакомства с нужными для нашего Вестника авторами.

Тем временем и в Москве я тоже начала обрывать знакомства с первыми отечественными психотерапевтами. И обязана этим была известному детскому психиатру Михаилу Ивановичу Буянову. Первое знакомство с Михаилом Ивановичем было заочным, когда в 1986 году, в издательстве «Просвещение» огромным тиражом в 500000 экземпляров вышла его замечательная книга «Беседы о детской психиатрии», рассчитанная не для профессиональных врачей, а для учителей, психологов, родителей, которым нужно было представлять

симптоматику и возможности лечения психиатрических заболеваний у детей и подростков.

Наше личное знакомство, быстро переросшее в дружбу, состоялось благодаря радиожурналистке Наталье Кострамичевой, которая тогда, еще в советские времена, на «радио России» вела открытые эфиры для родителей. Это была еженедельная часовая передача, проходившая в удобное вечернее время, когда все дома, во время которой родители по телефону могли обратиться с самыми каверзными вопросами. И нам с Михаилом Ивановичем, сидевшими в студии с наушниками, удавалось с ходу и без запинки отвечать на эти вопросы, за что нас полюбила и на долгие годы подружилась с нами Наталья Кострамичева. К сожалению, с приходом рыночной экономики этот открытый эфир, как не приносящий коммерческой выгоды, прикрыли и Наталье оставили для родительских передач всего 25 минут по два раза в месяц и в очень неудобное, дневное время.

Буянов, после окончания 2-го Московского мединститута, начинал свою профессиональную карьеру главным детским психиатром в Алтайском крае, где полученный им опыт привел его к глубокому разочарованию в московской академической психиатрии.

Если основатель питерской психиатрической школы В.М. Бехтерев считал, что психиатрические заболевания можно лечить не только лекарственными препаратами, но и словом, то есть методами психотерапии, то московские светила относились к психологии и психотерапии весьма недружелюбно, поскольку не считали, что психологические факторы могут провоцировать психиатрические заболевания, а отсюда, и не признавали психотерапевтические и психологические методы исцеления. Работая после возвращения в Москву на кафедре в институте повышения квалификации врачей, Михаил Иванович не только не скрывал свои противоречащие устоявшимся канонам взгляды, но и не стеснялся резко критиковать по этому поводу свое начальство, чем нажил себе крупные неприятности и острые конфликты. И когда наступили перестроечные времена, он тут же воспользовался представившейся возможностью учредить, на правах общественной организации Московскую психотерапевтическую Академию, а следом — Общество медиков-литераторов со своим книжным издательством, позволившим взбунтовавшимся врачам издавать сборники и книги со своими неординарными работами, не вписывающимися в узаконенные академической наукой

стандарты. И конечно, он тут же втянул в эти свои вновь созданные организации и меня, мотивируя тем, что хоть я сама и не практикую как психотерапевт, но даю крышу другим.

Михаилу Ивановичу я обязана еще и тем, что он признал во мне писателя, когда прочитал в 1993 году в журнале «Работница» мой рассказ. В присущей ему нецеремонной манере он заявил: «Бабы писателями не бывают. А ты писатель. Давай собирай, что у тебя есть написанного, и мы издадим твою книгу в нашем издательстве Общества медиков-литераторов».

Эта в грубоватой форме высказанная высокая оценка развеяла мой давний тайный комплекс, не позволяющий мне обнародовать написанные в разное время стихи и прозу. Нужно сказать, что втайне от всех с детских лет я мечтала стать писателем. И время от времени буквально самопроизвольно и без всяких усилий с моей стороны рождались эти художественные творения. Я назвала это канальным творчеством, поскольку, словно по мановению волшебной палочки, раскрывались какие-то створки в моей голове и туда, откуда-то сверху текли тексты, которые едва успевала записывать.

Впервые я решила показать свои художественные опысы главному редактору «Работницы», замечательной женщине и талантливому журналисту Зое Петровне Крыловой, с которой мы познакомилась и подружилась, когда готовился материал о нашем Консорциуме «Социальное здоровье России». Зое Петровне понравились мои творения, и она опубликовала в мартовском номере 1993 года в журнале «Работница» один отрывок из повести-эссе «Времен связующая нить». М.И. Буянов, прочитав этот рассказ, буквально еженедельно в течение трех лет названивал мне с требованием передать в их издательство Общества медиков-литераторов мою художественную книгу. В результате его настойчивых требований я собрала свои разрозненные, написанные в разное время рукописи и в 1997 году издала свою художественную книгу «Стремена судьбы», которая стала получать на удивление трогательные отзывы читателей.

Сам же Михаил Иванович был на диво плодовитым писателем. Ежегодно у него выходило по несколько книг в издательстве Общества медиков-литераторов. Всего он издал около 60-ти небольших книжечек с интригующими названиями, такими как: «Страсти и судьбы», «Женщины глазами психиатров», «Мистика, КГБ и психиатрия», «Тяжелые люди», «Жар», «Пол», «Страх» и т.д., в которых он делился своими наблюдениями и размышлениями практикующего врача-психиатра.

Далеко не со всеми его высказываниями и оценками я была согласна, но тем не менее, всегда поражалась его неумной, фантастической активности и энергии, которой у него хватало на все. И на успешную врачебную практику, и на написание книг, и на руководство созданными им общественными организациями, и на бесконечные путешествия в экзотические страны.

Жизнь М.И. Буянова оборвалась неожиданно весной 2012 года, когда он скоропостижно, буквально на ходу, умер от оторвавшегося тромба, находясь с НТВэшниками в одной из африканских стран. Лет за пять до своего ухода Михаил Иванович снова с прежней настойчивостью стал требовать, чтобы я села за книгу о том, как развивалась наша наука психология и моя собственная научная судьба в этот переломный исторический период, в который нам довелось жить. Он не уставал объяснять, в какое историческое время глобальных перемен мы живем, принимая в них свое участие и о чем обязательно надо написать. И вот, когда его не стало, я выполнила просьбу своего покойного товарища и села за эту книгу.

Местом для собраний и заседаний своей психотерапевтической Академии и Общества медиков-литераторов Буянов выбрал музей А.П. Чехова на Садово-Кудринской б, в доме, где когда-то жил врач и писатель Антон Павлович Чехов. Участникам этих собраний предлагалось готовить и делать доклады на темы, интересующие членов общества, но непринятые обсуждаться в других местах. Мне Михаил Иванович, зная мою любовь к этим писателям, поручил подготовить доклад «Психиатрия глазами Булгакова и Чехова».

Чтобы спокойно углубиться в проблему, я взяла с собой летом в Колокшу булгаковский роман «Мастер и Маргарита» и рассказ Чехова «Палата №6» и внимательно перечитала их.

В бессмертном романе М.А. Булгакова, как известно, представлена разнообразная и в равной степени блистательная гамма самых разных тем, самых разных и, часто контрастных, настроений, где юмор перемешивается с едкой сатирой, лирика — с фантазмагорией, экскурс в евангельскую историю — с точными деталями неустроенного московского быта времен НЭПа. И в этом вихре тема психиатрии, тема психического здоровья и нездоровья и тема психиатрической клиники проходит, как несбыточная мечта о месте, где оскорбленному, а вернее, потрясенному есть чувству уголок. И такой уголок нашелся в клинике Стравинского, куда с диагнозом шизофрении попадали многие герои романа. После встречи с Волан-

дом, не выдержав невероятных приключений, участниками которых они становились, в клинику Стравинского попали и поэт Иван Бездомный, и председатель жилищного товарищества дома №302-бис по Садовой улице Никанор Иванович Босой, и конферансье театра Варьете Бенгалский, и даже целый коллектив городского зрелищного филиала, безостановочно и непрерывно хором распеваящий песню про славное море, священный Байкал.

Из всех героев, лечившихся в клинике Стравинского, наиболее подробно описаны судьбы и характеры двоих: Мастера и поэта Ивана Бездомного (он же Иван Николаевич Поньрев). Этим двум, разным и непохожим друг на друга людям, судьба довела встретиться и подружиться в клинике Стравинского.

Если Мастер был энциклопедически образованным человеком, знал пять языков, включая греческий и латинский, то Иван Бездомный, по собственному признанию, был человеком глубоко невежественным, что однако, не мешало ему браться за любые темы, включая антирелигиозную поэму о Христе. Это был человек с так называемой активно выраженной жизненной позицией, из породы «нам думать некогда, мы спешим», которых успешно формировала советская идеология и советский образ жизни. Потрясение, которое пережил Иван на Патриарших Прудах, когда на его глазах произошло предсказанное Воландом отрезание трамваем головы Михаила Александровича Берлиоза и после, неудавшаяся погоня за подозрительной компанией, сопровождающей загадочного иностранца, расстроили еще совсем недавно абсолютно здоровую психику поэта. И он, в кальсонах и с бумажной иконкой, пришпиленной булавкой к рваной толстовке, очутился в клинике Стравинского, где ему и был поставлен диагноз «речевое и двигательное возбуждение, бредовые интерпретации, шизофрения, надо полагать».

Психиатрическая клиника с первых часов пребывания потрясла Ивана чистотой и белизной помещений, мягкой, пружинистой кроватью, бесшумно раздвигающейся стеной, за которой располагалась белоснежная ванна с сортиром, видом соснового бора из окна, предупредительностью и внимательностью персонала. И уж совсем покорила его профессор Стравинский, который самым внимательным образом выслушал повествование Ивана и несколькими наводящими вопросами продемонстрировал неуместность его поведения, когда Ивану и самому стала ясна несуразность его действий и поступков. Знакомство и общение с Мастером привели его еще

к большей рефлексии и самокритичности. Пришлось признаться себе, что человек он действительно невежественный, что стихи его плохие и даже дать слово, что никогда больше их писать не будет.

Таким образом, как ни странно, именно в психиатрической клинике произошел у Ивана коренной пересмотр жизненных позиций, недавно казавшихся совершенно нормальными, а по сути, абсолютно бессмысленными и бестолковыми. На примере Ивана Булгаков показал не только роль психологического фактора в психиатрическом заболевании и лечении, но и заставил задуматься, а нормально ли само общество, в котором преуспевают такие невежественные и бесшабашные поэты, как Иван Бездомный. И только клиника Стравинского, со своим покоем, комфортным бытом и внимательным персоналом заставляет Ивана пересматривать позиции и отказываться от преуспевания в ненормальном обществе сомнительными средствами и нахальным поведением.

Подтверждением ненормальности, уродливости общества служит и судьба Мастера. Мастер попал в клинику также в результате тяжелейшего стресса, пережитого им после многочисленных и яростных критических статей, после травли, которой он был подвергнут из-за своего романа о Понтии Пилате. Поток статей не прекращался. Вначале Мастер смеялся, второй стадией было удивление, а затем наступила третья стадия— стадия страха, причем страха, совершенно не относящегося к роману. Например, страх темноты или страх перед каким-то спрутом с длинными щупальцами, который лезет в окно. Болезнь обострилась, и Мастер попал к Стравинскому. Воображение, а скорее собственная мечта измученного, затравленного, доведенного до неврастения писателя, каким был в то время сам Булгаков, нарисовало психиатрическую клинику как некий светлый, желанный, спокойный уголок, ограждающий и защищающий человека от потрясений, которые несет этот несовершенный и жестокий мир. А может, это была мечта не только об исцеляющей клинике, но и о другом обществе добрых людей, о которых бродячий философ Иешуа пытался поведать Понтию Пилату.

Другой выдающийся русский писатель, Антон Павлович Чехов, будучи врачом и гуманистом, показал более реалистичную и мрачную картину психиатрического лечения и также связал психиатрию с условиями общественной жизни и общественной психологией.

Его палата №6, где содержатся психиатрические больные, стоящий на отшибе флигель, пропахший кислой капустой, клопами и аммиаком, в котором грубый и тупой человек, сторож Никита, по поводу и без повода избивает больных. В отличие от клиники Стравинского больные здесь содержатся на положении животных, лечения никакого, отношение грубое и насильственное. А между тем, природа заболеваний, как показано на примере главного героя Ивана Дмитриевича Громова, все та же. Психика не справилась с трудностями и испытаниями жизни, и заболевание есть результат хронического стресса.

Отец Ивана Дмитриевича, человек солидный и зажиточный, был отдан под суд за подлоги и растраты и вскоре умер в тюрьме. Дом и недвижимость были проданы с молотка и Иван Дмитриевич остался с матерью без средств к существованию. Полуголодная жизнь, постоянная тревога о будущем, поиски заработка для пропитания, запойное чтение подорвали здоровье Ивана Дмитриевича. И как результат — мания преследования, страхи. Так он оказался в палате №6.

И этот больной становится постоянным и желанным собеседником пожилого доктора Андрея Ефимовича, который 20 лет прослужил в местной больнице, разуверился в возможности что-либо изменить, и основным занятием и развлечением которого так же, как и для Ивана Дмитриевича, стали книги. Доктор скучал в уездном городке, нуждался в умном собеседнике и не находил его, пока случайно не разговорился с больным из палаты №6. И доктор, будучи в здравом уме, только за то, что имел пристрастие беседовать с больным, сам попадает в эту злополучную палату

И здесь, в своем рассказе, Чехов выводит очень символическую фигуру, врача Хоботова Евгения Федоровича, упекшего старшего коллегу в палату №6. Хоботов — невежественный, ограниченный, бездушный и корыстный человек, не прощающий и непонимающий любой непохожести, тем более, когда эта непохожесть позволяет поставить коллеге диагноз шизофрении и занять его место, место главного врача. Хоботовщина тоже страшное социальное явление, еще не столь распространенное во времена Чехова, но которое писатель успел заметить и предупредить о нем следующее, уже наше поколение, когда хоботовы расплодились повсеместно и в угрожающих размерах.

Да, как же мне было полезно перечитать, что писали мои любимые Чехов и Булгаков о психиатрии и сопутствующих ей

общественных явлениях. В своих произведениях они не только убедительно показали неопровержимую роль психологических и социально-психологических факторов, как причин, вызывающих психиатрические заболевания, так и являющихся обязательными условиями их исцеления, но это еще и было призывом человечеству строить милосердное гуманное общество, идеалы которого заповедовал Христос.

Булгаковский Иешуа Га-Ноцри — это художественно-осмысленный образ Христа, биографические данные которого не совпадают с Христом, но он до конца верен христианскому нравственному закону, по которому миром правят не власть и деньги, а любовь и милосердие. Иешуа опасается, что записывающий за ним Левий Матвей все перепутает и «путаница эта будет продолжаться еще очень долгое время», что и происходило две тысячи лет, когда к христианству либо приобщали огнем и мечем, либо объявляли, что Христа вовсе не существовало.

С Богом и без Бога

Непросто складывались отношения с Богом у нашего поколения, воспитанного советской властью убежденными атеистами. И по разному мы приходили к Богу, но приходили, прежде всего те, чей внутренний нравственный закон основывался на любви и милосердии. И я не удивляюсь, когда современные коммунисты становятся верующими, ведь коммунизм тоже провозглашал идеалы равенства, братства и социальной справедливости. Но так же, как когда-то крестоносцы мечом насаждали христианскую веру иноверцам, так и коммунисты насильственно, через гражданские войны и революции, стремились осчастливить человечество. И неудивительно, что построенный таким образом социализм не выдержал испытание временем ни в одной стране, и рухнувший могучий Советский Союз — самое яркое подтверждение тупиковости такого пути.

«Разруха — в головах» — объяснял профессор Преображенский, герой булгаковской повести «Собачье сердце». Так и человеческое общество, не сможет достичь идеалов гармонии, любви и милосердия, пока это не станет внутренним нравственным законом каждого человека. Тяжкая, труднодостижимая, а может, вовсе и не реальная эта цель. Но другого пути и способа выживания человечества на этой земле, да и выживания самой земли, наверное, нет. Иначе — самоистребительные войны в борьбе за сферы влияния и господство, варварское истребление людей, окружающей живой и не живой природы. И в этой борьбе за душу человека церковь и священники не одиноки. Душу и ее гуманные чувства могут формировать также представители творческого цеха, литераторы, артисты, художники, музыканты, деятели кино и телевидения, журналисты; педагоги и психологи, врачи и юристы, все те, чья профессиональная деятельность связана с человеком. Но лишь при одном обязательном условии, что они сами четко определились со своим внутренним нравственным законом и идеалами, которым служат. И кино, и телевиденье, и музыка, и психология, как и другие виды человеческой деятельности, могут оказывать на душу человека как созидательное, так и разру-

шительное действие, в зависимости от того, в чьих руках они оказываются и каким целям служат. Однако, поскольку представители этих разных сфер человеческой деятельности далеко не однородны и среди них немало, а может, даже и больше тех, кто, скорее всего, озабочен своими меркантильными и конъюнктурными интересами, то и здесь предстоит своя, хотя и бескровная, но тем не менее, беспощадная борьба.

Как ни странно, среди коммунистов-атеистов немало людей, не только не нарушающих евангельские заповеди, но и посвятивших свои жизни служению гуманным целям, провозглашенным Иисусом.

И подтверждением этому служит наглядный пример моего отца, убежденного атеиста-коммуниста, вступившего в партию на фронте, когда основным преимуществом коммунистов было право и долг первыми подниматься в атаку. На его долю выпали все тяготы того непростого и трагического времени. Подростком, вместе с родителями, в 30-е годы, из донских степей они были высланы в сиблаговский поселок, наскоро выстроенный переселенцами в глухой сибирской тайге. Его отец умер по дороге, когда их на барже-самоходке сплавляли вниз по Иртышу из Омска на таежный север. Разыгравшаяся дезинтерия каждый день уносила десятки жизней, среди которых был и мой дед. Покойников хоронили ночью, пристав к берегу и наскоро вырыв общую безымянную могилу. Очутившись вдвоем с матерью в таежном сиблаговском поселке, несмотря на все тяготы полуголодной и холодной жизни, подросток не утратил тяги к знаниям и добирался в школу-семилетку в соседнюю деревню за 30 километров, а потом и в школу-десятилетку в районный центр за 90 километров. И потом, после окончания в Таре, в маленьком сибирском городке педучилища, еще до войны начал учительствовать в сельской школе. Сельским учителем он стал и после войны, бывший фронтовик-орденоносец. Своим ученикам он давал не только знания, но и как мог, помогал осиротевшим за войну детям, подкармливая их из своего учительского пайка и отдавая со своего плеча сохранившееся военное обмундирование и кирзовые солдатские сапоги. А еще устраивал новогодние праздники и был дедом Морозом, в мешке которого находились незатейливые подарки для каждого, несказанно обрадованного ребенка, забывшего вкус хлеба в обнищавшей послевоенной деревне. На школьном приусадебном участке вместе с ребятами он высаживал овощи и ухаживал за кроликами, служившими подкормкой оголодавшим ребятишкам, и как мог, от-

цовской заботой согревал детей, потерявших отцов на этой страшной войне.

И никогда, никогда я не слышала от папы жалоб и слов возмущения и обиды на советскую власть, от которой пришлось так жестоко пострадать ему и его родителям. И когда я, уже будучи взрослой, задавала ему этот вопрос, как он может прощать Сталина и всех, из-за кого пострадала его семья, он невозмутимо отвечал: «Ну что же, дочка, лес рубят, щепки летят», без колебаний относя себя и своих загубленных родителей к щепкам трагической истории нашего отечества. Вот так атеист глубоко и искренне усвоил, наверное, самую трудную для усвоения христианскую заповедь «Возлюби и прости врагов своих».

Не таких ли коммунистов имел в виду Блок, когда в своей поэме «Двенадцать» писал о матросском патруле в революционном Петрограде «В белом венчике из роз впереди Иисус Христос». Поэт своим гениальным чутьем в это страшное кровопролитное время уловил то общее, что было у Христа и коммунистов — любовь и сострадание к бедствующим. За свои идеалы коммунисты готовы были убивать своих врагов и убивали их, но и сами готовы были идти на смерть и многие из них, сотни тысяч, если не миллионы, приняли свою мученическую смерть. А Христос никого не убивал и не призывал убивать. Безвинный, он был распят только за то, что в том жестоком мире, где просвещенные римляне развлекались на стадионах, наблюдая смертельные схватки гладиаторов, и доблестью считалось завоевание новых земель и пленников-рабов, проповедовал любовь и милосердие.

Россия и русские люди в полной мере на себе испытали этот исторический эксперимент построения социально справедливого общества путем насилия и подавления. Эксперимент провалился, и за него заплачено миллионами безвинно загубленных жертв.

И стало наступать отрезвление и осознание невозможности возврата к прошлому, и вновь — обращение к Богу и христианским заповедям, обращение, обогащенное нашим горьким историческим опытом. И не случайно народ массово потянулся в храмы, а храмы повсеместно начали восстанавливаться и строиться. Но и тут, к сожалению, нередко наших граждан ожидает разочарование из-за того, что далеко не все священники, облаченные в рясы, следуют заповедям Христа.

С Колокшей, где больше 20 лет протекает мое творческое единение, мне повезло еще и в том, что там, рядом, в дерев-

не Устье на берегу Клязьмы в 1803 году купцами-благотворителями был построен Никольский храм, украшенный старинными иконами. Храм во времена большевистских погромов был спасен богоявленным чудом. Когда местные активисты пришли разорять этот храм и одна из активисток попыталась снять старинную икону Николая Угодника, икона начала слезоточить. У активистки отнялись ноги и она рухнула на колени перед слезоточащей иконой. Это богоявленное чудо спасло храм от разрушения. Но хотя храм и уцелел, в 1937 году массовых репрессий, его священника арестовали прямо в алтаре. Однако его семья, к счастью, уцелела и продолжала жить в доме священника по соседству с храмом.

И вот, когда наступили новые времена, стали восстанавливаться разрушенные храмы и народ начал возвращаться к вере, наш Никольский храм постигли новые напасти. И напасти эти предстали в лице батюшки, человека откровенно не любящего и не уважающего людей. Он не стеснялся оскорблять женщин, приходящих на исповедь или заходящих в храм в брюках, при отпевании мог часами вести гневные проповеди над гробом усопшего, игнорируя душевную боль близких и родных, не считал нужным отвечать на улице на приветствия сельских жителей. Надев рясу и проповедуя в православном храме, этот священник не усвоил главную истину, которую принес на землю людям Христос, — любовь и милосердие, и он был сурово наказан Господом за это. Наказание последовало в лице единственного сына, который в ночь с 20 на 21 июня 2005 года зарезал 78-летнюю соседку Иванову Людмилу Александровну, внучку того самого арестованного в алтаре священника.

Людмила Александровна была удивительная женщина. Буквально за месяц до ее гибели я встретила ее возле храма, мы разговорились и она пригласила меня к себе домой. Мы поговорили с ней весь день, она рассказала мне о себе, о своих бабушках и дедушках, о родителях, детях и внуках, перемежая свой рассказ собственными и народными мудрыми изречениями. И среди этих изречений особенно врезалось в память одно: «Мы рождены на свет для жизни, но лишь для смерти мы живем». Какая же глубинная мудрость сокрыта в этом изречении! Ведь действительно, сухой остаток нашей суетной жизни, всех наших трудов, поступков и деяний измеряется смертью, то есть, тем немногим, что остается после нас на земле и в памяти людей.

И как это ни трагично и ни прискорбно звучит, своей гибелью Людмила Александровна обнажила истинную сущность этого горе священника и навлекла на него заслуженную Божию кару, поскольку что может быть страшнее, чем осознание, что ты воспитал из единственного сына убийцу. И, казалось бы, после этого священнику, отцу сына-убийцы, следует идти в монастырь и до конца своих дней отмаливать свой грех. Но отнюдь, он продолжает служить в том же храме, невзирая на то, что ходят к нему на службу по привычке древние старушки, а люди помоложе со своими требами — крестины, венчания, отпевания — обращаются во владимирские церкви за 15 километров от Колокши.

Как это ни горько, но не помогло ни коллективное письмо односельчан к Владимиро-Суздальскому архиепископу Евлагию, ни мое обращение к Патриарху русской православной церкви Алексию II. Мое письмо так и не дошло до патриарха, а секретариат патриархии ответил, что это дело в ведении Владимиро-Суздальского архиепископа. Церковные иерархи не посчитали нужным лишать сана этого священника, который, после кровавого преступления своего единственного сына, по сути дела, утратил моральное право читать проповеди прихожанам, да и вряд ли имел это право и прежде, когда демонстрировал злостствующее и неуважительное отношение к людям.

Увы, не способны такие священники, как и те, кто не стесняется раскошествовать за счет прихожан, приобщению к православию людей, которые 70 лет воспитывались советской властью атеистами, во враждебно-критическом отношении к религии.

Но несмотря не на что и вопреки всему, все больше людей обращаются к Богу. И у каждого свой и всегда непростой, личный путь к Богу.

Впервые задуматься о Боге мне пришлось в раннем дошкольном детстве, когда гостившая у нас баба Лена, мать моей матери, учила нас молиться перед едой и рассказывала о Боженьке, который наказывает за плохие поступки. И мы с сестрой верили ей со всей доверчивостью детских душ. Но когда папа увидел нас, осеняющих себя крестом перед обедом, он, обычно всегда спокойный и уравновешенный, вдруг учинил такой нагоняй и нам, и нашей бабушке, что она тут же собралась и уехала домой. А у меня остался неразрешимым вопрос: есть Бог на свете или нет его. На этот счет два взрослых, безмерно уважаемых и любимых мной человека, бабушка и отец, имели прямо противоположное мнение. И помню, как ночью,

лежа в кровати, я пристально рассматривала на полу причудливый узор, падающий от освещенного яркой луной зимнего окна, разукрашенного застывшими льдинками и твердила про себя: — «Ну если есть Бог, пусть в этом узоре шевельнется хоть один лепесток».

Несмотря на мои заклинания, ничего не происходило, все также ярко светила луна и все также неподвижным оставался на полу причудливый узор от обледененного оконного стекла. Но эти сомнения вскоре, когда я вступила в пионеры, а затем в комсомол и потом уже, в институте, стала изучать марксистско-ленинскую философию и научный коммунизм, — вполне рассеялись, и я стала убежденным атеистом.

По-настоящему к Богу привели меня трагические обстоятельства моей жизни, когда мне было уже за 40. Тогда, как уже ранее я рассказывала, накануне защиты моей докторской диссертации на меня обрушились педагоги-академики, решившие беспощадно расправиться со мной за то, что я единственная на общеинститутском собрании вступилась за распинаемого всеми выступающими педагога-новатора Михаила Петровича Щетинина. Тогда на кону была моя научная судьба, да и пожалуй, сама жизнь, ведь смогли же они до смерти затравить и В.А. Сухомлинского, и главного редактора «Учительской газеты» В.Ф. Матвеева, поддерживавшего педагогов-новаторов. Я на фоне таких выдающихся людей, конечно же, я была мелкой сошкой, проглотить которую не стоило труда столь опытным прожорам. И вот тогда меня привела к Богу икона Божьей матери Троицкой в храме поселка Троицкой под Истрой, где я в то лето снимала дачу. Я не умела тогда молиться и не знала, что перед иконой нужно зажигать свечи, я просто стояла и неотрывно смотрела на нее, и мне становилось легче. Душа освобождалась от черной накипи и черной энергетике, обрушиваемой на меня академиками. А лик Божьей Матери, по мере того, как мне становилось легче, темнел и старел на глазах. Вот когда я самостоятельно, без всякой посторонней подсказки приняла решение креститься. Получается, что мне это испытание было послано, чтобы обратиться к Богу.

Однако были еще и вполне земные награды. Щетинина после его разноса академиками-педагогами в Институте общих проблем воспитания Академии педнаук взял в свою лабораторию в Психологический Институт академик-психолог А.В. Петровский, безусловный авторитет в психологических научных кругах. Петровский вполне оценил мой мужественный поступок на том злополучном собрании, а также, опас-

ность для меня всех его последствий и согласился быть моим оппонентом на защите докторской диссертации в МГУ. Поддержка столь авторитетного лица для членов ученого совета была самым неопровержимым аргументом в пользу моей диссертации. Вот уж действительно, права русская пословица «Нет худа без добра».

Приняв в то лето 1988 года решение креститься, я полтора года не могла осуществить это решение и все это время находилась в поиске места, где я смогу окреститься. Это было время массового крещения ранее неверующих людей. Обряд крещения при такой массовости совершался в храмах весьма своеобразно. Несколько десятков человек выстраивались в широкий круг, батюшка читал молитвы и обходя этот круг, кропил всех святой водой. И я никак не могла себя заставить креститься подобным образом, а тем не менее, другой возможности не видела до тех пор, пока однажды Господь не привел меня в Свято-Даниловский монастырь.

Однажды, в теплый закатный летний вечер, находясь на Чистых прудах, я не захотела спускаться в метро и решила доехать до своей Новочеремушинской улицы, где мы тогда жили в однокомнатной хрущевке, на 39-м трамвае. Трамвай, миновав Бульварное кольцо, катил по улочкам Замоскворечья, и вдруг на повороте, как из старой русской сказки, во всем своем сказочном великолепии предстала белокаменная стена Свято-Даниловского монастыря с сияющими главами церкви за нею. Неожиданность, величие и красота этого вида буквально потрясли меня и я не сдержалась, вышла из трамвая и вошла под каменные своды монастырской стены. Гуляя по монастырскому просторному двору и рассматривая его старинные храмы, я каким-то чудом заметила совсем неприметный узкий проем в задней стене монастырского двора, углубилась в него и обнаружила еще одну, невидимую ранее из двора церковь. Оказалось, что это был обрядный храм Свято-Даниловского монастыря, единственное в то время в Москве место, где крестили не брызганием святой водой, а в бассейне, как и положено, окуная трижды с головой вслед за произносимыми батюшкой словами: «Во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святого Духа. Аминь»

— Вот место, где я могу окреститься, — без колебаний решила я.

Однако, еще надо было выбрать и время, когда не будет наплыва желающих креститься людей. Таким временем оказалось 31 декабря, канун Нового года, когда все украшали но-

вогодние елки и готовили праздничное застолье. И мы так и сделали, приехали с мужем 31 декабря в Свято-Даниловский монастырь, где кроме нас, было еще только 3 человека, и батюшка торжественно, без спешки и суеты совершил с нами этот святой обряд. Мой неверующий муж еврей окрестился, как говорится, за компанию, в отличие от меня не испытывая в этом внутренней потребности. Может быть, поэтому он и не устоял перед искушениями, которые были ниспосланы ему, когда на них с Другом обрушился денежный поток от продаваемых в 330 раз выше номинала акций учрежденной ими Калининградской товарно-денежной биржи.

О чем вещал кладбищенский ворон

Через год после нашего крещения, в начале 1991 года закончилась наша размеренная жизнь скромных кабинетных ученых. Я по уши погрузилась в свою работу во ВНИКе, где у меня было почти 150 исполнителей из разных городов Союза, а муж сутками пропадал в своем подвале на Спиридоновке, где продавались акции, скупались ваучеры, заключались Договоры о внесении уставных капиталов, которые выдавались там же, в подвале на Спиридоновке, различным коммерческим предприятиям, учреждаемым в разных городах, от Сибири до Ростова, Харькова и Краснодара. Домой он являлся после 11 вечера, но и тогда нам практически не удавалось пообщаться, поскольку до полночи звонили два телефона, установленные в нашей квартире. Московские коллеги и партнеры не стеснялись звонить до 12 ночи, а междугородние звонки из Сибири, где время на 2-3 часа опережало московское, начинали раздаваться уже в 6 утра, а кроме того, редкую неделю у нас не останавливались приезжие гости, родственники, друзья, коллеги. Чтобы как-то справляться с бытовыми проблемами, пришлось обзавестись помощницей по хозяйству.

Незаметно наступало между нами неизбежное отчуждение, но и это было не самое страшное. Деньги и большие деньги притягивают к себе людей корыстных и коварных, что и стало происходить с окружением моего мужа. Нужно отдать должное: ни муж, ни наш Друг, сами не отличались корыстолюбием, как и я, к деньгам они были равнодушны, да и наши потребности оставались весьма скромными, не требующими больших трат. Друг, например, одним из первых внес по тем временам весьма солидную сумму — 5 миллионов рублей на восстановление храма Христа Спасителя, на месте которого в то время был бассейн «Москва», где мы любили поплавать. Мне казалась нереальной эта затея с восстановлением храма, и я критиковала Друга, что он неразумно распоряжается благотворительными средствами. На что он мне со своей обычной милой улыбочкой мягко говорил: «А мы еще с вами там будем молиться».

И он оказался прав, но только частично, я действительно в 2000 году молилась в восстановленном храме Христа Спасителя, но уже без Друга и без мужа. Произошедшие в нашей жизни перемены разорвали, казалось бы, нерушимые узы, связывающие нас. Тяжелый, болезненный и затянувшийся на несколько невыносимо мучительных лет был этот процесс разрыва. Вот когда я поняла, о чем вещал мне в июне 1992 года кладбищенский ворон в некрополе Александро-Невской лавры.

Присосавшемуся к мужу и его деньгам окружению я мешала, поскольку в отличие от него понимала, с какими подлыми людишками он имеет дело. В отличие от него я имела большой и суровый социальный опыт, а его жизнь до этого проходила в доброжелательном окружении соучеников физико-математической школы Новосибирского академгородка и пяти коллег-математиков на кафедре, где ему пришлось работать. Поэтому противостоять потоку лести и подобострастия, изливавшемуся на него от присосавшегося окружения он не мог, как не мог и различать неискренность и лживость этих людей. И когда я пыталась открыть ему глаза, он с несвойственным для себя озлоблением кричал мне: «Они моя семья, а ты мне настоящий враг!»

Не нужно и говорить, какую боль я испытывала от этих слов и от такого к себе отношения самого близкого и родного человека. Я боролась как могла, боролась долго и безуспешно. Друг же, со свойственной ему проницательностью задолго до меня понял тщетность всех усилий образумить моего мужа и своего партнера и решил нас развести, а заодно и удалить его из своего бизнеса. На такое предательство я никак не могла пойти, и в итоге наступил разрыв и с Другом, у которого к тому времени назрел какой-то глубокий внутренний кризис и разочарование во всех своих начинаниях и партнерах, а заодно — и в политике правительства младореформаторов. И он, не оставив адреса, бесследно исчез, поселившись в какой-то никому не известной деревенской глуши.

И вот, летом 1995 года я снова была в некрополе Александро-Невской лавры и стояла перед памятником Варвары Асенковой, где три года назад меня пристально рассматривал, а затем упорно преследовал, касаясь крылом моей головы, кладбищенский ворон. К тому времени еще не утихла боль от болезненного разрыва с человеком, который впервые в моей жизни стал для меня опорой и надежной защитной стеной. Я думала о том, как рушатся судьбы и распадаются лично-

сти вполне благополучных и уважаемых людей, как неудержимо разрушают их деньги, коварное окружение, соблазняющее лестью, девочками и другими искушениями красивой, дорого оплачиваемой жизни. И увы, перед глазами был пример не только моего мужа.

Я вспоминала и других своих хороших знакомых, не устоявших перед внезапно обрушившимся богатством, деньгами, соблазнами и, в результате, утративших всякие моральные устои и нравственные ценности, замененные чувством вседозволенности, не ограничиваемом тормозами морали. Такое состояние когда-то американский социальный психолог Мертон называл «аномией», отмиранием норм, когда утрачиваются прежние нравственные нормы и ценности, прежние привязанности и обязательства перед семьей, близкими, коллегами. Все эти прежние моральные нормы кажутся бесполезными сантиментами в условиях, когда все продается и все покупается.

Как разрушаются личности, мне к тому времени пришлось неоднократно наблюдать, но я не могла вспомнить ни одного случая, когда мне пришлось бы наблюдать восстановление разрушенной личности.

И тогда пришла на ум судьба Ф.М. Достоевского, который к 47 годам, времени, когда он познакомился со своей второй женой Анной Сниткиной, был действительно в полуразрушенном физическом и психологическом состоянии. Его мучили ежедневные жестокие припадки эпилепсии, обременяли непосильные долги, свои и умершего брата, что, тем не менее, не мешало ему быть неудержимо азартным игроком, проигрывающим все средства, взятые в долг и под залог. И к тому же, он был измотан своими близкими женщинами, мучительно умирающей от туберкулеза женой и взбалмошной возлюбленной, женщиной-эмансипе Аполинарией Суловой, к которой питал испепеляющую страсть. Казалось бы, ситуация была абсолютно безнадежной. Однако нет, после женитьбы на 19-летней Анне Григорьевне Сниткиной, не сразу, постепенно, его жизнь наладилась, здоровье восстановилось, он вполне исцелился от игромании и к концу своей жизни практически полностью не только избавился от эпилепсии, но и приобрел внутреннюю гармонию и душевный лад.

Как же это произошло, что же помогло писателю выйти из такого глубокого психологического пике, в котором он находился? Ответить на эти вопросы я в то время не могла, по-

скольку плохо знала творчество и весьма поверхностно биографию Достоевского. С писателем Достоевским меня связывали сложные отношения. С одной стороны, он вызывал у меня глубокое сочувствие и уважение как человек, прошедший тяжелейшие испытания, когда, стоя у расстрельного столба с мешком на голове, прощался с жизнью, будучи приговоренным к расстрелу с другими участниками кружка Петрашевского. И только в последний момент последовало оглашение царского указа о помиловании, заменившего расстрел тюрьмой, каторгой и ссылкой. Было понятно, что все эти испытания обострили и без того свойственное ему болезненное, чуткое понимание и ощущение человеческого страдания и душевной боли, доходящих до психопатологии, о чем он и писал в своих романах. Но именно поэтому, читать романы Достоевского я не могла и, доходя до 50-70-той страницы его произведений, сама начинала ощущать такое болезненное, близкое к мироощущению его героев психоневрологическое состояние, что дальнейшее чтение становилось физически невозможным. А кроме того, Федор Михайлович, обремененный долгами и обязательствами перед издателями, не имел возможности перечитывать, править и шлифовать свои тексты и сразу после стенографисток отдавал их в типографию, что и приводило к неизбежной стилистико-языковой небрежности и еще более затрудняло мое чтение.

Поэтому меня всегда удивляло, что за рубежом это был самый известный из всех русских писателей и все время казалось, что иностранцы кривят душой, расхваливая Достоевского, вряд ли при этом будучи знакомыми с его произведениями.

И вот сейчас здесь, в некрополе Александро-Невской лавры, перед памятником актрисы императорских театров Варвары Асенковой, когда я из всех знакомых и незнакомых смогла вспомнить только Достоевского, который смог вернуть себе физическое и душевное здоровье и внутреннюю гармонию, я решила углубленнее познакомиться с его биографией, чтобы понять, что же помогло ему в решении этой, столь реально непреодолимой, тяжелой проблемы. И я решила по возвращению в Москву найти литературу об его биографии и прежде всего, об его жене, Анне Григорьевне Сниткиной, после женитьбы на которой началось его восстановление.

Как говорится, на ловца и зверь бежит. Не успела я вернуться в Москву, как ко мне приехала моя хорошая знакомая, с которой нас когда-то в Тюмени связывала работа в комсомо-

ле и привезла книгу «Жена писателя» — об Анне Григорьевне Сниткиной. Я тут же углубилась в чтение и буквально испытала потрясение с первых же страниц. Отец Анны Григорьевны в молодости был влюблен в Варвару Асенкову и когда она умерла, поселился рядом с Александро-Невской лаврой и 25 лет, каждый день ходил на ее могилу и возлагал цветы. Женится он поздно, как поздно вышла замуж и мать Анны Григорьевны, в юности потерявшая рано погибшего жениха. Как же неслучайно, оказывается, я тогда остановилась перед памятником Асенковой, где в меня вперился своим пристальным, не птичьим взглядом кладбищенский ворон. Он не только предвещал мне тяжелые испытания, невосполнимые утраты и потери, но и выводил меня на поиск верного пути в преодолении тяжелых жизненных кризисов, что и подсказывал пример родителей Анны Григорьевны и ее самой.

Не эта ли способность к верной, глубокой, преданной любви, которая была у ее родителей, передалась Анне Григорьевне? Выйдя замуж за буквально погибающего Достоевского, она безропотно взвалила на хрупкие плечи 19-летней девушки все тяготы своего мужа: и жестокую болезнь-эпилепсию с ежедневными припадками, и нищенскую жизнь, обремененную долгами, и его непреодолимую тягу к рулетке. И никогда он не слышал от нее ни жалоб, ни слов упрека. Достаточно только перечитать переписку первых лет их супружеской жизни, когда в очередной раз, влезая в долги и заложив все ценное, что было в доме, она отправила мужа за границу для лечения на водах. Но сразу же по приезде он все проиграл и писал ей, что не стоит ее любви и уважения, просил еще занять, еще перезаложить и выслать деньги только на дорогу. Она высылала, и он снова проигрывал. И все-таки эта беспредельная и безропотная любовь и преданность жены и его бесконечная благодарность ей, в конце концов, оказались сильнее непреодолимой зависимости от рулетки и помогли Федору Михайловичу практически избавиться от эпилепсии. Однако не только любовь жены спасала Достоевского, было еще и творчество, вдохновение, с которым он писал свои романы о безднах человеческого страдания, пороках и мучительных противоречиях человеческой души, провидческие романы, получившие признание и известность во всем мире. Но наверное все-таки его главной спасительной опорой была вера, был Бог, который всегда жил в его душе и служил ему неизменной путеводной звездой.

И если Достоевский, к 47-ми годам находящийся на краю гибели, смог физически и духовно исцелиться, то его современник, другой гениальный русский писатель Лев Толстой, напротив, когда ему было уже за 50, впал в тяжелейший, мучительный духовный кризис, из которого так и не смог выйти более 25-ти последних лет своей жизни. И на вопрос, как же могло это произойти с самим Львом Толстым, как не трудно, но тоже надо искать ответ.

Мое собственное объяснение причин духовной трагедии Толстого мне стало приходиться после посещения Ясной Поляны. Это может кому-то показаться неправдоподобным, но и в ясно-полянском доме, и в окружавшем его парке, меня буквально раздавило ощущение тяжелейшей психологической атмосферы, которая царила в доме, в семье и в душе писателя, разочаровавшегося не столько в Боге, сколько в церкви, с ее утомительной и роскошной обрядностью и часто лицемерными священниками, разочаровавшегося также и в государственной власти, равнодушной к народным бедствиям, в устройстве социально несправедливого общества, в котором роскошь знати соседствовала с нищенством крестьян. Писатель не мог с этим смириться и не видел другого пути, как самому опроститься, отказаться от имени, от доходов за издательство своих произведений и стать таким же неимущим, как его крестьяне. Эти планы и намерения привели его к непримиримому конфликту и отчуждению от некогда любимой и любящей, преданной жены Софьи Андреевны.

Легко любить человечество, но гораздо труднее любить близких. Родив тринадцать детей, Софья Андреевна не только взяла на себя заботу о семье и детях, но и переписывала тысячи страниц его рукописных романов, написанных неразборчивым подчерком, с бесконечными правками, зачеркиваниями и перечеркиваниями. Она также взяла на себя труд по изданию произведений мужа, и списавшись с Анной Григорьевной Достоевской, проконсультировалась у нее в тонкостях издательского дела. В тяжелый, голодный 1891 год вся семья Толстых занималась спасением голодающих. Лев Николаевич с дочерьми и сыновьями устраивал столовые для буквально умирающих от голода крестьян. Софье Андреевне, несмотря на правительственные запреты на частную благотворительность, разрешалось помогать голодающим только через Красный крест и приходы, когда она обратилась через прессу о помощи голодающим. И к ней посыпались сотни и тысячи переводов и писем с вложениями, что позволило собрать около 200 000 руб-

лей для закупки продуктов, которые она сама же и закупала. А еще она успевала вести прием и устраивать ежедневные обеды и ужины для многочисленных гостей, когда за стол в доме Толстого ежедневно садилось не менее 40 человек. Гостей постоянно было так много, что хозяева Ясной Поляны для их размещения вынуждены были выстроить специальный, отдельно стоящий дом. Росли дети, которым надо было давать образование и устраивать их жизни в соответствии с положением отца, знаменитого писателя графа Толстого. И все это оказалось на плечах Софьи Андреевны, которую, к тому же, муж был намерен оставить без средств существования.

Окруженный своими поклонниками-толстовцами, Лев Николаевич не понимал и не хотел понимать этих вполне земных насущных проблем и забот жены и отдалялся от нее все более и более, предпочитая жене общество своего преданного последователя со знаковой фамилией Чертков. Семейные конфликты, внутренний кризис и душевный разлад превратили его жизнь в старости в сущий ад. И в каком же состоянии нужно было быть 82-летнему писателю, чтобы умирая, бежать из дому и умереть в дороге на случайной станции Астапово, где уже умирающий, он не хотел видеть жену, мать своих 13-ти детей, всю жизнь преданно служившую ему и их семье и считающую высшей наградой редкое одобрительное слово мужа.

Христос принес миру истину — где Бог, там любовь и где любовь, там Бог. Всей душой принял и прочувствовал эту истину Достоевский. И потому он был переполнен благодарностью и любовью к своей жене, в полной степени оценив всю ту безропотную жертвенность, с которой она своей любовью и заботой спасала и исцеляла его от душевных пороков и телесных болезней. И эта любовь, и Бог были с ним до конца, принеся ему духовное и физическое исцеление.

Гениальный же русский писатель Толстой в своих поисках решения социальных проблем человечества утратил способность любить и понимать самых близких ему людей и, прежде всего, свою жену, также жертвенно служившую ему и его детям, как и жена Достоевского. Переступив через эту любовь, он утратил и Бога в душе и, несмотря на всю свою гениальность, так и не смог найти выхода из тяжелейшего духовного кризиса, терзавшего его 25 последних лет жизни. Как нельзя лучше объясняют отношение графа Толстого к своей жене Софье Андреевне строчки из стихотворения Николая Заболоцкого, посвященного его жене.

Но коль ты хлопчешь на деле
О благе, о счастье людей,
Как мог ты не видеть доселе
Сокровища жизни своей?

Не оценил граф Толстой сокровище жизни своей и вместо благодарной любви к своей жене, преданно служившей ему, семье, многочисленному потомству, она вызывала у него только раздражение, все больше приводящее к отчуждению, семейным конфликтам и в конечном счете, к мучительному духовному кризису, так и не преодоленному писателем за 25 последних лет его жизни.

Да, не случайно в душах людей так неистребима и сильна потребность любви, и во все времена непростой истории человеческого общества любовь остается неизменной и высшей ценностью, толкающей людей как на подвиги, так и на преступления. Через испытания любовью и нелюбовью, преданностью и предательством, так или иначе, проходит каждый человек. Но не все закаляются в этих испытаниях, многих они губят, и немало судеб сломалось или попало в ловушки, расставленные любовью и лжелюбовью.

Небескорыстная любовь лжепророков

Увы, к любви апеллируют не только православные священники, но и лжепророки, основатели и руководители многочисленных сект, которые в начале 90-х, когда вместе со своей коммунистической идеологией рухнул Советский Союз, в изобилии хлынули в Россию. Насколько искусно они расставляют свои сети, мне пришлось убедиться на собственном опыте.

А начиналось все вполне безобидно. В 1994 году ООН и ЮНЕСКО объявили десятилетие Толерантности, конечной целью которого было формирование у народов разных стран толерантного отношения к чужому вероисповеданию, национальным, этническим традициям и культуре, что позволяло бы избегать войн и вооруженных конфликтов на религиозной и межэтнической основе. В России тогда, в декабре 1994 года, началась чеченская война, шариатские суды, ваххабизм, казни неверных, десятки тысяч погибших военнослужащих и мирных жителей, потоки беженцев. В таких условиях ни правительству, ни депутатам было явно не до толерантности.

М. А. Федотов, российский представитель в ЮНЕСКО, с которым я встретилась, будучи в командировке в Париже, посетовал, что в России некому провести конференцию, посвященную десятилетию Толерантности, объявленному ЮНЕСКО. Я его заверила, что наш консорциум «Социальное здоровье России» готов провести представительную международную конференцию по проблемам толерантности при условии, что ЮНЕСКО выделит под нее финансирование.

Финансирование было выделено и в ноябре 1995 года состоялась представительная международная конференция «Терпимость и толерантность вместо насилия в семье и обществе», организованная нашим консорциумом, в которой, помимо российских участников, приняли участие наши коллеги из Австрии, Швейцарии, Германии, Великобритании, стран СНГ. Совет Федерации выделил под проведение конференции свой Парламентский центр, находящийся в бывшем здании Дома политпросвещения московского горкома партии на Трубной площади. Дума делегировала своего докладчика Г.И. Климантову, председателя Комитета по делам семьи, женщин,

детей. Выступал с пространным докладом Министр образования Е. В. Ткаченко, председатель комитета РФ по делам молодежи А.В. Шаронов и конечно же, заместитель Министра соцзащиты А.М. Панов, с которым к тому времени нас связывало пятилетие теснейшего сотрудничества.

И вот уже на заключительной стадии подготовки этой конференции мне позвонила дама и приятным голосом с отчетливым иностранным акцентом представилась руководителем духовного просветительского университета, учрежденного в Москве индусами. Дама сказала, что их университет в полной мере разделяет тематику и цели нашей конференции и попросила включить в программу ее доклад «Формирование толерантности и терпимости как жизненной позиции».

С превеликим удовольствием мы включили ее доклад, полностью соответствующий нашей тематике, да к тому же и расширяющий число иностранных участников, в программу пленарного заседания конференции. Доклад, сделанный на конференции госпожой Судхой Брахма Кумари, был вполне в традиционном для индусов миролюбивом духе, привитом еще Джавахарлалом Неру, возглавившим массовое ненасильственное сопротивление индусов английским колонизаторам, что и привело к освобождению Индии от колониальной зависимости в 1948 году.

Я и представить не могла, во что в ближайшее время выльется для меня знакомство с госпожой Судхой Брахма Кумари. Не прошло и месяца после нашей конференции, как я получила приглашение из Лондона принять участие в международном форуме «Духовные ценности во взаимосвязанном мире», который должен был состояться в начале февраля 1996 года в индийском городе Маунт Абу, в предгорьях Гималаев, штат Раджастан. Добираться до Маунт Абу было непросто, из Дели чуть ли не через всю Индию ехать на поезде, потом пересаживаться на автобус, что меня, не знающей английского языка, не на шутку испугало и я решила было отказаться от участия в этом форуме. Но наша переводчица Света Жарова посоветовала не спешить с отказом, а ответить, что я смогу поехать на форум только в ее сопровождении. Присутствующая при этом разговоре директор нашего центра психосоциальной работы, так же знающая английский Татьяна Левченко тоже изъявила желание быть в числе сопровождающих. И мы отправили в Лондон нахальный ответ, что поехать на форум я смогу только с двумя сопровождающими лицами. Ответное письмо не заставило себя ждать. Организаторы конференции го-

товы были пригласить всех нас троих при условии, что я соглашусь сделать доклад на тему «Духовные ценности в меняющейся России через призму личного опыта.» Признаться, как всегда в конце года я, занятая по горло отчетами о выполнении договорных работ, не очень вникла в сформулированное англичанами содержание своего доклада и легкомысленно согласилась с предложенной темой. Переводчица, обрадованная возможностью на халяву съездить в Индию, тут же дала положительный ответ.

Каково же было мое растерянно-подавленное состояние, когда я за день до отлета села за подготовку этого доклада и, безрезультатно промучившись весь день, кроме сплошной каши в голове не смогла ничего воспроизвести. С таким нулевым результатом я приехала в аэропорт, всерьез расстроив своих попутчиц, условием приглашения которых был мой доклад. Благо, самолет задержали на два часа, и мой котелок, на своем подсознательном уровне всю ночь переваривающий нерешенную накануне задачу, начал выдавать четко изложенное содержание доклада «Духовные ценности в меняющейся России через призму личного опыта».

Самое интересное, что все перемены, происходящие в это время в России, действительно переживались и на моем личном опыте.

Вступив в свое время еще на моторном заводе в партию, я в полной мере разделяла коммунистическую идеологию и разочаровалась в ней, когда в эпоху горбачевской гласности стала доступна вся информация о кровавых преступлениях режима. Помню, когда летом 1990 года я прочитала опубликованный в «Новом мире» солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ», где писатель подробно на примере конкретных судеб описал весь гулаговский конвейер от ареста, обыска, пыточных допросов, пересылки в душных переполненных вагонах, изнурительной работы полуголодных зеков в тяжелейших условиях северных и Колымских лагерей, массовые расстрелы невинных людей, — у меня возникло ощущение, что я состою в партии, руки у которой по локоть в крови. И я тогда написала заявление в свой партком НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР, состоящее из одного предложения: «Прошу вывести меня из рядов КПСС, по вине которой совершались массовые репрессии, и которая привела к кризисному состоянию наше современное общество». Чтобы избежать гневного осуждения товарищей по партии, я попросила нашего перепуганного секретаря парткома по возможно-

сти позволить мне не присутствовать на собрании, где меня будут выводить из партийных рядов. Моя просьба была уважена, выводили меня из партии в мое отсутствие, но чтобы оправдаться перед райкомом, на этом же собрании приняли в ряды КПСС еще сразу трех человек.

Пришлось мне быть и непосредственным свидетелем путча в августе 1991 года. В тот день, 19 августа, с утра пораньше я отправилась в продуктовый магазин в начале Гоголевского бульвара, у памятника Гоголю. И когда с нагруженной сумкой вышла из магазина, у меня буквально отнялись ноги. Вся проезжая часть бульвара была забита военной техникой, танками и бронетранспортерами. Вот когда я вспомнила Чехословакию и поняла чехов, в столицу которых в 1968 году также были введены наши танки. Оказывается, это очень страшно, когда мирный город забит военной техникой. С дрожащими коленками я добралась до дому на свой Сивцев Вражек. Мы включили телевизор и увидели восседающих за общим столом президиума всех ГКЧепистов, представленных полным составом правительства СССР и услышали, как председатель ГКЧП Г.И. Янаев, будучи не в состоянии сдерживать крупную дрожь рук, объявляет о том, что в стране введено чрезвычайное, то бишь военное положение, а стало быть, покончено с демократическими свободами, глоток эйфории от которых мы только успели глотнуть. У нас тогда гостили мои родители, и мы все испытали тягостное чувство страха и растерянности. И папа, старый солдат, прошедший войну, предложил пойти на Манежную площадь, которая вместо митингующего совсем недавно народа была забита военной техникой.

— Сынок, неужели будете в нас стрелять, — спросил папа солдатика сидящего на бронетранспортере.

Солдатик дружелюбно улыбнулся и успокоил: — Не бойся, отец, никто в вас стрелять не собирается.

Но солдатик не смотрел телевизор и не видел, что правительство СССР в полном составе вознамерилось, не церемонясь в средствах, покончить с демократическими свободами. И потому нам не стало спокойнее от дружелюбной улыбки этого молоденького солдата. Обнадеживающее влияние оказали только расклеенные на улице листовки с обращением Ельцина идти к Белому дому и оказать сопротивление незаконному перевороту. К вечеру двинулись и мы к Белому Дому, все прилегающие улицы к которому: Калининский проспект, Садовое кольцо были запружены людьми, строящими баррикады, как во время первой русской революции 1905 года.

И как бы не клеветали злые языки, среди этого многочисленного скопления народа не было ни пьяных, ни просто выпивших, как не было милиции и других правоохранителей. Не решились руководители ГКЧП, несмотря на свои высокие посты, дать приказ стрелять в невооруженных людей и давить их танками, да очевидно, и не ожидали столь массового мирного сопротивления и к тому же понимали, не удастся заставить военных стрелять в своих мирных сограждан. Всего три дня потребовалось, чтобы без стрельбы справиться с ГКЧепистами и выволочь содержащегося в Форосе под домашним арестом Горбачева.

Но не прошло и нескольких месяцев, как эйфория от победы начала сменяться недоумевающим разочарованием. Вначале последовал Беловежский договор, подписанный Ельциным и руководителями еще двух братских славянских республик — Белоруссии и Украины, что автоматически означало распад Союза. Лидеров братских республик не столько волновала судьба Союза, сколько жажда неограниченной власти в своих удельных княжествах.

Затем последовала смена Ельциным правительства, с которым он стоял на баррикадах у Белого Дома, и приход к власти гайдаровского правительства, так называемых младореформаторов, которые не придумали ничего другого, как устроить населению страны ускоренную и разрушительную приватизацию и шоковую терапию, то есть полное обесценивание рубля и всех сбережений, откладываемых людьми на черный день, покупку машин, кооперативных квартир и дач.

О масштабах этого обесценивания я могла судить по тому, во что превратились мои 5000 рублей, накопленные за 19 лет работы в Тюмени, что равнялось тогда стоимости первой модели «Жигулей». Я положила свои кровные 5000 в 1987 году на книжку в Сбербанк с условием, что буду снимать со счета только в самом крайнем случае. Через 12 лет, в 1999 году я зашла в сбербанк поинтересоваться, в каком состоянии мои накопления. Компьютер долго и добросовестно считал и, наконец, выдал результат — 142 рубля, меньше чем стоимость единого проездного билета, которая в то время составляла 160 рублей. Если сопоставить эту сумму со стоимостью «Жигулей», то обесценивание рубля было более, чем в 2000 раз. Мало того, что люди остались без сбережений, но еще многие остались и без работы, поскольку массово сворачивались производства и распускались колхозы. И наверно, все-таки не последнюю роль в снижении социальной напряженности в это тяжелей-

шее время сыграла наша, делающая первые шаги социальная работа и психосоциальная помощь.

Однако, одновременно с обнищанием подавляющей массы российского населения за счет ваучеризации, прихвятизации и просто мошенничества, расплодилось псевдоакционерные общества типа «Русский дом Селенга», «Хопер», «Чара», «Властелина», «МММ» и прочих, куда люди доверчиво несли свои оставшиеся в живых деньги. Как на дрожжах начали расти капиталы избранной горстки «новых русских», задающих обществу тон и правила безнравственной вседозволенности и живущих по нормам морали, которая в народе получила определение — «беспредел». С этим беспределом или, выражаясь по-научному, «аномией» — отпадением норм, пришлось и мне столкнуться на примере близких мне людей.

И так же, как каждый отдельный неверующий приходит к Богу через тяжелейшие испытания, так и российское население в это время острейшего социально-экономического кризиса массово потянулось в храмы, восстановление и строительство которых началось повсеместно. Это было время и моего обращения к Богу.

И так, нравственность и мораль в меняющейся России от коммунистической идеологии через беспредел и отмирание норм возвращалась к евангелистским заповедям и к Богу. Но слепая вера в Бога чревата таким опасным социальным явлением как религиозный фанатизм, что и приводит к кровопролитным войнам на религиозной основе. Последствия этого религиозного фанатизма, шариат и ваххабизм, теракты и захват заложников Россия, как и другие страны, испытала на себе во время происходящих в ней резких политических и социально-экономических перемен. Однако в России, в отличие от других стран, есть многовековой опыт мирного существования мусульман и христиан. За кремлевской стеной в Казани мирно соседствуют мусульманская мечеть и православный храм. И начало такому мирному соседству положено Иваном Грозным, когда, после взятия Казани, он не казнил татарского военачальника, а милостиво позволил ему быть верноподданным слугой. А еще тремя веками раньше, Александр Невский, выбирая между шведами и татарами и не имея возможности воевать на два фронта, чтобы отразить нашествие немцев и шведов, насаждавших католицизм, предпочел ездить в Золотую орду, на поклон к татарскому хану, поскольку татары, хотя и собирали с русских дань, но не покушались на их православную веру.

Вера в Бога не должна обращаться в религиозный фанатизм, потому что религии могут быть разными, но Бог один. Религия всего лишь путь к Богу, который выбирают народы, с учетом своей национальной психологии, исторических и природных условий. И как говорил когда-то Станиславский: «Чувства не навязываются, а выманиваются», так и при обращении в свою веру иноверцев не должно прибегать к насильственным методам, религиозные чувства, как и любовь, выманиваются. И этот вывод — еще одна важная, нравственная ценность меняющейся России.

Хорошую тему и своевременно сформулировали мне в Лондоне. Обдумывание этого доклада помогло мне разобраться в неразберихе и хаосе стремительно меняющихся политических событий и экономических укладов того времени, а также, в собственном духовном самоопределении. Мой доклад произвел впечатление на участников форума, многие из которых потом подходили, знакомились и высказывали комплиментарные оценки.

А состав участников впечатлял и был для нас неожиданным. Если в России в такого рода конференциях принимали участие гуманитарии: социологи, психологи, социальные работники, то в Маунт Абу из 70 стран приехали крупные бизнесмены, банкиры и другие состоятельные люди. И открывая форум, вице-президент всемирного банка сказал, что если раньше они предпочитали финансировать экологические программы с тем, чтобы предотвратить экологические катаклизмы на земле, то теперь им стало понятно, что причина всех проблем и кризисов политических, экономических, и экологических — в духовном кризисе. И нужно искать выход из него и финансировать эти программы.

В Маунт Абу состоятельные люди ехали за духовными практиками и не жалели на это средств, о чем можно было судить по тому, сколь немало вложено в строительство этого городка, изысканная архитектура которого, искусно вписанная в горный ландшафт, поражала воображение. Маунт Абу был выстроен Всемирным Духовным Университетом Брахма Кумарис с главным менеджерским центром в Лондоне.

Духовные ценности здесь прививались с помощью Брахма йоги, которой все начинали заниматься уже с рассветом на специально выстроенных верандах. Во время Брахма йоги нужно было отключить сознание и сосредоточить взгляд на светящейся точке. И конечно, обязательным требованием было полное вегетарианство и ношение белых одежд, а кро-

ме того, на специальных семинарах прорабатывалось усвоение 36 духовных ценностей, в центре которых были душевная гармония, миролюбие и невозмутимость. Казалось бы, нужно было только приветствовать духовный университет Брахма Кумарис и его деятельность. Однако сомнения у меня начали закрадываться уже во время многочасового перелета из Москвы в Дели.

Вместе с нами летело еще несколько человек из Москвы и Санкт-Петербурга, которые уже были постоянными многолетними слушателями этого духовного университета. Общение с этими участниками начало вызывать у меня все большее недоумение и вопросы. Симпатичный молодой человек из Петербурга, 27-летний переводчик Саша все свое свободное время проводил в духовном университете, куда приезжал для медитации еще до работы, с первой утренней электричкой метро и возвращался туда сразу после работы. На мой вопрос: «Остается ли у него время для личной жизни и есть ли у него девушка?» Саша с каким-то странным умилением тихим голосом отвечал, что у него есть другие, более важные духовные ценности.

Немолодая москвичка, врач, стала так много времени уделять духовному университету, куда для медитации нужно было приезжать с первой электричкой метро, готовить там вегетарианскую пищу с индусскими приправами, заниматься с новичками и помогать в других делах, что ей пришлось развестись с мужем, с которым прожила 30 лет и вырастила троих детей.

Насторожила также и программа форума, на котором подробно обсуждались 36 нравственных ценностей духовного университета Брахма Кумарис и при этом, совершенно не упоминались моральные нормы, регулирующие семейные отношения мужа-жены, родителей-детей. Производили какое-то странное впечатление своими бессмысленными прозрачными глазками и умильной смирностью люди, ставшие вегетарианцами и приверженцами этого духовного университета, и несколько раз в день погружающиеся в медитацию. Все это было похоже на какое-то зомбирование и, чтобы не поддаться этому зомбированию, мы перестали посещать сеансы медитации.

Но самое большое недоумение у меня вызвало знакомство с англичанином Майком Джорджем, который был одним из главных организаторов этого форума и из Лондона формулировал мне тему доклада. Он первым подошел ко мне после моего доклада и высказал весьма лестные оценки. Я, в свою очередь, выразила свое искреннее восхищение его организа-

торскими способностями, благодаря которым в форуме приняло участие такое количество весьма состоятельных деловых людей, включая вице-президента всемирного банка. Майк объяснил, что ему нетрудно было это сделать, поскольку он уже 20 лет занимается тренингами и консультациями по руководству персоналом в крупнейших компаниях, таких как Дюпон, Королевский Банк Шотландии, Барклай Банк, сеть гостиниц «Хилтон», Сименс, Митсубиси, Голландская королевская компания и другие компании разных стран Франции, США, Канады, Индии, Сингапура, Австралии, Испании, Мексики, Турции, Германии, Объединенных Арабских Эмиратов, Бахрейна, Таиланда. Эта информация, как и сам Майк, излучающий обаяние, крайне заинтересовали меня. Ведь у меня самой в то время были близкие мне люди, включая моего мужа и племянника, ставшие новоиспеченными банкирами и предпринимателями и, конечно же, нуждающиеся в столь высокопрофессиональном обучении по работе с персоналом. Наше общение на ходу, в перерывах не позволяло более подробно обсудить планы сотрудничества, и Майк предложил в последний день, когда уже была исчерпана программа форума, провести с нашей группой отдельную встречу, на которой он расскажет о своих программах и продемонстрирует один из тренингов. Вечером за ужином я сообщила об этих планах группе, и все с удовольствием согласились с утра полтора часа уделить встрече с Майком. Госпожа Судха должна была сообщить Майку время и место нашей встречи в одной из учебных аудиторий, где проходили семинарские занятия с нашей группой. На следующий день, как договаривались, в 10 утра мы были в условленном месте. Майка безрезультатно мы прождали почти час, он так и не появился и не сообщил о причинах своего отсутствия, что было не похоже на него. Оставалось еще время обеда, которое четко по расписанию проходило в кафе с 13 до 14 часов. Однако наша госпожа Судха в это время обеда повезла нас в музей Брахма Кумари, и обеденная встреча с Майком тоже сорвалась. Мало того, она объявила, что время ужина, который по расписанию с 19 до 20 обычно проходит в кафе, у нас также переносится, поскольку именно в 19 часов с нами намерена встретиться старейшая основательница их духовного университета. Становилось ясно, что наши хозяева преднамеренно срывают нам встречу с Майком и мы, не предупреждая Судху, вместо старейшей основательницы к 19 часам отправились в кафе, чтобы там за ужином застать Майка. Однако, просидев в кафе битый час, мы так и не встретили его,

и когда разочарованные вышли на улицу, увидели, как он устало идет из здания центрального штаба, где его продержали до восьми вечера. На наш вопрос, почему он не пришел утром на встречу с нашей группой, Майк с искренним сожалением ответил, что ему никто не сообщал об этом. И был очень рад, что хоть поздно, но нам удастся пообщаться. Мы уселись в кафе за столиком напротив друг друга и первое, о чем спросил Майк, это было, каковы наши впечатление от форума.

Я честно сказала, что нас удивило, почему среди обсуждаемых духовных ценностей отсутствовали нравственные нормы, регулирующие семейные отношения и, вообще, отношения полов. Тем более, что этика семейных и межполовых отношений прописана во всех религиях, включая христианство, иудаизм, ислам, буддизм.

Майк ответил, что любовь мужчины и женщины может проявляться как физическое, эмоциональное и духовное влечение, и трагедия человечества в том, что оно застряло на физическом влечении, тогда как университет Брахма Кумарис обучает любви на чисто духовном уровне.

Я согласилась, что конечно, в любви мужчины и женщины должны быть гармонизированы физическое и духовное влечение. Но спросила: «А если любовь будет лишь как чисто духовное влечение, то как же тогда будут рождаться дети?»

И Майк, глядя мне в глаза своими ярко-голубыми глазами, из которых лучилась светлая энергия, с искренней убежденностью ответил:

— От слияния душ.

— Вы серьезно? — недоверчиво спросила я.

— Конечно, ведь у человечества уже был такой опыт, — напомнил Майк, имея в виду Иисуса Христа.

— Но ведь Иисус — богочеловек, — возразила я.

— А мы должны очищаться до этого уровня, — объяснил Майк.

Было непонятно, как при таких нереалистичных убеждениях он, по сути дела, является гражданином мира и обучает представителей крупнейших компаний разных стран. И тем не менее, он произвел на меня неотразимое впечатление и своим личным обаянием, и профессионализмом, а главное, после общения с ним я словно зарядилась какой-то светлой энергией, растопившей мое тяжелое угнетенное состояние, в котором я находилась из-за начавшегося бракоразводного процесса и краха моей семейной жизни.

Мы договорились о сотрудничестве и обменялись адресами, телефонами и факсами, а позже, когда появилась электронные адреса, обменялись и ими. Наше сотрудничество и переписка длились без малого десять лет, и я все это время пыталась понять, как при своем уме, профессионализме, занятости, обширных международных контактах Майк всецело попал под влияние этой секты, прикрывавшейся благозвучным названием Всемирный Духовный Университет Брахма Кумарис. Не оставляла я и надежду переубедить его, раскрыть глаза на то, что только затянутые в секту люди и ставшие ее адептами, отказываются от семейной жизни, уходят из семьи и целиком попадают в психологическую зависимость от секты. И неслучайно все религии мира проповедуют верность супругов в браке, заботу о детях и стариках. И даже ислам, позволяющий мужчинам иметь четырех жен, предусматривает суровое наказание за супружеские измены и предписывает мужу уделять равное внимание и заботу всем своим четырем женам. А буддизм в последующих инкарнациях предсказывает неверным мужьям жизнь кастрированного животного.

Но Майк утверждал, что его добровольное безбрачие и преданное служение Духовному Университету Брахма Кумарис — это главное условие духовного очищения и просветления, без чего он не сможет выполнять свою миссию духовно-интеллектуального оздоровления человечества, погрязшего в пороках плотских утех и неограниченного потребления.

Я очень надеялась, что когда он поближе познакомится с Россией, ее православными храмами, монастырями и православием, это поможет ему выбрать другую идеологическую платформу для своей интеллектуально-просветительской миссии. И потому, в его первый приезд в Россию, ему были запланированы семинары для банкиров не только в Москве, но и в Нижнем Новгороде, на обратной дороге из которого я хотела показать ему Владимир и Суздаль, где уже были подготовлены лучшие экскурсоводы. Но увы, этого устроить не удалось, поскольку сразу после проведенного им московского семинара пришло сообщение о том, что его мама попала в больницу. И Майк сразу же вылетел в Лондон.

Вообще, организация каждого нашего выездного семинара в Англию и приезда его в Москву сопровождалось такими неожиданными и труднопреодолимыми проблемами, что мне удавалось преодолевать их только ценой невероятных усилий. И даже когда я привозила в Лондон группу, он после первого семинарского дня неожиданно заболел, и нашей

лондонской представительнице Светлане Потемкиной приходилось срочно менять программу и организовывать другие деловые встречи. Невольно приходилось верить своим знакомым биоэнергетам, что Брахма Кумари поставили коллективный энергетический блок, препятствующий нашим контактам. И это было понятно еще в Маунт Абу, когда они под любым предлогом срывали наши переговоры с Майком, добиваясь таким образом невозможности нашего дальнейшего сотрудничества и общения. Очевидно, действительно, они чувствовали опасность потерять Майка, а в его лице насосик, с помощью которого привлекались состоятельные люди и их финансовые вливания.

И все-таки наши души с Майком действительно очевидно были близки, и нас тянуло друг к другу, ведь мы оба понимали необходимость духовно-нравственного очищения человечества от пороков разврата и неумеренного потребительства, и каждый на своем месте, пытались противодействовать этому. И потому, несмотря на все чинимые препятствия и разность наших идеологических платформ, наше сотрудничество продолжалось и приносило свои полезные плоды. Нам удалось провести выездные семинары для банкиров в Лондоне и семинары в Москве по теме «Менеджерская культура, психология и этика бизнеса», на которых Майк обучал созданию эффективных самоуправляющихся рабочих коллективов, проводил тренинги профессиональных навыков руководителей, семинары по снятию напряжения и преодолению стресса. Все это было крайне полезно для наших начинающих банкиров, как правило, бывших физиков и математиков, работающих в тяжелейших стрессогенных российских условиях. И что мне особенно нравилось, на своих семинарах он ненавязчиво и тем не менее, убедительно, объяснял банкирам необходимость в работе и жизни руководствоваться приоритетами духовных ценностей. Доносить эти идеи для людей, чья профессия имела дело исключительно с деньгами, было также важно, как и непросто. И при этом на наших семинарах, чтобы не спугнуть слушателей, он никак не упоминал об учении Брахма Кумари и о слиянии душ, от которых могут рождаться дети.

В 1998 году в Лондоне вышла очень полезная и своевременная книга Майка «Искусство релаксации. Снятие напряжения. Преодоление стресса. Самопомощь». Я ее назвала таблеткой от душевной боли и нервного перенапряжения. Прекрасно проиллюстрированная, она содержала доступные не только для профессиональных психотерапевтов, но и не для

специалистов упражнения и практические советы по снятию психофизиологических последствий стресса и самопомощи. Мы выкупили право переводного издания у лондонского издателя, который поставил условие издать на русском языке точно в таком же виде, с теми же цветными иллюстрациями и на такой глянцевої дорогой бумаге. Эти условия, сопряженные с техническими трудностями и немалыми финансовыми затратами, нам удалось полностью выполнить. Презентацию этой книги мы устроили на международной конференции «Современные психосоциальные технологии: проблемы освоения и использования», на которую был приглашен и Майк. Увидев свою книгу, изданную на русском и ничем по своему виду не отличающуюся от лондонского издания, он выразил искреннее удивление качеством нашей полиграфии. К тому времени его книга была переведена и издана более чем в 10 странах, и Россия, к нашей гордости, оказалась в том числе.

Семинары и книга Майка помогали и мне в преодолении моих стрессов, которые в это время валились на меня со всех сторон. Кроме развода, мне в эти годы пришлось пережить смерть самых близких людей, любимого младшего брата, родителей, наезды мафиозных коррупционеров. Был и еще один позитивный результат нашего общения и сотрудничества с Майком. Чтобы преодолеть языковой барьер, разделяющий нас, я, несмотря на свою сверхзанятость, начала изучать английский. Однако, если в студенческие и школьные годы мне легко давался немецкий, то теперь моя память, до отказа забитая самыми разными неотложными проблемами, подводила меня и больших успехов в освоении английского мне добиться не удалось.

Чем больше я общалась и сотрудничала с Майком, тем менее понимала, как при его уме и всесторонней образованности он мог попасться на удочку этой Брахма Кумари. Правда, единственное, что давало ключ к объяснению этого парадокса было то, что, по его признанию, в 28 лет он был на грани самоубийства из-за несчастной любви. И обращение к духовным практикам спасло его. Прием стандартный для всех сект — окружать любовью и участием переживающего свое горе человека. И все-таки, когда такие редкие люди как Майк, способны быть ослепленными и попасть в полную психологическую зависимость от секты, поневоле понимаешь, как прочны и цепки их щупальца, забирающиеся в подкорковые глубины подсознания и парализующие способность критического осмысле-

ния себя и своего состояния. А итогом этой не бескорыстной любви становится полное порабощение адептов секты, их физическое, психологическое и финансовое истощение.

Чтобы противостоять в изобилии хлынувшему в Россию в начале 90-х сектам, депутат государственной Думы Виктор Савченко собрал экспертный совет из психиатров и психологов, занимающихся проблемами сектантских адептов и разработавших критерии оценки деструктивных сект, разрушающих физическое и психологическое здоровье человека, действие которых должно быть запрещено на территории страны. И первыми такой экспертизе была подвергнута японская секта АУМ Синреке, главу которой, японца с одутловатым лицом и неряшливой бородой, в то время принимали в Кремле, и он беспрепятственно вещал с экранов российского телевидения. Экспертный совет признал АУМ Синреке деструктивной сектой, деятельность которой необходимо было запретить в России. Однако отрезвление у нашей властной элиты произошло только после трагических событий в токийском метро, где адептами этой секты был рассеян нервно-парализующий газ зарин, повлекший человеческие жертвы.

Увы, противостояние сектантскому нашествию оказалось небезопасным делом, и в 1995 году Виктор Савченко был убит. Однако, разработанные членами его экспертного совета критерии деструктивности стали широко известны общественности и в значительной степени помогли поставить заслон беспрепятственному распространению сектанства, прикрывающемуся свободой вероисповедания.

Тем не менее, и среди психиатров нашлись защитники сект. В частности, не постеснялся публично выступить в защиту сект на страницах «Психологической газеты» Юрий Савенко, президент независимой психиатрической Ассоциации, учрежденной в России в конце 80-х, когда из международной психиатрической Ассоциации были исключены советские психиатры, обвиненные в карательной психиатрии, применяемой к диссидентам. Аргумент Савенко был все тот же — свобода вероисповедания.

С Юрием Савенко мне пришлось пересечься в Китае, где Международный Фонд Образования, учрежденный небезызвестным господином Муном, американцем корейского происхождения, возглавляющим одноименную секту, проводил международную конференцию по проблемам семьи «Чистая любовь и стабильный мир», куда за счет организаторов была

приглашена и я. Проблемы семьи, которые планировалось обсудить на конференции, не вызвали ни малейшего возражения, к тому же я не знала, что Фонд Образования учрежден Муном и потому, с легким сердцем отправилась в Пекин. На конференцию была приглашена большая группа участников из трех стран: Китая, Америки и России. Как объяснили организаторы, выбор стран был не случаен. Китай, как самая многочисленная страна, США, как самая богатая и Россия, как самая большая по территории страна. А стало быть, эти страны, по логике организаторов, должны определять вектор развития земной цивилизации. Интересные ощущения я испытала на этой конференции. В начале было чувство полного согласия с тем, что говорили с трибуны выступающие о ценности семьи, детско-родительских и супружеских отношений. Но по мере того, чем убедительнее ораторы внушали ценности семьи, демонстрируя при этом целые поселения, где живут воспитанные ими семьи, тем больше возникало ощущение воронки, куда ты затягиваешься помимо своей воли. В итоге становилось понятным, что господин Мун пошел дальше тех сектантских проповедников, которые отчуждали человека от семьи и формировали у своих адептов полную психологическую зависимость от секты. Здесь формировалась психологическая зависимость всей семьи, а стало быть, естественное воспроизводство адептов.

И также, как Брахма Кумари действовала под благовидной эгидой Всемирного Духовного Университета, так и господин Мун проповедовал от лица Международного Фонда Образования, что конечно же, расширяло возможности привлечения сторонников из числа учителей, преподавателей вузов и других представителей интеллигенции, и к тому же, под просветительскими функциями удачно маскировалась истинная суть этого сектантского учения.

Здесь же, в кулуарах конференции, у меня состоялась жесткая дискуссия с Юрием Савенко. Тщедушный, небольшого роста брюнет буквально чуть не ринулся на меня в рукопашную, когда я заговорила об опасности деструктивных сект. Он яростно кричал, что в советские времена психиатры по политическим мотивам упрятывали диссидентов в психушки, а теперь пытаются запретить свободу вероисповедования. На мои возражения, что он, как психиатр, не может же защищать наркотики, разрушающие психическое и физическое здоровье наркоманов, так почему же он защищает сектанство, которое

оказывает такое же разрушительное влияние на здоровье своих адептов. В ответ я услышала весьма неприязненные оценки своей личности и личности других коллег, противодействующих сектанству.

Невольно возникал вопрос, а кто и как замотивировал этого президента независимой психиатрической Ассоциации с таким рвением отстаивать право сект разрушать здоровье наших сограждан, прививать им равнодушие к своей семье и к обществу. Ведь известно же, кто заказывает музыку, тот танцует девушку.

Что интересно, имя Савенко позже снова мелькнуло теперь уже на страницах «МК», когда шла массированная травля Никиты Михалкова, отстаивающего интересы отечественного кинематографа. Тогда оппоненты Михалкова не нашли ничего лучшего, как обратиться к президенту независимой психиатрической Ассоциации с просьбой освидетельствовать Никиту на предмет психического здоровья. Правда, Савенко, будучи профессиональным психиатром, все-таки не решился поставить Михалкову диагноз «шизофрения», а разразился в «МК» большой статьей о недостойном морально-нравственном облике всемирно известного режиссера. Что, тем не менее, не помешало 2000 участникам съезда кинематографистов практически единогласно, открытым голосованием переизбрать Михалкова на должность президента союза кинематографистов России.

Все эти факты наводят на вывод о том, какая ожесточенная борьба ведется не только на политической и экономической арене, но и в психологии, в психиатрии, в искусстве и религии. Борьба за души человека и в конечном счете, за судьбу человечества.

Не ожидала я, что уже практически через 20 лет с того времени, как мне пришлось нос к носу столкнуться с такими крупными сектами, запустившими свои щупальцы в разных странах, как Брахма Кумарис и мунисты, я снова поучаствую в борьбе, разворачивающейся вокруг сектанства, уже не в психиатрии, а в православии. А начиналось все с того, что ко мне обратился за помощью в подготовке диплома Алексей Зверобоев, семинарист духовной семинарии из Троице-Сергиевой лавры, основанной когда-то Сергием Радонежским, благословившим на Куликово поле в 1380 году полки Дмитрия Донского. Алексей писал диплом о миссионерской деятельности православных священников с членами молодежных деструк-

тивных объединений, эмо, готами, сатанистами. Он собрал большой материал об истории и субкультуре этих объединений, их пагубном влиянии на подростков и юношество, приводящем к самоубийствам и кощунственным кровавым ритуалам на кладбищах. Алексей занимался не только теорией вопроса, он, несмотря на свою молодость, имел уже успешный опыт миссионерской реабилитационной работы с этой категорией подростков. В процессе своей миссионерской работы он понял, что реабилитация готов, эмо, сатанистов должна вестись священниками вместе с психологами и был очень заинтересован в психологической литературе по этим вопросам и сотрудничеству с опытными психологами. В нашем «Вестнике психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы» публиковались статьи психиатров и психологов на эту тему, и я дала ему подборку этих номеров, а также адресовала к опытнейшему психологу, своей ученице Ольге Кардашиной, которая работая в психологическом центре, владела большим арсеналом технологий индивидуально-групповой реабилитационной работы с наркоманами, суицидентами, адептами деструктивных молодежных организаций. И так завязалась наша дружба и сотрудничество с миссионерским отделом Троице-Сергиевой лавры, которой руководил монах, игумен Пантелеймон, в прошлом врач-хирург. И тут, к своему огромному удивлению, я узнала, что в духовном центре православия, в Троице-Сергиевой Лавре, в духовной Академии и семинарии, располагающихся в Лавре, далеко не однозначное отношение к миссионерской деятельности священников и есть немало ее активных противников. Вокруг темы диплома Алексея разгорелись нешуточные баталии, высказывались мнения не только запретить писать диплом на эту тему, но и исключить из семинарии Алексея. Тему его духовнику, игумену Пантелеймону удалось отстоять, а миссионерский отдел, которым он руководил, тем не менее, закрыли. Таким образом, и Пантелеймон, и его стойкий последователь семинарист Алексей, оказались со своей миссионерской деятельностью по противостоянию молодежному сектантству, готам, эмо, сатанистам, на острие борьбы, развернувшейся в православных кругах. Исход этой борьбы должна была решить успешная, либо неуспешная защита Алексеем его диплома. Понимая всю остроту ситуации, мы с Ольгой Кардашиной самым добросовестным образом начали помогать Алексею в его работе над дипломом и кроме того, написали убедительные и искренне хва-

лебные отзывы на этот диплом, которые на защите оказались как нельзя кстати. Рецензию на диплом писал профессор Духовной Академии, celibат Андрей Кураев, который слыл философствующим эрудитом и частенько мелькал на экране телевизора. Я к тому времени успела разочароваться в эрудите Кураеве, после того, как услышала от него по телевизору, что Маргарита вовсе не любила Мастера и вообще, этот роман не о любви, а о душе, проданной дьяволу. Было ясно, что это человек, ничего не понимающий в любви, очевидно никогда сам не любивший и неспособный вызывать ответную любовь женщины. Возможно для частичного монаха, каким бывают celibаты, которым можно кушать мясо, но при этом предписан обет безбрачия, это вполне допустимо и вероятно. Но тогда зачем, вооружившись разными и не всегда уместными цитатами, публично рассуждать о чувствах, которые сам не способен испытывать. Наверно только для того, чтобы продемонстрировать свою эрудицию и оригинальность и таким образом, самоутвердиться в глазах неискушенных телезрителей.

Своей рецензией Андрей Кураев как нельзя лучше подтвердил справедливость ранее сложившегося негативного мнения о нем. На девяти страницах он не только в пух и прах разнес диплом Алексея, но еще и обвинил его в плагиате, с потолка указав ссылки на сайты, откуда якобы Алексей списывал. С этим разносным отзывом Алексей смог познакомиться лишь поздно вечером накануне защиты. И ему пришлось всю ночь просидеть за компьютером, разыскивая сайты, указанные Кураевым, с которых якобы был списан его диплом. Эти сайты оказались либо сайтами банков, либо других организаций, не имеющих отношения к теме диплома, о чем Алексей и вынужден был доложить комиссии на своей защите. Понятно, что после такого сообщения доверие к рецензии и рецензенту было утрачено, и когда зачитали мой краткий отзыв, подписанный громкими титулами доктора, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ, члены комиссии вместо предложенной Кураевым двойки, намеривались даже поставить предложенную мной пятерку. И в итоге сошлись на компромиссной четверке.

Эта успешная защита в результате позволила духовным отцам пересмотреть отношение к миссионерской работе с готами и сатанистами, восстановить Пантелеймону миссионерский отдел, а Алексея — рекомендовать для поступления в Духовную Академию. Позже мне удалось поближе познакомиться

с игуменом Пантелеймоном, хрупким, застенчивым человеком в монашеской рясе, который вызывал какое-то нежное, почти что материнское чувство и стремление оберегать его хрупкость и тонкую душевную организацию. Пантелеймон в свое время окончил медицинский институт и до того, как постричься в монахи, работал хирургом. На мой вопрос, почему он решил стать монахом, игумен Пантелеймон застенчиво ответил: «Хотел служить Богу и людям». Ответ был хотя и краткий, но вполне исчерпывающий и убедительный.

Было и еще одно неожиданное продолжение этой истории.

Отец Пантелеймон, почувствовав во мне надежного единомышленника, решил пригласить меня для выступления с лекцией перед семинаристами его миссионерского отдела. Поскольку светского профессора до сих пор не приглашали с лекциями в Троице-Сергиеву Лавру, ему потребовались согласование с ректором Духовной Академии, который не только разрешил мое приглашение, но и выделил для моей лекции большой зал и рекомендовал послушать меня не только семинаристам-миссионерам, но и всем студентам Духовной Академии и Духовной семинарии. Конечно, выступление с лекцией в таком святом месте как Троице-Сергиева Лавра были для меня и большой честью и еще большей ответственностью. Я долго размышляла над содержанием лекции и в итоге предложила тему «Психология и социальное оздоровление общества». В своем выступлении я хотела показать, что психологи, как и священники, следуют заветам Христа и в исправлении социальных пороков действуют не методами наказания и насилия, а профессиональной психологической помощью семье, детям, и каждому отдельному человеку, испытывающему личностные психологические проблемы, проблемы в семье, с родными и коллегами. И если священник как бы задает ориентиры духовного развития, определенные Иисусом, то психолог помогает человеку справиться со своими пороками и негативными психологическими состояниями.

На мою лекцию собралась довольно большая аудитория заинтересованных семинаристов и молодых преподавателей Духовной Академии и семинарии. Свою лекцию я построила в диалогичном режиме, по мере изложения своего материала обращаясь с вопросами к аудитории. Вначале это вызвало у слушателей некоторое замешательство, которое вскоре прошло, и они не только стали отвечать на вопросы, но и выходя к микрофону, установленному в проходе, охотно высказывали свою

точку зрения и комментарии. И как это ни странно, самое большое затруднение вызвал вопрос «За что распяли Христа?».

Ответы были самые разные: «Из-за зависти. Фарисеи не хотели власть терять». И никто не ответил, что Христос был распят, потому что пришел не властвовать и укреплять власть сильных мира сего, а пришел преобразить мир в царство Божие, где царят не владыки и насилие, а любовь и милосердие. Незнакомы были римлянам и их проповедникам, как и проповедникам иудеев, такие идеалы. Им нужен был царь и император-завоеватель мира, покоритель народов, владеющий все новыми рабами, которых можно было использовать на тяжелых работах как домашнюю скотину.

Большое и неожиданное открытие сделала для себя я, которое мне объясняло, почему для отдельных священнослужителей не ко двору оказалась миссионерская деятельность отца Пантелеямона и диплом семинариста Алексея, почему иные могут совмещать сан священника с откровенным корыстолюбием и неприязнью к людям. Немногим эти священнослужители отличаются от фарисеев, распявших Христа, им также чужды идеалы любви и милосердия и потому, несмотря на свою рясю, служат они не Богу, а мамоне. И здесь, в центре Православного учения, та же борьба между силами света и тьмы, как и в миру.

И не меньшая, если не большая борьба и в нашей психологической науке и практике. Далеко не каждому дано осознать, каким силам он служит в своей профессиональной деятельности. А соблазнов в миру поболее, и меркантильных, и карьерных, и честолюбивых. И психология, попавшая в нечистоплотные руки, может принести не столько пользы, сколько вреда. Ведь недаром когда-то международная психиатрическая Ассоциация выступила против гештальтпсихотерапии и ее девиза «Здесь и сейчас».

Принцип «Здесь и сейчас» полезен в психотерапии, чтобы помочь человеку избавиться либо от прошлых тягостных воспоминаний, либо от неумеренной тревожности по поводу возможных будущих событий. Но когда «здесь и сейчас» становится этическим принципом, это оправдывает предательство и безответственное отношение к близким, родителям, детям, супругам, коллегам, партнерам, когда ради сиюминутных личных выгод и удовольствий забываются свои обязательства, свой гражданский долг, предаются близкие люди. Это далеко не одно и то же, как нравственный и этический принцип. И психологу, чтобы различать эту разницу в своей работе,

надо самому четко определиться со своими нравственными принципами. Четкое нравственное самоопределение психологу так же важно, как и священнику, поскольку оба они имеют дело с душой человека.

Проповедуя христианство и разделяя христианские ценности, надо помнить, что принес Христос миру и за что был распят фарисеями-книжниками. А поскольку мы живем в далеко не совершенном мире, где далеко не завершена борьба добра и зла, то и нам нередко приходится быть на острие этой борьбы и проходить свои тяжелые испытания.

Бог не выдаст, свинья не съест

Свои тяжелейшие испытания, которые длились без малого 10 лет, пришлось пережить и мне. И начались они в самое неожиданное время, когда наш консорциум «Социальное здоровье России» полностью встал на ноги и были решены все задачи, казавшиеся фантастическими в самом начале, когда он был задуман и учрежден. В 1994 году мы переселились в отремонтированный, реконструированный и обустроенный бывший детский садик во дворах Рублевского шоссе. Здесь начала успешно действовать междисциплинарная психологическая консультация для детей и родителей, где впервые отработывалась технология взаимодействия разных специалистов: психологов, дефектологов, логопедов, психоневрологов, психиатров. В образовательном центре консорциума проводились семинары-тренинги для делающих в стране первые шаги психологов социальных и образовательных учреждений, социальных педагогов и работников. В книжно-журнальном издательстве начали выпускаться первые пособия и практикумы для этих специалистов, которые заказывались в рамках президентских программ «Дети России», «Молодежь России» Минобразования, Минобразованием, Госкоммолодежью. Осуществлялось активное сотрудничество с западными специалистами и международными фондами. Сложился небольшой, но работоспособный коллектив и кроме того, был взят на вооружение опыт закончившего свою работу ВНИКа, «Государственная система социальной помощи семье и детству». Теперь ВНИКи учреждались консорциумом для выполнения договорных заданий и программ, куда так же привлекались специалисты с наработками из разных городов. И таким образом была запущена в действие вся задуманная система разных учреждений, ориентированных на внедрение в жизнь нашей Концепции охранно-защитной превенции. Казалось, можно было бы, наконец, перевести дух.

Но не тут-то было. Не надо было забывать, что мы жили и работали в России, и нас не могли миновать криминальные, рейдерские и взяточно-коррупционные захваты, которыми хронически заболела страна. Первый гром грянул в кон-

це 1995 года, перед той самой Международной конференцией «Терпимость и толерантность вместо насилия в семье и обществе», которую мы проводили под эгидой ЮНЕСКО. Было арендовано помещение в здании парламентского центра на Цветном бульваре, приглашены иностранные докладчики и участники из разных регионов России, заказаны всем гостиницы, получено согласие выступить с докладами руководителей министерств и думских комитетов, оставалось только проплатить все текущие расходы по конференции, которые превышали сорок миллионов неденоминированных рублей, то есть, теперешних сорок тысяч. Бухгалтер, отправившаяся с платежками в наш НГСбанк, вернулась ни с чем. И непросто ни с чем, а с ужасной новостью, что банк, вместе с деньгами всех клиентов обанкротился, и никакие платежи никому не производит. Эту новость она принесла в среду, а на следующей неделе во вторник, должна была начаться конференция, которая, несмотря на все свое представительство, оказалась под срывом.

Как же кусала я свой локоть! Ведь еще в мае на последней конференции акционеров банка было видно, что с банком происходит что-то неладное, и уже тогда надо было делать ноги. Конференция акционеров проходила в Доме архитекторов на улице Щусева. Пропуск был строго по списку и с предъявлением паспорта, что исключало проникновение посторонних лиц. Председатель акционерного банковского общества, бывший министр Миннефтегазстроя, начинавший, как почти все сотрудники этого министерства в Тюмени, Чирсков объявил, что, чтобы успешно конкурировать в расширяющейся сфере банковских услуг, необходимо увеличить уставной капитал, для чего имеются необходимые финансовые возможности. Подавляющее большинство акционеров без промедления согласилось с этим предложением. Но при голосовании выяснилось, что две дочерние, никому неизвестные фирмы смогли незаметно, в течение года, скупить акции мелких акционеров и заполучить контрольный пакет, позволяющий им заблокировать предложение председателя НГСбанка. Растерянный председатель после оглашения результатов голосования объявил перерыв, чтобы объяснить и уговорить руководителя дочерних фирм, заблокировавших это предложение. В перерыве я наблюдала как этот руководитель, толстенький, небольшого роста еврей прогуливался по фойе в сопровождении пятерых здоровенных охранников, со всех сторон окружавших его. Необходимость в такой усиленной охране тем более была непонятна, поскольку конференция проходила со строго ограниченным составом участников

и надежной банковской охраной. Уговорить этого толстяка так и не удалось. Мало того, этими товарищами был спровоцирован публичный скандал с управляющим банка, и тот был заменен на своего человека.

Понимая, что с банком происходит что-то неладное, я, тем не менее, решила, что такие авторитетные и закаленные товарищи как бывший Министр Миннефтегазстроя и его заместители, возглавляющие банк и освоившие в свое время Тюменскую нефтяную целину, не дадут себя скушать, и с банком ничего дурного не приключится. Однако не прошло и полгода, как новый управляющий со своей командой раздал на невозвратные кредиты деньги НГСбанка и обанкротил его. А ведь этот банк обслуживал не только Москву и москвичей, его клиентами были большинство нефтегазодобывающих предприятий Тюменского севера, финансовому состоянию которых был нанесен непоправимый ущерб этим банкротством. Так россияне получали первые уроки рейдерских захватов, которые, увы, не пошли впрок. И уже через 10-15 лет рейдерство, как эпидемия, охватила страну, и его жертвами становились крупные и мелкие успешные предприятия, включая и оборонно-промышленный комплекс. Правда, отхватив лакомый кусок обманным путем, рейдеры, как правило, оказывались неудачными, неэффективными предпринимателями, приводившими к разорению свое хозяйство, оставляя без работы десятки тысяч тружеников.

Узнав от бухгалтерши эту ужасную новость о не проплаченных платежках, грозивших срывом конференции, я на другой день сама отправилась в банк в надежде встретить кого-то из банковского руководства, бывших тюменцев, с которыми шапочно была знакома. Увы, никого из начальства не было на месте, а на расправу клиентам был оставлен рыженький молодой человек, в приемной которого клокотали, ругались и плакали несчастные клиенты с не проплаченными платежками. К тому времени, как подошла моя очередь я, насмотревшись на неразрешимые бедствия других, была уже в состоянии совершенной безнадежности и, не рассчитывая ни на что хорошее, зашла в кабинет этого рыженького. Однако рыженький, которому я показала программу конференции и коротко рассказала о ней, неожиданно чиркнул на моих платежках какую-то закорючку и сказал, что они сегодня же будут проплачены.

Это был четверг, во вторник начиналась конференция, а на другой день, в пятницу, я свалилась с температурой 40 градусов, так силен был стресс, который пришлось пережить. За выходные мне удалось мало-мальски оклематься и во втор-

ник на полусогнутых явиться в Парламентский центр, чтобы встречать высокопоставленных гостей и проводить нашу первую международную конференцию под эгидой ЮНЕСКО. Конференция прошла успешно и на большом подъеме. Окрыленная успехом, я решилась еще раз зайти к рыженькому с новыми платежками наших текущих расходов также на сумму чуть выше 40 миллионов, чтобы выбрать оставшиеся на нашем счету деньги. Разговор начала с искренней благодарности, и растроганный рыженький снова черкнул свой спасительный крючок на наших платежках, а мы таким образом без потерь пережили банкротство НГСбанка.

А следом за НГСбанком обанкротился и Инкомбанк, где мы также не без труда открыли валютный счет для поступлений благотворительных средств от фонда «Каритас» на ремонт и реконструкцию переданного в аренду консорциуму обветшалого бывшего детского сада по адресу Рублевское шоссе 87 корпус 2. И опять же, на наше счастье, банкротство было объявлено буквально через несколько дней после того, как мы выбрали со своего счета все присланные фондом «Каритас» доллары.

Однако самые большие потрясения ожидались впереди. 18 августа 1998 года грянул дефолт, обрушивший резким падением рубля тысячи российских фирм и предприятий. Сбережения консорциума в то время хранились в Инвестсбербанке на ГКО (государственные казначейские бумаги), дававшие хороший процент, позволивший к этому злополучному 18-му августа скопить нам кругленькую сумму, которую, как выяснилось, государство возвращать не собиралось. Известие о дефолте меня застало в Ялте, где я отдыхала на квартире у знакомой писательницы. Не далее как именно в этот злополучный вторник 18 августа 1998 года мы отправились с ней на рынок, чтобы пополнить съестные запасы. Попытка поменять рубли на гривны успехом не увенчалась. Ни один обменник рубли не менял, при этом никто ничего не мог объяснить. Газеты все были раскуплены, телевизор у бесхозяйственной писательницы вышел из строя, и мы в оказались в полном неведении, что происходит в Москве и вообще в России.

Обмен рублей на гривны возобновился лишь через два дня, и при этом курс рубля упал в четыре раза. И все россияне, отдохавшие в Крыму, естественно, обеднели в четыре раза и кинулись к железнодорожным кассам, чтобы обменять билеты и уехать домой раньше отпущенного для отдыха срока. Но не тут-то было. Билетов, естественно, не оказалось, и при-

шлось проводить остаток отпуска в Крыму в режиме жесткой экономии.

Но самое страшное ожидало меня по возвращению в Москву. Наши сбережения, хранившиеся на ГКО, были заморожены и недоступны. Наличных денег, остававшихся в кассе, не хватало, чтобы купить писчей бумаги и картридж, необходимые для печати рукописей пособий, которые мы подготовили по договорным работам с министерствами. Цены на все товары в Москве скакнули в четыре раза. Под срывом оказалась сдача отчетов по договорам с Министерствами и надежда на получение хоть каких-то денег по этим договорам.

И тогда моя надежная помощница Таня начала обзванивать подмосковные магазины канцелярских товаров в надежде, что туда еще не докатилась эта оглушительная волна с четырехкратным повышением цен. Такой магазин, на наше счастье, нашелся в подмосковном Королеве, и мы сразу же ринулись туда. Цены королевского магазина оказались щадящими, мы купили бумагу и картридж и, обрадованные, решили проехать по близлежащим деревням, чтобы по дешевке закупить кое-что из продуктов. И так путешествуя от деревни к деревне, неожиданно доехали до Сергиева Посада. Казалось, сам Бог привел нас сюда, в Троице-Сергиеву Лавру, где я тут же отправилась приложиться к мощам Сергия Радонежского. Там в Лавре мне захотелось побыть одной и договорившись о месте встречи со своими попутчиками, я обошла подворье Лавры и остановилась у четырехгранного обелиска, обитого металлическими пластинами с письменами, повествующими о героических страницах из 700-летней истории Троице-Сергиевой Лавры. Письмена, выгравированные на металлических пластинах, повествовали, что в Лавре русские люди находили поддержку и Божью помощь в самые гибельные времена. Во время татаро-монгольского ига сам Сергей Радонежский благословлял полки Дмитрия Донского и направлял с ним на Куликовское поле своих монахов-богатырей Пересвета и Ослябу. Отсюда же Минин и Пожарский со своим народным ополчением двигались на освобождение Москвы от польско-литовских захватчиков, а юный царевич Петр спасался здесь от взбунтовавшихся стрельцов.

И на фоне этих грозных исторических событий как-то меркли наши проблемы, и появлялась внутренняя уверенность, что Бог не выдаст, свинья не съест. И поскольку дело наше правое, богоугодное, Господь не оставит нас без своей помощи и поддержки.

И действительно, неожиданная помощь начала приходить, откуда и не ждали.

Неожиданно позвонил заместитель начальника Псковского областного управления образования Н.Н. Соловьев и предложил договор на проведение выездного семинара для воспитателей и психологов детских домов. Деньги по договору он готов был отправить незамедлительно, а семинар по срокам приурочить к 200-летию А.С. Пушкина 6 июня 1999 года. Какой же спасительной была эта присланная из Пскова на наш пустой счет сумма! Следом объявился из Перми директор туристического лагеря на западном Урале Женя Кокшаров и предложил прислать в его лагерь «Затерянный мир» на реабилитацию наркоманов, которым, находясь в этом лагере за 300 километров от ближайших населенных пунктов, ничего другого не оставалось, как успешно реабилитироваться. Тут же, через знакомого нарколога, мы нашли трех наркоманов, родители которых раскошелились на реабилитацию своих деток и отправили их в Пермь. Поделив с Женей крутленькую наличную сумму, нам до конца года удалось продержаться, а в феврале следующего года произошло самое невероятное событие. В ответ на мое письмо, которое я направила в Министерство финансов, подкрепив ходатайством Г.Н. Кареловой, заместителя Министра социальной защиты, нам перечислили все 700000 рублей, которые скопились на наших ГКО. Как нам объяснили в банке, это был единственный случай полного возврата ГКО, поскольку остальные получали по 5% от скопившейся суммы.

И так, с Божьей помощью, в отличие от многих других нам удалось избежать разрушительных последствий дефолта. Однако дефолт обрушил не только отдельные фирмы и предпринимателей, он обрушил экономику страны. И в сентябре, для спасения безнадежной экономической ситуации, Ельцин назначил премьер-министром Е.М. Примакова. Евгений Максимович, будучи в свое время руководителем внешней разведки СССР, не только взялся за восстановление обрушенной дефолтом экономики, но и самым решительным образом повел борьбу с коррупцией и главным коррупционером того времени Борисом Березовским, заведя на него уголовное дело. Березовский, войдя в доверие к Ельцину и к так называемой семье, ближайших друзей дочери президента Татьяны Дьяченко, в число которых помимо Березы входили Роман Абрамович и Валентин Юмашев, выполнял, по сути, роль серого кардинала в администрации президента, что позволяло ему своими мощнейшими махинациями беззастенчиво грабить страну.

Коррупционеры и мошенники смогли неплохо нажать на дефолте и обрушении рубля. По крайней мере, были отдельные немногие посвященные банки, которые уже за четыре дня до этого злополучного 18 августа не меняли валюту. Моя знакомая с немецким гражданством, которая должна была накануне моего отъезда в Ялту прийти вечером ко мне в гости, где-то в часов 10 вечера в четверг, то есть, за четыре дня до того черного вторника, когда был объявлен дефолт, позвонила и вся в расстроенных чувствах начала рассказывать, что не может растаможить товар, который пришел из Германии, поскольку банк не меняет валюту. К сожалению, так как я ничего не подозревала о грядущем дефолте, я пропустила мимо ушей название этого банка. Очевидно, бизнес моей знакомой благодаря дефолту и обрушению рубля тоже накрылся медным тазом, поскольку больше она не объявлялась.

Е.М. Примаков сделал невозможное, он вытянул экономику страны, и его правительство справилось с разрушительными последствиями дефолта. Но объявленная борьба с Березовским окончилась не в его пользу. Используя свою дипломатию и связи в высших властных кругах, Береза добился от Ельцина отставки Примакова в мае 1999 года, через 8 месяцев после его назначения на пост премьер-министра.

Однако в России надо жить долго, чтобы убедиться, на чьей все-таки стороне окончательная победа. Уголовное преследование махинаций Березовского, начатое Примаковым, имело в дальнейшем свое продолжение и вынудило Бориса Абрамовича сбежать в Англию, где он еще несколько лет занимался политическими интригами, финансируя оранжевую революцию на Украине и революцию роз в Грузии, которые в конечном счете бесславно закончились, подточив при этом его бюджет. И уж совсем неожиданным и трагичным оказался конец олигарха, скончавшегося 23 марта 2013 года при неизвестных обстоятельствах в ванне английского поместья своей бывшей второй жены. А Евгений Максимович тем временем, в свои 85 лет вполне благополучно себя чувствовал и оставался уважаемым человеком в своей родной стране. И что самое главное, в конечном счете, оставался человеком с чистой совестью, поскольку там, при встрече с высшим Судьей, которая всех нас ожидает, потребуется, прежде всего, предъявить свою запятнанную, либо незапятнанную совесть.

Схватка с коррупцией

С коррупцией, которая, как раковая опухоль, охватила страну, пришлось в начале 2000-х столкнуться и нам, когда под угрозой оказалось само существование нашего консорциума. И как это часто бывает, беда нагрянула, когда ее не ждали. В 1998 году, в трагичный год дефолта, заканчивался пятилетний срок аренды нашего офиса в бывшем детском садике по адресу Рублевское шоссе 87 корпус 2. По поводу продления аренды я особо не волновалась, поскольку мы не только по назначению использовали арендуемое помещение, но еще и безвозмездно обучали школьных психологов Западного округа и за это время, по сути дела, стали в Москве базовой организацией по методическому обеспечению коррекционно-развивающего обучения, которое начало активно внедряться в московских школах. На нашей базе проводились городские и окружные конференции и семинары по проблемам диагностико-коррекционной работы со школьной дезадаптацией, в чем были очень заинтересованы школьные психологи, учителя и директора школ.

Но как говорится, рано пташечка запела, как бы кошечка не съела. В конце 1998 года неожиданно сменяется начальница Западного окружного управления образования. Пригласившую нас когда-то и активно поддерживающую программы консорциума Зернову Тамару Ивановну заменила Бадил Валентина Александровна, которая и должна была подписать нам разрешение на продление аренды. Я пришла к ней за этим разрешением, подробно рассказала о нашей безвозмездной помощи школам округа и вручила свое письмо с просьбой о продлении аренды, подкрепленное ходатайством окружного методического кабинета. Валентина Александровна с милой улыбкой молча выслушала меня, и наше общение прошло вроде бы на вполне дружелюбной ноте. Однако прошло 2-3 месяца, и, не дождавшись ответа, я отправилась к Бадил во второй раз. Она снова любезно улыбалась, но и на этот раз ответа не последовало. Таким образом, в течение 2-х лет я написала пять писем с просьбой об аренде, на которые так и не дождалась ответа. Отказать нам не было причин, но, как выясни-

лось, и продлевать аренду нам не собирались. Мы продолжали оплачивать аренду и коммунальные расходы и, тем временем, жили в подвешенном состоянии, под обстрелом бесконечных проверок участкового, налоговой, административной комиссии и даже отдела экономических преступлений. Все проверяли исключительно документы, связанные с арендой помещения.

В таком состоянии мы дожили до нашего 10-летнего юбилея, который состоялся 25 октября 2001 года и к которому мы приурочили всероссийскую конференцию «Социальное здоровье детей и молодежи как национальная идея современной России», прошедшую очень представительно в Центральном Доме ученых на Пречистенке. На этой юбилейной конференции не без удовольствия довелось выслушать от выступающих, представителей Минсоцзащиты и Минобразования, ученых и практиков из разных регионов, преподавателей факультетов социальной работы, социальной педагогики и психологии, практических психологов образовательных и социальных учреждений немало лестных оценок нашей работы, нашей книжно-журнальной продукции и семинаров-тренингов, с помощью которых приобретался профессионализм новых для России специалистов, работающих с детьми и семьями группы риска. Больше всего радовало то, что не прошло и десяти лет, как с таким трудом получившая нормативно-законодательное обоснование охранно-защитная превенция стала крупномасштабно реализовываться не только на бумаге, в научных работах и нормативных документах, но и в реальной практике российских регионов. И как же много людей, активно заинтересованных в гуманизации социальной политики, оказалось в России. И осознание того, что ты не одинок в своих трудах и устремлениях и у тебя есть целая армия знакомых и незнакомых единомышленников, вдохновляло и удесятряло силы.

А силы были нужны и немалые и, увы, не столько для нашей профессиональной работы, сколько для того, чтобы выжить в предстоящей схватке с московскими коррупционерами. Не успели мы остыть после нашей юбилейной конференции, как на нас свалилось это известие, угрожающее существованию нашего консорциума «Социальное здоровье России». Как обычно, перед новым годом, я отправилась с шампанским и конфетами поздравлять знакомых чиновниц, с которыми приходилось сотрудничать. Нужно сказать, что в то время об откатах и взятках мы не слышали, если не считать взяткой коробку кон-

фет, преподнесенную к Новому году и 8-му марта сотрудничающей с нами чиновнице. И в ответ на мои поздравления инспектриса Западного окружного управления госимуществом, которая вела наши арендные дела, смущенно стала объяснять мне, что ей неудобно принимать от меня конфеты, поскольку три месяца назад нам было отправлено уведомление о выселении. Я, конечно, опешила, поскольку никакого уведомления мы не получали. Инспектриса открыла папку с перепиской и тут выяснилось, что с ошибкой набран наш юридический адрес, вместо ул. Лосиноостровской, письмо ушло по несуществующему адресу на ул. Люсиноостровскую. Но тем не менее, спустя три месяца после посланного уведомления, то есть сразу после новогодних праздников, нас могли выселить. А выселения тогда производились лихими ребятами в камуфляжной форме, которые выбрасывали все имущество, включая компьютеры, бумаги и сотрудников прямо на улицу.

Похолодевшая от такой ужасной перспективы, я на полусогнутых добралась до своего кабинета и начала лихорадочно соображать, что же можно предпринять и как спастись. И единственное, что пришло в голову позвонить знакомому господину, отцу одной из моих студенток, который был заместителем председателя ассоциации, сотрудничающей с департаментом госимущества правительства Москвы. Он, понимая всю опасность ситуации, тут же приехал ко мне. Этот осведомленный в подобных делах консультант несколько успокоил меня, сказав, что ,поскольку перепутан адрес и извещение о выселении вы не получили, вряд через три месяца, то есть после новогодних праздников, вас придут выселять. Но ситуация тем не менее опасная, поскольку за такой кусок земли во дворах Рублевского шоссе причитается в среднем взятка в 500 000 долларов, а судя по активности проверяющих аванс уже получен. Земли под застройку вокруг нас действительно было много. Помимо большого сада, окружавшего наше здание, рядом находились одни пятиэтажки, со временем предназначенные под снос. Как ни странно, сама я не могла додуматься до такого простого и очевидного объяснения, почему вместо продления аренды на нас бесконечно насылали проверяющих и запугивали отделом экономических преступлений.

Разъяснив опасность и причины сложившейся ситуации, опытный консультант дал мне совет писать письма во все самые высокие инстанции. И учитывая авторитет и социальную значимость нашего консорциума, если уж нас не оставят в нашем офисе, то по крайней мере, выделят другое помещение.

Другое помещение был не лучший выход, поскольку вряд ли я бы еще нашла такие деньги на его ремонт и реконструкцию. Но по крайней мере здесь вырисовывались варианты спасения, и я засела за письма, за пару дней написав чуть не дюжину писем в самые высокие инстанции, включая президента, Совет безопасности, Совет федерации и т.д. Я писала о важной социальной значимости работы консорциума «Социальное здоровье России» в условиях вырождающейся России, о том, что значимость нашей работы в полной степени оценили зарубежные благотворительные фонды, профинансировав ремонт и реконструкцию арендованного нами здания бывшего детского садика. Выражала свое недоумение, почему же чиновникам Западного округа Москвы безразлично, в конечном счете, будущее нации и государства, безразличны наши дети и их родители, которым мы впервые начали осуществлять профессиональную психосоциальную и медико-психологическую помощь.

Ответа ни на одно из своих писем я не получила, однако вскоре меня пригласила заместитель руководителя Департамента образования Москвы Галина Ивановна Гущина. Галина Ивановна сказала, что Департамент образования получил распоряжение мэра Ю.М. Лужкова разобраться с нашими проблемами и помочь нам. Она также сообщила, что Л.П. Кезина, руководитель департамента образования Москвы проговорила с руководством Западного округа, которое не собирается продлевать нам аренду под предлогом, что здание запланировано под нужды образования. И потому, нам готовы предложить другое помещение.

Я тут же спросила: «А будут ли возвращены нам те немалые средства, которые потрачены на ремонт и реконструкцию этого бывшего обветшалого детского садика?»

Потраченные на ремонт деньги нам, конечно, никто возвращать не собирался. Но Галина Ивановна при этом дала полезный совет встретиться с префектом Западного округа, поскольку Департамент образования без согласия руководства округа не может разрешить продление нашей аренды.

Делать было нечего, пришлось записываться на прием к префекту Западного округа Кириюшину Владимиру Васильевичу. К приему я тщательно подготовилась, взяла с собой по экземпляру пособий и практикумов, которые мы издали для практических психологов образовательных и социальных учреждений, наш ставший популярным среди практиков периодический журнал «Вестник психосоциальной и коррекцион-

но-реабилитационной работы», планы семинарских занятий для психологов округа, программы международных всероссийских конференций, которые мы проводили.

В просторном кабинете за большим и дорогим письменным столом сидел мужчина с бурным цветом лица и мутными глазами, то есть с физиономией, о которой в народе говорят «с большого бодуна». Перед ним лежала увесистая стопка написанных мной в разные инстанции писем, которые он перелистывал, пока я рассказывала, что полезного делает наш консорциум для образовательных и социальных учреждений России и Западного округа, и как важна эта работа для реализации на практике охранно-защитной превенции социального сиротства и отклоняющегося поведения несовершеннолетних.

Когда я закончила, он, прихлопнув ладонью пролистанную стопку писем, вдруг грозно и решительно изрек: — Да я своим хвост накручу.

— За что? — спросила я.

— А что, они вас до сих пор не выселили? — последовал неожиданный ответ.

— Нет юридического основания, — объяснила я.

— А ко мне зачем пришла? — снова прорычал префект.

Измотанная четырехлетней эпопеей беспрерывных проверок и тягостной неопределенности, я к тому времени дошла до состояния какой-то тупой невозмутимости и внутреннего покоя и, уставившись в мутные глаза этой важной персоны, обескураживающе спокойно и нагло ответила:

— А вот посмотреть, для чего Вы тут сидите.

И в таком же спокойном и невозмутимом тоне перешла к вопросам.

— А Вы отдадите себе отчет, на какой вы земле сидите? Ведь здесь же Волоколамское и Можайское шоссе. Здесь нашествие Наполеона и Гитлера было отражено, а сейчас ситуация не лучше. Мы же вырождаемся. У Вас дети, внуки есть?

— Ну допустим, — ответил слегка опешивший префект.

— А где они жить через двадцать лет будут? Если так дело и дальше пойдет, нас, как нации, через двадцать лет не будет. Ведь вся работа нашего консорциума направлена на социальное оздоровление и сегодняшнего, и будущих поколений.

После такой серии столь неожиданных вопросов префект смягчился и продолжал уже на пониженных тонах.

— Ну хорошо, будем рассматривать вопрос в интересах образования.

Ответ был хотя и дипломатичный, но явно не в нашу пользу.

— Ну, если в интересах образования, то познакомьтесь вот с грамотами Министерства образования. И я вручила заранее припасенные ксероксы своих грамот, а заодно глянце-вый, цветной журнал «Лидеры образования» с большой стать-ей о себе с броским названием «Формула успеха».

При этом непринужденно добавила:

— Я, конечно, этому большого значения не придаю и во-обще живу по Пушкину «Хвалу и клевету приемли равнодуш-но». Но раз награждают, значит, интересна образованию.

Префект насуплено молчал. Было ясно, аренда нам не све-тит и полученный аванс не проплыл мимо его кармана.

И перед тем как попрощаться, я доверчиво поделилась с господином Кирюшинным своими перспективными планами.

— Знаете, Владимир Васильевич, мне тут томик Ломоно-сова попал. Полтомика оды, а полтомика жалобы Елизавете и графу Шувалову на немцев, которые выживали его из Акаде-мии наук. А у меня ведь писем с жалобами уже побольше нако-пилось. Вот и у меня идея возникла опубликовать эти письма. И письмо к вам тоже там будет. Пусть потомки знают, в какое время мы жили, и кто какую позицию занимал.

Свое обещание я со временем выполнила и опубликова-ла письмо префекту Западного округа в книжнице «Консорциу-му «Социальное здоровье России-15 лет», изданной к наше-му очередному юбилею в 2006 году. А тогда мой визит, хотя и не закончился разрешением продления аренды, но, тем не ме-нее, префект воздержался от силовых приемов, когда просто выбрасывалось на улицу все имущество вместе с сотрудни-ками. Так кстати обошлись в Южном административном округе с одним из наших соучредителей — Центром «Сломанный цве-ток», оборудовавшим на отданной им в аренду половине дет-ского садика уникальный сказкотерапевтический центр с гро-тами, лужайками и сказочными персонажами в виде больших в человеческий рост кукол. Вся эта красота была выброшена вме-сте с хозяевами на улицу. Правда, тогда директору центра Алле Руссавской удалось через знакомую помощницу мэра передать письмо об этом акте вандализма Лужкову, и он выделил «Сло-манному цветку» другое помещение. Однако с головы префек-та Южного округа и начальницы окружного управления обра-зования не упало и волоска. И эти люди, способные на ванда-лизм в отношении детского реабилитационного центра, как ни в чем не бывало, остались на своих руководящих постах.

По отношению нас избрали другую тактику. Нас решили изматывать и выживать проверками и штрафами. И вскоре к нам заявила с проверкой комиссия из такого грозного для всех арендаторов учреждения как Мосгоржилинспекция. Ее проверки заканчивались, как правило, крупными штрафами или еще хуже, выселением. Правда, у нас кроме того, что мы живем без продленной аренды других нарушений не обнаружилось. Арендную плату мы аккуратно оплачивали, помещение использовали по назначению. Тем не менее, проверяющие под расписку вручили мне не дошедшее по ошибочно написанному адресу уведомление о выселении и вызвали на заседание Мосгоржилкомиссии. Комиссия состояла человек из пятнадцати важных мужчин. С меня строго спрашивали, как это мы смеем четыре года занимать помещение без продленной аренды. Я письменно и устно объяснила, что продлить аренду не можем, поскольку на мои пять писем с соответствующей просьбой начальник управления образования Западного округа В.А. Бадил не дала никого ответа, и очевидно надо спросить с нее, почему чиновник не выполняет своих прямых обязанностей, оставляя без ответа столь важные обращения. На что мне было сказано, это не входит в компетенцию горжилинспекции, и с учетом данного обстоятельства присудили нам минимальный штраф в 20000 рублей, который мы, кстати, могли оспорить в арбитражном суде. После принятого решения о минимальном штрафе ко мне, как это очевидно полагалось по протоколу, обратились с вопросом, хочу ли я сделать какое-либо заявление.

Заявление мною было подготовлено заранее. Я заявила, что в настоящее время существует 47 проверяющих организаций, и все они проверяют только тех, кто кормит всех чиновников, то есть налогоплательщиков. И ни одна не проверяет чиновников. И до тех пор, пока так будет продолжаться, коррупция, взятки и безответственность чиновников будут только расти. Поэтому я письменно и устно внесла предложение Мосгоржилкомиссии выступить инициатором полезного начинания в первую очередь проверять выполнение чиновниками их прямых обязанностей.

Мое заявление было воспринято скорей с недоумением, но никак не в серьез. Лишь через десять лет, когда коррупция и хищения государственных средств достигли запредельных размеров, чего только стоят миллиардные хищения в Минобороны, возглавляемом эффективным менеджером экс-министром Анатолием Сердюковым, когда эти миллиардные

хищения и коррупция, в буквальном смысле, стали реальной угрозой государственной безопасности, только тогда следственные органы и высшие эшелоны власти в серьез занялись чиновниками. А ведь опасность этой коррупционной заразы Е.М. Примаков видел еще 15 лет назад, когда завел следственное дело на серого кардинала, члена кремлевской семьи Бориса Березовского. Но как когда-то Грибоедов, описывая нравы московской знати, вложил в уста Фамусова моральную норму тех времен «Ну как не порадеть родному человечку», так и спустя почти триста лет интересы кремлевской семьи оказались важнее государственных. Кремлевская семья предпочла Березовского, пожертвовав премьером Примаковым. Но как говорится, в России надо жить долго, чтобы дожить до справедливого возмездия, за которое, правда, народу приходится платить слишком дорогой ценой.

А тогда, после горжилкомиссии, присудившей нам не за что не про что минимальный штраф я, как и положено, обратилась в арбитражный суд. И к всеобщему удивлению мы выиграли, суд отменил штраф, вынесенный горжилкомиссией.

Вдохновленная этой пусть незначительной, но победой, я решила на еще одну встречу с очередным должностным лицом, главой управы Кунцево, где и размещалось арендуемое нами помещение. Эту идею мне подал молодой симпатичный дагестанец, занимающийся дизайном, которому мы на льготных условиях предоставили одну из комнат нашего помещения. Оказалось, что его тесть в самых тесных отношениях с главой управы «Кунцево», Захаровым Игорем Павловичем и сможет буквально на следующий день прийти с ним к нам на обед. Мы старательно подготовились к неформальному общению, девочки в специально отведенной для приемов комнате накрыли стол, разорились на армянский коньяк. Действительно ровно в час, как договаривались, Игорь Павлович вместе с тестем нашего дагестанца, полковником милиции с жестким восточным лицом, характерным для так называемых крышевателей, был у меня в кабинете. Глава управы быстро сбросил свою дубленку, уселся против меня и торопливо спросил: «Что тебе от меня надо?»

Я, как и положено доктору наук, президенту консорциума «Социальное здоровье России» протянула ему свою визитку и вежливо ответила:

— Это тот случай, когда мне ничего от вас не надо, давайте обсудим, чем мы можем быть полезны для района «Кунцево» и прежде всего, для проживающих здесь детей.

— Деньги у тебя есть? — напрямую и без всяких обиняков выдал мне причину своего посещения Игорь Павлович.

Пришлось разочаровать главу управы и объяснить, что денег у меня нет. Хотя мне казалось, что он и сам должен был понимать, что пришел не на рынок и не в банк, а в некоммерческую организацию, занимающуюся помощью и поддержкой детей и семей группы риска, делом далеко не доходным и не денежным. Но очевидно человек был так сосредоточен на проблеме добывания денег, что утратил адекватность восприятия окружающего мира и перестал видеть разницу между рынком и психологической консультацией.

Услышав, что денег здесь нет, он не смог скрыть своего разочарования, тут же оделся и рысью побежал по нашим коридорам на выход. Я бежала за ним и безуспешно пыталась заинтересовать главу управы возможностями нашего центра помогать детям с разными проблемами. На что он мне на ходу сообщил, что с его детьми все в порядке и ни в какой помощи они не нуждаются.

Так трагикомично закончилась наша встреча с главой управы «Кунцево». Надо сказать, что уже спустя годы я не могла без хохота вспоминать и рассказывать об этой сцене. А тогда стало ясно, что пора заканчивать с этой затянувшейся борьбой с чиновниками, глаза которых словно залеплены пятаками и сознание одурманено жадной наживы. Тем более, что эта борьба становилась и небезопасна для жизни.

Ведь в это время из-за землеотвода прямо на крыльце префектуры Западного округа в ранний утренний час был убит зампрефекта. Можно только удивляться, как у этих ребят не дошли руки до меня.

Что интересно, нашу территорию контролировала солнцевская группировка, и мои знакомые нередко спрашивали, не беспокоят ли меня солнцевские братки. Но в отличие от чиновников вывеска на нашем входе — Консорциум «Социальное здоровье России», очевидно, вызывала у братков понимание важности задач, которыми мы занимаемся, а заодно и понимание, что бабки у тех, кто занимается социальным здоровьем, не водятся. По крайней мере, за девять лет, которые мы находились на Рублевке, ни разу ко мне не заглянули представители криминала. Отбиваться приходилось лишь от appetитов чиновников и сонма проверяющих.

Короче, после пяти лет изматывающей борьбы с чиновничьим произволом и коррупцией мои силы были истощены и, главное, пропало желание сражаться за это здание во дво-

рах Рублевского шоссе, которое к тому же с ростом арендной платы и коммунальных платежей все сложнее стало содержать. И я пришла к решению найти что-то поскромнее, ближе к дому и просить своих разбогатевших родственников выкупить это помещение для нас, оформив при этом его, естественно, на свое имя. Понятно, что в таком случае требовалось существенно сократить объем нашей деятельности и выполняемых программ. Но на прежний размах меня уже и не хватало. Мои силы были истощены и не только схваткой с московской коррупцией, но и тем горем, которое в это время пришлось пережить с потерей самых близких людей.

Беда одна не ходит

Первой ушла Подруга. Ее энергия и предприимчивость в условиях рыночной экономики позволили заняться большим и хлопотным делом. Она на базе тюменской областной медтехники создала акционерное общество и возглавила его. Это было очень непросто в те лихие 90-е — закупать медтехнику и снабжать ею медицинские учреждения Тюменской области, которая по своим размерам равна четырем Франциям. Подводили партнеры, наседала местная мафия, которой хотелось приобрести солидный пакет акций столь выгодного предприятия. Ни на кого она не перекладывала и заботы о семье, двух сыновьях и муже — талантливом конструкторе, проводившем время за чертежами и расчетами. Воспитанная бабушкой дворянкой, она и домашнее хозяйство должна была вести на уровне дворянских традиций. В двух микроволновках у нее поднимались за 15 минут пышные пироги, белье она не отдавала в прачку, там не могли так подкрахмалить и подголубить, как учила бабушка. Дети должны были всесторонне развиваться и посещать спортивные и музыкальные школы. В доме должны были быть все литературные новинки и сама выглядеть — гранд-дамой. Удивительно, но ее на все хватало. Но увы, ресурсы организма не бесконечны. В последнее в ее жизни лето 1994 года она приехала ко мне в Колокшу и тут же, за пару часов, навела полный порядок в моем запущенном саду, ликвидировав все заросли крапивы и лопухов. Вечером мы помылись в бане, приняли по рюмке настоечки и проговорили всю ночь. Я, словно предчувствуя беду, тогда настойчиво советовала ей побереечь себя и не жить с такими перегрузками. В ответ она только смеялась и отшучивалась.

Но уже осенью муж привез ее, умирающую от рака, и практически не встающую с постели, попрощаться. Она по вечерам словно исповедовалась и высказывала всю горечь, которая накопилась в ней. В основном, это было практически беспричинное раздражение мужем, который очень ее любил и вообще, был положительным человеком, заботливым семьянином и, наконец, просто интересным, высоким, статным мужчиной. Но как когда-то Чехов сказал о любви: «Тайна сия

велика есть», так и не менее велика тайна супружеских отношений. По крайней мере, я, зная эту семью много лет, несмотря на предсмертную исповедь Подруги, так и не могла понять, что помешало им обрести семейное счастье и гармонию.

Прощаясь, она сказала мне «Встретимся на погосте». Не прошло и полгода, как действительно пришлось встретиться на погосте и проводить ее в последний путь.

Но еще более тяжкие и невосполнимые потери были впереди. В тот, не по-доброму памятный 1998 год дефолта, не дожив неделю до 44 лет, скоропостижно умер мой любимый, единственный брат Юра. Он был младше меня на 8 лет и с детских лет нас связывала необычайная любовь и привязанность. Его рождение для всей нашей семьи и для нас с сестрой было большой радостью. Нам очень хотелось братика, а папе — наследника своей казачьей фамилии — Семенцев. Он, что называется, вырос у меня на руках, задолго до школы я научила его читать, писать, играть в шахматы, плавать. Он как хвостик бегал за мной и платил такой же привязанностью и братской любовью. В 6 лет он заявил: «Как это парни женятся на чужих девках. Я так люблю нашу Свету и женюсь только на ней. Ну а когда она умрет, тогда уж на Маше (моей младшей сестре)».

После окончания школы он поступил в тот же Таганрогский радиотехнический, на тот же факультет автоматике, телемеханики и вычислительной технике, который окончила и я. И окончив институт, приехал работать в Тюмень на вычислительный центр, директором которого к тому времени был мой первый муж. Там, в Тюмени, родился его старший сын, мой крестник Леша. Потом я перебралась в Москву, а он с семьей уехал в Харьков к родителям, которые к тому времени, выйдя на пенсию, купили дом в Харькове, где училась, вышла замуж и осела сестра. В годы объявленной Горбачевым перестройки брат со всей горячностью своей темпераментной натуры включился в демократическое движение, став одним из ведущих лидеров харьковских демократов. Работая на закрытом предприятии военно-промышленного комплекса, он часто приезжал в командировку в Москву, всегда в сопровождении «хвоста», то есть какого-нибудь заурядного инженера, явно работающего по заданию органов. Вместе с «хвостом» он всегда останавливался у меня, и я была в страхе за него, поскольку он тут же начинал названивать московским демократам и, не взирая на стригущие уши сопровождающего лица, открыто обсуждать свои планы и согласовывать политическую платформу.

— Юра, — говорила я ему, — неужели ты не понимаешь, с кем ты приехал, и что за тобой ведется открытая слежка?

— Прекрасно понимаю, — спокойно отвечал брат. — Пусть следят. У нас принцип действовать открыто, открыто в любом месте и обществе высказывать свои взгляды. На то она и гласность.

Однако, несмотря на объявленную гласность, я тоже прекрасно понимала, что КГБ не дремлет и для этих ребят, привыкших гнобить диссидентов, новоявленные демократы тоже представляют не меньшую опасность и должны быть под мушкой. Тем более было еще очень непонятно и неизвестно, чем кончится эта гласность и перестройка. В Харькове тем временем развернулась активная предвыборная компания, когда впервые в 1989 действительно выбирали, а не назначали депутатов Верховного Совета. И тут Юра оказался в числе руководителей избиркома и с не меньшей горячностью и темпераментом начал организовывать агитационную компанию за кандидатов в депутаты от Харькова Евгения Евтушенко и Виталия Коротича, главного редактора популярнейшего в то время «Огонька». Кандидаты от харьковских демократов, несмотря на жесткую конкурентную предвыборную борьбу, прошли в Верховный Совет. Не на шутку увлекшись политикой, Юра и сам решил участвовать в работе Харьковского областного совета и также выиграл жесткую предвыборную борьбу, став одним из активнейших депутатов своего областного совета. Но уже в начале 90-х у него наступило охлаждение к политике, разочарование и в политической кухне, и в демократах. Очевидно он устал от бесплодных дискуссий со сборищем демагогов, националистов и просто прохвостов, которые получили депутатский мандат, чтобы удобнее обтяпывать свои темные коммерческие делишки.

Какой же дальновидный был наш русский философ И.А. Ильин, отправленный Лениным вместе с другими профессорами в эмиграцию в 1922 году на известном «философском корабле». Еще в 30-40-е годы, находясь в эмиграции и размышляя о судьбе России, он писал, что «Демократия предполагает исторический навык, приобретенный народом в результате долгого опыта и борьбы; она предполагает в народе культуру законности, свободы и правосознания. А что делать там, где всего этого нет? Где у человека нет ни имущественной, ни умственной, ни волевой самостоятельности? Где все подготовлено для своекорыстия и публичной продажности? Все-таки вводить демократический строй? Для чего же? Чтобы погубить государство

и надругаться над всеми принципами демократии? Чтобы все закончилось коррупцией, гражданской войной и разложением государства? Он напоминает об уроках истории, когда «В 1917 году демократия развернулась в России на полной свободе и принесла с собой сущую гибель».

И.А. Ильин предсказывал неминуемый крах советского строя в России, создавшего государство, которое «вращивает в человеке угодливого и деморализованного раба, награждая его, привилегируя его, застрашивая и дисциплинируя его в слепом повиновении. Этот раб покорствуется до тех пор, пока боится и пока чувствует силу своего поработителя. История покажет нам, к чему он окажется склонным и способным в тот момент, когда почувствует своего «владыку» ослабевающим и осмелится побороть свой страх».

Предвидения Ильина сбылись. Советский строй действительно рухнул, как только была объявлена гласность и людям дали возможность свободно излагать свои критические взгляды и на кровавую историю, и на современное кризисное состояние коммунистического режима. И подготовлено это крушение было демократами, такими, как мой брат, которые, несмотря на всю массивную идеологическую обработку, способны были сохранить критическое мышление и не боялись публично высказывать свои взгляды и убеждения в те, еще в далеко не безопасные времена.

Прав Ильин оказался и в том, что воспитанный в условиях беззастенчивой лживости и политического бесправия советский человек не готов к демократии. В результате эйфория от демократических свобод обернулась распадом Советского Союза, невиданной коррупцией, баснословными хищениями и предательством государственных интересов властными чиновниками, пробравшимися к власти на волне демократических свобод.

Наверно не просто далось брату это разочарование, ведь им было потрачено столько сил, энергии, чаяний и надежд на демократические свободы. Но не в его характере было унывать и опускать руки. С начала 90-х он, как и мой муж, с головой погрузился в бизнес. Наш Друг предпочитал доходы, получаемые от продажи акций и брокерских мест Калининградской биржи, тратить на уставные капиталы вновь организуемых коммерческих предприятий. И конечно, брата не обидели. Он получил кругленькую сумму и начал активно и с размахом организовывать свой бизнес. Связался с тюменскими нефтяниками и стал строить в Харькове свои бензоколонки. С та-

ганрогского металлургического он стал поставлять на север трубы. Набрал большой коллектив, обеспечив работой ставших, как и многие в то время, безработными своих бывших коллег-инженеров. Но и тут началась своя головная боль. Подводили партнеры, не обеспечивая уже проплаченные поставки. Наседала мафия, начали приворовывать собственные сотрудники. Но самую большую опасность представляли чиновники, облагая непомерными и явно завышенными налогами и создавая проблемы во всем, где только возможно, в расчете на получение взятки. Он выматывался в разрешении всех этих проблем, часто приезжал в Москву, утром прямо с вокзала ехал ко мне и после завтрака ложился отдохнуть. Я приходила вечером с работы, а он порою так и не вставал с дивана. На вопросы, что с ним, отвечал: «Подъистоптался я, сестра». На уговоры отдохнуть, обследоваться у врачей, как всегда, говорил: «Ладно, ладно, потом, потом. Сейчас надо разрулить одну проблемку». В это время он повернулся к Богу, решил креститься, но из-за своих проблем, несмотря на мои уговоры, так и не выкроил время для крещения.

В последний раз он был у меня месяца за полтора до кончины. В тот вечер, перед тем как ему отправиться на вокзал, мы оба смогли довольно рано вернуться домой. Не спеша ужинали, и за ужином он до слез смешил меня анекдотами на хохляцкие темы, в которых с чисто украинским юмором высмеивался набирающий на Украине силы национализм. Хотя чувствовалось, что здоровье его подорвано, скорого конца ничего не предвещало. И как гром среди ясного неба, в воскресенье 8 февраля 1998 года раздался звонок из Харькова и племянница, дочь брата прорыдала в трубку: «Папа умер». Он умер за 15 минут на глазах всей семьи от внутрибрюшного кровоизлияния, подвели сосуды. Приехавшая скорая помощь оказалась бессильной. В таких случаях необходима немедленная операция, и перекрытие лопнувшего сосуда, что на практике, как правило, осуществить нереально. Нечего и говорить, все мы, и родители, и его дети, жена, и я были в шоковом, полу-вменяемом состоянии. Поразила многочисленность людей, пришедших попрощаться с братом. Даже непонятно, как и кто за один день смог известить такое количество людей. Вся улица была запружена автомобилями, венками, народом. Харьковчане его действительно знали и любили.

Ускоренная приватизация и поспешный переход к рыночной экономике, лихо проведенные доморощенными младореформаторами гайдаровского правительства с подачи

гарвардских советников, обернулись для России депопуляцией, вымиранием населения, когда, начиная с 1992 года, смертность почти на миллион человек стала превышать рождаемость. Уходили из жизни не только оставшиеся без работы и потерявшие возможность содержать свои семьи люди, но и такие пассионарии, как Подруга и брат, со всей своей неумной энергией и предприимчивостью реально создающие в России коммерческие структуры, работающие по правилам рыночной экономики. Но они надорвались, работая в условиях правового беспредела и сплошного мошенничества. А склонный к философствованию Друг, который со своим недюжинным экономическим интеллектом мог бы строить цивилизованную рыночную экономику в масштабах государства, видя свою ненужность и невозможность работать в предложенных младореформаторами условиях, вообще отстранился от всех и всего, поселившись в деревенской глуши и оборвав контакты со всеми, даже близкими людьми.

Скоропостижная смерть брата окончательно подломила уже далеко немолодых родителей. У папы вскоре после похорон Юры обнаружилось онкологическое заболевание, и он ушел из жизни через 11 месяцев после брата. Недаром говорят, рак — болезнь печали. Мама пережила отца на четыре месяца. И в 1999 году я потеряла обоих родителей.

Как это ни странно, но больше понимать близких людей, их жизнь, судьбу, роль, которую они сыграли в твоей жизни, начинаешь постигать после их ухода. Может быть при жизни непосредственное тесное общение, текущие дела и заботы не оставляют времени для размышления на эту тему. Недаром же говорят: «Лицом к лицу лица не рассмотреть». А когда уже их нет и у тебя больше не будет возможности видеть папу и маму, говорить с ними, тем не менее мысленно они всегда присутствуют в тебе и продолжает происходить теперь уже внутренний диалог, приправленный воспоминаниями.

Тяжелая судьба досталась на их долю, как и у всех людей их поколения, переживших войну, варварскую коллективизацию, высылку, гибель близких, материальные лишения. Все это в полной мере пришлось испытать папе. Подростком, вместе с родителями, в 30-е годы они были высланы из донских степей и заброшены в непроходимую тайгу, где до суровой зимы надо было успеть выстроить хоть какое-то жилье. Его отец умер по дороге, и они оказались вдвоем с матерью в этом сиблаговском поселке, а вернее, в лесном урмане, поселок надо было еще только строить самим сосланным.

Никогда папа не рассказывал о том, как они с матерью, моей бабушкой, жили и выжили в тех адских условиях. Единственный раз, когда мне было лет 12 и мы плыли с ним на пароходе из Омска по Иртышу, он указал мне на высокий берег у села Полугрудово и сказал: «Смотри, дочка. Здесь где-то похоронен твой дед». Деда похоронили в братской могиле, без гроба и креста. Он умер от дизентерии, которая косила людей, сплаваемых на север, вниз по Иртышу почти месяц на барже-самоходке, которые могли питаться только болтанкой — мукой, замешанной на сырой речной воде. Век бабушки тоже был недолгим, она умерла 22 июня 1941 года, в день объявления войны, о чем, к счастью, не успела узнать.

Никогда папа не рассказывал и о войне, которую прошел сапером и закончил под Кенигсбергом. Почему-то он не одевал ордена и медали и не ходил как ветеран-участник войны с воспоминаниями на пионерские сборы. Впервые я услышала его воспоминания о войне 9 мая 1995 года, в день 50-летия Великой Победы. Тогда открывался мемориал на Поклонной горе, и родители гостили у меня в Москве. Был прекрасный майский солнечный день. Мы съездили на Поклонную гору, расцвеченную красными маками, и в приподнятом на строении вернулись домой. Пришел в гости их старший внук с семьей, мой племянник, сын сестры, тоже живущий в Москве, и мы уселись за праздничный стол. Как водится, выпили по рюмке за тех, кто ковал победу в тылу и на фронте, то есть, за папу и маму.

И начался вечер воспоминаний. Папа стал рассказывать о своей фронтовой жизни солдата-сапера, который, как известно, ошибается лишь один раз. За малейшую неточность и неаккуратное движение саперу платить приходится жизнью.

— Особенно страшно, — рассказывал отец, — разминировать было при наступлении, под обстрелом и бомбежкой. Ребята, друзья взрывались рядом, наружу вываливались кишки и все внутренности. Они просили: «Братцы, не бросайте, пристрелите!» Но останавливаться было нельзя. Сзади, с автоматами шли заградотряды. — И папа заплакал.

Я впервые увидела плачущего отца. Ему на редкость повезло, он дожил до конца войны, отделившись не тяжелым ранением. Заканчивал войну Кенигсбергом, сверхмощно укрепленным еще в Средневековье прусскими королями. Там, в окружении, сосредоточилась большая группировка гитлеровских войск с техникой и танками. Саперам нужно было на случай прорыва танков врага выставить противотанковые мины —

безопасная, спокойная работа. Был цветущий апрель 1945 победного года, грело солнышко, очевиден был близкий конец войны. Отец, с последним из оставшихся в живых другом выставлял на дороге противотанковые мины. Друг поставил мину, присыпал ее песком, прихлопнул ладонью, и она рванула, разметав по сторонам куски от тела товарища. Страшная, нелепая смерть в конце войны от бракованной мины! И папа снова смахнул слезу.

Вот какие воспоминания носил он в своей памяти 50 лет и разве мог он ими делиться с пионерами? Своими воспоминаниями о тяжелых периодах своей жизни не привык он делиться ни с близкими, ни с дальними. Это свойство отца передалось и мне. Никогда я не рассказывала своим родным о своих, весьма непростых семейных и служебных проблемах, какой ценой давался мне мой научный рост, переезд в Москву, разводы с моими двумя мужьями. Думаю, что это правильно. Зачем грузить близких своими проблемами, в разрешении которых они не могут помочь и которые принесут им огорчения, расстройства и бессонные ночи?

Разговоры с отцом всегда были на отвлеченные темы о политике, об истории. Историю он особенно любил, и эта его любовь передалась и нам. Еще его любовью был животный и растительный мир. Он был прирожденным биологом и преподавал в школе биологию. И эта любовь к животным передалась мне. Со мной всегда были четвероногие друзья, в Тюмени — подброшенная котенком, невероятная умница кошка Чебурашка. В Москве — выпестованный с месячного возраста породистый, с королевской родословной красавец колли, мраморный, ставший жертвой безрассудной страсти к сучке с течкой, из-за которой он погиб под колесами автомобиля. Потом в Колокше ко мне прибилась выброшенная кем-то удивительной мудрости и преданности собачка Жучка, очень похожая на тибетского терьера, которую пришлось долго и тщательно лечить, продлив ее собачью жизнь до 14 лет. После смерти я взяла живущего в подъезде и неизвестно как там оказавшегося кота, оранжевого красавца, аристократа и интеллигента, которому могло подойти только изысканное имя Иннокентий.

Да, я тоже разделяю точку зрения, что четвероногие друзья лучше, преданней и благодарней, чем двуногие. Как же помогали они мне своей чуткостью, преданной любовью и привязанностью, особенно в минуты горя, отчаяния, одиночества.

А еще, наверное, папа заразил меня любовью к театру. Ведь одно из первых воспоминаний моего дошкольного детства было воспоминание о самодеятельном сельском театре, который организовал отец. Как я рыдала, когда увидела на сцене убогого деревенского клуба, как гитлеровцы расстреливают партизана, в котором, несмотря на черную бороду из овчины я все равно узнала своего папу!

Это удивительно, но каким-то образом, живя в глухой сибирской деревушке, он умел доставать литературные новинки того времени. И какое же неизгладимое впечатление на меня, девочку-дошкольницу, оставили романы Фадеева «Молодая гвардия» и Алексея Толстого «Хождение по мукам», которые читал он по вечерам маме, занимающейся домашними делами. Пример молодогвардейцев, мужественно переносивших гитлеровские пытки так подействовал на меня, что я, не пикнув, перенесла весьма болезненную операцию по прижиганию трахомы на глазных яблоках, глазной, инфекционной болезни, распространенной в то время в сибирских деревнях. А завораживающий, туманный Петербург с изысканными дамами, благодаря «Хождению по мукам» сохранился в моей памяти как некая сказочная вожденная мечта, исполниться которой суждено было через два десятка лет, когда в пору летних ночей я приехала в Ленинград, чтобы сдать документы для поступления в аспирантуру где я была потрясена красотой этого города. Тогда, гуляя по его гранитным набережным Невы, Фонтанки и Мойки, когда рефреном звучали пушкинские строки «Люблю тебя, Петра строение. Люблю твой строгий стройный вид, Невы держаное течение, береговой ее гранит», я поклялась, что сгрызу этот гранит, но буду учиться в аспирантуре Ленинградского университета.

И тяга к знаниям — тоже от отца. До войны он успел окончить только Тарское педучилище и все время мечтал о высшем образовании. А когда обстоятельства позволили, мы с сестрой уже уехали на учебу в другие города, он, в 48 лет, поступил на биологический факультет Донецкого университета. Учился самостоятельно и добросовестно, собирал гербарии, выпаривал в пробирках из почвы каких-то неведомых клещей, и только переводы с немецкого ему были не под силу, их приходилось делать мне. Но к его и нашей гордости, университетский диплом в 53 года был папой получен.

Лишь одно папино качество, которое я рассмотрела и оценила поздно, в весьма зрелом возрасте, я не усвоила и стала целенаправленно, волевыми усилиями формировать его в

себе. Может и папе эта способность философски, как бы с высоты птичьего полета смотреть на все недоразумения и неизбежные неприятности нашей жизни далась тоже не сразу, а после всего пережитого. Его трудно было вывести из себя. Он понимал, мир далеко несовершенен, и не в наших силах исправить все несовершенства и несправедливости. Но как говорится, все проходит и это пройдет, и потому, он не метал икру, не возмущался и не охал в случае каких-то неприятностей и, в отличие от мамы, особо не расстраивался по пустякам, да и не только по ним. Слишком много сил, нервов тратим мы, либо добиваясь невозможного, либо по поводу того, что неизбежно случится. Как бы хотелось овладеть мудростью, сформулированной индусскими мудрецами «Господи, дай мне силы преодолеть то, что я могу преодолеть, смириться с тем, что я не могу преодолеть и отличать одно из другого»!

Только после того, как папы не стало, в полной степени мне стало понятно, что специально не занимаясь нашим воспитанием, — этим занималась мама — он смог заложить основной фундамент моей личности.

Если за всю свою жизнь я не могу вспомнить ни одного случая осложненных отношений с отцом, он всегда без лишних слов и рассуждений понимал меня, ни разу не только не наказал, но и не осудил, то с мамой, с раннего детства, было нешуточное противоборство, в котором при явном неравенстве сил я не сдавалась. Мама была невероятно самоотверженной и заботливой женой и матерью. При этом она неуклонно руководствовалась неким, почти домостроевским сводом житейских правил и требовала неукоснительного соблюдения их и от меня. По ее понятиям учительницы начальных классов я должна быть послушной дисциплинированной девочкой и конечно, заслуживала наказания, когда приходила домой после очередного уличного сражения с разбитым носом и поцарапанной физиономией. Ей абсолютно не было дела, что ее четырехлетний ребенок дрался за правое дело, заступаясь за робкую и беспомощную подругу. Зато ей было важно знать, кто разбил мне нос, и еще важнее для нее было, чтобы я непременно попросила прощение за свое плохое поведение и пообещала, что больше такого не повторится. Просить прощения и каяться, а тем более ябедничать, я не умела и не хотела и могла за это целый день простоять в углу, пока в дело воспитания не вмешивался папа и не уносил меня, в конец обессиленную, спать.

Мама была не только самоотверженной матерью и женой, она еще была и невероятно упрямым человеком, любой ценой добиваясь, чтобы в семье жили по ее правилам. Но ведь по неволе поверишь в силу и живучесть генов, унаследованных мной по отцовской линии от донских казаков, у которых тоже был свой непреклонный кодекс чести, которому я, что называется, следовала с горшка, несмотря на все материнские требования и наказания.

Мамино упрямство, очевидно, также было унаследовано от ее предков, выходцев из Могилевской губернии, которые задолго до столыпинской реформы, по бездорожью, на лошаденках перебрались в Сибирь, чтобы там на раскорчеванных от леса полях вести свое натуральное хозяйство, с которого не только кормились, но и одевались эти крестьяне-самоходы. А для этого требовалось невероятное упорство, воловья выносливость и работоспособность.

Маму я всегда вспоминаю в окружении ее многочисленных родных, братьев, моих дядюшек, ее сестры, моей любимой тети и конечно, ее родителей, моих бабушки и дедушки, с которыми прошло детство. Центром всего этого немало и дружного семейства были бабушка и дедушка, жившие в Журавлевке, большой деревне на берегу Иртыша. Рядом стояли дома трех их сыновей, моих дядьев. Мы жили в соседней Екатериновке, тетя — в Омске. Летом все многочисленные внучата столовались у бабушки, чинно рассаживаясь за длинным столом, во главе которого сидел дед, вооруженный деревянной ложкой. Бабушка выставляла посреди стола большую миску, больше похожую на таз, с крупеником. Так называлась напаренная на молоке в чугушке овсяная каша. И все должны были молча, по возрастному старшинству, как и сидели за столом, черпать из этой миски. Лезть без очереди и разговаривать при этом не полагалось. Нарушивших порядок, дед, предварительно облизав ложку, молча щелкал ею по лбу. Дальше такой же щелчок доставался тем, кто не выдержав, хихикнул. Среди несдержанных чаще всего оказывалась я, получая при этом свою порцию дедовой деревянной ложки. Естественно, никаких обид награжденные дедовой ложкой не испытывали. Это было хоть и больновато, но справедливо.

Бабушку я больше помню за прялкой, на которой она прядла куделю для льняного полотна или овечью шерсть для рукавиц и носков. Полкомнаты у нее занимали крестна, домашний ткацкий станок. Раньше в деревне ткани практически не покупались, было не за что, да и нечего покупать. Во время войны,

да и после нее, только учителям по талонам продавались ткани, бумазею, сатин, ситец. Крестьяне обходились больше домотканым, сотканным из собственного льна. Какой великий, кропотливый труд женщин был заложен в каждый метр этого домотканого полотна!

О бабушке еще вспоминается, как, выйдя в сени, она глосила по пропавшему на фронте старшему сыну, дяде Паше. В самом начале войны от него перестали приходить письма. И на все запросы, много лет засылаемые в разные инстанции, приходил один ответ «Ни в каких списках не значится». Он сгинул под Ржевом, где по разным подсчетам, в лесах и болотах погибло около миллиона наших солдат, окруженных гитлеровцами. Туда почему-то упорно, на верную гибель, засылалась дивизия за дивизией, очевидно не успевая при этом вести персональный учет. Отец народов не считал нужным сберегать солдатские жизни. «Бабы еще нарожают». — Рассуждал он.

Младший Василий вообще попал под Сталинград в 16 лет. Его, завысив на два года возраст, отправили в Омск учиться в ФЗО. Это был единственный способ беспаспортным крестьянам для получения паспорта несовершеннолетним уехать в город и таким образом, высвободиться от крепостного колхозного ярма. Так он, будучи по паспорту 18-летним, попал под Сталинград, где его ранили, после госпиталя он снова был на фронте, воевал в разведгруппе, дошел до Будапешта, в котором шли рукопашные бои за каждый дом. И в рукопашной схватке он выпал с четвертого этажа, получив вторую серьезную контузию. 19-летний ветеран войны вернулся с фронта с совершенно подорванным здоровьем и вдрызг расшатанной нервной системой.

Повезло, если можно так выразиться, старшему Алексею. Его эшелон разбомбили по дороге на фронт. Тяжело раненого после госпиталя его комиссовали и отправили домой, где он мог работать только на легких работах колхозным конюхом. Деревенские бабы молились на Алексея, он безотказно помогал всем привезти из лесу дрова, вывести стог сена с покоса, вспахать огород. В деревне, где все мужики были на фронте, такой помощи не было цены. Вернее, была: стопка самогонки, которую тайно гнали и за которую можно было схлопотать тюрьму.

На фронт не попал младший дядя Федя. Отслужив срочную, после войны на Дальнем Востоке, он, будучи серьезным, деловым и непьющим человеком, дослужился до должности председателя колхоза. Вывел он свой колхоз в передовые и

был награжден орденом Трудового Красного Знамени. А самый младший мамин брат, дядя Саша, стал морским офицером. Срочную служил на Балтийском флоте, после службы закончил в Ленинграде высшее морское военно-политическое училище и до самой отставки проплавал замполитом на военных кораблях, пройдя все наши моря и океаны, начиная от Тихого, Северного Ледовитого океанов, до Баренцева и Черного морей. Служил в Совгавани на Дальнем Востоке, в Севастополе, в Балтийске и Лиепаяе.

Сейчас их всех уже нет в живых. И когда я в воскресенье ставлю в храме поминальные свечки за ушедших родных и друзей, я все время думаю, какие же это были замечательные люди, какую трудную и достойную жизнь прожили они, сохранив, несмотря на все испытания своего грозного времени и жестокого режима, доброе отзывчивое сердце и незапятнанную совесть.

В большой и дружной семье бабушки были заложены традиции семейной взаимопомощи и взаимоподдержки, все приходило к другу на помощь, когда кто-то в этом нуждался. Помогли и нашей семье в самый трагический период нашей жизни. В декабре 1948 года, когда мне было два с половиной года, а мама была на сносях с младшей сестрой, сгорела школа, в которой папа был директором. Сгорела вместе с нашими нехитрыми пожитками, поскольку мы тогда жили в школе. Чтобы не прерывался учебный процесс, школьников надо было рассаживать по деревенским избам и изыскивать в послевоенной деревне возможности строительства новой школы. Но самое страшное было то, что над папой нависла угроза посадки. Бессонными ночами в ожидании ареста он писал письма Сталину и рвал их. Стресс и нервное перенапряжение закончились для него психбольницей. За нами с мамой приехал дед на лошади, запряженной в сани и забрал нас к себе в Журавлевку, в свой дом, где, кроме них с бабушкой, жила еще семья дяди Васи. Мама почти сорок дней после родов была в послеродовой горячке. И непонятно, как бабушке удалось выходить ее и новорожденную сестру.

Позже пришлось помогать тете, которая сбежала из Омска от хулиганствующего мужа. Зиму она прожила у бабушки, а ее 14-летний сын, наш двоюродный брат, хулиган и второгодник был отправлен к нам на перевоспитание. В чем, как известно, была сильна наша мама, учительница начальных классов, с упрямым и требовательным характером.

Дядя Саша, выйдя в отставку, приехал на жительство в Харьков и до получения квартиры, которые в советские времена давали отставным военным, жил с семьей в доме у моих родителей.

Эти традиции семейной дружбы, взаимопомощи и взаимной заботы друг о друге передались и следующим поколениям и свято поддерживались нашими родителями. Несмотря на то, что я жила далеко, в Тюмени, я умудрялась приезжать к своим в Харьков по два, три раза в год, используя для этого не только отпуск, но и командировки в Москву, либо в другие города, выкраивая день-другой от командировочных суток. К этому времени мой авторитет в семье уже вырос, и в ключевых вопросах даже мама считала нужным прислушиваться ко мне.

Так мне пришлось настоять, выдержав напряженный конфликт с сестрой, на том, чтобы ее старшего сына, круглого отличника, очень талантливого способного парня, отправили учиться в Москву, в МВТУ имени Баумана, что служило лучшей стартовой площадкой того времени. Сестра горячилась, убеждала, что в Харькове есть все хорошие вузы и ХАИ и ХИРЭ и т. д. Кричала, что у тебя нет детей, и ты не знаешь, как отрывать ребенка от дома и семьи. После долгих семейных обсуждений племянника все-таки отправили в Москву, в МВТУ имени Баумана. Кстати, моя докторантура и переезд, вначале в Мытищи, а потом в Москву проходили одновременно с учебой Павла в Бауманке. Тогда мы и подумать не могли, каким судьбоносным для меня, для него и всей нашей семьи окажется это решение о выборе столичного вуза. Дело в том, что, когда в 1991 году он закончил Бауманку, где их группу специализировали на ракетных двигателях и практику студенты проходили в центре подготовки космонавтов, с обрушением Советского Союза и развалом всего военно-промышленного комплекса такие редкие специалисты стали никому не нужны. Ребятам нечего не оставалось делать, как торговать цветами. И как же кстати оказалась тогда созданная нашим Другом и моим мужем коммерческая структура, аккумулирующая средства от продажи акций и брокерских мест Калининградской биржи. Племянник, со своими студенческими друзьями, вписался здесь как нельзя лучше. Видя, как Друг раздает налево и направо деньги на уставные капиталы разных фирм, они не стали мелочиться и учредили свой банк, дела которого пошли очень неплохо, поскольку у ребят еще выявился и финансово-экономический талант. И Павел смог в эти самые трудные, безработные времена финансово обеспечить не только свою семью, но и сво-

их родителей с его младшим братом. Еще как пригодилась и мне его помощь, когда иссякли мои силы в борьбе со взяточниками и коррупционерами!

Вот уж действительно, нам не дано предугадать все последствия когда-то в колебаниях и спорах принятых решений.

Когда родителей и брата не стало, в их доме остались жить Юрина жена, а вернее, вдова с детьми, сыном и дочерью. Она предложила мне забрать что-нибудь на память о родителях. Я взяла папин военный орден, любимый батистовый мамин платок, который когда-то привезла ей из Индии и пачку старых семейных фотографий. Но это, так сказать, была опредмеченная память, а в действительности же в наследство родители оставили нечто неизмеримо большее: они заложили прочный фундамент личности и семейные традиции дружбы, взаимопомощи и взаимоподдержки, все то, что обеспечивает жизнестойкость их детей и внуков, живущих в непростое время на переломе эпох.

Спасительное эхо прошлого

Напряженная работа, многолетний нервотреп, который мне устроили на нашей Рублевке, душевная боль от потери близких — все это вряд ли я бы смогла пережить, если бы судьба не уготовила мне спасительные якоря, которые появились как эхо из прошлого. Первым пришел на помощь мой любимый Таганрог, который я полюбила еще в студенческие годы и где всегда испытывала душевный комфорт, напиваясь его чеховской аурой. Каждый год я старалась хоть на пару дней заглянуть в любимый город. Иметь там свой дом, конечно же, и не мечталось. И, вдруг, в один прекрасный день мне звонит моя бывшая квартирная хозяйка, незабвенная Люка и говорит, что рядом с ней продается дом по вполне сходной цене. Когда-то я попала к Люке совершенно случайно. Мы с подружкой-одноклассницей, приехав поступать в Таганрогский радиотехнический и не получив общежития, целый жаркий июльский день бродили по городу в безрезультатных поисках квартиры. В конце обессиленные, мы остановились у колонки на переулке Гарибальди. Пока пили воду из-под крана, с ведром подошла наша Люка, и увидев измученных девченок, сжалась над нами и взяла к себе, тем более, что абитура, как правило, долго не задерживалась, проваливаясь на первом же экзамене, письменной математики повышенной трудности. Подружка действительно провалилась и уехала. А я задержалась и не только на время вступительных экзаменов. Не получила я общежития и на первом курсе, но уже за это время мы успели сродниться с Люкой, и я ехала к ней, как к себе домой. Трудно объяснить, на чем держалось родство наших душ. Люка совсем не тяготела к знаниям и едва закончила в свое время семь классов. Ее южный темперамент брызгал юмором и любвеобильностью, что выражалось в довольно частой смене мужей и любовников. Зато жить с ней было нескучно и даже сытно, поскольку она щедро делилась шашлычками и другими деликатесами, привозимыми поклонниками. С окончанием института наша связь не оборвалась. Из Тюмени я посылаю ей посылочки с сибирскими подарками, поздравительные открытки ко всем праздникам и приезжая в Таганрог, всегда

останавливалась у нее. И вот сейчас, именно от Люки, которая чуть не сорок лет назад подобрала нас у колонки, пришло спасение. По ее наводке и еще с финансовой помощью моего мужа, с которым мы хотя и были уже в разводе, но поддерживали родственно-дружеские отношения, — я стала владелицей таганрогского дома. И если июль в колокшанском доме я называю своей Болдинской осенью, поскольку здесь не только хорошо отдыхается, но и еще лучше работается, и в Колокшу я не езжу без рукописей, то в Таганроге я исключительно кайфую, не читая ничего, кроме любимых книг и авторов. Благо, что в этом городе не только богатый южный рынок, но и богатые книжные магазины. Вряд ли мне хватило бы здоровья выдержать все свалившиеся в это черное десятилетие напасти, если бы не возможность восстановления своих сил в этом прелестном приморском южном городе.

Как же верно сказал Василий Федоров в поэме «Женитьба Дон-Жуана», опубликованной в 1979 году в «Роман-газете»: — «Все страстные натуры год от года в душе своей рожают антипода». Кстати, судьба этого поэта покрыта какой-то необъяснимой тайной. Несмотря на гениальность этой поэмы, в которой он в юмористически-сатирической форме, через похождения Дон Жуана, женившегося на русской девушке, описал нелепость и трагичность нашей жизни в советском раю, — он сегодня никому не известен, и его никто никогда не вспоминает.

Также совершенно непонятно, почему предан забвению режиссер МХАТа Илья Судаков, который, вопреки возражениям Станиславского, поставил во МХАТе «Дни Турбиных» Булгакова, спектакль, прошедший с триумфальным успехом и в России, и на сценах ведущих театров западных стран. Этот спектакль не только принес Булгакову славу талантливейшего драматурга, но и по сути дела, вывел МХАТ из постреволюционного репертуарного кризиса. Однако, ни в одной из серий телевизионных передач о МХАТе Судаков ни разу не был упомянут. Эта проблема замалчивания наверняка требует своего исследования и разъяснения.

Тем не менее, несмотря на незаслуженное забвение Василия Федорова, его высказывание о том, что с годами страстные натуры перерастают в свои антиподы, для меня оказалось пророческим. Действительно, с годами у меня угасла страсть к путешествиям, хотя в свое время я проехала практически все европейские страны, побывала в Китае, Индии, Таиланде и даже в Венесуэле, посещение которой навсегда заразило меня

любовью к Латинской Америке, латиноамериканцам и их гениальному писателю Габриэлю Гарсиа Маркесу.

С появлением у меня своих гнездышек в Колокше и Таганроге в отпуск мне никуда больше так не хочется, как в тишину, уединение колокшанского дома, где можно в июле в мягком летнем климате средней полосы отдохнуть и без напряжения, в охотку, работать за письменным столом, а в августе — ехать в Таганрог, к морю, фруктам и полной отключке от всех неотвязных проблем московской зимы. Однако такая возможность появилась у меня после того, как удалось съехать с Рублевки, в свой небольшой офис, завершив этим затянувшуюся и опасную для жизни схватку с коррупционерами и взяточниками.

И опять же, эта возможность возникла у меня как спасительное эхо прошлого, когда после опасной и изматывающей пятилетней борьбы за отремонтированный и реконструированный нами наш детский садик на Рублевке, мои силы иссякли, и стало очевидным, что не стоит тратить остаток жизни на небезопасную борьбу со всякой нечестью, я обратилась за помощью к своему старшему племяннику Павлу. Это был первый внук моих родителей и первый мой племянник, родившейся у сестры. Имя Павел ему было дано неслучайно. Он был так назван в честь старшего маминого брата, не вернувшегося с войны. Этот брат остался в памяти родных семейной легендой. Он был артистично одарен, играл на гитаре, гармонии, пел, декламировал, высок, строен, хорош собой и необыкновенно добр и чуток к родным. Родившийся и выросший в далекой сибирской деревне, он мечтал стать артистом и поехал в Омск поступать в театральное училище. Чтобы приодеться, он все лето разгружал баржи, заработал деньги, прифрантился и поступил в театральное. Но поздней осенью, когда уже стояли морозы, его раздели городские жулики; пришлось снова вернуться в родную деревню, где он начал работать школьным учителем и откуда его перед самой войной взяли на срочную службу. Служить пришлось под Калинин, рядом со ржевским котлом, где бесследно оборвалась его жизнь. В память об этом брате всех старших племянников в семейном мамином клане стали называть Павлами.

Павел был мой старший двоюродный брат, мамин племянник. Павлом назвали первого маминого внука, моего старшего племянника. И когда уже родителей не было в живых, Павлом, теперь уже в четвертом поколении, назвали внука моего покойного брата, моего внучатого племянника. Нужно

сказать, что все названные в честь дяди Паши Павлы оправдывали это дорогое для наших родных имя.

Павлик, сын сестры, рос чудным удивительным ребенком. Он был необыкновенно красивым мальчиком с черными выразительными глазами и безукоризненно правильными чертами лица. Но больше всего удивляли его не по годам развитые способности, особенно к математике. Помню, я гостила у сестры, когда Павлику было шесть лет. Мать отправила его в соседний магазин купить булку хлеба, батон и два литра молока, дав ему три рубля. Пока мы шли до магазина, он в уме просчитал стоимость покупок и вычислил сдачу. И надо было видеть, как знакомая продавщица выдавала ему товар, всякий раз называя цену хлеба, батона, молока и как он потом, серьезно и не спеша пересчитал сдачу, положил ее в кармашек и чинно удалился. Не каждый взрослый способен на такие расчеты в уме и на такое серьезное поведение с продавцами в магазине. Уже тогда у ребенка явственно проявлялись способности банкира. Однако, когда я настаивала на том, чтобы отправить его на учебу в Москву, в МВТУ имени Баумана, я и не помышляла, что племянника ждет карьера банкира. Просто было очевидно, что при его редких способностях и таком же редком по серьезности и уравновешенности характере ему нужна серьезная стартовая площадка, чтобы в полной мере был реализован весь его недюжинный потенциал. Но жизнь повернулась так, что реализовался он не на инженерном поприще, а в банковской сфере. Ребята затеяли учреждение банка будучи совсем молодыми людьми, не имея ни опыта, ни базового образования, в условиях российского правового беспредела. И в короткий срок ими был создан надежный банк с филиалами в двадцати городах, которым руководил мой племянник, позже защитивший кандидатскую и докторскую по экономике. Можно только удивляться креативности русских людей, их способности с нуля, в тяжелейших условиях, успешно осваивать новое непростое дело, требующее и глубоких знаний, и наработанных навыков.

Есть серьезная теория, что природа креативности русских, в которой им нет равных, объясняется многочисленными и разнообразными ассоциативными связями в мозгу, которые возникают благодаря богатству и гибкости русского языка с его многочисленными склонениями, сопряжениями, причастиями, деепричастиями и прочее. Как бы там не было, но и не только на примере этих молодых банкиров, но и на опыте своих коллег, тоже с нуля осваивающих психосоциаль-

ные технологии и психотерапевтические техники, я также убеждалась в этой удивительной способности русских схватывать, усваивать и творчески перерабатывать новое.

Племянник и его студенческие друзья — коллеги меня радовали не только своими успехами, но и тем, как у них складывались отношения в коллективе и в семьях. Это поколение, своим трудом и мозгами заработавшее свое материальное благополучие, уже не было испорчено деньгами. Надежность, обязательность и порядочность и в отношениях с коллегами, и в отношениях в семье, было их правилом. Но полной неожиданностью для меня стало обращение к Богу и воцерковление моего племянника и его друзей.

Духовником Павла стал иероигумен Тихон, настоятель монастыря Калужской Свято-Тихоновской пустыни, тоже когда-то окончивший МВТУ имени Баумана. Этот монастырь имеет свою легендарную историю. Он находится на том месте, где когда-то, в 1480 году, было так называемое стояние на Угре, когда татарское войско подошло к Угре и растянулось на 60 километров. У русских не было сил, чтобы отразить такие полчища врага. Святейший Тихон, основатель и настоятель этого монастыря, всю ночь молился Владимирской Божьей Матери и татары утром снялись и ушли без боя. По значимости это событие не уступает Куликовской битве 1380 года. Но в наших советских учебниках истории атеистическое государство не считало нужным рассказывать о нем школьникам. Святейший Тихон в свое время повторил судьбу Сергия Радонежского. Он также молодым долгие годы жил отшельником в лесу, и также к нему потянулись братья монахи, с которыми и был основан монастырь Калужской Свято-Тихоновской пустыни. Но в отличие от Сергиево-Троицкой Лавры, которую коммунисты не решились разрушить, открыв на ее месте музей, этот монастырь был варварски разрушен в годы богоборческой советской власти. И восстанавливал его в начале 90-х тоже Тихон, но уже наш современник.

Павел познакомил меня с отцом Тихоном. Мы ездили в Калужскую Свято-Тихоновскую пустынь в воскресенье на Владимирскую Божью Матерь. После утреннего молебна мы долго беседовали с отцом Тихоном, гуляя вдоль этой самой Угры на том самом святом месте, где было когда-то знаменитое стояние и где сейчас стараниями отца Тихона воздвигнута часовня. Отец Тихон, живя за монастырской стеной, отнюдь не был отгорожен от мира. Он был прекрасно осведомлен обо всех событиях современной культурной, политической и со-

циально-экономической жизни страны и также болел душою против всех существующих безобразий этой жизни. Нет, он отнюдь не производил впечатление темного, невежественного попа, сеющего опиум для народа, как нам когда-то в лекциях по атеизму представляли священников. И все-таки для меня оставалось загадкой, как будучи молодым человеком, выпускником такого серьезного вуза как МВТУ имени Баумана, он не просто повернулся к Богу, а проникся глубочайшим религиозным чувством, вступив на путь монашеского служения, заражая этим глубоким религиозным чувством своих молодых современников-банкиров и не только их. Но при этом еще нужно было быть и хорошим хозяином, менеджером, восстанавливая из руин разрушенную святыню-монастырь Калужской Свято-Тихоновской пустыни.

Позже, когда я прочитала книгу настоятеля Сретенского монастыря отца Тихона (Шевкунова) «Несвятые «Святые», кое-что прояснилось в том, как уходят в монастырь современные молодые люди, получившие серьезное светское образование. Сам отец Тихон окончил ВГИК, о котором мечтают многие молодые люди. Он поехал в Псковско-Печерский монастырь послужить послушником больше из любопытства. Но проведя там несколько дней и пообщавшись со святыми отцами-старцами, он потерял всякий интерес к жизни в миру и остался в монастыре. В своей книге он описывает также путь в священнослужители и монахи и других молодых людей. И для многих, поворотным событием стали богоявленные чудеса спасения и исцеления, которые тоже описаны в этой талантливой и на одном дыхании прочитываемой книге. Отец Тихон смог совмещать роль священника и настоятеля монастыря со своим кинематографическим и писательским талантом. Он снял потрясающий и весьма поучительный документальный сериал о Византии, гибели которой предшествовал период безнравственной стяжательской жизни высокопоставленных византийцев. Прочитав его замечательную книгу, я захотела пообщаться с отцом Тихоном и приехала на воскресную службу в Сретенский монастырь. Но людей было так много, что было невозможно протиснуться в храм и вместе с другими я стояла на подворье у входа в храм. Когда служба закончилась и он в окружении молодых послушников и семинаристов вышел из храма, я его не узнала. Таким изможденным и постаревшим было его лицо, представляющееся перед этим с экранов телевиденья вполне молодежавым и круглолицым. Пришлось за уточнением обратиться к рядом стоящей женщине, которая

была его постоянной прихожанкой. Женщина мне пояснила, что отец Тихон так всей душой и сердцем, с такой отдачей молится на службе, что всякий раз становится неузнаваемо постаревшим и осунувшимся.

Как же нужно благодарить Господа, что Он, в наше трудное время, после 70 лет кощунственного богоборчества послал нам таких молитвенников. Море невинно пролитой крови и миллионы загубленных жизней — это тяжкие грехи, которые надо отмаливать и за которые приходится платить последующим поколениям.

По этому поводу у меня когда-то родились стихи:

О, великая Русь, ты судьбой удивляешь кровавой,
Искупаешь грехи и не можешь никак искупить,
И нести этот крест твоим виноватым и правым,
И потомкам твоим

из окрашенных кровью источников пить.

Такие молитвенники как отец Тихон дают надежду, что Россия выберется из этих темных наших времен тлетворного, разрушительного и предательского правления коррупционеров, взяточников, расхитителей. История Сретенского монастыря схожа с историей монастыря Калужской Свято-Тихоновской пустыни не только тем, что их настоятелей зовут Тихонами и монашеский постриг они приняли, будучи современными высокообразованными молодыми людьми. Сретенский монастырь также воздвигнут в честь чудесного избавления от нашествия грозного завоевателя Тамерлана, покорившего десятки стран, от Индии до Грузии, Армении и Османской империи. Тамерлан прославился не только тем, что не знал ни одного поражения, но и своей ужасающей жестокостью. Жителей городов, оказывающих сопротивление, он поголовно истреблял, в отместку не покорным, возводя пирамиды из отрубленных голов. В одном только Исфагене, священном городе Персии, в 1383 году было перебито 70 000 человек. А около 7 000 детей до 5 лет, отобранных от матерей, было согнано в поле и по его приказу затоптано лошадьми.

В 1385 году его полчища стояли под Москвой. И также, как позже, в 1480 году, при стоянии на Угре Москва была спасена молитвами Владимирской Божьей Матери. Увидев в небе лик женщины с распростертыми руками, защищающими Москву, Тамерлан не решился на захват Москвы и повернул своих воинов дальше на завоевание юго-западных стран.

Не молитвами ли Божьей Матери приходят служить Богу, людям, России наши современные молодые люди, воспитываемые в советские времена истматом и диаматом атеистами?

Но нам, живущим в миру и вынужденным работать и действовать в окружении не только единомышленников, но и откровенных мошенников, занимающим, к тому же, руководящие посты, нельзя не помнить мудрой русской пословицы «На Бога надейся, а сам не плошай». И с Божьей помощью, и собственными усилиями проходить все испытания нашего смутного времени. Так и мне пришлось в полной мере пройти эти испытания пятилетней войны с коррупционерами и взяточниками. Но когда силы иссякли, как спасительное эхо из прошлого, пришла помощь от племянника, ставшего к тому времени состоятельным банкиром.

Новый офис, приобретенный для нас Павлом, был хотя и небольшим, но полностью соответствовал нашим потребностям. Это была просторная квартира в старом дореволюционном московском доме, где разместились офисная комната для моих помощниц, мой кабинет, довольно большая комната для проведения семинаров и консультаций и даже складское помещение под издаваемые нами книги, переделанное из ванны. Здесь больше не беспокоили нас никакие проверяющие, и, что удивительно, этот офис оказался на улице Бауманская, рядом с театром кукол, куда когда-то был приглашен главным режиссером наш тюменский Режиссер, с которым меня связывала многолетняя дружба. Здесь же по соседству находился МВТУ имени Баумана, где когда-то учился мой племянник и где, кстати, училась моя незаменимая помощница Танечка, а также, живет моя ученица и соавтор Саша Белинская, и где провела детские годы наш психолог-психотерапевт Алина Королева. Есть же какие-то странные и плохо объяснимые стечения обстоятельств, когда в огромной Москве, на одном пятачке, сошлись судьбы близких мне людей и здесь же оказался наш офис, в котором начался непредвиденно новый этап моей биографии.

Непредвиденный зигзаг судьбы

Мы переехали на Бауманскую в 2003 году. Кстати, нашим притеснителям на Рублевке так и не удалось использовать этот лакомый кусок земли под точечную, прибыльную застройку. Дело в том, что пока шла наша борьба, префекта вместе с его командой освободили от занимаемой должности. И они, понятно, не успели отработать полученный аванс от своих взятокодателей-застройщиков. А поскольку шум и скандал вокруг этого бывшего детского садика, нашего офиса, был большой и длительный и получил широкую огласку, то вновь назначенному руководству округа ничего не оставалось, как на месте этого ветшающего здания построить новый, современный детский садик с бассейном. Так что нашу пятилетнюю борьбу можно приравнять к битве у Бородино, когда русские, отступив, сдали Москву. Но с этой битвы и отступления началось бегство Наполеона из России.

Мы переехали в новый офис с большим багажом пособий и практикумов, выпущенным нашим книжно-журнальным издательством. Нам удалось в значительной степени утолить тот интеллектуальный голод, который испытывали практические психологи образовательных учреждений и вновь создаваемых в России социальных учреждений: социальных приютов, социально-реабилитационных центров, центров социального обслуживания населения, центров медико-социальной реабилитации, специалистов для которых тоже только что открывающиеся факультеты практической психологии и социальной работы еще не готовили. Наши пособия и практикумы вооружали этих специалистов, начинающих работать с нуля и без всякой подготовки, психосоциальными технологиями индивидуально-групповой коррекционно-реабилитационной работы с детьми, подростками и их родителями. За это время мы успели разработать и издать целую библиотеку, включая такие пособия: «Психолого-педагогическая реабилитация детей с ограниченными возможностями», «Диагностика и коррекция социальной дезадаптации подростков», «Социально-психологический диагностико-коррекционный инструментарий», «Психологическая коррекция и реабилитация

несовершеннолетних с девиантным поведением», «Технологии социально-психологических тренингов», «Организация и содержание психосоциальной работы в учреждениях социального обслуживания детей и молодежи», «Психосоциальная поддержка семей группы риска как условие предупреждения семейного неблагополучия и семейного насилия», «Медико-социально-психологическая реабилитация детей с ограниченными возможностями и социально-психологическая поддержка их семей», «Психологическое обеспечение охранно-защитной превенции». Эти пособия были подготовлены коллективом авторов под моей редакцией, и авторов для них я выискивала по всей России, привлекая специалистов с апробированными на практике технологиями.

За это же время на наших семинарах-тренингах мы обучили больше трех тысяч психологов и социальных педагогов, и сотням родителей и детей с проблемами в развитии была оказана консультационная помощь. Большой популярностью у практиков стал пользоваться наш «Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы». И если вначале мне приходилось выискивать и привлекать авторов, то спустя несколько лет пошел самотек статей из глубинки, содержанию которых можно было удивляться, удивляться тому, насколько быстро и квалифицированно были усвоены практиками методы индивидуально-групповой коррекционно-реабилитационной работы и как эффективно они применяются в работе с разной категорией семей, детей и населения.

В это же время наметилось преодоление болезненного разрыва между отечественной психологической наукой и практикой. Постепенно, со скрипом и инерцией стал преодолевать академический снобизм и высокомерие по отношению к практической психологии и постепенно, и без большого энтузиазма, учеными-теоретиками стала осознаваться роль психологии в социальном оздоровлении общества. Первым и явным признаком этого стало то, что специализированные научные советы при университетах и НИИ начали принимать к защите кандидатские и докторские диссертации по нашей острозлободневной проблематике. И конечно же, приходилось помогать в работе над этими диссертациями и затем, оппонировать на их защите. Это все радовало, поскольку формировалось профессиональное сообщество единомышленников.

Но самое главное, что после пятилетних дебатов и обсуждений, Думой в 1999 году был принят Федеральный Закон № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности

и правонарушений несовершеннолетних», законодательно закрепивший Концепцию охранно-защитной превенции отклоняющегося поведения несовершеннолетних.

Если на межведомственное обсуждение первого нормативного акта, легализовавшего эту Концепцию, Указ президента от 6 сентября 1993 года «Об охране прав и профилактике правонарушений несовершеннолетних», ушло два года, то на Закон — пять лет, три созыва он не мог пройти согласование в разных думских комитетах. В результате, вновь назначенная замминистра соцзащиты Г.Н. Карелова, поручила мне снова подготовить Концепцию охранно-защитной превенции с анализом результатов ее пятилетнего внедрения, которое началось после президентского Указа в 1993 году. И главным аргументом, убедившим депутатов, было то, что благодаря делавшей первые шаги охранно-защитной превенции в стране впервые наметилась тенденция снижения детской преступности. Действительно, согласно сухой статистике МВД, преступность несовершеннолетних, начиная с 1994 года, стала снижаться на 3-4% в год. И это на фоне острейшего социально-экономического кризиса, когда сворачивались производства, сотни тысяч людей оставались без работы и средств к существованию, не выплачивались пенсии и зарплаты. В то время как в благополучном Советском Союзе, при всей социальной дифференциации доходов, ставшей умопомрачительной в наше время, детская преступность ежегодно росла на 10%. Административно-карательная превенция и одна милиция не могли справиться с этой проблемой. Потребовалась армия специалистов: психологов, социальных педагогов и работников, новая социальная инфраструктура, ориентированная на поддержку семей и детей группы риска, чтобы появились первые устойчивые успехи в борьбе с детской преступностью.

Так что наш просторный и реконструированный под многопрофильную деятельность офис на Рублевке, где мы смогли развернуть такую разнообразную и широкомасштабную работу, сыграл свою роль. Переезд в небольшое по сравнению с Рублевкой помещение на Бауманской хотя и сокращал объем нашей деятельности, но в целом позволял сохранять основные направления работы Консорциума.

Сокращение моей административной и организационно-хозяйственной деятельности при переезде на Бауманскую, позволило подытожить свой собственный 30-летний труд и труд моих многочисленных коллег и практиков по внедре-

нию в жизнь охранно-защитной превенции отклоняющегося поведения несовершеннолетних. В результате чего были написаны пособия: «Психологическое обеспечение социальной работы и превентивной практики в России», изданное в книжно-журнальном издании нашего Консорциума в 2004 г., пособие «Превентивная психология в подготовке социальных педагогов и психосоциальных работников», изданное в 2012 году в крупном профессиональном издательстве «Питер». И если в монографии «Основы превентивной психологии» 1993 года был представлен системный междисциплинарный анализ генезиса отклоняющегося поведения, т.е. описаны разнообразные факторы и причины детско-подростковых отклонений, то в этих последних книгах я уже смогла показать, как, с учетом этих причин, осуществляется превентивная деятельность новых для России социальных учреждений и работающих в них специалистов.

За это же время с моей бывшей ученицей, ставшей доктором философских наук А.Б. Белинской, мы подготовили и издали в 2013 г., в крупном ростовском издательстве «Феникс», пособие «Социально-педагогическая диагностика и сопровождение социализации несовершеннолетних», в котором не только впервые систематизировано изложены методы социально-педагогической диагностики и сопровождения социализации несовершеннолетних, но и показано, как на ее основе осуществляется стратегия и тактика социально-педагогического сопровождения и межведомственного взаимодействия в работе с детьми и семьями группы риска.

Однако этими научными трудами я, в основном, занималась во время своего июльского деревенского уединения в Колокше, а осенне-зимнее время при переезде на Бауманскую было посвящено другим неожиданно появившемся у меня новым делам и интересам.

И все-таки, сокращение объема нашей деятельности было связано не только с переездом в меньший офис на Бауманской и даже не с тем, что охранно-защитная превенция стала реальностью, закрепленной ФЗ № 120, и нами была создана научно-методическая база для ее практической реализации, а также, был дан толчок для интенсивного развития практической психологии и наметилось преодоление разрыва между психологической наукой и практикой. Главная причина сокращения моей профессиональной деятельности заключалась в том, что неожиданно я была захвачена другими интересами и по уши погрузилась в культурно-просветительскую

деятельность, в общение и сотрудничество с музыкантами, артистами и деятелями культуры. Поворот был неожиданным, но тем не менее, снова это аукнулось эхо моей прошлой, теперь уже тюменской жизни.

Еще будучи в Тюмени секретарем горкома комсомола, а потом, работая в горкоме партии куратором тюменской культуры, я тесно сотрудничала не только с Режиссером и его театром кукол. В созданный нами художественный совет при концертно-танцевальном зале были привлечены молодые преподавателя училища искусств, выпускники Свердловской консерватории, которые с удовольствием включились в эту работу. Это были талантливые музыканты, и квартет русских народных инструментов, состоящий из преподавателей училища искусств, был нами выдвинут на звание лауреатов премии Тюменского комсомола. В этом квартете, особенно по своему таланту и увлеченности исполнительским искусством, выделялся виртуоз-балалаечник Клепалов Юрий Михайлович, сотрудничество с которым переросло в дружбу. Позже, уже работая в горкоме партии, где мне было поручено готовить концертные программы для торжественных собраний партхозактива, которые традиционно проводились в советские праздники: 7 ноября, 9 мая, 22 апреля в день рождения Ленина и 8 марта, в международный женский день, — я еще ближе познакомилась и еще теснее начала сотрудничать с тюменскими музыкантами и солистами. Это были очень интересные люди и очень увлекательная работа, которой я отдавалась всей душой.

И вот спустя двадцать с лишним лет я вдруг на Арбате встречаю Клепалова Юрия Михайловича и его сына Женю, окончившего к тому времени музыкальное училище по классу гитары, и узнаю, что они создали инструментальный дуэт «Серебряные струны», перебравшись из Тюмени в Наро-Фоминск и снимают комнату под свой офис на Сивцевом Вражке, напротив моего дома. Мало того, в соседнем со мной доме, в Староконюшенном переулке, снимает комнату еще один тюменец, вернее, выходец из Ишима Тюменской области, певец-тенор Виктор Соломенцев. И снова, в огромной Москве на одном пяточке сошлись близкие люди-единомышленники. Встреча и обмен новостями продолжались уже у меня дома, за чашкой чая. Музыканты горько сетовали на засилье подражательной Западу поп-культуры, трудности с концертами русской инструментальной музыки. Не меньшие трудности с концертами были и у Виктора Соломенцева, который удивительно проныкновенно исполнял ретро-репертуар Вадима Козина, Пет-

ра Лещенко. Александра Вертинского, песни военных лет и советских кинофильмов. Мало того, он был поющим аккордеонистом, пел, сопровождая себя на аккордеоне, что вообще крайне большая редкость в концертной практике. Это было время пренебрежительного отношения к своему, отечественному репертуару, обращенному к душе человека, а ребята еще и не имели денег на рекламу и раскрутку, без чего невозможно было снимать концертные залы и пробиваться на телеэкран. Я в свою очередь, была озабочена не только судьбой этих талантливых артистов, но и тем безобразием и пошлостью, которые творились в это время на эстраде, когда девочки, крутя обнаженными задками, пели «Я беременна, это временно», или докладывали со сцены, что «девушка созрела». Занимаясь проблемами предупреждения социального сиротства и детской преступности, я не могла не понимать, какое социальное зло несет этот эстрадный беспредел и ему надо как-то противодействовать. Наше коллективное сетование на состояние музыкальной жизни в стране закончилось тем, что мы решили учредить фонд «Звезды Российской глубинки». И мне было предложено стать его президентом, поскольку, как вспоминал Юрий Михайлович Клепалов, в свою время в Тюмени мне удалось здорово рулить городской тюменской культурой.

Итак, мы учредили фонд «Звезды российской глубинки», без особого труда и проблем зарегистрировали его и открыли счет. И начались бесплодные поиски меценатов и благотворителей. Никто из моих знакомых состоятельных людей ничего не собирался жертвовать, тем более, что благотворительность никак не поощряется нашим законодательством. Отчаявшись раздобыть благотворительные средства, мы стали думать о том, чтобы осуществить какие-либо резонансные программы и проекты, которые привлекут спонсоров своими рекламными возможностями. И поскольку в 2003 году приближался 100-летний юбилей легендарного певца, кумира 30-40-х годов Вадима Козина, а Витя Соломенцев был талантливым исполнителем его репертуара, мы решили к юбилею Козина осуществить проект «Опальный Орфей».

И как говорится «На ловца и зверь бежит». Я в это же время на одной из конференций познакомилась с Р.М. Вебер, директором социально-педагогического центра из Магадана, куда Козин был этапирован в 1944 году и прожил там почти 50 лет, до самой смерти. Конечно же, я спросила Веру Михайловну, была ли она знакома с Вадимом Козиным. На что она ответила, что видела его, но лично знакома не была, однако,

дружит с Натальей Адольфовной Дорофеевой, женой магаданского мэра того периода, который в свое время помогал Козину и после его смерти открыл в Магадане мемориальный музей певца.

Дорофеевы в это время жили уже в Москве, и мне не составило труда разыскать их и познакомиться с ними. Много интересного поведали они о магаданском периоде жизни Вадима Козина. В его однокомнатной, запущенной хрущевке, собирался весь магаданский бомонд: артисты магаданского муздрамтеатра, журналисты, библиотекари, — где он их развлекал своими песнями и рассказами о своей легендарной жизни и жизни знаменитостей того периода. А еще знакомил со своими новыми песнями и романсами, которых за магаданский период было написано более 200, и хранились они на магнитофонных бобинах, записанных друзьями и знакомыми в домашних условиях.

Но самое удивительное, что певец, всю жизнь певший о любви, в конце своей жизни был вознагражден преданной и самоотверженной любовью своей заочной поклонницы Дины Акимовны Климовой, которая разыскала Козина, когда ему было 86 лет, преодолела колючесть его ох какого непростого характера и согрела своей любовью и заботой последние 5 лет его жизни. И как рассказывал Геннадий Ефимович Дорофеев, она не давала покоя мэрии, пока не открыли, еще при жизни Козина в высвобожденной по соседству на одной с ним лестничной площадке квартире музыкальный салон певца, который посещали не только местные жители, но и приезжающие в город знаменитости. А после смерти певца стараниями Дины Акимовны и ее дочери при поддержке мэрии, был открыт мемориальный музей Вадима Козина, директором которого была в то время Дина Акимовна.

Наслушавшись этих удивительных подробностей о жизни Козина, я загорелась идеей и заразила ее Виктора Соломенцева: к 100-летию юбилею певца издать диск с его известными и неизвестными песнями и романсами, устроить концерты-презентации этого диска в Доме ученых и Политехническом музее и пригласить на них Дину Акимовну. Требовалась талантливая аранжировка неизвестных песен и романсов, написанных в Магадане и весьма некачественно записанных на старых магнитофонах в домашних условиях. Требовалось также сопровождение талантливого музыкального коллектива и аренда для записи диска высокопрофессионального звукозаписывающего центра, оснащенного современной

аппаратурой. Все это стоило денег и немалых. И чтобы раскошелить своих банкиров, я подготовила психологическую концепцию их рекламной деятельности, учитывающую психологию среднего класса, их основных вкладчиков, доверие к банку у которых возрастает, когда банкиры опираются на традиционные духовные ценности, представленные в песенно-романсовом творчестве Козина. Это сработало, и мы получили нужную сумму и на издание диска, и на издание буклета, и на издание красивых цветных рекламных плакатов, естественно, с условием, что всюду в качестве спонсора будет значиться наш банк.

Наконец, диск был записан, издан и назначено время концертов-презентаций: 9-го декабря 2003 года в Доме ученых и 11 декабря в Политехническом музее. На мое письмо мэру Магадана командировать Дину Акимовну в Москву на презентацию юбилейного козинского диска мы получили согласие. И Дина Акимовна вылетела в Москву. А мы с Натальей Адольфовной Дорофеевой отправились в Домодедовский аэропорт встречать ее.

В Москве в это время не на шутку завьюжило, и было объявлено о задержке рейса в связи с неблагоприятными погодными условиями. После нескольких часов ожидания, наконец, объявили, что самолет из Магадана приземлился в аэропорту ... Санкт-Петербурга. Встретить Дину Акимовну нам удалось лишь поздно вечером, после 18-ти часового пребывания пассажиров на борту самолета Магадан-Москва. Но отнюдь не усталой и измученной выглядела эта 80-летняя красивая и элегантная женщина. Воодушевленная таким важным предстоящим событием, как концерты-презентации диска в честь юбилея ее любимого Вадима Козина, она сияла и, к собственному удивлению, не чувствовала никакого утомления от этого изматывающего перелета с посадкой в Петербурге. Ей не терпелось поскорее услышать наш диск.

Мы привезли ее ко мне на квартиру, и, отказавшись от предложенного ужина, она, едва скинув шубу, тут же попросила включить проигрыватель. Прослушивание диска с козинским репертуаром в исполнении Виктора Соломенцева растрогало ее до слез. И это было высшей оценкой наших трудов. У меня и у самой выступили слезы, когда я впервые слушала этот диск, особенно романс на слова Анны Ахматовой «Не страшай меня горькой судьбой и суровою северной скукой. Нынче праздник наш первый с тобой. И зовут этот праздник разлукой», написанный Козиным в Магадане в 1961 году. Не

менее трогательным был и романс, написанный певцом на собственные слова четырьмя годами раньше «Лист золотой к стеклу окна прильнул. Как будто в сердце мне он заглянул. Тебя в нем нету. И без тепла, без света, один, один живу».

Свое выступление на концерте-презентации в Доме ученых Дина Акимовна начала со стихов ленинградского поэта Бориса Ларионова.

Когда говорят «Колыма»,
Я слышу сквозь завесы дыма
Погибших, сошедших с ума,
Но слышавших голос Вадима.

Концерт-презентация диска с его знаменитыми песнями «Осень», «Мой костер в тумане светит», «Забытое танго» и неизвестными романсами магаданского периода прошли в Доме ученых и Политехническом музее в переполненных залах и с большим успехом. После концерта в кулуарах поклонники плотной толпой окружали Дину Акимовну и наперебой выражали свое восхищение ею и ее преданностью легендарному опальному Орфею, Вадиму Козину. А мне посчастливилось провести с Диной Акимовной целую неделю, когда она жила у меня и сутки напролет рассказывала о Вадиме, о его непростой судьбе и несломленном никакими испытаниями характере и силе духа.

Слава и популярность Козина в 30-40-е годы была оглушительной. Его многочисленные концерты и гастрольные поездки неизменно сопровождались зрительскими овациями, морем цветов, восторженными откликами. Пластинки певца мгновенно расходились огромными тиражами и были зачислены в «бриллиантовый фонд». Слава Козина была так велика, что, когда в Тегеране, в ноябре 1943 года, состоялась историческая встреча Рузвельта, Сталина, Черчилля, — он был доставлен в Тегеран, чтобы петь на дне рождения Черчилля, совпавшим со временем Тегеранских переговоров руководителей стран-союзников.

Однако эта оглушительная слава не помешала тому, что уже через полгода после тегеранского концерта он был арестован, осужден по пресловутой 58 статье и этапирован в Магадан. До сих пор вызывает недоумение, чем мог помешать советской власти певец, не имеющий никого отношения к политике и поющий исключительно лирические песни о любви.

Очевидно, этому можно дать лишь одно объяснение. Страна воинствующего атеизма, каким был Советский Союз, изгоняла из душ людей не только Бога, но и Любовь, потому что там, где Бог, там Любовь. А людей с Богом и Любовью в душе нельзя сделать послушными винтиками беспощадной государственной машины.

И как это неудивительно, но любовь и здесь, на Колыме, сыграла свою спасительную роль в судьбе Козина. Еще задолго до прибытия певца в Магадан, всесильный начальник Дальстроя, то есть, всех колымских лагерей, генерал-лейтенант И.Ф. Никишов влюбился в лейтенанта, красавицу А.Р. Гридасову, ставшую позже его женой. Не под влиянием ли проникновенных песен о любви, исполняемых Козиным, Александра Романовна прониклась любовью к артистам и их творчеству и не без ее ли влияния всесильный Никишов накануне войны выстроил и открыл в Магадане муздрамтеатр, где работали расконвоированные артисты-зэки. И конечно же, такая знаменитость как Козин, сразу же был включен в состав бригады заключенных артистов, дававших концерты охранникам и заключенным колымских лагерей. И потом, после освобождения, еще долго, до своих 70-ти лет, он работал в магаданском муздрамтеатре.

Осужден был Козин по совокупности статей на 8 лет, но больше всего оскорбляло певца, что в совокупности этих абсурдных обвинений ему приписывались и гомосексуальные связи. Сам певец объяснял, что при своих гонорах по 125 тысяч в месяц, он любил угостить в ресторане молодежь и не более того. По крайней мере, за 50 без малого лет его жизни в Магадане никто из близко знавших его людей не мог сказать, что у него с кем-то были подобные привязанности и отношения. Тем не менее, ярлык гомосексуалиста, или как говорят, голубого, прочно приклеился к нему, и я постоянно слышала такого рода утверждения, когда мы готовили юбилейную программу «Опальный Орфей». Тогда я не была близко знакома с биографией певца и главным, опровергающим эти слухи фактом, были та искренность и проникновенность, с которыми пел он о любви к женщине. И невозможно петь с такой душой об этом чувстве, не пережив его самому. Но этот мой аргумент не воспринимался, поскольку Козин никому никогда не рассказывал о своих женщинах и, как считалось, никогда не был женат. Доказательства пришли неожиданно и при невероятных, прямо-таки, мистических обстоятельствах, когда я работала над буклетом, сопровождающим юбилейный диск с козинским репертуаром.

Я тогда была по уши загружена своей основной работой и выкроить пару дней, чтобы прочесть книгу Бориса Савченко о Козине и написать этот краткий буклет, было для меня непростой проблемой. И вот, наконец, такие пару дней выкроились, я закрылась в своем кабинете и попросила девочек никого ко мне не пускать и меня не отрывать от работы над буклетом. Однако не успела я погрузиться в чтение книги о Козине, как в дверь постучали, с извинениями вошла пожилая женщина и начала рассказывать, что она привела внука в нашу психологическую консультацию и решила зайти ко мне с предложением помогать нам на общественных началах, поскольку всю жизнь проработала в Комитете по радиовещанию и теперь на пенсии ей скучно ничего не делать. Не отрываясь от козинской биографии, я ответила, что вот сейчас мы готовим программу «Опальный Орфей» и она может включиться в работу козинского фанклуба.

И здесь я услышала невероятное! Наталья Александровна Годовикова, так звали эту женщину, начала рассказывать, что ее детство прошло в одном доме, где жил Козин со своей женой Александрой. Ошеломленная, не веря своим ушам, я услышала, что до войны ее мать, Коновалова Нина Васильевна работала в Доме звукозаписи и радиовещания и даже была там секретарем партийной организации. Сотрудникам Дома звукозаписи и радиовещания был выделен бывший шереметьевский особняк по Гранатному переулку 13, где сейчас Таджикское посольство. Их семья занимала полуподвальное помещение, а Козин с женой Александрой жил в комнате на втором этаже. При этом Козин постоянно снимал люксовый номер в гостинице «Метрополь» и, чтобы никто не вторгался в его личную жизнь, всех коллег, друзей и родных принимал там. Нина Васильевна всю жизнь дружила с Александрой, которая была на девятом месяце беременности, когда арестовали Вадима. Чтобы сохранить жену и ребенка, Козин велел Александре отречься от него и сам никогда не вспоминал о своей жене, брак с которой официально не был оформлен, что очевидно и спасло Александру от ареста. После ареста Козина у Александры родился мертвый мальчик. Вскоре она вышла замуж за отставного военного, начальника отдела кадров Дома звукозаписи и радиовещания Белявского, от которого родилось двое детей, мальчик и девочка. В 1963 году, когда расселяли коммуналки, их семьи переехали в Кунцево, на улицу Истринскую и жили в соседних подъездах. Нина Васильевна умерла в 1986 году, Александра пережила ее на 4 года, все это время храня память о Козине, чем и делилась с подругой.

Вот когда мне стало понятно, о ком написан в 1957 году Козиным на его собственные слова пронзительный романс «Лист золотой к стеклу окна прильнул. Как будто мне он в сердце заглянул. Тебя в нем нету. И без тепла, без свету, один живу». И позже, романс с не менее пронзительным чувством тоски, на слова А. Ахматовой «Не стращай меня горькой судьбою и суровою северной скукой. Нынче праздник наш первый с тобою, и зовут этот праздник разлукой».

Преданно любил и тосковал опальный Орфей, вынужденный скрывать свои чувства, выливаясь только в своем песенно-романсовом творчестве. Но властям мало было посадить певца, нужно было еще и опошлить его имя, вызвав тем самым негативное отношение к нему и добиться полного забвения Козина и его песен. Но этого как раз и не произошло. Как только по центральному телевидению в 1988 году прошла передача «Вадим Козин и Изабелла Юрьева на звуковой дорожке», поток писем хлынул к нему. И все заезжие знаменитости: и Мстислав Ростропович, и Евгений Евтушенко, и Валерий Ободзинский, Калинин, Кобзон, Толкунова, все, кто приезжал в Магадан, хотели познакомиться с певцом и побывать у него. Потому и пришлось мэрии открыть вначале музыкальный салон Козина, чтобы он мог принимать в нем именитых гостей, а после его смерти — реорганизовать этот салон в мемориальный музей певца, сохраняющий память об опальном Орфее.

О пошлость, как ты многолика

Оклеветать, опошлить, развенчать имя и тем самым предать забвению и самого человека и его творчество — испытанный прием пошляков, завистников и мелких людишек, волей случая оказавшихся у власти. Когда-то, задолго до знакомства с биографией и творчеством Вадима Козина, у меня родились стихи.

О пошлость, как ты многолика,
Во все века и времена
То едим шепотом, то криком
Порочишь лучших времена.
И смрадом пошлости отравлен
Поэт к барьеру выходил,
И пистолет его направлен
На сонмы развращенных рыл.
Но вызов как всегда напрасен,
И торжествует большинство,
Кумир им больше неопасен,
Развенчан ореол его.
Но преждевременной победе
Не предавайтесь пошляки,
Стихи и жизнь, и жертвы эти
Еще дадут свои ростки.

Как нельзя лучше относятся эти строки к Козину, которого клеветнические измышления пошляков преследовали и после смерти. Досталось и Д.А. Климовой, его преданной поклоннице, через всю жизнь пронесшую любовь к певцу и до последних дней служившей увековечиванию памяти Вадима Козина. Увы, в Магадане, городе, где прожил певец большую часть своей жизни, который полюбил и которому посвятил целый цикл своих песен, в городе, где бережно сохраняется память о нем, нашлись бойкие писаки, развернувшие на страницах местной печати кипучую разоблачительную деятельность против Козина, Дины Акимовны и мемориального музея, основателем и директором которого она была. Осо-

бенно эта разоблачительная деятельность активизировалась после юбилейных козинских торжеств, прошедших в Москве, на которые была приглашена Дина Акимовна, восторженно встреченная московской интеллигенцией. В «разоблачительной» статье, порочащей и Дину Акимовну, и Козина, и его мемориальный музей, — опубликованной в «Магаданской правде» — московская интеллигенция, выражающая свое восхищение творчеством Козина и благодарность Дине Акимовне за ее преданное служение певцу и при его жизни, и после его смерти, была названа этим бойким писакой, не много не мало, как «малохольной и юродивой». В отношении же музея были высказаны пророчества, что его дни сочтены. И самое примечательное, что этот пасквиль был проиллюстрирован шаржем на Божью мать, что с головой выдавало, чьими слугами были автор и издатель.

В ответ на эту разнузданную писанину мне пришлось опубликовать в магаданской газете «Колымский тракт» ответную статью «Кому мешает память о Козине», где я писала, что яростный и агрессивный тон статей недоброжелателей Д.А. Климовой, В.А. Козина и его мемориального музея свидетельствует, прежде всего, о собственном психологическом неблагополучии автора и стремлении, как когда-то Герострат, прославиться за счет низвержения истинного кумира миллионов наших сограждан.

Не увенчались успехом и попытки Дины Акимовны организовать в Магадане концерт-презентацию юбилейного Диска с известными и неизвестными песнями и романсами Козина в исполнении Виктора Соломенцева. Этот концерт нам удалось провести в Магадане только через год после московского, в декабре 1994 года и приурочить его к десятилетию ухода певца из жизни. Это было настоящим культурным событием для магаданских жителей. И состоялось оно благодаря О.В. Клыпе, декану факультета социальной педагогики Северо-Восточного государственного университета, которая пригласила меня в Магадан для чтения лекций своим студентам. Я же поставила условие, что мой приезд возможен в случае, если приглашающая сторона организует этот концерт-презентацию, что и было Ольгой Викторовной с успехом осуществлено.

Конечно, первым делом, когда мы прилетели в Магадан, мы отправились на кладбище, где был похоронен Козин, чтобы возложить цветы на его могилу. Отдать должное магаданцам, надгробный памятник в виде часовни, сооруженный по

проекту магаданского скульптора Александра Вашковца, про-извел, что называется, неизгладимое впечатление. Как, кстати сказать, и памятник жертвам колымских лагерей «Маска скорби», скульптора Эрнста Неизвестного. «Маска скорби» высится над одной из сопок в окрестностях Магадана, а вокруг нее выложено 20 бульжных камней с надписями Колымских лагерей. Это в этих лагерях каторжным трудом заключенных, в адски суровых природных условиях Колымы в годы войны ежегодно намывалось по 80 тонн золота, за которое наши американские союзники поставляли нам столь необходимое для Победы вооружение, а заодно и тушенку для фронтовиков. Это об этих зэках писал питерский поэт Борис Ларионов:

Когда говорят «Колыма»,
Я вижу сквозь завесы дыма
Погибших, сошедших с ума,
Но слышавших голос Вадима.

В душе клеветующих пошляков нет ничего святого и нет таких святынь, которые они не готовы бы были опорочить.

Защищая Козина и Дину Акимовну от клеветников, я не только написала статью в Магаданскую газету «Колымский тракт», но еще и опубликовала очерк «Любовь, пронесенная через жизнь» в журнале «Работница». Однако этим не закончилось мое погружение в биографию Козина, близкое знакомство с Д.А. Климовой, Дорофеевыми и авторами книг о Козине Борисом Савченко и Эдуардом Антипенко. Эдуард стал козинским фанатом, наверное не меньше, чем Дина Акимовна. Этот новосибирский инженер, часто бывая в командировках в Магадане, всякий раз заходил к Козину и с его разрешения записывал на магнитофон его рассказы о своей жизни и песен в домашнем исполнении певца. Результатом этих записей стала изданная Антипенко за свой счет книга «Беседы с Козиным». И уже после смерти певца, он делал длительные поездки в Москву, Санкт-Петербург и другие города, встречался с теми, кто был близко знаком и дружил с Козиным и подготовил уже вторую книгу из этих воспоминаний. Как и с Диной Акимовной, ни один день и час я провела в беседах о Козине с Антипенко, узнавая все новые удивительные подробности из жизни опального Орфея.

И вот, когда прошло уже три года после Козинского 100-летнего юбилея, и в октябре 2006 года умерла Дина Акимовна, со мной произошло невероятное, фантастическое событие.

На 23 февраля 2007 года, когда предстояли нерабочие праздничные дни, я проснулась на рассвете в половине шестого и вдруг отчетливо стала слышать Козина и все его окружение. Никогда раньше я не только не писала, но и не знала, как пишутся сценарии и пьесы. А сейчас, как наяву видя все эти лица и события, мне оставалось только записывать за ними, что я тут же принялась делать. Не выходя из дома и находясь все это время в окружении Козина и близких ему людей, за десять дней, я написала киносценарий телесериала, который охватывал без малого 100 лет жизни певца, начиная с того, как его отец, богатый питерский купец, влюбился в молоденькую цыганку из цыганского хора, включая все мытарства семьи Козиных в революционном Петрограде, восхождение Вадима к его оглушительной славе, арест, магаданский период работы в бригаде артистов-зэков, встреча с Диной, юбилейные торжества на его 90-летие и смерть певца в 1994 году.

И когда после этого 10-ти дневного затворничества я вышла на улицу, то не сразу могла сориентироваться на своей привычной дороге в офис. Так я была нагружена впечатлениями козинской жизни. Недолго думая, я издала этот киносценарий «Мой костер в тумане светит» в книжно-журнальном издательстве нашего Консорциума под девичьей фамилией Семенцева. А далее, начались непростые поиски выхода в новый для меня кинематографический мир, обнаружение баснословной дороговизны кинопроизводства этого фильма, поиски продюсера, решившегося снять его.

Но козинская эпопея закончилась не только этим. Убедившись в клевете, возведенной на Вадима Козина, я решила подробнее изучить биографию П.И. Чайковского, которого, как известно, также как и Козина, записали в гомосексуалисты. Как когда-то, слушая песни и романсы в исполнении Козина, я не могла поверить в его нетрадиционную ориентацию, так и целительная музыка, написанная Петром Ильичем, как мне казалось, свидетельствовала об ее божественном происхождении, несовместимом со слухами о гомосексуальности ее автора. Мне в очередной раз повезло, поскольку на помощь пришел как раз переизданный трехтомник переписки П.И. Чайковского и Н.Ф. фон Мекк. Хотя Петр Ильич и Надежда Филаретовна никогда не были лично знакомы, их почти ежедневная переписка длилась 13 лет. И Петр Ильич называл ее лучшим незримым другом, добрым гением, полубогиней, за ту моральную и материальную поддержку и помощь, которую она ему оказывала. Эта вдова, миллионерша, мать 11-ти детей,

как никто, первая оценила музыкальный гений молодого, тогда еще неизвестного композитора, и чтобы освободить его от необходимости зарабатывать на жизнь изнуряющей преподавательской работой в консерватории, бескорыстно предложила ему ежегодный пансион в 6000 рублей, очень серьезную по тем временам сумму. И вряд ли без этой возможности быть свободным от всех занятий, кроме сочинительства, Чайковский смог бы создать такое несметное количество своих музыкальных произведений: опер, балетов, симфоний, романсов, инструментальных пьес, которые до сих пор исполняются на сценах всех ведущих оперных театров разных стран.

В этой обширной 13-летней переписке Петр Ильич и Надежда Филаретовна обсуждали не только музыкальное творчество композитора и его коллег, они делились новостями и проблемами своей личной жизни и жизни своих семейств. Самыми близкими людьми для Чайковского были его младшие братья-близнецы Модест и Анатолий и семья его сестры Александры Ильиничны, которая была замужем за сыном декабриста В.Л. Давыдова и жила в имении Давыдовых Каменка, где когда-то собиралось южное общество декабристов, и где любил бывать Чайковский. Не имея собственных детей, Чайковский, что называется, по-отцовски был привязан к племянникам, четырем старшим дочерям и трем младшим сыновьям сестры. Особенно он любил и опекал маленького Владимира, Боба, называя его художественной натурой, который требует особого внимания вследствие его хрупкости и впечатлительности. Увы, в оценке хрупкой, впечатлительной натуры Боба Петр Ильич не ошибался: в 1906 году, когда Чайковского уже не было в живых, Боб застрелился. И хотя Боб жил в Петербурге на квартире Модеста, брата Петра Ильича, тем не менее, клеветникам хватает фантазии и кощунства обвинять композитора в гомосексуальных связях с младшим племянником, выросшим на его руках.

Трудно сходявшийся с людьми и предпочитающий отшельническую, уединенную жизнь, Чайковский очень дорожил своим незаменимым слугой Алексеем, который знал все его привычки и мог безукоризненно и ненавязчиво решать все бытовые проблемы композитора, скрашивая своим обществом его одинокие вечера, что конечно же, дало повод клеветникам записать Алексея в гомосексуальные партнеры Петра Ильича. При этом в расчет не бралось то, что Алексей был дважды официально женат. А кроме того, во Франции у него рос незаконнорожденный ребенок от женщины, с которой

Алексей сошелся, когда сопровождал Чайковского в его зарубежных поездках. Петр Ильич тепло относился не только к Алексею, но и к его женам. И в его дневнике записано, как он проплакал всю ночь, когда умерла Феклуша, первая жена Алексея. А сын Алексея Егорушка, родившийся во втором браке, был любимым крестником Чайковского. Да и жил Алексей с семьей в Клину, в одном доме с композитором, занимая первый этаж. В знак благодарности к своему незаменимому слуге Чайковский завещал ему все свое недвижимое имущество.

Благодаря Алексею сохранен мемориальный музей Чайковского в Клину, в доме, который арендовал композитор, не имея возможности из-за своей щедрой благотворительности его выкупить. Зато уже после смерти композитора этот дом выкупил Алексей, сохранив в полной неприкосновенности всю его обстановку и вещи Петра Ильича, которые и сейчас находятся в этом мемориальном музее. Кстати, и привязанность Чайковского к племянникам, детям сестры, была сторицей оплачена их любовью и верностью его памяти. До 1964 года, до самой своей смерти, директором мемориального музея в Клину был его племянник Юрий Львович Давыдов, младший сын сестры Чайковского. Здесь же, в музее, работали и две дочери Юрия, последняя из которых умерла аж в 2002 году. Однако все эти факты, свидетельствующие об истинном характере отношений композитора с его родными и близкими, напрочь игнорируются сочинителями кощунственных клеветнических измышлений, порочащих имя русского музыкального гения.

А между тем, о Чайковском много написано и издано воспоминаний его современников, из которых можно узнать о его жизни, начиная с детско-юношеских лет. В юности, как и другие его сверстники, он был влюбчив и сетовал в одном из писем, что опять влюбился и опять, уже пятый раз, предмет его обожания звать Софья. И уж совсем серьезное чувство испытал он к итальянской певице Дезери Арто, на которой собрался жениться, на что испросил благословение своего батюшки. Но увы, она уехала на гастроли и вышла замуж за тенора Падила.

И конечно, убедительным доводом для клеветников является неудачная женитьба Чайковского и его полный и скорый разрыв с женой. А женитьба действительно была неудачной и по сути дела, вынужденной любовными посланиями этой далеко не юной 27-милетней особы и ее угрозами покончить жизнь самоубийством в случае отказа композитора от женить-

бы на ней. Более опытный и менее доверчивый человек уже бы по этим посланиям понял, что имеет дело с эмоционально неуравновешенной и бесцеремонной истеричкой. Однако Чайковский все это принял за чистую монету, в чем потом горько раскаивался и вынужден был обеспечивать ее содержание с условием, что этот «живой памятник моего безумства», как он называл свою жену, больше не будет показываться на его глаза. Живой памятник его безумства действительно закончила жизнь в психиатрической клинике, успев перед этим родить нескольких детей от разных мужчин и сдать их в приют.

После того потрясения, которое испытал Петр Ильич от своей необдуманной женитьбы, его, очевидно, сковал страх перед женщинами, и кроме того, благодаря поддержке Н.Ф. фон Мекк, он смог целиком отдаваться сочинительству, одни партитуры которых измеряются десятками килограммов. И стоит напомнить об открытом З. Фрейдом процессе сублимации, при котором либидо, сексуальные влечения переводятся в творческую энергию, питающую художника. Этим и можно объяснить, что в своем зрелом возрасте, работая интенсивно, что называется, на износ, гениальный композитор, в результате сублимации вообще закрыл для себя проблему интимных отношений с женщинами. А кроме того, потребность в нежной дружбе с духовно близкой женщиной в полной мере реализовывалась в его практически ежедневной переписке с Надеждой Филаретовной. Что же касается каких-либо серьезных свидетельств об его гомосексуальных наклонностях, то их по сути дела и нет. Нельзя же всерьез считать достоверным свидетельством вымаранные места из его писем брату Модесту, в которых он, якобы, признается в своих противоестественных наклонностях. Во-первых, трудно себе представить, как были расшифрованы эти тщательно вымаранные места, и кроме того, для их достоверности они должны быть подтверждены не одним, а несколькими независимыми и беспристрастными исследователями, что кстати и не было сделано. И уж совсем абсурдной можно назвать писанину Александры Орловой, эмигрировавшей в США, в которой она повествует о самоубийстве Чайковского, вызванной якобы страхом публичной огласки его гомосексуальности. А между тем, умирал от холеры Петр Ильич на петербургской квартире своего брата Модеста, в окружении других родных — брата Николая, племянника Владимира и трех врачей, пытающихся спасти его. Три последних дня умирающего композитора буквально по минутам расписаны в книге Модеста Ильича «П.И. Чайков-

ский». Как православный человек, он был отпет и похоронен на кладбище Александро-Невской Лавры, где хоронили всех знаменитостей. А как известно, самоубийц не отпевали и хоронили за кладбищенской оградой. Однако, все эти широко известные факты не мешают пошлакам мусолить небылицу о самоубийстве Чайковского, вызванном якобы публичным разоблачением его гомосексуальных наклонностей.

Поводом для клеветнических измышлений стала также и оборванная через 13 лет переписка с Н.Ф. фон Мекк, когда та, известив Чайковского о финансовых затруднениях своей семьи, сообщила, что не сможет больше оказывать ему материальную помощь. К тому времени Петр Ильич, произведения которого широко исполнялись в стране и за рубежом, уже не нуждался в финансовой помощи Надежды Филаретовны. Но он был глубоко обижен и оскорблен тем, что при этом оборвалась привычная регулярная и исповедальная переписка со своим незримым добрым другом. Несмотря на все попытки композитора возобновить переписку, Надежда Филаретовна не ответила ему. И последние три года своей жизни из-за этого необъяснимого и оскорбительного молчания своего доброго гения Чайковский прожил с глубокой душевной болью и непониманием причин оборванной переписки.

Однако клеветники объяснили причину прерванной переписки тем, что якобы, фон Мекк стало известно о нетрадиционной ориентации Чайковского. Но увы, у Надежды Филаретовны на это были свои тайные и трагические причины, в которых она не могла сознаться своему Другу. Ее последняя любимая дочь Милочка родилась не от мужа, а от возлюбленного, путевого инженера Иолшина, который позже женился на ее старшей дочери Лизе. Эту трагическую тайну Надежда Филаретовна доверила только одной из старших дочерей, любимой Сашеньке, с которой была очень близка. Что, однако, не помешало Саше открыть эту тайну отцу, после чего он скорострительно скончался от инфаркта. А позже, когда младшая Милочка вышла замуж за князя Шихматова-Ширинского, мота, игрока и шантажиста, Саша проболталась и ему о тайне рождения Милочки. И постаревшая, больная Надежда Филаретовна вынуждена была доживать свою жизнь под страхом разоблачения этой семейной тайны и откупаться от зятя-шантажиста. Конечно, сыграли свою роль и пошатнувшиеся дела семьи фон Мекк, разоряемой неудачным хозяйствованием ее сыновей-наследников, единственное, о чем она и могла рассказать своему Другу. Но о том, что у нее не было моральных и

физических сил вести с ним прежнюю душевно-близкую переписку, что и было главной причиной ее молчания, она, конечно, не могла поведать Чайковскому.

Чтобы познакомиться с подробностями жизни композитора и его семейного окружения, а также с подробностями жизни Надежды Филаретовны и семьи фон Мекк, мне пришлось перечитать не только их трехтомную переписку, но и дневники Петра Ильича, трехтомник с биографией композитора, написанный его братом Модестом, десятки воспоминаний его современников, побывать в мемориальном музее Чайковского в Клину. И также, как когда-то в результате погружения в биографию Козина, у меня наступило то же фантастическое состояние, когда я, сидя в одиночестве в своей любимой Колокше, начала слышать Петра Ильича, Надежду Филаретовну и их окружение, что оставалось только записывать. Рожденный таким образом киносценарий я назвала «Добрый гений. Полубогиня» и также под девичьей фамилией Семенцева опубликовала в издательстве нашего Консорциума.

Мне хотелось в этом киносценарии показать не только трагическую судьбу этой удивительной женщины, благодаря материальной и моральной поддержке которой Чайковский мог в полной мере реализовать свою музыкальную гениальность, но и показать внутренний мир и ближайшее окружение композитора, что позволяет разоблачить оскорбительные вымыслы клеветников.

И снова, спустя 15 лет, я вспомнила кладбищенского ворона, пристально разглядывающего и преследующего меня в Александро-Невской Лавре. А ведь это все было рядом с могилой Петра Ильича. И может не только и не столько о трагических переменах в моей жизни встал своим необычным поведением старый ворон, живущий среди душ великих усопших. А может, касаясь своим крылом моей головы, он побуждал во мне эту потребность погрузиться в биографию великого русского композитора и опровергнуть оскорбительную клевету, возведенную на него.

И как же была я рада, когда прочла в МК, что министр культуры В.Р. Мединский отказал в финансировании фильма о Чайковском известному режиссеру Кириллу Серебряникову, в котором была представлена якобы нетрадиционная ориентация композитора. «Этот факт не доказан» — аргументировал министр свой отказ. Конечно же, я написала письмо министру со словами благодарности и сообщила, что я, как психолог, познакомившись со всеми доступными источниками биографии Чайковского, готова доказать обратное.

И если я, как психолог, взяла на себя труд докопаться до истины в этих широко распространенных измышлениях о Чайковском, изучая многочисленные доступные источники, то М.И. Буянов, будучи известным детским психиатром и имея пристрастие к копанию в архивах, поднял медицинские архивы того времени со свидетельством врачей, которые лечили композитора, в силу своей мнительности часто жалующегося на здоровье и страдающего нервными расстройствами и болезнями желудка. Никакого упоминания о психосексуальных патологиях он также не нашел и в медицинских архивах и, как и я, пришел к выводу, что гомосексуализм Чайковского не более как вымысел и клевета, досужих до жаренных фактов пошляков, о чем и написал в своей книге «Пол», - М., 2004г.

Конечно же, и Буянов как врач, и я, как психолог, мы прекрасно понимаем, что гомосексуализм как психосексуальная патология может быть не только результатом развращенности, но может объясняться и объективными причинами органического порядка. И потому, гомосексуалисты должны быть освобождены как от уголовного преследования, так и от пренебрежительного отношения со стороны окружающих. Но при этом мы абсолютно уверены, что интимная жизнь человека как традиционной, так и нетрадиционной ориентации не должна быть предметом публичной демонстрации, включая парады гомосексуалистов и рекламирование их наклонностей. И тем более, нельзя в угоду этому меньшинству, страдающему психосексуальной патологией, клеветать на кого бы то не было, а особенно — на гениально одаренных людей, своим творчеством облагораживающим и возвышающим душу человека. Спрашивается, что же заставляет этих клеветников «порочить лучших имена»? И вряд ли найдется другой ответ, кроме того, что в этой многовековой борьбе сил света и тьмы они, может, сами не отдавая себе отчета, выступают орудием безобразной бесовщины, погружающей род человеческий в пучину разврата, бездуховности и безбожья.

К чему приводит опошление святынь

Увы, не так уж безобидны эти клеветнические измышления на наши духовные святыни и их горькие плоды нам приходится пожинать уже в наступившем XXI веке. А как иначе объяснить эти дикие выходки девиц, молодых матерей, из постыдно прославившейся на весь мир поп-группы «Пусси Райот», осквернивших своими разнузданными плясками перед алтарем Храма Христа Спасителя, имеющим свою трагическую историю, и в котором, по православным праздникам служит сам патриарх русской православной церкви?

А ведь этот храм был когда-то возведен на пожертвования россиян в честь победы над Наполеоном в войне 1812 года. А затем, в 30-е годы, кощунственно разрушен советскими богоборцами и восстановлен уже в наши дни, опять же, на пожертвования соотечественников. Храм Христа Спасителя не только представляет православную святыню, но и трагическую и героическую историю нашего отечества. И своей дикой выходкой эти девицы оскорбили не только чувства верующих, но и потоптались на памяти героев войны 1812 года, на чувствах тех, на чьи жертвования возводился и затем восстанавливался этот разрушенный богоборцами храм. И правильно сказал президент, что если бы они позволили такую выходку в мусульманской мечети, то никакие бы правоохранительные органы не смогли бы их спасти. Однако у нас они были не растерзаны верующими, а были осуждены, в соответствии с нашими законами, в общем-то, ни на такие уж большие сроки, что, тем не менее, вызвало бурю негодования у либеральной общественности и в стране, и за рубежом. Спрашивается, чем отличаются от коммунистических богоборцев эти либералы, провозглашающие демократические свободы, если у них также в душе нет ничего святого, и они готовы спокойно оправдывать поругание святынь, самого Христа и чувства верующих.

И что же тогда удивляться, когда вопреки массовым протестам, в той же Франции, вслед за Нидерландами и другими европейскими странами принимается безрассудный Закон, не только узаконивающий однополые браки, но и дается

право этим супругам усыновлять и воспитывать детей и называться при этом, вместо папы и мамы, родителем №1 и родителем №2?

Что же думают либералы-законодатели о будущем этих детей, у которых вместо отца и матери только пронумерованные родители? Как же будут они чувствовать себя и в детстве, и во взрослой жизни, и с каких образцов будут строить свои семьи, готовиться к роли отца и матери, мужа и жены в будущей взрослой жизни? И чем вообще грозит человечеству столь извращенное представление об институте семьи, несущей основную ответственность за социализацию и воспитание подрастающих поколений? Очевидно, господ либералов устраивает, что эти несчастные, усыновленные однополыми родителями дети, невольно будут копировать поведение своих пронумерованных родителей и вырастут такими же гомосексуалистами, усвоив сексопатологию за норму, что в конечном счете, грозит человечеству вырождением.

Это навязывание и популяризация сексопатологии ведет к дискредитации и развенчиванию самого великого чувства, чувства Любви, главной христианской заповеди, а стало быть, и к безбожию, ибо сказано, где Любовь, там Бог. Чувству любви и милосердия учат не только христианские проповедники, но и лучшие, выдающиеся произведения искусства, литературы, музыкальные произведения. Ведь писал же когда-то Пушкин:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в свой жестокий век восславил я свободу,
И милость к падшим призывал.

О любви пел Вадим Козин, и произведения русского музыкального гения П.И. Чайковского пронизаны глубоким лиризмом, просветляющим душу человека, делая ее открытой любви, милосердию и самым гуманным чувствам. Не потому ли, чтобы опорочить эти имена и снизить их влияние на человеческие души, придумывались клеветнические измышления в их адрес? Изобретаются и другие способы дегуманизации общественного сознания, когда режиссеры-экспериментаторы безобразно опошляют в своих постановках пьесы всемирно известного писателя-гуманиста А.П. Чехова и других классиков, а вместо картин, талантливо и реалистично изображающих человека, природу, рекламируются и продаются по бешеным ценам инсталляции с унитазами и заспиртованными акулами.

Не стесняются эти шустрые ребята, режиссеры-экспериментаторы, замахиваться и на такие наши национальные святыни как Пушкин и Лермонтов. Вот некто молодой режиссер Денис Банников решил снять фильм, в котором его буйная фантазия продлила жизнь поэтов на 20 лет. И в большом воображении режиссера доживали они свой век как вполне заурядные личности. У Пушкина — несносный характер, острый ум и всего лишь проблески былого таланта, позволяющие ему в журнале с придуманным названием «Шалопай» публиковать фривольные истории. А Лермонтов живет один в меблированных комнатах, поигрывает в карты и все, что у него есть — бабушкино имение и права на «Маскарад», который плохо идет на сценах.

Что можно сказать по поводу этой больной фантазии. Как говорят, слов нет, одни выражения, да и те непечатные. Тем не менее, в МК вышла статья, где режиссеру выражают сочувствие, что свой фильм, опошляющий великих русских поэтов, он снимает своими силами, не найдя для этого спонсоров. Этот факт дает некоторую надежду, что еще не все у нас выжили из ума.

И уж совсем полный бред не постеснялись нести по Рен ТВ, объясняя, что Пушкин вовсе не умер после дуэли с Дантесом. А был, якобы, тайно перевезен масонами во Францию, где писал вместо Дюма его многочисленные романы. Так уж хочется связать великого русского поэта, «наше все», с происками западных масонов, опорочив тем его имя. Правда, авторы этого бреда воздержались от объяснения причин, что заставило всех близких людей, на глазах которых умирал поэт, включая жену, родных, друзей, врача, священника, его отпевавшего сговориться и дружно лгать о смерти дорогого человека и гениального русского поэта.

Опорочивание духовных святынь, извращение всех этических и эстетических представлений и ценностей ведет, в конечном счете, к безбожию и дегуманизации общественного сознания, горькие плоды которых мы сегодня пожинаем.

Дошло до того, что в Большом театре, этом нашем национальном святилище музыкального оперного и балетного искусства, плеснули кислотой в лицо, обезобразив и лишив зрения художественного руководителя балетной труппы Сергея Филина! И заказчиком этого преступления стал служитель Мельпомены, солист балета Большого театра Павел Дмитриченко. А следом за этим криминалом, интеллигентный молодой человек, внушающий доверие всем друзьям и знакомым,

Алексей Кабанов, задушил и расчленил тело своей жены, матери троих малолетних детей, разместив при этом по телевизионным каналам и на сайте просьбу о помощи в поиске пропавшей жены. Не менее интеллигентный юрист Дмитрий Виноградов, прямо в офисе расстрелял 6 своих коллег. А студенты Московского государственного университета леса отметили день знаний жестоким истязанием бомжей, забив двоих из них до смерти. И это все представители нашей так называемой интеллигенции, в совершенстве освоившие компьютер, постоянные пользователи интернета. Что тогда говорить о белгородском стрелке, ранее судимом Сергее Памузуне, устроившим бойню в центре города, жертвами которой стали пять человек, и среди них — две школьницы, случайно проходившие мимо. Уже привычными стали сообщения о массовых расстрелах в американских школах. Но рекорд этих трагических событий поставил норвежский стрелок Брейвик, расстрелявший чуть не сотню молодых людей, отдыхавших в спортивном лагере. Пестрят страницы газет и телевизионные новости сообщениями об этих диких преступлениях и заставляют всерьез задуматься, а что же происходит с человечеством, и в чем причины этого массового умопомрачения?

Но больше всего удручает жестокость, доходящая до садизма, которая все чаще проявляется у молодых женщин и девушек. Вот девушка из Приморья, победительница местного конкурса красоты, задушила колготками десятилетнюю дочь своего любовника, мстя ему за то, что не захотел оставить семью и жениться на ней. Вот мать из подмосковного Долгопрудного вывела на балкон 4-х летнего Родиона и 7-ми летнего Вову и по очереди столкнула их вниз. А другая мать — интеллигентная, образованная, начитанная москвичка, в угоду своей сожительнице, выгнала буквально на улицу несовершеннолетних детей, сына и дочь, которые живут в подъезде и которых пускают погреться и подкармливают сердобольные соседи. А вот, в Наро-Фоминском районе, подвыпившая компания из 8-ми девушек, связали руки и ноги 22-летней Александре, избили, потоптались на ней, облили пивом, отрезали волосы, снимая все это на камеру мобильного телефона. Благо вмешались случайные свидетели, которые вызвали милицию и «Скорую помощь», и жертву расправы увезли в реанимацию с множеством травм и разрывом селезенки. И таких расправ, учиняемых девушками-школьницами, коллективно избивающими свою жертву и выкладывающими в интернете свой «подвиг», все больше и больше. А ведь это будущие ма-

тери и жены, что же ждет их будущих детей и какое будущее ждет нас всех.

И все это — следствие деяний либеральных политиков, разнузданных либерализированных деятелей культуры и СМИ, которые прикрываясь лживыми лозунгами свободы и толерантности, навязывают обществу безбожные, антигуманные и безнравственные принципы и ценности.

Но еще более тяжелые последствия для дегуманизации общественного сознания влечет за собой либерализация экономической политики, когда обесценивается, в прямом смысле, человеческая жизнь и ненужными становятся специалисты и специальности, призванные помогать людям в их физическом, психологическом и духовном оздоровлении. Это этими либеральными экономистами изобретена и внедряется в жизнь так называемая «оптимизация», а так же, ими воспитана и обучена армия эффективных менеджеров, беспощадно, во имя сиюминутной прибыли относящихся и к природе, и к человеку, и человеческому обществу с его многовековой историей.

Торькие плоды оптимизации

Как это ни печально, заразительными эти идеи оптимизации стали и для руководства нашей страны, где тоже вырос многочисленный отряд эффективных менеджеров, справедливо названных народом «фиктивными менеджерами», с напроць дегуманизированным сознанием. Насколько дегуманизировано наше общественное сознание, можно судить по тем ожесточенным дискуссиям, которые развернулись вокруг так называемого закона Димы Яковлева, запрещающего американское усыновление. Закон Димы Яковлева вызвал небывалый всплеск политической активности и думцев, и правительства, и оппозиции. Мнения резко поляризовались. Дума и правительство — против американского усыновления, оппозиция — за. И как это не прискорбно, никто ни в правительстве, ни в оппозиции не задался вопросом, — почему у нас неуклонно растет социальное сиротство и роженицы все чаще оставляют детей в роддомах, а нередки и еще более страшные случаи убийства матерями новорожденных детей.

В 1993 году в России детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, было чуть больше 460,000. За двадцать последующих лет эта цифра чуть ли не удвоилась и перевалила за 7,000,000. Рост впечатляющий, учитывая, что при этом неуклонно сокращается число детей в стране.

Высшие представители государственной власти, чтобы финансово подкрепить закон Димы Яковлева, не разрешающий усыновлять сирот в США, пообещали существенно повысить выплаты приемным родителям. А мэр Москвы С.С. Собянин пошел еще дальше и пообещал приемным родителям выделение бесплатных квартир. Этот щедрый жест, как и повышение выплат приемным родителям может и увеличит число семей, желающих взять на воспитание сирот. Но, увы, отнюдь не будет способствовать снижению социального сиротства, поскольку одинокие матери и малоимущие многодетные семьи, по сути, лишены государственной поддержки. Мало того, вместо помощи участились случаи, когда детей изымают из семьи только потому, что родители не могут обеспечить надлежащие материально-жилищные условия их содержания.

И что из того, что рыдают эти несчастные дети, отобранные у родных матерей, а матери, лишившись детей, готовы залезть в петлю? Чиновникам с *дегуманизированным* сознанием мнится, что в чужой семье, щедро поддержанной властями, ребенка, насильственно отобранному у родных родителей, будет комфортнее.

А на предложение выплачивать матерям-одиночкам не издевательские 300 рублей на ребенка, а сумму, равную хотя бы прожиточному минимуму, отвечают, что в таком случае не будут регистрироваться фактические браки. Может быть и не будут, но только в тех семьях, где отцы, получающие мизерную зарплату, не в состоянии достойно обеспечивать своих детей. Однако в любом случае, такие предположения не должны быть причиной экономии на детстве, если мы хотим реально снизить социальное сиротство в стране.

В свое время, в начале 90-х, по приглашению ректора Академии социальной работы Вены Хайнца Вильфинга я ознакомилась с тем, как решаются эти проблемы в Австрии, где практически нет такого явления, как социальное сиротство. Там же, при Академии, находился дом гостиного типа, в котором проживали молодые одинокие мамы до 6-летнего возраста их детей. Государство содержало их, а затем социальные работники помогали им трудоустроиться, снять квартиру и начать самостоятельную жизнь.

В России же из федерального бюджета одинокие матери получают пособие в размере аж 300 рублей, что как раз хватает на один пакет памперсов. Не возбраняются доплаты из регионального бюджета, который, за исключением Москвы и нефтегазодобывающих районов, более чем скуден.

А между тем, в России 29% детей рождается вне брака и разводы составляют 65% от заключенных браков. И прежде чем судить матерей, бросающих детей, не лучше ли ответить на вопрос, а может ли молодая одинокая женщина, зачастую лишенная поддержки родных, содержать ребенка на 300 рублей? Однако на этот вопрос не только не ответили, но даже и не задалась им ни наши думцы, ни правительство, ни пламенные оппозиционеры.

Не ответили мне на этот вопрос и наши руководящие товарищи, которым я задала его в письмах, направленных в Правительство на имя Вице-преьера, отвечающего за социальную политику О.Ю. Голодец, Вице-спикеру Государственной Думы С.И. Неверову, которому поручено заниматься проблемами социального сиротства, не ответил мне и уполномоченный по правам ребенка при Президенте РФ П.А. Астахов.

Впрочем, игнорировать вопросы трудного детства, заданные не только в письмах, но и публикациях таких изданий как «Парламентская газета», органе Федерального собрания Российской Федерации, который читают и в Совете Федерации, и в Думе, и в Правительстве, стало очевидно привычной нормой эффективных менеджеров, экономящих на семье и детстве. А ведь именно в «Парламентской газете», в марте 2010 года, я опубликовала статью, в которой писала, что ФЗ№120, «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», принятый в 1999 году не отменен, но лишен финансового обеспечения. Последующие законы, подготовленные эффективными менеджерами, оптимизировали государственные расходы на семью и детей. Так ФЗ №131, разграничивающий полномочия федерального, региональных и муниципальных органов власти, перевел разные социальные выплаты и в том числе, расходы на школьное питание детей из малообеспеченных семей на региональный уровень. В результате чего в дотационных районах, которых у нас большинство, чуть не треть школьников сидят на уроках голодными, поскольку у многодетных родителей, одиноких матерей нет денег на школьные обеды своих детей. И неудивительно, что многие призывники не проходят медкомиссию как недобравшие вес и в регионах открывают для них «откормочные» лагеря — либо недокормленных новобранцев для откормки помещают в военные госпитали.

Однако эти дети из малообеспеченных семей не только не имеют полноценного питания, но и условий для полезного организованного досуга, развивающего их таланты и способности, поскольку учреждения дополнительного образования, то есть музыкальные, спортивные, художественные школы, разные кружки и секции переведены вообще на нищий муниципальный бюджет, и стало быть, стали платными и недоступными для них.

Но особенно тяжелый урон охранно-защитной превенции, положенной в основу ФЗ №120 нанесен введением подушевого финансирования в образовании, когда зарплата учителя зависит от количества учеников. Что и «вымыло» из школ психологов, социальных педагогов, призванных оказывать профессиональную помощь детям с проблемами в развитии и их родителям. И конечно же, в таких условиях стало не до классов КРО, в которых по индивидуальным коррекционно-развивающим программам должно обучаться 10-12 человек. И если к 2000 году в России, в классах КРО обучалось почти

600,000 учащихся, и при этом учителя, директора школ и родители повсеместно приветствовали эту систему, то с введением подушевого финансирования классы КРО были практически ликвидированы.

Разрушительней всего подушевое финансирование сказалось на малокомплектных сельских школах, которые по решению оптимизаторов — эффективных менеджеров должны заменить школьные автобусы. Из окон столичных кабинетов конечно не видно, что представляют российские дороги в весенне-осеннюю распутицу и в снежные зимние заносы, когда они становятся совершенно не проходимыми, лишая сельских школьников получить полноценное начальное и среднее образование. И мы не знаем, сколько сегодня возможных Ломоносовых осталось неучами, сколько сельских учителей, отдававших сердце детям, осталось без работы, сколько деревень лишилось последнего очага культуры, каким были школы.

Участники Всероссийской конференции «Социальное партнерство психологии, культуры, бизнеса», приуроченной к 15-летию нашего консорциума «Социальное здоровье России», которую мы проводили в 2006 году, когда только шел эксперимент по введению подушевого финансирования, принял тогда очень решительную резолюцию. Эта резолюция гласила, что подушевое финансирование в образовании противоречит национальным государственным интересам России, и при этом были приведены весьма убедительные аргументы и доводы. Резолюция всероссийской конференции была направлена не только в Министерство образования, но и вице-премьеру российского правительства Д.А. Медведеву, курирующему этот эксперимент. В ответ были получены отписки из Министерства образования.

Оптимизаторы добрались не только до образования, но и до здравоохранения тоже. И также, первыми жертвами этой оптимизации стали сельские жители, когда на селе стали массово закрываться фельдшерско-акушерские пункты, а в оставшихся — запрещено продавать самые элементарные лекарства вплоть до йода, таблеток от головной и сердечной боли, поноса и прочее. Дошли до того, что стали закрывать сельские роддома в районных центрах, обрекая рожениц рожать на дому, либо в машинах скорой помощи при транспортировке в областной центр. В городах начались перебои с лекарственным обеспечением таких тяжелых и распространенных заболеваний как диабет и онкология. В прессе появилась информация, что в России обеспечивают обезболивающими наркотиками

только 18% раковых больных в последней стадии. Да и получить эти разрешенные 10 ампул можно лишь, собрав 8 подписей в разных инстанциях. При этом не факт, что собрав эти подписи и набегавшись по инстанциям, можно приобрести это лекарство и облегчить страдания умирающего человека, т.к. продаются они в специализированных аптеках, которые в большом дефиците и имеются не в каждом населенном пункте. А разрешение с 8-ю подписями действует всего 5 дней.

Вот и умирают больные раком в страшных муках на глазах беспомощных родных. Не выдержав этих страданий, застрелился контр-адмирал В.М. Апанасенко. В предсмертной записке он написал, что не столько не хотел мучиться сам, сколько мучить родных. И снова причиной этого «людоубийства» стали бюрократические заморочки оптимизаторов — эффективных менеджеров.

В России не только не хватает обезболивающих лекарств, но и имеется катастрофический дефицит врачей и медсестер. По признанию министра здравоохранения Вероники Скворцовой, на 1 января 2013 года дефицит врачей составил 40 000, медсестер и фельдшеров — 270 000. А как можно преодолеть этот дефицит, если должностной оклад врача составляет от 4 400 до 6 082 рублей? Плюс совместительство: максимум 50% от оклада, плюс компенсационные выплаты: максимум 80% от оклада. И того, от 12 220 до 13 885 рублей. Единственный возможный источник дохода — платная медицинская помощь, которой далеко не в каждом бедном регионе люди могут воспользоваться. Особо оптимизаторы «позаботились» о психиатрах, которым сократили льготы, добавили нагрузку и тем самым, отбили желание у молодых получать эту сложную, угрожающую ранним профвыгоранием профессию.

И при катастрофической нехватке врачей и медсестер, не желающих работать за нищенскую зарплату, эффективные менеджеры не скупятся на многомиллионные и многомиллиардные расходы на закупку дорогостоящего медицинского оборудования, зачастую простаивающего из-за отсутствия специалистов, способных его использовать.

И что из того, что не хватает врачей и медсестер и простаивает дорогостоящее оборудование? Зато на этих дорогостоящих и бесполезных закупках можно неплохо отпилить из бюджета, о чем регулярно свидетельствуют заведенные уголовные дела.

В НИИ и вузах тоже ввели эту порочную практику вместо нормальной, достойной зарплаты предлагать преподавателям

и научным сотрудникам зарабатывать на грантах, при распределении которых чиновникам можно неплохо поживиться на откатах.

Что из того, что для серьезных открытий требуются годы напряженного исследовательского труда, а не те несколько месяцев, которые отведены для отчета по грантам. Что из того, что профессорско-преподавательскому составу нужно время не только и не столько, чтобы отрабатывать гранты, сколько для подготовки лекций, отслеживания научных новинок, для работы над студенческими курсовыми и дипломами.

Но ведь чтобы обеспечить нормальную продуктивную работу ученых-исследователей и высокопрофессиональную подготовку специалистов в вузах, нужна достойная зарплата ученым и преподавателям, как это и было в советское время. Но в том-то и дело, что эффективные менеджеры-оптимизаторы в силу своего непрофессионализма не способны предвидеть, как скажется на конечном результате их экономия. Да и не столько они озабочены конечным результатом, сколько созданием благоприятных условий для отпиллов и откатов.

Жертвами оптимизации стали без малого 100 000 лесников, которых успели оптимизировать накануне аномально жаркого лета 2010 года, когда по всей России полыхали леса, а в Москве нечем было дышать от задымления горящих подмосковных лесов.

Но, пожалуй, самыми беспрецедентными стали результаты оптимизации в Министерстве обороны, куда Министром был назначен «эффективный менеджер», мебельщик Анатолий Сердюков. Свою оптимизацию армии Сердюков начал с военных психологов, врачей, заместителей по военно-воспитательной и военно-социальной работе. В целом состав занимающихся воспитанием солдат сокращался на 71%. При этом военные психологи, как и военврачи, лишались воинских званий.

Армейская психологическая служба начала формироваться и действовать с 1998 года. Все это время я дружила и сотрудничала с военными психологами. Диагностико-коррекционные наработки нашего консорциума «Социальное здоровье России» оченьгодились военным, поскольку их контингент в значительной степени состоял из наших дезадаптированных подростков, выходцев из так называемых семей группы риска. Молодые полковники, стоящие у истоков армейской психологической службы, Александр Кучер в Минобороны и Игорь Соловьев во внутренних войсках МВД, были настоящими энтузиастами своего дела, имели хорошую про-

фессиональную подготовку, полученную в военно-политической Академии, а также, личный боевой опыт, приобретенный в Чечне. Проблем, стоящих перед армейскими психологами, было много, и все они были остро-злободневными. Дедовщина и самоубийства, а еще расстрелы своих сослуживцев, а то и командиров, совершаемые солдатами, что в первую очередь и побудило введение психологической службы в армии. Введя диагностику нервно-психической устойчивости новобранцев, которая определяла, кому можно доверить боевое оружие, а кто, прежде, нуждается в психокоррекции, военные психологи практически искоренили такое зло, как расстрелы солдатами своих сослуживцев. За 10 лет армейской психологической службы в 2 раза сократилось число самоубийств. Были наработаны эффективные методы психологической реабилитации посттравматического синдрома, полученного солдатами и офицерами — участниками боевых действий в Афганистане и Чечне, что подрывало их психическое здоровье и делало опасным их поведение не только в армейских условиях, но и на гражданке, приводя как к самоубийствам, так и преступлениям, совершенным в состоянии эмоционального взрыва и неуправляемости.

И хотя военных психологов было еще недостаточно, где-то в среднем один на 600 солдат, тем не менее, успехи психологической службы были налицо. Что, однако, не помешало Сердюкову практически ликвидировать армейскую психологическую службу, оставив одного психолога на бригаду, то есть, на 5000-7000 человек, лишив еще при этом и воинского звания.

Поскольку я не просто дружила и сотрудничала с военными психологами, но еще была и членом координационного Совета по психологической работе в Вооруженных силах при Министерстве обороны, кстати, одно гражданское лицо и женщина в составе этого Совета, куда помимо руководителей армейской психологической службы входили руководители психологических служб МВД, МЧС, ФСБ, — я не могла оставаться равнодушной к этому варварскому разгону военных психологов. И посему, я написала письмо в Совет Безопасности, которое озаглавила «Как будет укрепляться в армии дисциплина и боевой дух солдат? Силой кулака или воспитанием»? В этом письме, перечислив все успехи армейской психологической службы и в ликвидации расстрелов, и в 2-х кратном сокращении самоубийств, я также, как психолог, дала оценку и прогноз последствий приказа Министра обороны

№400 от 2 августа 2008 года, по которому проблемы воспитательной работы в войсках решались введением награждения деньгами лучших офицеров. При этом часть, занявшая первое место, получала право на поощрение 50% офицеров, второе место — 45%, третье место — 40%. Для этого из бюджета выделялось 25 миллиардов рублей, которых как раз бы хватило на выплату зарплаты всем военным психологам, врачам и замам по воспитательной работе, а заодно и культработникам и военным журналистам.

И конечно, только оптимизаторы и эффективные менеджеры могут не понимать, какой разрушительный психологический эффект для армии несет это нововведение. Русский национальный характер, как и отличительная черта русского солдата, выковывалась веками, начиная с Куликовской битвы, в многочисленных войнах и сражениях за свой национальный государственный суверенитет. И отличительными чертами русского воинства, позволявшими осилить своих многочисленных и грозных противников, были стойкость, мужество, сплоченность, стремление не к личному успеху, а к общей победе. «Положи живота за други своя» — так напутствовали православные священники русское воинство. А способствует ли сплоченности, коллективизму и готовности «положить живота за други своя» ситуация, когда из трех взводных, выполняющих одну и ту же задачу, один получает 60000, а остальные — 15000 рублей? Помимо того, что это посеет конфликтность в отношениях офицеров, это также неизбежно будет провоцировать коррупцию в армии, связанную с распределением выделенных на поощрение денег.

И в конечном счете, именно это поощрение будет способствовать искоренению важнейших качеств русского солдата: сплоченности, коллективизма и чувства товарищеского локтя в самых рискованных и опасных операциях.

Однако все эти доводы, изложенные в моем письме, очевидно, сочли неубедительными, поскольку я получила очередную отписку за подписью заместителя министра обороны. Неубедительными сочли и тот факт, что в большинстве спецназовских частей отказались поощрять лучших и предпочли делить деньги, выделенные на их поощрение, на всех офицеров, выполняющих одинаково опасные для жизни задания.

Однако аппетиты Министра-оптимизатора не ограничились ликвидацией психологической службы. Да и как они могли ограничиться только этим, когда в Минобороны было столько недвижимости и земли, которые можно было по дешевке,

по заниженным в разы ценам спустить с молотка, для чего Министром предусмотрительно был учрежден «Оборонсервис» во главе с его близкой подружкой, госпожой Васильевой.

И когда, наконец, прокуратура заинтересовалась оптимизаторской деятельностью «Оборонсервиса», то насчитала общих убытков на 12 миллиардов рублей, принесенных только этой организацией, а еще сотни миллионов было растрчено неоправданным завышением цен на закупку и ремонт оборудования и техники, коммунальное и бытовое обслуживание. Лишними для Министра — эффективного менеджера оказались и многие военные Академии, готовящие командный состав нашей армии, включая прославленную Академию имени Жуковского в Монино, где когда-то учился летному мастерству Юрий Гагарин, другие космонавты и летчики-герои Советского Союза.

Однако при всех этих миллиардных хищениях экс-министр Сердюков выступает всего лишь в роли свидетеля, поскольку он предусмотрительно помимо «Оборонсервиса» учредил еще десяток фирм, распоряжающихся имуществом и другими жирными кусками Минобороны, и назначил их руководителями еще десяток молодых симпатичных блондинок, на чью ответственность и возложена вся эта преступная деятельность по расхищению и разбазариванию имущества Минобороны, а стало быть, и по подрыву обороноспособности страны. По закону военного времени за такую деятельность полагается ревтрибунал и расстрельная статья. Мы, к счастью, живем в мирное, но далеко небезопасное время. Достаточно вспомнить, как в 1999 году США бомбили мирные города Югославии, способствовали свержению правительственных режимов в странах ближнего Востока, в Ираке, Ливии, Египте, закончившемуся кровопролитными гражданскими войнами в этих странах. Не меньше наши западные «друзья» заинтересованы и в ослаблении обороноспособности России. Так что миллиардные хищения в Минобороны следует рассматривать не только как экономические преступления, но и с позиции государственной безопасности страны.

Увы, если бы миллиардные хищения обнаружили только в одном Министерстве обороны! Не отстало от него и Министерство сельского хозяйства, где в бытность экс-министра акушерки госпожи Елены Скрынник также через подставную фирму ОАО «Росагролизинг», которой она вместе со своим братом и матерью руководила до своего назначения министром, были расхищено 39 миллиардов, выделенных на подъем

сельского хозяйства. Госпожа Скрынник, не имеющая никакого отношения к сельскому хозяйству, как и Сердюков к армии, очевидно, также была назначена на пост министра, отвечающего за продовольственную базу страны, как подающий большие надежды эффективный менеджер. И также, как Сердюков, она всего лишь свидетель по делу миллиардных хищений в своем Министерстве, что отнюдь не мешает ей жить со своими детьми в Англии, приютившей не одного нашего олигарха, спасающегося от правосудия.

Настоящий Клондайк для воров и расхитителей — это крупные строительные мегапроекты. Например, было потрачено 690 млрд. рублей на подготовку саммита АТЭС во Владивостоке, гостиницы где так и не сделаны, а аэропорт, рассчитанный на 5 млн. пассажиров, обслуживает 1,9млн., и аэроэкспресс приносит одни убытки.

Нашлись миллиардные средства на строительство подмосковного наукограда Сколково, затеянного Правительством, несмотря на то, что у нас уже есть добрый десяток построенных в советское время научных городков, где пока еще сохранились кадры, научные школы и увы, устаревшее оборудование, для обновления которого, а заодно и на повышение зарплаты научным сотрудникам и аспирантам, чтобы остановить утечку мозгов на Запад, очень быгодились сколковские миллиарды. Но, очевидно, многомиллиардные мегапроекты планируются с большим запасом еще и для того, чтобы хватало на миллиардные распилы и откаты, которые всякий раз обнаруживают прокурорские проверки.

Генпрокуратура объявила, что из 50 млрд. рублей, выделенных в Сколково на исследования, половина средств размещена на векселях под весьма низкий процент и в итоге, с депозитов перечислена в виде беспроцентных займов на счета аффилированных организаций. Без всяких экспертиз было выделено 17 грантов на 3,6 млрд. руб. в большинстве — членам грантового комитета, т.е. себе, любимым. Можно было также отпилить от рекламных и консультационных услуг, в десятки раз превышающих реальную стоимость. В наукограде, где трудятся далеко не глупые люди, нашлись и другие способы умыкания бюджетных средств. Можно только удивляться, как Россия выдерживает все эти многомиллиардные хищения, распилы, откаты.

И уж совсем не поспешили на строительство объектов сочинской олимпиады. Изначально было запланировано 50 млрд. рублей, что в 10 раз превосходило затраты на преды-

дущую олимпиаду в Ванкувере. В итоге — потрачено значительно больше, только 214 млрд. руб. из бюджета и еще трудно подсчитываемая сумма привлеченных средств. По оценкам независимых экспертов, сочинская олимпиада обошлась в 1,5—1,6 трлн. рублей.

Естественно возникает вопрос, а сколько из этих миллиардов осело в частных карманах? Неутомимый Алексей Навальный занялся выяснением этого вопроса. Учитывая его опыт в разоблачении пилльщиков госбюджета, можно надеяться, что и эта разоблачительная деятельность по расходованию баснословных средств, ушедших на Сочи, не будет безрезультатной.

И не случайно, в народе Навальный, несмотря на заведенные на него уголовные дела, пользуется поддержкой. А москвичи при выборе мэра столицы отдали за него 27% голосов.

Как беззастенчиво растут расходы на стройках, можно продемонстрировать на строительстве шоссейных дорог. Так, если в 2000 году построили 3,9 тысяч километров шоссейных дорог за 1 миллион 600 тысяч, то в 2010 году — 1,6 тысяч дорог за 442 миллиарда.

Кроме прямых хищений есть еще и такая возможность уходить от налогов в государственную казну как офшорные зоны. Заблокированными на Кипре банковскими счетами оказались десятки компаний наших олигархов, включая Романа Абрамовича, Алишера Усманова, Алексея Мордашова, Владимира Потанина и Олега Дерипаски. И что уж совсем непонятно, как в этом же списке оказались те или иные госструктуры, например, Богучанская ГЭС, которой владеют в равных долях «Русгидро» и «Русал» Олега Дерипаски, и 97,5% которой принадлежит кипрскому офшору.

Что же тогда удивляться, что Россия уверенно лидирует в мире по числу миллиардеров, занимая второе место после США. Наверно этим можно было бы гордиться, если бы не было такого ужасающего разрыва между уровнем жизни этих миллиардеров и подавляющего большинства населения страны, треть которой живет за чертой бедности. И когда олигархи скупают за рубежом футбольные клубы, фешенебельные особняки и умопомрачительные яхты, большая часть их соотечественников прозябает в нищете, живет без газа, водопровода, телефонной связи, по бездорожью топя десятки километров в школы и больницы.

Как не согласиться с современным поэтом-бардом Володи Турпиным, который поет «Легла страна у стен Крем-

ля и только тля жирует». С Володей познакомилась я случайно, хотя, как известно, ничего случайного не бывает. Я приобрела сборник стихов у молодого человека, прогуливающегося по Гоголевскому бульвару со стопкой своих книг и разговорилась с ним. Оказалось, что помимо сборников стихов у него еще есть целый набор дисков с записями песен на его слова в собственном исполнении и в собственном гитарном сопровождении. С какой болью поет этот парень, выросший в тверской деревне, о том, что происходит с нашим народом и страной, вспоминая при этом и своих дедов, не вернувшихся с войны, и ребят, воевавших в Чечне, и Александра Пересвета, вышедшего на Куликовском поле на бой с татарским богатырем Челубеем. Однако сквозь эту боль в его стихах просвечивается не только надежда, но и уверенность, когда он поет:

Но нам ли слушать злые причитанья,
Распята Русь, распят был и Христос.
За преступлением будет наказанье,
Быть иль не быть, не наш, а их вопрос.

Тде же выход?

Когда-то русский философ Иван Ильин, находясь в эмиграции в 30-40-е годы, предсказывал не только неизбежное падение советского режима, но и неизбежность губительных последствий для России демократии, в случае, если она установится на постсоветском пространстве. Он считал, что тоталитарный режим готовил не политиков, а до смерти напуганных карьеристов, пролаз и доносчиков, лишенных государственного кругозора, честности и чувства ответственности, которые все погубят, а затем изловчатся и скроются.

«Страна, лишенная необходимых предпосылок для здоровой творческой демократии, — писал философ, — не должна вводить у себя этого режима до тех пор, пока эти основные предпосылки не будут созданы. До тех пор, введение демократического строя может быть только губительным для страны».

А еще Ильин предупреждал, что для России, с ее национально-историческим опытом, многонациональностью, огромной территорией, православным вероисповеданием и русским национальным характером не подходит и даже вреден западноевропейский социально-политический уклад. Зная не по учебникам, а по собственному опыту западные страны, русский философ писал: «Западная Европа и Америка, не знающие Россию, не имеют ни малейших оснований навязывать нам какие бы то ни было политические формы, — ни демократические, ни фашистские... Россия не спасется никакими видами западничества, ни старыми, ни новыми».

Но младорекреформаторы, возглавившие Совет министров: Егор Гайдар, Анатолий Чубайс и их команда, взросшие в лабораториях НИИ, не читали И.А. Ильина, как и не знали и не хотели знать России и ее народа. Главными авторитетами для них были гарвардские советники, среди которых, как позже выяснилось, были штатные сотрудники ЦРУ, после возвращения в США привлеченные к суду за незаконное обогащение. Проведенная ими ускоренная приватизация обернулась приватизацией природных ресурсов и всех прибыльных производств, обнищанием народа и депопуляцией, вымиранием населения России, когда, начиная с 1992 года, смертность

почти на миллион человеческих жизней стала превышать рождаемость. Игнорировали младореформаторы и доводы видных российских экономистов, предлагающих многоукладную экономику, при которой приватизируются лишь небольшие предприятия и сфера обслуживания, то есть путь, по которому успешно пошел Китай, игнорировали они и массовые народные протесты, и мнение депутатов Верховного Совета. В результате, это противостояние закончилось в октябре 1993 года расстрелом Белого дома, где заседал несогласный Верховный Совет, на что пошел Ельцин, не без основания опасаясь еще большего кровопролития и развязывания гражданской войны. И все это совершалось под вполне благовидным предложением недопущения возврата коммунистического режима, доводом, в который верили многие, в том числе и я. Вспоминаю, как я возмущалась сельскими жителями в своей Колокше, которые козлов называли рыжими Чубайсами, выражая, таким образом, отношение народа к политике младореформаторов.

Так что пророческими оказались предсказания Ильина, что гибелью грозит неподготовленной, постсоветской России навязанная Западом демократия и ускоренная приватизация, породившая российских олигархов, присвоивших созданный народным трудом промышленный потенциал и природные богатства, принадлежащие народу.

Вместо гибельной демократии, к которой не готова постсоветская Россия, выход видел Ильин в национальной, патриотической, отнюдь не тоталитарной, но авторитарно-воспитывающей и возрождающей диктатуре, в очищении и покаянии русского народа, возвращении к Богу, в лоно православной веры, скрепляющей и объединяющей русский и другие народы, которым православие никогда силой не навязывало свое вероисповедание.

Но вот вопрос, откуда и как появится личность патриотического и воспитывающего диктатора в стране, где десятилетием правил режим, державшийся на страхе, насилии и обмане. Увы, на этот вопрос не ответил философ, живший в эмиграции и не полностью понимавший, как живет и выживает русский народ в условиях этого режима. Он умер в 1954 году и не дожил до 20-го съезда КПСС, на котором Н.С. Хрущев прочитал свой знаменитый доклад, развенчивающий культ личности Сталина, жертвами которого стали миллионы наших сограждан, безвинно осужденных, расстрелянных, замученных пытками и Гулагом, с его непосильным трудом и полуголодным существованием в условиях крайнего севера и Колымы.

А ведь Хрущев жил при Сталине и не просто жил, а верой и правдой служил ему, сделав при этом головокружительную карьеру, дорастя до секретарей ЦК. А кроме того, он входил в число людей из ближайшего окружения вождя и развлекал его, отплясывая гопака на ближней даче, где Сталин проводил свои бессонные ночи. И при всем при этом, какой же протест зрел в его душе, который он был вынужден так искусно маскировать! Хрущеву страна обязана десятилетием оттепели, когда не только были освобождены и реабилитированы эти невинно осужденные жертвы культа личности, но и на авансцену культурно-политической жизни страны вышли так называемые шестидесятники, молодые люди, вдохнувшие глоток свободы и освободившиеся от гнета страха перед сталинским беспощадным режимом. И появились новые, невозможные ранее, идеологизированные фильмы и книги, и лирическая, обращенная к душе человека поэзия, когда молодые поэты Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Бэла Ахмадулина читали свои стихи в переполненном зале Политехнического музея. А студенческая молодежь всей страны с увлечением распевала под гитару песни Окуджавы и Визбора.

Но противоречивый и сумасбродный Никита Сергеевич, в своем стремлении смести все сталинское наследие в отместку вождю, во время войны вспомнившему о спасительной силе православия и возродившему патриархию, вернувшему богослужение в Троице-Сергиевой Лавре и других монастырях и храмах, снова со всей большевистской разрушительной энергией занялся богоборчеством, каяться в котором призывал когда-то Ильин. И снова в недрах партийного аппарата, теперь уж при живом Генеральном секретаре, созрел заговор, и Никита был свергнут. Однако его уроки не прошли даром. Это свержение закончилось только домашним арестом, а не расстрелами самого Хрущева и его сподвижников.

Пришедший на смену Хрущеву Л.И. Брежнев не отличался кровожадностью. Хлебнувший и страха времен культа личности, и ужасов войны, участником которой он был, Брежнев хотел покоя и стабильности себе и народу, обеспечив стране 18 лет спокойного застоя и стагнации. Но увы, это довольно безобидное и спокойное время тоже принесло свои неожиданные плоды. Народу надоело жить во лжи и славословии непогрешимой КПСС. Одни, немногие, выражали свой протест открыто и становились диссидентами, другие, а их было подавляющее большинство, травили антипартийные анекдоты на кухнях и носили на демонстрациях вместе с портретами членов политбюро за пазухой чекушечки, цинично относясь

к советским праздникам как возможности выпить и закусить в дополнительные нерабочие дни. И опять в недрах славословящего режима вызревали Горбачев и Ельцин, которые так же, как когда-то Хрущев, успешно делали партийную карьеру, и, дослужившись до секретарей ЦК, тайно вынашивали свои планы смены этого режима.

Сделав головокружительную партийную карьеру, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, М.С. Горбачев, очевидно, так же, как и весь народ, уставший от лжи и славословия, объявил гласность и перестройку, последствия которых превысили все ожидания. Народ, начитавшийся ранее скрываемых секретных документов и запрещенных книг и уверовав в свободу, вывалил с кухонь на площади и проголосовал за взбунтовавшегося партийного карьериста Б.Н. Ельцина и демократов. Однако плоды демократии, скроенной по западным лекалам, глубоко разочаровали не только народ, но очевидно, и самого Бориса Николаевича. И он на Новый, 2000 год публично, по центральному телевидению, объявил, что уходит с поста Президента и попросил прощения у дорогих россиян. Не злобен русский народ и готов многое прощать, тем более что уходящий Ельцин подготовил преемника, на которого россияне возлагали большие надежды.

Казалось бы, что преемник соответствует всем качествам, которые по Ильину обеспечивают патриотическую воспитывающую диктатуру. И как пел Володя Турапин — «Он КГБист, он дзюдоист, он вышел из народа», а стало быть — это волевая сильная личность, знающая народ и его нужды, способная позаботиться о своем обнищавшем и вымирающем народе. И к тому же, В.В. Путин — верующий православный человек, и по телевизионным каналам в православные праздники все видят его на богослужении в храмах. О возвращении в лоно православной церкви, как обязательном условии возрождения России также писал И.А. Ильин.

Президент Путин, оправдывая народные ожидания, начал с того, что остановил тенденцию распада России, поставив на место зарвавшихся национал-сепаратистов в Республиках, повел жесткую политику подавления ваххабистов в Дагестане и Чечне, закрепил централизованную власть, введя федеральные округа и наделив их властными полномочиями. При Путине всесильный Борис Березовский, серый кардинал при российском правительстве стал опальным олигархом, укрывшимся от правосудия в Англии. Путин предложил создание «Евразийского экономического содружества» и создание «Единого экономического пространства», включающего Россию, Бе-

ларусь, Украину, Казахстан, что означало, на практике, реализацию тезиса о многополярном мире взамен однополярности, при которой единовластно и безраздельно правили США. Путин обратился к чувству патриотизма россиян, о котором ранее стыдливо не упоминалось. Все эти первые шаги начинающего президента Путина не могли не вызвать поддержки, чувства доверия и надежды у разуверившихся россиян.

Однако, как известно, один в поле не воин, нужна команда, на которую президент может опираться, проводя свою социально-экономическую политику. И как опять же писал И.А. Ильин, размышляя о будущем России, править должны лучшие, люди совестливые и храбрые, выдвинувшиеся не закулисными нашептываниями и интригами, ни сословием и партийной принадлежностью, а своими личностными качествами: умом, честностью, верностью, творческой способностью, волей. Очевидно, это понимал и Владимир Владимирович, поскольку набрал команду из своих друзей и знакомых по юридическому факультету ЛГУ, где в свое время учился и работал, а еще — коллег по своей службе в КГБ, которым вполне доверял и считал, что все эти близкие знакомые питерцы вполне справятся с задачами управления российским государством.

И питерские юристы круто взялись за дело государственного управления. Перво-наперво они решили провести кардинальную реформу органов государственной власти под весьма благовидным предлогом сокращения чиновничьего аппарата. И ничего лучшего не придумали, как помимо министерств создать агентства, в функции которых входило финансирование ведомственных программ, в то время как за состояние дел в ведомстве отвечали министерства, лишённые экономического рычага. Полтора года, с 2004 и до половины 2005, пока утрясались эти структуры и комплектовался их штат, страна обходилась без централизованного министерского управления. Да и после выяснилось, что министерства, не располагающие в полной мере финансовыми ресурсами, не могут полноценно управлять и потому сосредоточились над бюрократическим бумаготворчеством. И это у них стало здорово получается. Что и говорить, когда инструкция, по которой мы в 2005 году должны были заполнить заявку на получение гранта в агентстве соцзащиты, насчитывала почти 100 пунктов, а папка со всеми ответами на эти пункты и затребованными документами по размеру превосходила докторскую диссертацию. И надо видеть, какую необозримую стопу документов ежеквартально готовит бухгалтер в налоговую инспек-

цию и разные фонды. От бюрократии стонут все, и не только бухгалтер, но и учителя, врачи, научные сотрудники, преподаватели вузов, тратя свое время и силы не на продуктивную деятельность, а на бесполезное бумаготворчество. А что же в результате произошло с сокращением чиновничьего аппарата? Он вырос почти в два раза! По крайней мере, все правительственные здания, которые ранее в Москве занимали союзные и республиканские Министерства и ЦК КПСС, забиты до отказа российским чиновничеством.

С приходом к власти питерских юристов возникло еще такое новое явление, как откаты. Об откатах я, с 1991 года тесно сотрудничая с Минсоцзащитой, Минобразованием, Госкоммолодежи, когда наш консорциум «Социальное здоровье России» выполнял программы, финансируемые этими ведомствами, не слышала вплоть до 2004-2005 года. И посему, последние заявки на выполнение госзаказов по разработке и изданию пособий и практикумов по психосоциальной работе мы сделали в 2005 году и на этом прекратили сотрудничество с российским правительством. Во-первых, потому, что я не хочу и не умею давать взятки и делать откаты, а во-вторых, просто жаль своего времени и сил на заполнение этих инструкций, с сотней искусственно надуманных чиновниками пунктов.

Но самое печальное, что правящие питерские юристы, не зная и не вникая в суть и содержание реального состояния дел своих подопечных ведомств, клонули на идею оптимизации, подsunутую эффективными менеджерами, знания и опыт которых ограничены компьютерной грамотностью, позволяющей мыслить в пределах компетенции бухгалтера-счетовода, не способного прогнозировать последствия сиюминутной экономии. Отсюда пошла мода на эффективных менеджеров, которым, как мебельщику Сердюкову и акушерке Скрынник, доверялось руководство Министерством обороны и Министерством сельского хозяйства, к которым они не имели никакого отношения, что, однако, не мешало успешно оптимизировать государственные средства в частные карманы.

Эффективные менеджеры начали повсеместно вытеснять профессионалов. Профессионализм обесценился, что открыло путь к власти пройдохам, взяточникам, коррупционерам, озабоченным, прежде всего, собственной карьерой и обогащением. Отсюда — невиданные по масштабам и цинизму воровство и хищения государственного бюджета и дегуманизация государственной политики и общественного сознания. Дегуманизованное сознание — вот что, прежде всего, род-

нит юристов, воспитанных советской юриспруденцией на принципах карательного права и эффективных менеджеров, озабоченных сиюминутной экономией и наполнением собственного кармана в первую очередь.

И все больше и со всей очевидностью становится понятно, что российская политика не может больше строиться по бесчеловечным и безнравственным принципам эффективных менеджеров. И может быть эти тяжкие испытания разнужданным воровством, цинизмом и хищениями высокопоставленных коррупционеров посланы России для осознания ее народом необходимости духовного очищения, покаяния и христианского человеколюбия, о чем, кстати, и писал в свое время И.А. Ильин? «Страдания и унижения русского народа должны умудрить и очистить его, пробудить его сердце и укрепить его волю».

Решительность и воля нужны народу и российскому президенту, чтобы искоренить взяточников и коррупционеров, осознать пагубность государственной политики, проводимой не профессионалами, а эффективными менеджерами в интересах бессмысленной и губительной оптимизации, а не в интересах народа и страны.

И за эту тяжкую и небезопасную работу по очистке страны от высокопоставленных коррупционеров и взяточников, умыкающих капиталы через офшоры и подставные фирмы-однодневки, Путин, наконец, взялся. И хочется верить, что с Божьей помощью, он доведет эту борьбу до конца. А главное, сделает правильный вывод из трагических событий на Украине, президент которой, господин Янукович, погрязнув вместе со своими приближенными в коррупции, потерял доверие населения, не смог дать жесткий отпор вооруженным националистам и потерял не только власть, но и страну.

Трагические события на Украине, где мирные митинги протестующих на Майдане при поддержке политиков США и Евросоюза, завершились вооруженным захватом власти бандеровцами, позволили россиянам в полной мере оценить твердую внутреннюю и внешнюю политику Путина, не допустившего в России оранжевой революции и революции роз, как на Украине и в Грузии и твердо поддержавшего Крым и русскоязычное население Украины.

Насильственный захват власти вооруженными националистами в Киеве совпал с великолепно проведенной сочинской олимпиадой, на которой команда российских спортсменов заняла первое место, предоставив США, претендующему

на мировое господство, довольствоваться четвертым. Поражающие воображение объекты сочинской олимпиады, безупречный сервис, великолепные и вместе с тем содержательные, искусно срежиссированные с богатой фантазией многочисленными артистами, световыми эффектами, зрелищные представления на открытии и закрытии Олимпиады продемонстрировали всему миру недюжинные потенциальные возможности России и ее президента, непосредственно руководившего подготовкой Олимпиады.

И если эти немереные средства и громадные усилия, вложенные в подготовку и проведение Олимпиады, смогли так достойно окупиться, укрепив в мире авторитет современной России, то наше детство, которому в будущем представлять страну и не только, на спортивных аренах, заслуживает не меньших финансовых затрат и заботы со стороны Правительства и президента. И это, в свою очередь, настойчиво требует поменять приоритеты внутренней политики в пользу семьи, детства и гуманизированной, профессионально обоснованной социальной политики.

Для чего и народу и, прежде всего, президенту, не утрачивая авторитет крепкой власти, нужно проделать тяжкую внутреннюю работу по перестройке своего дегуманизированного сознания, прочно заложенного отцом народов и русскими царями реформаторами Иваном Грозным и Петром I. И если, как когда-то Хрущев во времена сталинского культа, а Горбачев в застойные советские времена добросовестно служили этим режимам, внутренне не приемля их и вынашивая планы политического бунтарства, то сейчас перед Путиным стоит еще более сложная задача. Как христианину, ему надо проникнуться главной идеей Иисуса, идеей любви, милосердия, человеколюбия, без чего невозможно истинное собственное духовное очищение и очищение нации. А это очень непросто человеку, сформировавшемуся не просто советской системой, но ее основным аппаратом насилия и принуждения — КГБ. Духовные, моральные, психологические категории сегодня становятся условием государственной безопасности, экономического возрождения и социального обновления российского общества, и в конечном счете, условием будущего существования крепкого, процветающего российского государства и нации.

Времена не выбирают

Это может показаться удивительным, но предсказанное И.А. Ильиным неминуемое падение советского режима началось со школы, а вернее, с педагогов-новаторов, когда 9 известных в стране педагогов, среди которых был знаменитый донецкий учитель математики В.Ф. Шаталов, грузинский доктор психологических наук Ш.А. Амонашвили, директор экспериментальной школы, на практике демонстрирующий успешное обучение и гармоничное развитие учащихся, М.П. Щетинин, — собрались в подмосковном Болшеве, в доме тоже знаменитой семьи Никитиных и провозгласили основные принципы педагогики сотрудничества, которая должна была прийти на смену авторитарной педагогике, насаждаемой в советской школе. Какие же ожесточенные бои развернулись тогда вокруг этой новой для советской педагогической науки педагогики сотрудничества! Научные столпы Академии педагогических наук, созданной в 1944 году отцом народов, призванные научно обеспечивать воспитание и обучение подрастающего поколения в условиях тоталитарного режима, мобилизовали весь свой бойцовский потенциал. Свидетелем этой коллективной расправы над М.П. Щетининым, которую учинили ему в Институте общих проблем воспитания, была когда-то я. И дорогой ценой обошлась мне попытка вступить за Михаила Петровича. А главного редактора «Учительской газеты» В.Ф. Матвеева, предоставившего публичную трибуну педагогам-новаторам, академики вогнали в могилу, доведя его своими нападкамии интригами до онкологического заболевания.

В Тюмени нам с трудом удалось отбиться от агрессивных местных представителей авторитарного воспитания и буквально спасти от гибели директора подросткового клуба «Дзержинец» Г.А. Нечаева, который, сочетая принципы педагогики сотрудничества и макаренковскую педагогическую систему, успешно перевоспитывал в своем клубе трудных подростков, стоящих на учете в милиции.

И надо отдать должное прессе того времени. Тогда, в середине 80-х, во всех центральных и в областных газетах были

журналисты, специализирующиеся на проблемах школы и проблемах воспитания и своим бойким профессиональным пером оказывающие неоценимую и действенную поддержку первым росткам педагогики сотрудничества, пробивающей асфальтовую толщу авторитаризма, насаждаемого десятилетиями советской власти. Не с бунта ли против авторитарной педагогики тогда зарождался и креп в сознании народа массовый протест против единовластия непогрешимой КПСС, который вывел вскоре, в конце 80-х, на площади миллионы протестующих и поддерживающих наших первых демократов. И тогда же, в годы шоковой терапии, устроенной младореформаторами, несмотря на экономический коллапс, переживаемый страной и ее разом обнищавшим населением, массово потянулась молодежь в впервые открываемые в России факультеты социальной работы, социальной педагогики и практической психологии. После введения социальной работы и легализации охранно-защитной превенции уже в конце 90-х в стране было открыто 240 факультетов социальной работы, почти 400 факультетов практической психологии и 80 факультетов социальной педагогики. И несмотря на небольшие зарплаты, которые ожидали их выпускников, абитуриенты поступали на эти факультеты по большому конкурсу. Молодежь первой почувствовала и откликнулась на эту тенденцию гуманизации общественного сознания и социальной политики. Оказалось, что в России были и до поры до времени — пока не сформировался социальный заказ — дремали несметные массы людей, и ученых и практиков, готовых вопреки всем трудностям на деле реализовывать христианские идеи любви и милосердия.

Отнюдь не черствыми бюрократами были и чиновники того времени. Разве без активной действенной поддержки и неустанного пробивания идеи охранно-защитной превенции в начальственных правительственных кабинетах замминистра соцзащиты А.М. Пановым и затем, сменившей его Г.Н. Кареловой, смогла бы быть введена в России социальная работа, психологическая служба для населения, сформирована новая социальная инфраструктура, ориентированная на поддержку семьи и детства, и сама Концепция охранно-защитной превенции приобрела бы законодательную силу и статус? А разве без поддержки сотрудников Министерства образования Г.Ф. Куликовой, Т.Д. Пестич, Д.С. Шилова, И.М. Каманова могла бы быть введена в российских школах психологическая служба и система коррекционно-развивающего обучения для дезадапти-

рованных учащихся? Тогда наше сотрудничество ученых и работников министерств было тесным, хотя и далеко не безоблачным. Порой разгорались нешуточные дискуссии и споры, которые в конечном счете заканчивались компромиссным вариантом, то есть, как любил выражаться М.С. Горбачев, консенсусом.

Но наверно самое тесное сотрудничество, основанное на полном взаимопонимании, сложилось у нас в 90-е годы с Госкоммолодежью, который тогда возглавлял А.В. Шаронов. Тогда Государственный комитет по делам молодежи сосредоточился на создании социальной инфраструктуры, обслуживающей молодежь, подростков, молодые семьи и оказывающей им социально-правовую и социально-психологическую помощь, организующей их досуг, помогающей им в трудоустройстве, занимающейся реабилитацией участников войны в Афганистане и Чечне, то есть инфраструктуры, отвечающей на самые разные запросы и потребности молодежи. Был удачно продуман механизм стимулирования активности в этом направлении региональных комитетов по делам молодежи. Госкоммолодежи ежегодно объявлял конкурсы социальных программ, на которые все области и республики присылали свои программы. Экспертный совет из авторитетных ученых и практиков рассматривал эти программы, отбирал лучшие, которые потом должны были пройти публичную аккредитацию и защиту и, получив дополнительное финансирование, стать опытно-экспериментальной площадкой для обобщения и распространения своего опыта. А.В. Шаронов обратился ко мне с просьбой возглавить этот совет, что было для меня и большой честью и еще большей ответственностью.

Социальные программы, приходящие из регионов, действительно были и очень интересны и очень социально значимы. Вот, например, программа Центра социально-психологической помощи детям, подросткам и молодежи города Кирова «Детство без насилия», предполагающая создание службы срочной социальной помощи детям — жертвам насилия, от которого в своих семьях страдают сотни тысяч детей и около 2000 ежегодно гибнут от рук своих родителей, отчимов, других родственников. Городской молодежный центр города Сургута сосредоточился на организации воспитывающего досуга подростков, военно-патриотических, эколого-краеведческих, спортивно-туристических, культурно-просветительских программах для подростков и юношества. Из Краснодарского края пришла программа адаптации молодежи, готовящей-

ся к освобождению из мест заключения, которую подготовил краевой центр социальной адаптации молодежи в содружестве с воспитателями и психологами Белореченской воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних. Тогда же молодежные центры Перми, Оренбурга, города Бердска Новосибирской области начали заниматься реабилитационной социально-психологической работой с участниками Афганской и Чеченской войны, страдающими посттравматическим психологическим синдромом, служившим причиной, как агрессивных насильственных преступлений, так и суицидов. Американцы в свое время начали создавать такие реабилитационные центры через 10 лет после окончания вьетнамской войны, когда количество солдат-участников войны во Вьетнаме, покончивших жизнь самоубийством, превысило число погибших на этой войне.

Учитывая актуальность этой проблемы, Госкоммолодежи вместе с психологической службой Министерства обороны стал проводить на базе Пермского молодежного Центра «Социум» ежегодные Всероссийские научно-практические конференции по социально-психологической реабилитации участников и жертв военных конфликтов.

В психологической помощи нуждались не только жертвы и участники военных конфликтов, но и молодые семьи, дезадаптированные подростки, наркоманы и суициденты, адепты тоталитарных сект и т.д., что активизировало развитие отечественной практической психологии и освоение ранее неизвестных психосоциальных технологий и психотерапевтических техник. И нужно сказать, в центрах социального обслуживания молодежи стали появляться свои уникальные специалисты в этой области. Вспоминается, как при рассмотрении социальных программ, присланных из регионов, буквально в тупик поставила программа костромского Центра «Социальное здоровье», директор которого Ирина Шемет описала, как в реабилитационной работе с посттравматиками, адептами тоталитарных сект, дезадаптированными подростками используется целая батарея современных психотехник, включая телесно-ориентированную психотерапию, дыхательные техники, гештальт-терапию. Нам пришлось отложить рассмотрение этой программы, поскольку было неясно, действительно ли в Костроме такие на диво продвинутые психологи-практики, или авторы программы просто блефуют в расчете на некомпетентность экспертного совета.

И тогда Андрей Владимирович Шаронов, председатель Госкоммолодежи, который, не вмешиваясь в работу экспертного совета, тем не менее, внимательно следил за ее результатами, позвонил вечером мне домой и попросил съездить в Кострому, чтобы воочию убедиться в реальности программы, предложенной Костромским центром. При этом он любезно предоставил свою машину и объяснил, что до Костромы не больше 4-х часов езды, и я смогу вернуться в тот же день, и эта поездка займет у меня всего лишь один рабочий день. Признаться, я была потрясена тем вниманием, с которым он относился к конкурсу социальных программ и к каждому отдельному заявленному проекту, а заодно и его деликатностью, бережным отношением к моему рабочему времени и пониманием моей занятости.

Однако посещение Костромского центра не меньше удивило и порадовало меня. Там я познакомилась с Ириной Шемет, которая отнюдь не блефовала, а действительно, освоила целую батарею современных коррекционно-реабилитационных психотехник и успешно использовала их в работе с очень непростым молодежно-подростковым контингентом. Это знакомство положило начало нашей многолетней дружбе и сотрудничеству с Ириной, когда я позже оппонировала на защите ее кандидатской, а еще позже, в 2005 году, на защите докторской диссертации, в которой были представлены принципиально новые идеи интеграции различных психотехник, применяемых в работе с разными структурами человеческой психики, что к сожалению, была не готова принимать наша академическая наука психология. И мнение оппонента, который на практике видел успешность применения Ириной интегративной психотерапии, сыграло тогда решающую роль при защите ее докторской диссертации. Таким образом, молодежные центры не только отвечали на острый социальный запрос, но и начинали вносить свой весомый вклад в развитие психологической науки.

Однако, несмотря на важность и эффективность работы Госкоммолодежи, при очередной реорганизации правительства он был ликвидирован и заменен Департаментом молодежной политики в структуре Министерства образования, что, конечно, в значительной степени лишало его самостоятельности. Тогда этот Департамент возглавила заместитель А.В. Шаронова Г. В. Куприянова, которой в этих условиях с трудом удавалось продолжать прежние традиции Госкоммолодежи. При содействии Галины Валентиновны Голландское

посольство и МАТРА-фонд профинансировали тогда трехлетнюю программу «Международная школа психосоциальных технологий», в которой наш консорциум «Социальное здоровье России» вместе с голландскими специалистами обучил 90 психологов молодежных центров, занимающихся реабилитационной работой с посттравматиками, участниками военных конфликтов, наркоманами и их родителями. Однако, затем и этот департамент был ликвидирован и влит в департамент, где молодежная политика значилась через запятую и в конце списка самых разных проблем и направлений.

И вот наконец, при очередной реорганизации в 2004 году, было учреждено Федеральное агентство по делам молодежи, которое должно было распоряжаться государственным бюджетом, выделенным на молодежную политику и возглавлять которое был назначен Василий Якеменко. Нашей радости от этой новости не было предела. Я тут же написала Якеменко письмо, в котором, как бывший председатель экспертного совета, рассказала о социальных программах, которыми успешно занимался Госкоммолодежи, когда им руководил А.В. Шаронов, в надежде, что эти добрые традиции будут продолжены вновь созданным Федеральным агентством по делам молодежи. Ответа я конечно не получила. Зато скоро все мы узнали о новой молодежной организации со странным и провокационным названием «Наши», как будто все остальные молодежные организации и прочая не относящаяся к нашим молодежь чужая, враждебная и заслуживающая соответственных административно-карательных мер перевоспитания. Затем в Москве и других городах жители с недоумением начали наблюдать толпы молодых людей с флажками наших, выступающих в поддержку единокороссов, чей авторитет в стране пошатнулся после всех коррупционных дел и разрушительной оптимизации. И стало известно, что политическая активность наших стимулируется, как говорится, рублем из бюджета, выделенного государством на молодежную политику. Федеральное агентство по делам молодежи не на шутку озабочилось подготовкой своего актива, достойной смены правящей партии единокороссов. Для чего, опять из бюджета, выделенного на молодежную политику, не скупясь, Вася Якеменко стал направлять по 280 миллионов рублей на молодежный лагерь «Селигер», где на природе, в живописной местности обучалась лидерским навыкам наших молодежь. А тем временем, отовсюду начали поступать сведения о сокращении числа молодежных клубов и других социальных учреждений для моло-

дежи и подростков. Свернуты были набирающие силу центры социально-психологической реабилитации посттравматиков, участников военных конфликтов. Приказал долго жить пермский центр «Социум», на базе которого проводились, ставшие традиционными Всероссийские научно—практические конференции по социально-психологической реабилитации посттравматиков. А ведь эти участники военных конфликтов, ребята в репродуктивном возрасте, когда женятся, заводят семьи и детей. И от этого посттравматического стресса страдают не только они сами, но и их жены, и дети. А стало быть, и через десятилетия обществу придется расхлебывать последствия посттравматизма уже у детей тех, кто воевал в Афгане и Чечне. Но очевидно, меньше всего это заботило Якеменко и возглавляемое им Агентство по делам молодежи.

А тем временем в прессу начала просачиваться вообще оглушительная информация о личности и биографии этого молодежного лидера и идейного вдохновителя нацистов.

Пресса в конце 2010 года сообщила, что руководитель Росмолодежи и идейный лидер нацистов был в 1994 соучредителем ТОО «Акбарс», шесть других учредителей которого в числе 32 сообщников в общей сложности получили 400 лет лишения свободы за 22 убийства и захват Елабужского мясокомбината. Единственный из соучредителей, кто не был арестован, это был Василий Якеменко. Казалось бы, после таких публикаций надо либо подавать на газету в суд, либо уходить в отставку, а еще правильнее — быть уволенным из правительства. Но ни того, ни другого не произошло. И Якеменко, как не в чем не бывало, работал еще два года, пока в 2012 году, после рокировки Путина и Медведева, когда они поменялись местами, один став президентом, а другой после президентской должности стал премьером и сформировал новое правительство, в котором не нашлось места идейному лидеру нацистов.

Как-то так получилось, что эффективные менеджеры-оптимизаторы, возглавляющие ответственные правительственные ведомства, оказались с криминальным душком, которым была глубоко чужда идея охранно-защитной превенции, послужившая основой ФЗ №120, по которому предупреждение детской преступности и социального сиротства требовало оказание профессиональной социально-правовой и психолого-педагогической помощи детям и семьям группы риска. Но гуманная превентивная политика оказалась чуждой не только расхитителям государственного бюджета. Увы, выявилась и другая категория весьма деятельных управленцев, не за-

меченных в воровстве и хищениях, но тем не менее, также активно осуществляющих оптимизацию во вред нашему подрастающему поколению.

В 2008 году я была удостоена чести быть приглашенной заместителем губернатора Тюменской области Н.А. Шевчук выступить с докладом на областной августовской учительской конференции, которые традиционно проводятся перед каждым новым учебным годом. В Тюмени я не была больше 20 лет и была много наслышана о том, что этот город неузнаваемо изменился за время губернаторства С.С. Собянина, который к тому времени уже работал в Москве, в российском правительстве. И конечно, я летела в Тюмень с большим желанием, а вместе с тем и недоверием увидеть перемены в этом когда-то захудалом городе, где я прожила без малого 19 своих молодых лет. Перемены, которые произошли с Тюменью, превысили все мои ожидания. Из грязного города с одной из немногих заасфальтированных улиц без ливневой канализации, длиннющей улицей Республики, вдоль которой тянулся ряд типовых серых пятиэтажек и к которой примыкали такие же грязные, с серой застройкой улочки, Тюмень превратилась в шикарный европейский город, где каждый дом на центральной улице был возведен по индивидуальному проекту лучших архитекторов, где били фонтаны и были разбиты цветники и скверы, отреставрированы и искусно вплетены в ряд с современными новомодными высотками жилых домов и офисов старинные купеческие особняки. Я сидела в сквере на центральной площади этого удивительно преобразившегося города и не узнавала ничего, кроме монументального памятника Ленина, возведенного в советские времена. И не понимала, как можно было из той, некогда захудалой Тюмени, сделать город, которому могут позавидовать европейские столицы.

Но, к сожалению, я не понимала не только этого. Еще в самолете, когда ночным рейсом я летела из Москвы в Тюмень, моя соседка, сельская учительница из Тюменской области с неудержимо струящимися слезами рассказывала мне, как массово были закрыты в области сельские школы и безжалостно выброшены на улицу сельские учителя, святые люди, сердца отдающие детям. И как ученики закрытых сельских школ, пересажены на школьные автобусы, которые должны их каждый день возить в укрупненную школу районного центра, вынуждены пропускать чуть ли не половину учебного года из-за бездорожья в весенне-осеннюю распутицу и зимние снежные заносы. Не лучшие новости я узнала и от Нечаяева Геннадия

Александровича, нашего бессменного директора знаменитого подросткового клуба «Дзержинец», который встретил меня в аэропорту. Мы приехали в шикарную новую гостиницу, где мне был отведен смутивший меня своей роскошью люксовый номер, и Генсаных вместе со своими товарищами поведал мне, как оптимизация добралась до подростковых клубов, учреждений культуры и социальных учреждений, которые были переведены в так называемые аношки, то есть в автономные организации. Теперь по инициативе областных оптимизаторов подростковые клубы, социальные учреждения, библиотеки лишались постоянного финансирования, а каждые полгода должны были заявлять муниципальным властям свои программы и под них получать финансирование на содержание штатов, а заодно и своих помещений. А поскольку это финансирование программ как всегда задерживалось, да потом и трудно было изобретать каждые полгода новые программы, то число подростковых клубов в городе сократилось в два раза, библиотеки и социальные учреждения пошли на резкое сокращение штатов, урезав их до минимума, с трудом справляющегося со своими возросшими обязанностями.

Всей этой губительной оптимизацией энергично занималась под руководством С.С. Собянина его заместитель и надежный помощник Н.А. Шевчук, пригласившая меня на конференцию и разместившая в люксовом номере самой дорогой гостиницы. И самое печальное, что неумная активность тюменских оптимизаторов мотивировалась отнюдь не финансовыми трудностями этого богатого региона, очень хотелось им выслужиться и бежать по карьерной лестнице впереди паровоза. И в основе этого карьерного рвения — дегуманизованное сознание, которое самым ярким образом проявляется в безразличии к проблемам детства, а значит, и к будущему страны и нации, которое, в конечном счете, будет представлять нынешнее подрастающее поколение.

Перегруженная этими весьма разноречивыми впечатлениями от тюменских новостей, я начала мучительно соображать, как же выстроить свой доклад, чтобы с одной стороны, не очень обидеть гостеприимно пригласивших меня начальников, а с другой, — высказать свой негатив по отношению к нововведениям тюменских оптимизаторов. Свое выступление в переполненном зале тюменской филармонии я начала с искреннего удивления и восхищения тюменцами и их властями, сумевшими так неузнаваемо преобразить город. Сказала так же и о том, что идея охранно-защитной концепции ро-

дилась в Тюмени, когда, работая на кафедре педагогики и психологии Тюменского университета, мне удалось с помощью студентов-макаренковцев обследовать около тысячи стоящих на учете в милиции подростков и их семьи и выявить, что они, прежде всего, нуждаются в заботе и профессиональной помощи учителей, социальных педагогов, психологов, медиков, правоохранительных органов. Учитывая, что финансовое обеспечение ФЗ № 120 «Об основах системы профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних» современным законодательством в основном переложено на регионы, региональным властям необходимо определять свои приоритеты в решении этих проблем. И прежде всего, надо накормить школьников, поскольку до 30% детей в классе сидят голодными, так как у их малообеспеченных многодетных родителей и одиноких матерей нет денег на школьные обеды.

Надо было видеть, какими аплодисментами после этих слов взорвался зал, заполненный учителями, свезенными из сельских районов и самого областного центра. Дальше я добралась до аношек-автономных организаций, на которые переведены подростковые клубы, библиотеки и социальные учреждения. Посочувствовав областному правительству, что они вынуждены решать проблемы финансирования подростковых клубов, учреждений культуры и социальных учреждений, я усомнилась в необходимости перевода их в аношки, которые не имеют постоянного финансирования, а как рыбы, выброшенные на берег, каждые полгода ждут очередного финансирования под свои программы, которого могут и не дожидаться, либо получить его несвоевременно и не в полном объеме. Очевидно, необходимо продумать сочетание как постоянного финансирования, так и финансирования под программы, в которых заинтересованы и муниципалитет, и население. И снова это предложение было прервано бурными аплодисментами зала.

После конференции Н.А. Шевчук пригласила меня в свой кабинет, чтобы я поделилась своими впечатлениями от увиденного в Тюмени. Однако вместо высказывания своих впечатлений я была вынуждена выслушивать ее вдохновенный рассказ о преимуществах аношек. Единственное, что удалось мне сказать, это то, что каждое управленческое решение требует обратной связи. И ей стоит пригласить Нечаева, который 30 лет успешно руководит подростковым клубом «Дзержинец» и узнать, как им живется в статусе аношек. И что, как мне

сообщили, половина тюменских подростковых клубов уже не смогли выжить в таких условиях. Тогда Наталья Александровна сразу же сделала вывод и приняла решение, что надо увеличить срок финансируемых муниципалитетом программ с полугода до двух лет. В заключении я не удержалась и спросила, а какие программы должны заявлять библиотеки. И тут я услышала целую лекцию о современных библиотечных технологиях, интернете и компьютеризации. Но, к сожалению, эта весьма осведомленная о новейших библиотечных технологиях губернаторша не смогла ответить на вопрос, а какую же программу должен заявлять библиотекарь, выдающий читателю книги, и тот, который в хранилищах ищет запрашиваемые читателями книги.

Расстались мы любезно, но после моего отъезда, на совещании по итогам конференции, Шевчук отчитала представителей областного института усовершенствования учителей, которые в интернете выискали меня как ведущего специалиста по группам риска и рекомендовали пригласить с докладом на конференцию. «Чтобы ноги ее больше здесь не было», — грозно распорядилась вице-губернаторша в благодарность за мои советы.

К счастью мои рекомендации о том, что надо сочетать постоянное финансирование с разовым финансированием под программы и очевидно, не только мои, были услышаны наверху. И правительство вскоре распорядилось создавать не автономные организации, а автономные учреждения, которые, наряду с постоянным финансированием на содержание заранее оговоренного штата, коммунальных и других расходов имеют право на дополнительные финансовые поступления как за счет заявленных муниципалитету программ, разных грантов, так и за счет услуг, оказываемых населению на платной основе.

И так мне удалось познакомиться в Тюмени с результатами работы действительно эффективного менеджера, работоспособного и требовательного руководителя, человека-компьютера, как его характеризуют близко знавшие люди, Сергея Семеновича Собянина. С одной стороны, я увидела преобразованный его стараниями город, с другой, — горькие плоды бездушной оптимизации. Дегуманизированное сознание, а, следовательно, и политика, могут быть не только у «фиктивных менеджеров», работающих на свой карман, но и у настоящего эффективных менеджеров, технократичных руководителей, достигающих реальных результатов в своем деле,

но увы, забывающих о людях, особенно о тех, кто нуждается в государственной заботе и поддержке, или по крайней мере, не считающегося с реальными проблемами и нуждами этих маленьких людей. Для таких технократичных руководителей карьерный рост и желание получить одобрение вышестоящего начальника — главный стимулирующий мотив в их руководящей работе, когда все другие сантименты гуманизированной социальной политики отходят на второй план и вообще теряют значение.

Старания и успехи С.С. Собянина были замечены на верху, и в 2005 году он был приглашен в Москву возглавлять администрацию президента Путина. В 2008 году, когда Путин перебрался в кресло премьера, Собянин вслед за ним стал возглавлять администрацию правительства, с чем успешно справился, став заместителем председателя Правительства РФ. В 2010 году его вместо Ю.М. Лужкова, утратившего доверие президента Медведева, назначили мэром Москвы. И здесь, в столице, Собянин со всей присущей ему энергией и деловитостью, подобрав соответствующую команду, начал активно заниматься оптимизацией. Одной из первых жертв оптимизации стало образование. От директора Дворца детского творчества, бывшего знаменитого Дворца Пионеров на Воробьевых горах, где дети традиционно бесплатно занимались в многочисленных кружках, секциях, студиях, потребовали, чтобы 85% занятий стали платными. Директор не согласился с этим и ему пришлось уйти. Одновременно началось сворачивание работы многих молодежных досуговых центров, подростковых клубов по интересам. В общеобразовательных школах, вместо классов КРО, в которых было по 10-12 учащихся с проблемами в развитии, обучающихся по индивидуальному коррекционно-развивающему маршруту, в целях экономии началось насаждение инклюзивное образование. А это значит, что в общих классах, вместе с учащимися без психосоматических проблем должны обучаться не только дезадаптированные школьники с пограничными нарушениями и отклонениями в развитии, но и олигофрены, то есть умственно-отсталые дети, которым рекомендуется проходить обучение и социальную адаптацию по специальным программам и дефектологическим методикам в коррекционных школах. Инклюзив предполагает также совместное обучение не только детей с костно-мышечной патологией, ДЦПешников, но и слабовидящих и слабослышащих, для обучения которых также необходимы специальные дефектологические методики и специализиро-

ванные программы социальной адаптации и профессиональной ориентации. Вполне понятно, что школьный учитель, получив класс в составе учащихся со столь разными и сложными проблемами, не имея дефектологического образования, не только не справится с обучением слабовидящих, слабослышащих, умственно отсталых, но и не сможет с полной отдачей времени и сил заниматься нормальными детьми. Инклюзивное обучение возможно и полезно лишь для детей с костно-мышечной патологией, имеющих сохраненный интеллект. Неоднократно, в разных местах, мне приходилось писать и говорить об этом. К сожалению, заодно с оптимизаторами в этом вопросе разрушительного инклюзивного образования и наша так называемая спекулятивная психолого-педагогическая наука, которая в советские времена защищала и оправдывала авторитарную школу, а во времена эффективных менеджеров с такой же готовностью поддерживает оптимизаторов в их пагубной для детства и школы экономии.

В свое время, в бытность, когда при Ю.М. Лужкове Департаментом образования руководила Л.П. Кезина, она в соответствии с ФЗ №120, обязывающим школы также осуществлять охранно-защитные превентивные функции, создала в каждом округе Москвы 11 школ для учащихся с девиантным поведением, предусмотрев в этих спецшколах финансирование значительно выше, чем в общеобразовательных, 750 тысяч рублей на ребенка в год, против 123 тысяч в общеобразовательной школе. Руководитель Московского образования понимала, что в таких школах, должно обучаться не более 80-100 человек, а кроме того, там необходим дополнительный штат психологов, дефектологов, социальных педагогов, медиков. Одной из первых такая школа была создана в Юго-Западном округе, возглавила которую Е.Ф. Куликова, с которой мы дружили и сотрудничали, когда она работала в Министерстве образования и была инициатором введения классов компенсирующего обучения для дезадаптированных учащихся, поручив нашему ВНИКу «Государственная система социальной помощи семье и детству» разработку научно-методического обеспечения этих классов. Конечно, имея такой серьезный опыт и знания, Елена Федоровна собрала профессиональный работоспособный коллектив, позволяющий успешно справляться с обучением, воспитанием и реабилитацией этих трудных детей и подростков, и опыт ее школы стал по праву обобщаться и перениматься и другими школами такого типа. Но для оптимизаторов главным являются не судьбы девиантных

детей, из которых можно и нужно воспитывать не преступников, а полезных граждан своей страны, а главным — экономия. И несмотря на протесты комиссий по делам несовершеннолетних и комиссии Мосгордумы по образованию, эти школы для девиантных детей в Москве начали закрываться. А их учащихся распределили по близлежащим общеобразовательным школам, где учителя не смогли с ними справиться и они, в конечном счете, оказались на улице.

Эффективные менеджеры, засучив рукава, занялись и московским здравоохранением, и, если верить их рассказам, много в этом добились. Однако когда моя бывшая студентка, а теперь уже коллега, молодая женщина, профессор Саша Белинская, начала болеть каким-то хроническим простудным заболеванием, в ее поликлинике не оказалось рентгеновского аппарата, чтобы сделать флюорографию, а в другой, где был такой аппарат, была многонедельная очередь. В итоге, когда она наконец обратилась в платную поликлинику, выяснилось, что у нее хроническое воспаление легких, угрожающее при отсутствии своевременного лечения и госпитализации отечком легких и летальным исходом.

Мэр Собянин не без основания гордится тем, каким высокотехнологичным оборудованием оснащены московские поликлиники и больницы. Но всегда ли при этом учтены реальные нужды реальных больных? Увы, и дело не только в том, что не в каждой поликлинике есть такой необходимый и, в общем-то, не дорогой рентгеновский аппарат. Еще изощренней продумана оптимизаторами работа скорой помощи. Если вызванная на дом скорая помощь не сможет установить правильный диагноз и на носилках доставит тяжелобольного в больницу, то больница, установив ошибку в диагнозе, отправляет его домой. При этом добираться больной должен самостоятельно, не пользуясь услугами скорой помощи. Казалось бы, где логика в этом изуверстве? Но у эффективных менеджеров есть своя логика. Так удобнее вести экономические расчеты между скорой помощью, больницей и поликлиникой.

Для оптимизаторов показалось излишним иметь во многомиллионной столице 78 кинотеатров, и было принято решение половину из них продать, позволив новым владельцам перестроить их в торговые и административные центры, сохранив только 30% площадей под культурно-просветительские функции.

Оптимизация добралась и до московского метро, ранее бесперебойно работающего. В метро участились аварийные

ситуации и многочасовые простои поездов на линиях. И уж совсем небывалый случай, когда машинист метрополитеновского поезда умер прямо в кабине и выпал на ходу поезда. Одной из не подтвердившихся версий такой скоропостижной смерти была та, что он открыл дверцу, чтобы опраться прямо из кабины во время движения, поскольку перерывы для машинистов сделаны теперь не через два часа как прежде, а через четыре, и не каждый мочевого пузыря может выдержать такое время.

Однако плачевные результаты оптимизации аукнулись не только простым москвичам, сказались они и на избирательной компании С.С. Собянина, когда он в 2013 году сложил с себя полномочия мэра и самовыдвиженцем, отбоярившись от скомпрометированной «Единой России», пошел на досрочные выборы, которые действительно проводились максимально честно и открыто.

Из 30% москвичей, принявших участие в выборах мэра, лишь 51% проголосовали за С.С. Собянина, тогда как за Ю.М. Лужкова, не разделяющего политику оптимизаторов, голосовало без всяких подтасовок более 90% избирателей.

Собянин не без основания считается государственным, то есть руководителем, действующим в интересах государства, которое в эпоху эффективных менеджеров-оптимизаторов сосредоточилось на мегапроектах и закупках дорогостоящего высокотехнологического оборудования. Однако за этими внешними, наглядно демонстрируемыми достижениями, не находилось места реальным повседневным нуждам, интересам и самочувствию реального человека. То есть, ситуация похожая на заключительную сцену пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад», когда в заколоченном доме забыли старого слугу Фирса.

На выборах столичного мэра москвичи продемонстрировали свое отношение к этой, в конечном счете, бездушной политике эффективных менеджеров. 2/3 московских избирателей не явились на избирательные участки, а из 30% проголосовавших, лишь половина, т.е. 15% москвичей отдало свои голоса за мэра-государственника С.С. Собянина.

Казалось бы, учитывая ненасытную жадность и изобретательность эффективных менеджеров, поднатеревших на откатах и распилах, правительству следует не тратить на мегапроекты, а больше расходовать бюджет на социальные программы, образование, культуру, поддержку семьи и детства. И хотя в ФНБ — фонде национального благосостояния скопилось за счет нефтяных доходов 2,845 трлн. рублей, в новом бюджете планируется на 37 млрд. руб. сократить расходы на

ЖКХ, на 88 млрд. — на образование, на 45 млрд. — на здравоохранение. Как не прискорбно, приходится констатировать, что Фонд национального благосостояния тратится отнюдь не в интересах российского народонаселения.

И особенно печально, что доля ВВП на образование сократится с 4,8% до 3,8% и чуть ли не до нуля сократится поддержка региональных образовательных программ. И притом при всем, объявлено и настойчиво требуется от региональных правительств повышение зарплаты учителям. А это значит, что повышение зарплаты учителям будет происходить за счет внутренних резервов и школы вновь ждет еще большая оптимизация, когда окончательно будут «вымыты» из школ психологи, социальные педагоги, дефектологи, то есть специалисты, в которых так нуждаются наши трудные дети и без которых образовательные учреждения не смогут выполнять ФЗ №120, требующий оказывать профессиональную психолого-педагогическую помощь детям с проблемами в развитии и их родителям.

Конечно, можно экономить на психологах и социальных педагогах, но тогда придется раскошелиться на правоохранительные органы, что собственно и происходит. Если в 2000 году, когда было 64 тысячи школьных психологов и 600 тысяч дезаптированных детей обучалось в классах КРО по индивидуальным коррекционно-развивающим программам, государство тратило на правоохранительные органы 79,8 млрд. рублей, то в 2010 году, к тому времени, как прошла успешная оптимизация и психологов, и классов КРО, на правоохранительные органы тратилось уже более, чем в 10 раз больше, а именно, 960 миллиардов рублей. А к 2014 году эта цифра должна дорасти до 2,1 трлн. рублей.

Такая безудержная и бездумная оптимизация — это путь к полицейскому государству, трагический путь, который мы уже проходили. Достаточно вспомнить Постановление ЦИК СНК Союза ССР от 7 апреля 1935 года, инициированное отцом народов, согласно которому несовершеннолетние, начиная с 12-летнего возраста, уличенные в совершении краж, причинении насилия и других преступлениях, привлекались к суду наравне со взрослыми, с применением всех мер уголовного наказания, то есть и высшей меры — расстрелу тоже. Тогда же были закрыты трудовые колонии для несовершеннолетних правонарушителей, в которых работал Макаренко и воспитывался Александр Матросов. И малолетки отбывали сроки в лагерях вместе со взрослыми преступниками, обучающими их своему мастерству и кодексу чести преступного мира.

Во времена хрущевской оттепели уголовный кодекс для несовершеннолетних был значительно смягчен. Дети-правонарушители до 14 лет могли быть направлены лишь в спецшколы и спецПТУ, несовершеннолетние преступники могли получать сроки не больше 10 лет и полная уголовная ответственность наступала с 18 лет.

В это же время Хрущевым была проявлена также и реальная забота о детях из неблагополучных семей. Повсеместно в стране начали строиться школы-интернаты для этих детей, где были предусмотрены не только спальные и учебные корпуса, но и дома для учителей, работающих в этих школах-интернатах. Кстати и мои родители-учителя, при переезде из Сибири в донбасский город Торез, устроившись работать в такую школу-интернат, получили квартиру в специально построенном на той же территории учительском доме.

Да и потом, когда я уже училась в Таганрогском радиотехническом, то была знакома со студентами, выпускниками таких же школ-интернатов, родители которых не оказывали ни малейшего внимания, ни малейшей помощи этим ребятам. Что, однако, не помешало им после окончания своей школы-интерната, выдержав большой конкурс, поступить в престижный радиотехнический институт и получить профессию инженера-электронщика, обходясь при этом одной стипендией, без всякой родительской помощи.

Эпоха брежневского застоя и стагнации также сказалась на превентивной практике, которая стала носить административно-карательный характер, переложив всю профилактику детской преступности на милицию и комиссию по делам несовершеннолетних, штамповавших штрафы и письма родителям на производство по поводу плохого воспитания своих трудных подростков. Не удивительно, что такие профилактические меры успеха не имели, и детская преступность в благополучном советском обществе росла как на дрожжах, в среднем на 10% ежегодно.

Во времена ельцинского правления прошли кардинальные изменения не только в экономике и политике, но и в превентивной практике. Тогда реальностью стала охранно-защитная превенция, концепция которой зарождалась у меня в середине 80-х, когда мои студенты-макаренковцы, работая практически социальными педагогами и психологами, обследовали около 1000 стоящих на учете в милиции подростков. Тогда же стало ясно, что эти трудные подростки, как и их родители, нуждаются в профессиональной социально-педаго-

гической и медико-психологической помощи. Для чего потребовалось создание в России новой социальной инфраструктуры, ориентированной на поддержку семьи и детства, открытие в высшей школе подготовки новых для России специалистов, практических психологов, социальных педагогов и работников.

И уже к 2000 году в России, в общей сложности, было открыто почти 1000 факультетов социальной работы, психологических факультетов и факультетов социальной педагогики. Вновь созданная социальная инфраструктура насчитывала более трех тысяч впервые открывшихся социальных приютов, центров социально-педагогической и медико-социальной реабилитации, центров социальной помощи семье и детям. В эти же годы, несмотря на тяжелую социально-экономическую ситуацию в России, впервые наметилось снижение детской преступности на 3-4% ежегодно. Тогда как в благополучном Советском Союзе в среднем ежегодно росла на 10%.

Конечно, ФЗ №120, принятый в 1999 году, а до этого — Указ Президента «Об охране прав и профилактике правонарушений несовершеннолетних», подписанный в сентябре 1993 года, эти нормативно-законодательные акты, заменившие административно-карательную превенцию на охранно-защитную, были настоящей революцией, в корне меняющей отношение к трудному детству в нашей стране с ее жесткими и жестокими традициями превентивной практики. Опыт работы тысяч наших коллег, работающих в разных уголках России в то время, на деле продемонстрировал эффективность и реальную возможность гуманизированных и профессиональных мер социального оздоровления семьи, общества, детства.

Однако преемник Б.Н. Ельцина, юрист и бывший КГБист В.В. Путин и сформированная им команда не заметили этого и попали под магнетическое влияние эффективных менеджеров, жертвами оптимизации которых, вместе с лесниками, стали специалисты, занимающиеся помощью и поддержкой семей и детей группы риска и на практике реализующие меры охранно-защитной превенции.

Эффективные менеджеры-оптимизаторы наштамповали нормативно-законодательные акты, позволяющие экономить на семье и детстве. И самое горькое и трагичное, что эти, сэкономленные на детстве средства, теми же эффективными менеджерами начали беззастенчиво расхищаться, через откаты и распилы попадая в их карманы.

Анализируя драматичную историю отечественной превентивной практики по предупреждению преступности несовершеннолетних, можно только удивляться, как точно соответствует она социально-политическому курсу и личной психологии первых лиц государства: Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина, Путина.

Жестокая людоедская политика Сталина, ценою миллионов жертв осуществившего индустриализацию и коллективизацию страны, также беспощадно была и к подросткам-правонарушителям. Хрущев, разоблачивший культ личности и освободивший ГУЛАГовских эзков, проявил не меньшую гуманность в превентивной и пенитенциарной политике по отношению к несовершеннолетним. Административно-карательная превенция времен благодушного, не желающего перемен Брежнева, хотя и не отличалась особой жестокостью, но и была неэффективна, как и экономика времен брежневской стагнации и застоя. Горбачев и Ельцин, будучи приверженцами демократии, разрушили советский тоталитаризм, создав социально-политические условия для замены административно-карательной превенции на охранно-защитную. Патриот Путин, проводя твердую внешнюю и внутреннюю политику, спас страну от распада и укрепил международный авторитет России. Но в силу дегуманизированного собственного сознания, сформированного в КГБшных структурах, под влиянием эффективных менеджеров, лишил законодательно закрепленную охранно-защитную превенцию финансового обеспечения, а сэкономленный государственный бюджет начал перетекать в карманы коррупционеров-расхитителей.

Но к счастью, наступили времена, когда у следственных органов и счетной палаты дошли, наконец, руки до этих эффективных менеджеров-расхитителей, а стало быть, в государственном бюджете сможет появиться кругленькая сумма, расходовавшаяся ранее на распилы и откаты. Однако, чтобы эти средства пошли на социальную политику в интересах российского населения и прежде всего, нашего детства, нужно, чтобы у эффективных менеджеров-государственников, пекущихся об интересах государства, произошла смена приоритетов и наступило осознание того, что будущее любого государства и нации будет представлено сегодняшними детьми, нашим подрастающим поколением. А для этого надо честно, не прикрываясь мегапроектами и лестью приближенных сановников, посмотреть, к какому состоянию привело наше детство политика оптимизации.

Сегодня, из заканчивающих школу детей лишь 10-15% полностью здоровы, 35% — хронически больные, у 12-13% — выраженные формы психических расстройств и 30-40% входят в группу риска по показателям психических нарушений. Россия — первая в Европе по числу детских самоубийств, 19-20 случаев на 100 тысяч подростков, что в 3 раза превышает общемировой показатель. Участились парные самоубийства, когда подружки или друзья-мальчики, забравшись на крыши и балконы многоэтажных домов и взявшись за руки, бросаются вниз, будучи даже на пару с другом или подружкой не в состоянии пережить тяжелую стрессовую ситуацию, созданную как взрослыми, так и сверстниками. Конечно, этим детям и подросткам могли бы помочь взрослые: родители, учителя, психологи. Но родители заняты зарабатыванием денег, учителя — бумаготворчеством, которым их загрузили бюрократы-чиновники, а психологи «вымыты» из школ оптимизаторами.

Дегуманизированная государственная социальная политика провоцирует рост агрессии и жестокости у населения, жертвами которой снова становятся дети. В 2012 году потерпевшими признаны 18,134 несовершеннолетних. Из них до 1 года — 707 детей. От 1 года до 5 лет — 882 ребенка. От 5 до 10 лет — 2440 детей. От 10 до 14 лет — 4912 подростков. От 14 до 18 лет — 9193. В результате преступлений погибли 1574 ребенка. Растет число сексуальных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. Так по статистике, в 2011 году на 178% выросло число преступлений с развратными, сексуальными действиями в отношении несовершеннолетних. В 2012 году в России 6763 несовершеннолетних признаны потерпевшими по уголовным делам в отношении половой неприкосновенности, из них 4090 — малолетние дети. И это только те цифры, которые попали в поле зрения правоохранительных органов, что, как известно, далеко меньше скрытых, латентных, не обнаруженных следственными органами преступлений.

Что же удивляться тому, как, с какой жестокостью расправляются подростки и не только мальчики, но и девочки, со своими сверстниками, выкладывая заснятые сцены этого изуверства в интернете. Пресса сообщала о таких коллективных экзекуциях, устраиваемых подростками в самых разных городах: в Санкт-Петербурге, Иркутске, Озерске, в подмосковном Наро-Фоминске, других городах. В Тюмени, где особенно эффективно проведена оптимизация, только в одном месяце ноября 2007 года, как сообщала пресса, жестоко постра-

дали от сверстниц две девочки, 14-летняя Наташа Суворова и 15-летняя Маша Багаева, которые были привезены на квартиру к своим истязательницам, где их избивали до потери сознания, снимая все на мобильный телефон. В той же Тюмени 17-летний юноша на пару с приятелем насмерть забил железным прутом своих родителей, не пускавших его в компьютерный клуб. Компьютерные игроки собирались продолжить грабежи и убийства родителей других фанатов компьютерных игр.

И уж совсем потрясло всех трагическое событие, когда отличник, десятиклассник московской школы №263 Сергей Гордеев явился вооруженный в школу, расстрелял всеми любимого учителя географии А.Н. Кириллова, убил одного полицейского и тяжело ранил другого. Несовершеннолетний стрелок так и не смог толком объяснить мотивы своего преступления, поскольку он не имел личной неприязни к убитому учителю и специально не собирался его убивать. Это был выплеск немотивированной агрессии, которая не один год копилась в отличнике, заточенным родителями исключительно на успех и пятерки и живущем в дегуманизированной среде в школе и дома.

Вот как откликаются наши дети на дегуманизованную политику оптимизаторов. Одни, следуя примеру бездушных взрослых влиятельных дядей, переплывают их в проявлениях жестокости и садизма. Другие, не выдерживая бесчеловечности окружающего мира, взявшись за руки с товарищем или подружкой, сбрасываются с балконов и крыш многоэтажек.

И если когда-то, в середине 80-х, падение советского тоталитаризма началось со школы и педагогов-новаторов, выступивших против авторитарной педагогики, то теперь смена приоритетов и гуманизация социальной политики должна начаться с осознания катастрофического положения, в котором находится наше детство.

«Времена не выбирают, в них живут и умирают». — Сказал поэт. В России никогда не было легких времен. Наше поколение не испытало на себе ужасов кровавой гражданской и отечественной войны, не прошло через испытания коллективизацией, голодомором и сталинскими ГУЛАГами. На наше время выпали другие испытания, ниспосланные по милости младореформаторов и эффективных менеджеров. Прихватизаторские реформы младореформаторов, скроенные по советам Запада, привели страну к обнищанию основной массы ее населения и баснословному обогащению горстки олигархов. А пришедшие им на смену эффективные менеджеры

за счет откатов, распилов, экономии на социальной политике и детстве еще больше увеличили число и доходы российских миллиардеров. Если в 2004 году общий доход первой десятки миллиардеров составлял 67,3 млрд. долларов, то в 2013 году он уже достиг 149,3 млрд. долларов. Да и само число миллиардеров выросло чуть не в десяток раз, за один только год, с 2012 по 2013 г., в России стало на 16 миллиардеров больше. И наша нищая страна насчитывает уже 110 миллиардеров, уверенно заняв по этому показателю второе место после США, в то время прожиточный минимум, до которого дотягивает не каждый россиянин, составляет всего лишь 6827 рублей. А стало быть, наше поколение, живущее в мирное время, проходит свое испытание, испытание социальной несправедливостью в распределении государственных доходов, зарабатываемых народным трудом, чудовищным расточительным цинизмом олигархической верхушки, преступной оптимизацией эффективных менеджеров, поднаторевших в миллиардной оптимизации в свой карман.

Но как сказано в Библии, кого Бог любит, того испытывает, чтобы из всякого испытания были извлечены свои уроки и каждым отдельно, и обществом в целом, и тем, кто у власти, особенно. И главное, во время этих испытаний, которые пришли не со стороны внешнего врага, а порождены внутри страны ее же согражданами, России и россиянам надо определить образцы и ориентиры в собственном духовном развитии, в развитии страны и общества.

Наш скорбный труд не пропадет

Моя постаревшая 80-летняя учительница Нина Сергеевна Попкова прислала мне сборник своих стихов «Не погаснет костер души», в которой пишет о загадке русской души.

Бедно живем, не по западным мерам.
А может, не надо нам западной меры?
Русский имеет свои размеры:
Совесьть, истина, правда и вера.

Нина Сергеевна, убежденная комсомолка 50-х, как и я, и, наверно, как многие наши современники, с годами пришла к вере. Но тогда, когда в 50-е годы она из подмосковных Озер после окончания учительского института приехала учить детей в глухую сибирскую деревню, ей были чужды религиозные мысли и чувства. Она учила учащихся 5-7 классов литературе и русскому языку и была нашей классной руководительницей, мудрым, любимым старшим товарищем для каждого из своих учеников. Ей, в то время атеистке, в полной мере были присущи христианская любовь и доброта, на которую мы, дети, откликались искренней взаимностью, пронеся через всю жизнь уважение и любовь к своей учительнице.

А между тем, рядом с нашей семилетней Екатерининской школой, стоящей на берегу Туя, тихой лесной реки с зеркальной гладью, высился деревянный храм изящной причудливой архитектуры, окруженный ветвистыми березами и кедрами. Мы, дети, не могли не любоваться красотой этого деревянного зодчества, используемого под колхозный склад, но при этом нас, пионеров, отнюдь не посещали мысли о Боге. Однако, как это не удивительно, этот храм вдруг неожиданно, через 30 лет, когда я еще не приняла решение о крещении, вдруг приснился мне. Во сне я отчетливо увидела тревожно качающуюся крону деревьев, окружающих нашу Екатерининскую церковь и взывающих о помощи. Я позвонила родственникам в Сибирь и узнала, что в Омске затевают возведение музея архитектурного, деревянного зодчества, куда собираются перенести Екатерининскую церковь. Как же заболела моя душа, и я

тут же написала Омскому начальству и в «Омскую правду», как много значит для тех, кто живет и вырос в Екатериновке, эта деревянная церковь. Не думаю, что мое письмо сыграло решающую роль. Но тем не менее, храм не стали разбирать и переносить в некий неведомый архитектурный музей.

И самое интересное, что мне посчастливилось совершенно по какой-то невероятной случайности побывать на первом богослужении, когда через 70 лет после закрытия церкви кресты на ее куполах были восстановлены и там снова началось богослужение. В мае 2005 года я была приглашена Омским педагогическим университетом на областную конференцию, и конечно, воспользовавшись случаем, доехала до Тевризского района, северного района Омской области, где прошло мое детство. В Екатериновке я ночевала в доме у бывшего директора нашей семилетней школы К.И. Бегляковой, которая жила неподалеку от церкви. Утром в воскресенье вдруг начал раздаваться звон колокола, и Капиталина Ивановна объяснила, что церковь была выстроена местными крестьянами в 1905 году и к ее столетию водрузили сброшенные в 30-е годы кресты, восстановили внутреннее убранство и назначили для службы священника, который впервые колокольным звоном сзывает односельчан на службу. Я, конечно, тут же собралась и пошла в храм. Батюшка, моложавый, статный, сероглазый мужчина, служил один в пустом храме. Добросовестно отстояв службу, я попросила разрешения исповедаться, и после исповеди мы долго беседовали с отцом Андреем, бывшим школьным учителем из соседней деревни. Родом отец Андрей был из Томска, где в детстве с мамой ходил в храм и откуда после окончания пединститута получил направление в Тевризский район учить школьников биологии. Он рассказывал, как не один год мучительно созревало у него желание и решимость принять сан священника, чтобы возвращать людей к насильственно утраченной вере в Бога. А еще я узнала от отца Андрея, что наш Екатерининский храм — это храм святого благоверного князя Александра Невского, того самого князя, дружины которого разбили на Чудском и Ладожском озерах полчища шведов и немцев, грозивших насильственно обратить русских в католичество. И это Александр Невский когда-то изрек: «Кто с мечем к нам придет, тот от меча и погибнет».

Но сейчас враги к нам пришли не с мечом, а с губительной монетократией, и русский народ проходит испытание этой самой монетократией, и ему предстоит доказать на деле, что сила не в деньгах, а в правде. Когда-то И.А. Ильин, объяс-

няя психологическую природу бедствий, постигших Россию в начале 20-го века, называл зависть как главный источник всех бедствий. «Из зависти, — писал философ, — родится доктрина безбожия и безнравственности — экономический материализм..., подменивший идею справедливости химерой всеобщего равенства». Отсюда — большевистские лозунги «Грабь награбленное», «Отнять и поделить», которые были лихо подхвачены российским крестьянством, массово устремившимся грабить и жечь дворянские имения и люмпен-пролетариатом, выкидывающим из своих квартир прежних состоятельных хозяев и заселяющих их советскими коммуналками.

И лучшим рассадником, социальной средой, порождающей эту всеобщую грабительскую уравниловку, как считал Ильин, является «мировая полу=интеллигенция, не получившая серьезного образования, не имеющая своих мыслей, которая застрашивает себя и других штампованными фразами..., завидует, мстит и добивается во всем первенства, легко усваивает и практикует искусство играть на чужой и массовой зависти.» А Достоевский в своих «Бесах» пишет: «Полу-наука — самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны». Уже тогда рассмотрел великий русский писатель в этих революционерах-полуинтеллигентах бесовщину, грозящую стране невиданным кровопролитием и неисчислимым народным бедствием. Эволюционный путь социально-экономического развития страны, предложенный П.А. Столыпиным, требовал упорного профессионального труда от тех, кто хотел не великих потрясений, а хотел великой России, а к такому труду были не готовы террористы-бомбометатели, не желающие, да и не умеющие делать ничего, кроме покушений и убийств. Потому и раздражали их успешные государственные реформы, проводимые Петром Аркадьевичем, в результате чего и разрядил в него свой пистолет террорист Дмитрий Богров в Киевском оперном театре, сделав открытым путь революционных потрясений, ожидающих Россию.

Слово «интеллигент» есть только в русском словаре, на Западе его заменяют словом «интеллектуал». Но интеллигент несет другую смысловую нагрузку, здесь в отличие от интеллектуала наряду со знаниями имеется в виду и нравственный компонент, то есть способность сострадать чужому страданию и способность порадоваться успехам другого. А потому — ни зависть, ни жадность не свойственны интеллигенту.

Я долго не могла понять, почему А.П. Чехов, будучи истинным русским интеллигентом, после посещения Сахалина, где

в самых ужасных условиях содержались каторжники, с жизнью которых, то есть, с самым социальным дном своего времени, он внимательно ознакомился, не примкнул, как Горький, к большевикам-революционерам, а начал писать глубоко психологичные пьесы: «Чайка», «Три сестры», «Дядя Ваня». Эти пьесы до сих пор идут на сценах самых разных стран, и каждый режиссер пытается по своему прочесть психологические подтексты, заложенные в этих произведениях. А они действительно открываются не сразу, а с годами, благодаря собственному горькому опыту, преподнесенному жизнью. Так и я с годами увидела, что в этих трех, таких разных пьесах, Антон Павлович показывает одну и ту же ситуацию, как один из его персонажей в силу своих эгоистических интересов приносит в жертву судьбы близких ему людей, паразитируя на них. И все это, как и в жизни, происходит исподволь, незаметно, под благовидным предлогом.

В «Чайке» стареющая актриса Аркадьина обрекает на нищенскую жизнь в захолустье единственного сына, начинающего драматурга Треплева, глубоко ранит его, оскорбительно отозвавшись о нем и его пьесе и фактически, доводит сына до самоубийства. Нина Заречная и известный драматург Тригорин, с которым живет Аркадьина, тоже становятся ее жертвами. Искусной лестью она удерживает Тригорина около себя, вынудив его к безвольному поведению и предательству Нины Заречной, своей любви к ней и их родившегося ребенка. И не случайно Нина в конце пьесы сравнивает себя с подстреленной чайкой, да и Тригорину со своей сломленной волей так же дальше по жизни лететь с одним крылом.

И уж совсем очевидно в «Дяде Ване», как паразитирует на чужих жизнях бездарный профессор Серебряков. Ему служат все: и брат покойной жены дядя Ваня, и его дочь от первого брака Соня, которые ведут хозяйство в имении покойной жены, отправляя все доходы Серебрякову, потакая восхищению, с каким бывшая теща, мать дяди Вани, упивается трудами профессора. Угождает его капризам, заживо хороня себя и его новая молодая красавица жена.

В «Трех сестрах» — персонаж, от которого пострадали все близкие, завалирован и как бы второстепенен. Наташа, юная особа в розовом платье с зеленым ремешком появляется в доме трех сестер весело и непринужденно, становится женой их брата и выживает из дома всех, начиная со старой няньки, вынянчившей и сестер, и их брата. Продолжая порхать и флиртовать, она доводит до пьянства своего мужа, не замеча-

ет и не обращает внимания на одиночество и неприкаянность выжитых из дома сестер и отчаяние обманутого супруга.

Так Чехов изобразил питательную среду, создаваемую полунинтеллигентами, в которой зреет химера насильственного передела чужого имущества и перешагивания через судьбы и жизни других.

Последняя пьеса Антона Павловича «Вишневый сад», написанная умирающим от туберкулеза писателем в Ялте, обращена к нашим дням. Романтичная и беспомощная барыня Раневская продает вишневый сад и имение представителю нарождающейся русской буржуазии Лопатину. И в покинутом заколоченном доме забывают старого слугу Фирса. Этот трагический финал, к сожалению, весьма неприметно представлен в современных постановках. А между тем, одним лишь этим штрихом Чехов показывает и людоедскую сущность грядущего капитализма и преступную легкомысленность уходящего дворянства, которым глубоко безразличны судьбы простых фирсов, обреченных на гибель в заброшенном, заколоченном доме. И если Достоевский показал бесовщину, вселившуюся в революционеров, готовых к всеобщему разрушению и истреблению несогласных, то Чехов показал, как на повседневном бытовом уровне одни способны паразитировать за счет других, а эти другие, как слепые и безвольные котята, позволяют манипулировать собой, становясь легкой добычей корыстных и бесчестных манипуляторов.

Уже тогда, в XIX веке, представителями истинной русской интеллигенции были обозначены и изображены общественные пороки, от которых следует избавляться русским людям, которым суждено было пройти через тяжелейшие испытания, принесенные революцией, братоубийственной гражданской войной, восстановлением разрушенной до основания страны ценою сталинских Гулагов, голодоморов, проведенной беспощадно по отношению к крестьянству коллективизации.

При советской власти, в годы так называемого застоя, не отмеченного ни войнами, ни другими социальными потрясениями, действительно не только не осталось безграмотных людей, но и было введено бесплатное высшее образование. И кроме того, студентам предоставлялась возможность получать стипендии, которых хватало на скромное пропитание, что позволяло любым, хорошо успевающим молодым людям из малообеспеченных семей получать высшее образование и реализовывать свои способности и таланты. Но все ли из тех, кто получал высшее образование, защищал кандидат-

ские и докторские диссертации, становились настоящими интеллигентами, свободными от зависти, а стало быть способными радоваться чужим успехам? Увы, за 40 лет своей научной деятельности, среди всех моих многочисленных коллег я могу, буквально по пальцам одной руки насчитать таких ученых, которые как дети, радовались успехам и открытиям другого, способных помочь и поддержать своего талантливую коллегу. Но зато, сколько же приходилось наблюдать интриг, подкованных игр, клеветнических измышлений, на которые пускались не только заурядные кандидаты наук, но и вполне именитые, состоявшиеся ученые. Вот их-то я меньше всего и понимала, что же заставляло этих уважаемых людей заниматься столь неблагоприятными делами. Пока со временем не дошло — ими двигали непомерное честолюбие и все та же зависть, о которой, как о главном источнике бедствий писал И.А. Ильин.

Но, пожалуй, по проявлениям этого мерзкого чувства зависти всех переплюнут представители творческой интеллигенции: режиссеры, актеры, художники, писатели, музыканты. Стоит только вспомнить страсти, которые сотрясали кинематографический мир при каждой смене режимов и правителей. После хрущевской оттепели кинематографисты обрушились на когда-то всесильного Ивана Пырьева. А ведь, несмотря на всю резкость своего характера, это был по-настоящему талантливый режиссер, который мог снимать фильмы не только о кубанских казаках, свинарках и пастухах, кстати, тоже очень неплохие фильмы, которые до сих не прискучивает смотреть. Но ведь еще Пырьевым была осуществлена гениальная экранизация романов Достоевского «Идиот» и «Братья Карамазовы». А скольким Пырьев, будучи директором «Мосфильма», помог осуществиться в профессии, включая того же Эльдара Рязанова, снявшего в 1954 году незабвенную «Карнавальную ночь» с Людмилой Гурченко в главной роли.

Однако все эти очевидные достоинства Ивана Пырьева как талантливого режиссера и успешного руководителя, не помешали братьям по цеху публично распинать его, когда он лишился высокого покровительства, и это стало безопасно.

В перестроечные годы, на печально известном V съезде кинематографистов в 1986 году, коллеги дружно обрушились на еще одну жертву, Сергея Бондарчука, одним из первых получившего Оскара за экранизацию романа Л.Н. Толстого «Война и мир», которая по количеству массовки, занятой в военных баталиях, побилла все рекорды, и для одежды которой в советское время работали целые фабрики. Не могли этого ус-

пеха пережить братья по цеху, и не стесняясь, с трибуны своего съезда поносили уже очень немолодого режиссера, участника войны. И только у Никиты Михалкова хватило мужества, чтобы публично защитить эту очередную жертву распоясавшихся завистников.

Зато и самому Никите, спустя без малого 20 лет, пришлось пережить еще большую публичную травлю. Однако здесь, наряду с завистью, примешался еще и корыстный интерес кучки людей, нежелающих расставаться с доходами от аренды громадного киноцентра, выстроенного еще в советские времена. Сотни клеветнических публикаций обрушилось тогда на Михалкова. Подсуетившись, эти ребята устроили нелегитимный съезд кинематографистов, в котором приняло участие не более 500 человек, преимущественно москвичей, выбравших председателем союза кинематографистов старого уважаемого режиссера Хуциева. И когда Минюст признал этот микросъезд нелегитимным, был созван повторный съезд, в котором приняло участие уже больше 2000 человек и на котором Михалков доложил о решении в пользу его исков почти ста судов, где отстаивались и честное имя режиссера, и экономические интересы союза кинематографистов. Он также предложил кандидатуру Хуциева на должность председателя Союза. Но съезд, оценив бойцовские качества Никиты, практически единогласно проголосовал за него. И хотя все эти разбирательства и объяснения происходили публично, на глазах основной массы российских кинематографистов, грязные слухи и сплетни в адрес Михалкова, кстати, тоже одного из немногих наших кинорежиссеров, отмеченных Оскаром, талант и работоспособность которого получили мировое признание, продолжают муссироваться среди собратьев по цеху.

Это еще когда-то А.С. Грибоедов отметил, что злые языки страшнее пистолета.

И особенно злые языки беспощадны в клевете и наклеивании ярлыков своим талантливым и прославившимся коллегам, о которых затем упорно и слепо судят по этим самими же наклеенным ярлыкам, стесняясь при этом иметь и высказывать свое собственное, отличное от общей молвы мнение. Помню, как моя приятельница, весьма эрудированная московская журналистка, специализирующаяся на театральных рецензиях, по дружбе давала мне совет, дабы не прослыть провинциальной невеждой в присутствии московской интеллигенции не хвалить моих любимых художников Илью Глазунова и Александра Шилова. И была очень удивлена моей отвагой не скрывать

своего мнения и отношения к этим художникам в любой компании и в любом окружении. Вот уж действительно, прав был Ильин, когда писал о полу-интеллигенции, что она не имеет своих мыслей, застрачивает себя и других штампами. И даже будучи, как эта московская журналистка действительно эрудированным интеллектуалом, то есть обладать обширными знаниями, можно не соответствовать званию интеллигента и мыслить общепринятыми в полуинтеллигентной среде штампами. И это очень печально. Но еще печальнее, когда не только знающие, но и талантливые люди не могут быть отнесены к интеллигентам, поскольку страдают завистью и не обладают таким качеством как способность радоваться чужим успехам.

А как, если не завистью объяснить неблагоприятные поступки Иосифа Бродского, поэта, получившего Нобелевскую премию, когда он распространял на Западе слух, что Евгений Евтушенко был причастен к его высылке за границу, выступая в роли советника КГБ. Во-первых, этот факт, кроме голословного заявления Бродского не имеет никаких посторонних свидетельств, а во-вторых и в главных, КГБ не нуждалось ни в чьих советах, когда принимало решение о высылке того или иного диссидента и инакомыслящего писателя. С болью рассказывал об этом 80-летний Евтушенко в своем интервью Соломону Волкову, которое показали по российскому телевидению. Известный поэт, тем более не мог понять причину этих измышлений Бродского, поскольку он в свое время содействовал освобождению его из ссылки, подвигнув итальянских коммунистов обратиться с такой просьбой к Брежневу. И потом, после освобождения Бродского, встречал его в Москве, угощая в самом модном ресторане. И когда того выслали, ходатайствовал перед своим влиятельным американским другом, чтобы устроить Бродского профессором в университет. Однако, когда сам Евтушенко был приглашен на преподавательскую работу в американский университет, Бродский не постеснялся написать тому же влиятельному другу, что этот советский поэт не должен работать в американском университете, поскольку у него антиамериканские настроения, проиллюстрировав свое заявление строчками, вырванными из контекста стихотворения, написанного Евтушенко как отклик на убийство Джона Кеннеди. Со временем поэту показали текст этого письма Бродского. И слезы выступили на глазах Евтушенко, когда он рассказывал об этом.

Увы, не только Евгению Евтушенко больно было узнать о столь неблагоприятном поведении собрата по перу, тяжело и

неприятно узнавать такие штрихи из биографии талантливо-го поэта и его почитателям. Очевидно, Бродским двигало то, что он не мог пережить славу и известность в стране и за рубежом, которые были у Евтушенко и которые у него появились только после высылки из страны, да и то, не в такой степени как у Евтушенко. И не хотел он знать, что и его сопернику не просто жилось в то время. В одной только поэме «Братская ГЭС» Евтушенко был вынужден сделать по требованию цензуры 800 правок. И не мало досталось ему за стихотворение «Бабий яр», написанном о 100 тысячах расстрелянных фашистами киевских евреев. Можно и дальше перечислять все конфликты поэта с советской властью, но ему все-таки повезло в том, что расцвет его таланта совпал с оттепелью, когда поэты получили массовую трибуну и был пик интереса к поэзии у молодого советского читателя, которому была созвучна поэзия Евтушенко, Рождественского, Вознесенского, Бэлы Ахмадулиной, Булата Окуджавы.

Все мы не ангелы, все мы не без недостатков. Легко судить других, труднее быть самокритичным по отношению к себе. И наверно особенно трудно творческому человеку признать, что чужой, превосходящий тебя успех, объясняется и превосходящим тебя талантом. Хоть и трудно, но надо всем нам учиться этой честной самокритичности, и избавляясь от зависти, источника всех бедствий, занимать свое собственное, соответствующее своим возможностям и способностям место в коллективном труде по созиданию отечественной культуры. И прежде всего, этому следует учиться нашей творческой интеллигенции, призванной влиять на умы и души народа. И, пожалуй, это главный урок, который надо извлечь после всех испытаний, ниспосланных России и каждому из нас.

А еще нам надо избавляться от собственной слепоты, чтобы не уподобляться чеховским героям, таким как дядя Ваня и его племянница Сонечка, которые будучи ослепленными лженаучной писаниной бездарного профессора Серебрякова, содержали его, безропотно принеся в жертву свое нищенское прозябание в глуши деревенского имения.

От слепоты и зависти, этого источника бедствий, надо избавляться не только творческой интеллигенции, но и людям попроче, труженикам, занятым в сфере производственного труда, у которых предметом зависти являются не столько творческие успехи, сколько материальное благополучие соседа. Не стоит забывать, с каким остервенением в годы русских революций 1905 и 1917 годов грабили крестьяне помещичьи

имения и как потом в годы коллективизации жертвами таких же грабежей становились раскулачиваемые зажиточные крестьяне-середняки. Страдали от зависти соседей и первые российские фермеры, хозяйства которых могли поджигать, уничтожая посевы и скот.

Однако вот что интересно, сомнительно приобретенные баснословные богатства наших олигархов в народе отнюдь не вызывают зависти и тем более восхищения и желания подражать. Нет и прежнего стремления грабить награбленное. К этим купающимся в роскоши русским нуворишам народ в массе своей относится с пренебрежительной иронией и даже с некоторым сочувствием, понимая, что их миллионы не принесли им счастья в личной жизни, не добавили уважения окружающих, а напротив, привели к разладу с самим собой и другими. Похоже, что как раз эти олигархические, сомнительно нажитые капиталы, излечивают народ от опасного чувства зависти.

Конечно, люди не могут быть слепыми и оставаться безразличными к разграблению страны, но при этом рассуждают, пусть бы эти расхитители, если бы уж не попали за решетку, то, как Березовский, Гусинский и другие, поскорей бы вместе со своими капиталами оказались за границей, освободив страну от своего тлетворного влияния.

Однако в народе живет еще и память о богатых русских промышленниках и купцах-меценатах. О Третьякове, Щукине, Морозове, за деньги которых открывались и содержались Третьяковская галерея, МХАТ, Психологический институт. Помнят и о мануфактурщиках Прохоровых, создавших на своей отдельно взятой мануфактурной фабрике, что называется, социальное государство, где для рабочих и их семей были созданы все условия для нормальной человеческой жизни: выстроены многоквартирные дома, открыта замечательная больница, в которой лечился сам хозяин и члены его семьи, были своя школа и ремесленное училище, свой клуб. Недаром рабочие вызволили своего хозяина из ЧК, когда он был арестован и потребовали, чтобы его оставили директором в уже национализированной Трехгорке.

Не этому ли примеру следовал Михаил Ходорковский, когда получил полумертвую, с долгом в 2,5 миллиардов долларов компанию ЮКОС, за 5 с небольшим лет увеличив ее капитализацию в 80 раз. Чтобы лучше познакомиться с условием труда рабочих, найти слабые места в производственном процессе и его управлении, Ходорковский переоделся в рабочую рубу и

анонимно, в роли простого бурильщика, трудился на нефтедобывающих промыслах. Однако производственные проблемы и заботы о своей компании, в которой трудилось 150 тысяч человек, не помешали этому по-настоящему эффективному менеджеру озаботиться проблемами подрастающего поколения и вплотную заняться детьми. В 1994 году в подмосковном Кораллове он открывает лицей-интернат для сирот «Подмосковный», в котором содержатся и обучаются дети погибших спецназовцев и дети, осиротевшие в результате терактов в Волгодонске, Каспийске, дети «Норд-Оста» и Беслана. Последний набор был осуществлен в 2011 году — детей, чьи родители погибли при теракте в Домодедово. Оснастив классы персональными компьютерами, в «Подмосковном» стремились готовить не просто современных технарей, но всесторонне образованных культурных людей, обучали лицейстов музыке, танцам, фехтованию. Чтобы воспитывать настоящую мужественную гражданственность, Ходорковский пригласил на работу с детьми Анатолия Ермолина, руководителя отделения спецопераций отряда «Вымпел», расформированного в 1993 году. Ермолин водил ребят в походы, учил ставить палатки, разжигать костры, готовить еду, оказывать первую медицинскую помощь, учиться нести ответственность за себя и других.

Затем опыт по воспитанию, социализации и подготовке детей к будущей непростой взрослой жизни начал использоваться Ермолиным и его товарищами в 74 летних лагерях, которые ЮКОС организовывал для детей нефтяников. После ареста Михаила Ходорковского в 2003 году не стало этих летних лагерей, а в лицее «Подмосковный», вооруженными сотрудниками силовых органов в масках был произведен тщательный обыск, единственным результатом которого стали перепуганные дети и недоумевающие педагоги.

Я не экономист и не юрист и мне трудно судить об экономических преступлениях, совершенных Ходорковским. Но вопрос, который озадачил и не только меня, по-прежнему остается без ответа. А почему осужден только Ходорковский, единственный олигарх, не имеющий недвижимости за границей и тративший налоги, сэкономленные в офшорах, на переоборудование и развитие производства, на социальные программы и детей? Ведь уходом от налогов через офшоры пользуются и многие другие, и отнюдь не в интересах производства и тем более, не в интересах чужих, не своих детей.

Остается также без ответа вопрос, почему президентом и правительством был проигнорирован предложенный Ходор-

ковским проект, предлагающий обязать владельцев крупных предприятий, по дешевке приватизированных в 90-е годы, выплатить в бюджет около 20 миллиардов долларов, которых вполне хватило бы и на школьные обеды детей из необеспеченных семей, и на финансовую помощь одиноким матерям, существенно побольше, чем теперешние издательские 300 рублей, и на бесплатное дополнительное образование в музыкальных, спортивных, художественных школах и центрах технического творчества.

Учитывая, что будущее любой страны и нации определяет сегодняшнее подрастающее поколение, можно с полной уверенностью утверждать, что сиделец Ходорковский, уделяя столько сил, времени и средств воспитанию осиротевших детей в лицее «Подмосковный», детей нефтяников в летних лагерях ЮКОСа, больше думал и заботился о будущем страны, чем наши эффективные менеджеры-оптимизаторы, успешно экономящие на детстве и специалистах, которые работают с детьми в социальных и образовательных учреждениях и занимаются профессиональной поддержкой семьи и детства.

Сегодня те, кто думает о будущем страны и, работая с детьми, знает не понаслышке их проблемы, не может не понимать опасность, которую несет нравственная дезориентация подрастающего поколения нашими звездами шоу-бизнеса и гламурными журналами, демонстрирующими роскошную жизнь с загородными дворцами, дорогими автомобилями и шикарными нарядами, что увы, невозможно приобрести на зарплату средне-статистичного россиянина. И что же остается тем, кто заразился этими примерами и возжелал такого же богатства и роскоши? Выбор небольшой и однозначный — парням становиться грабителями, а привлекательным девушкам — идти на панель и в ночные клубы, где, если повезет, можно отловить в качестве мужа или содержателя богатенького папу Карла.

Но ведь в российской истории были и другие ориентиры и образцы для подражания. События 14 декабря 1825 года, когда блестящие гвардейские офицеры, потомки знатных и богатых российских семейств вывели на Сенатскую площадь солдатские полки, выступив против самодержавия и крепостничества, беспрецедентны и по сути дела не имеют аналогов в мировой истории. Ни стремление к личной славе и почестям, ни личная выгода двигали декабристами. Будучи в большинстве своем участниками войны 1812 года и пройдя с русскими солдатами от Бородина до Парижа, не могли они оставаться равнодушными к рабскому положению крепостных крестьян,

к 25-летней рекрутчине и палкам в русской армии. И они рисовали своим положением в обществе, своими жизнями ради любви к свободе, своему отечеству и своему народу.

В наш век прагматизма, в век испытания Золотым тельцом, когда ради наживы совершаются многочисленные преступления и предательства, в том числе и государственных интересов страны, в такие мотивы трудно поверить. Однако благородство своих натур и устремлений эти люди доказали не только разовым выступлением на Сенатской площади, они с достоинством и честью выдержали последующие испытания каторжными работами и 30-летней ссылкой в сибирской глуши.

Объявленные государственными преступниками, лишённые чинов и дворянских званий, изолированные от общества, находясь под бдительным полицейским надзором, декабристы не сломились духом, сохранили человеческое достоинство и свою любовь к народу, проявленную в реальной заботе о местном населении. Учили детей, лечили, просвещали, оказывали юридическую помощь в судебных тяжбах, борясь с лихоимством и взяточничеством, которыми повсеместно были заражены суды и чиновничество. Поэтому неслучайно в тех местах и городах, где находились ссыльные декабристы, о них сохранилась благодарная память сибиряков.

Для меня знакомство с жизнью ссыльных декабристов и постижение их нравственного подвига состоялось в 1972 году, когда я попала в мемориальный музей декабристов, открытый в 1938г. в небольшом сибирском городке Ялуторовске, что в 70 километрах от Тюмени. Музей находился в сохранившемся доме Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, брата казненного Сергея. Вместе с Матвеем Ивановичем ссылку в Ялуторовске отбывали еще семь товарищей, включая лучшего лицейского друга Пушкина Ивана Ивановича Пущина. Его декабристы звали Маремьяна-старица, которая о всех печалится. Еще в Петровском заводе, где на каторге содержались декабристы, он был главой артели, вел общую кассу, из которой помогали бедствующим товарищам, не имеющим возможность получать финансовую поддержку от бедных, либо отсутствующих родственников. И потом, когда декабристы в ссылке были расселены по разным сибирским городам, вел обширную переписку с товарищами, сохраняя прежнюю дружбу и оказывая товарищам моральную поддержку. Особенно трогательно заботились ссыльные декабристы об осиротевших детях умерших товарищей, брали их на воспитание в свои семьи, либо добивались разрешения отправлять сирот родственникам в центральные российские губернии.

Взаимная забота друг о друге, скромность в быту, приветливость с соседями — все это, конечно же, вызывало у местных жителей чувство уважения к ссыльным государственным преступникам. Однако добрая память о декабристах среди сибиряков сохраняется, прежде всего, благодаря их добрым делам и помощи местному населению. Тот же Пущин безвозмездно оказывал юридическую помощь ялуторовским горожанам и крестьянам близлежащих деревень в их судебных тяжбах, которые без взятки невозможно было выиграть. Овдовевший Иван Дмитриевич Якушкин, жене которого из-за новорожденного сына государь не разрешил выехать в Сибирь за мужем, посвятил свою жизнь воспитанию местных детей, открыл в Ялуторовске две школы: школу для мальчиков и, первую в Сибири, школу для девочек.

Государственным преступникам, которыми были декабристы, не разрешалось открывать школы. Якушкину удалось обойти этот запрет благодаря дружбе с местным священником Знаменским, назвавшим школы, где Якушкин и его товарищи давали учащимся полноценное светское образование, церковно-приходскими. Многие из бывших учеников школ Ивана Дмитриевича потом сами стали учителями, продолжая просветительскую миссию своего учителя. А сын священника Знаменского Миша Знаменский, закончив при поддержке декабристов и их родных Петербургскую Академию художеств, стал известным сибирским художником.

Не думала я тогда, в 1972 году, что знакомство с ялуторовским музеем декабристов, расположенном в доме М.И. Муравьева-Апостола, почти через 30 лет будет иметь свое неожиданное продолжение, связанное с введением в России социальной работы, научно-методическое обеспечение которой было поручено нашему ВНИКу «Государственная система социальной помощи семье и детству».

Введением в России социальной работы озаботилось в конце 1990 года правительство И.С. Силаева, а вернее, председатель Комитета по делам семьи и демографической политики И.И. Гребешева. И хотя в западных странах социальная работа насчитывала уже более 70 лет, у нас до того времени о ней не слышали, и потому, в моей докторской диссертации, которую я защитила в МГУ в 1989 году, социальная работа даже не упоминалась, хотя ее содержание и было отражено в диссертационных рекомендациях.

Чтобы познакомить нас с тем, что представляет собой профессиональная социальная работа, Инга Ивановна Гре-

бешева пригласила из Швейцарии Генерального секретаря международной Ассоциации социальных работников Андрея Владимировича Муравьева-Апостола, потомка декабристов братьев Муравьевых-Апостолов, один из которых, Сергей, был казнен в числе пятерых руководителей восстания, младший 19-летний Ипполит застрелился при аресте, а старший, Матвей Иванович после каторжных работ отбывал ссылку в Ялуторовске.

После официальной встречи я подарила Андрею Владимировичу буклет мемориального ялуторовского музея декабристов, находящегося в доме его предка М.И. Муравьева-Апостола. Андрей Владимирович ничего не знал об ялуторовском музее и был поражен известием об его существовании. На следующий год они с женой приехали в Ялуторовск, чтобы лично познакомиться с музеем декабристов и узнать о жизни своего ссыльного предка. Очевидно, его впечатления от этого музея были так велики, что после своей ялуторовской поездки они с сыном Кристофером, состоятельным швейцарским банкиром, решили заняться реставрацией московского особняка отца братьев Муравьевых-Апостолов по улице Старая Басманная, 23, чтобы там также открыть московский музей декабристов.

И вряд ли бы эта затея могла осуществиться, если бы Кристоферу не удалось встретить и сосватать на должность директора, еще только запроектированного музея, Макееву Татьяну Савельевну, очень энергичную и деятельную преподавательницу французского языка на журналистском факультете МГУ. Потребовалось немало сил и времени, чтобы этот полуразрушенный особняк оформить Кристоферу в аренду на 25 лет, и еще больше времени и средств, чтобы провести его реставрацию. Больше десяти лет строители и реставраторы, под началом Татьяны Савельевны трудились над восстановлением особняка по улице Старая Басманная, 23, а Кристофер финансировал эти работы, потратив на них без малого 12 миллионов долларов. В результате, реставрация особняка Муравьевых-Апостолов получила высшую оценку мэра Москвы Собянина, когда он побывал в нем, и согласно Закону Москвы, стоимость аренды этого безупречно отреставрированного старинного здания составила 1 рубль за один квадратный метр.

И надо же так случиться, что по странному и непредвиденному стечению обстоятельств, время, когда готовился к открытию московский музей декабристов в отреставрированном доме отца братьев Муравьевых-Апостолов, совпало с 400-летием восшествия на престол русских царей Романовых.

Этому событию, как никакому другому, в России было уделено небывало большое внимание. По всем телевизионным каналам прошли документальные фильмы о династии Романовых, в манеже была открыта весьма представительная выставка «Православная Русь и Романовы», чтобы попасть на которую тысячи людей часами отстаивали громадную, тянущуюся через всю Манежную площадь очередь. Конечно же я, терпеливо отстояв эту очередь, посетила выставку «Православная Русь и Романовы», и еще с особым интересом просмотрела двухнедельный документальный сериал по каналу ТВЦ, который вел известный кинорежиссер Андрей Смирнов с сыном и каждый фильм которого был посвящен одному из царей Романовых.

Действительно много нового и интересного удалось узнать, просматривая эту выставку и этот документальный сериал. По новому, например, предстала фигура Павла, успевшего за четыре года своего правления подготовить много полезных Указов, облегчающих жизнь крепостных крестьян и солдат. Барщину Павел ограничил тремя днями, предоставив, таким образом, крепостным три дня работать на барина и три дня — в своем хозяйстве. И с солдатами он занимался не только муштрой, но и заботился о них, требуя такого же заботливого отношения от офицеров-дворян. А вот со знатью и, прежде всего, с фаворитами своей покойной матери, императрицы Екатерины 11, он не церемонился, за что и был убит заговорщиками в своем Михайловском дворце.

Однако наши современные историки, готовящие документальные сериалы о Романовых и выставку на манеже, осуждают не столько дворян-заговорщиков, убивших законного государя ради своих личных, сугубо эгоистичных интересов, сколько декабристов, выступивших против самодержавия и крепостничества, чтобы облегчить жизнь бесправного народа, которые не только не думали о своих интересах, но и жертвовали своей свободой и жизнями. В документальном сериале на ТВЦ декабристы, большая часть которых была героями войны 1812 года, названы, ни много ни мало, как предателями и негодяями, при этом авторы не посчитали нужным объяснить причины, побудившие этих гвардейцев вывести полки на Сенатскую площадь. А на выставке в манеже, в качестве целей восстания преподнесены две: истребление царской семьи и раздел страны на несколько держав, что преднамеренно искажало предложение Пестеля о федеративном устройстве страны, по которому в настоящее время и устроена наша Российская Федерация.

Вообще, можно только удивляться изобретательности устроителей этой выставки, с которой они пытались развенчать декабристов в глазах наших современников. Перечисление тайных обществ, созданных декабристами, соседствует с перечислением масонских лож, в которые в то время было модным вступать прогрессивно мыслящей знати на Западе и в России. Однако, уже сами названия тайных обществ декабристов — «Союз спасения» и «Союз благоденствия» — красноречиво свидетельствуют отнюдь не о предательских намерениях объединявшихся в эти общества бывших участников войны 1812 года. Да и масонство, которое, кстати, в то время было не запрещено в России, очевидно, не отвечало в полной мере патриотическим целям, которые ставили перед собой декабристы, что и побудило их создавать свои тайные общества. Тем не менее, упорно навязывается нашим современникам, что восстание декабристов не что иное, как результат влияния враждебного России западного масонства. Не постеснялись устроители выставки предъявлять декабристам уж совсем неправдоподобные обвинения в том, что их общества содержались поляками, надеющимися с помощью декабристов освободить Польшу и вывести ее из состава имперской России. У представителей богатых и знатных семейств, какими были декабристы, вообще не стояла проблема содержания своих обществ, и уж совсем русским дворянам не могло прийти в голову обращаться за финансовой помощью к обедневшей польской шляхте. Не исключено, что в Южном обществе, многие члены которого были лично знакомы с представителями польской знати, сочувствовали полякам в их стремлении освободить свою страну. И, если бы у российских императоров вместо подавления польских восстаний созрело бы в свое время решение предоставить Польше свободу, может быть и не было сейчас у поляков этой застарелой враждебности, с которой они до сих пор относятся к России.

Как известно, в истории нет сослагательных наклонений. И все-таки, все-таки не дает покоя мысль, что у России 14 декабря 1825 года был шанс выбрать путь мирного политического преобразования управлением страны, перейдя по предложению идеолога Северного общества Никиты Муравьева к конституционной монархии, при которой власть царя-самодержца ограничена конституцией и парламентом, как к тому времени уже почти 300 лет жила Англия, где до сих пор мирно уживаются старейший в Европе парламент и королева. А для этого от Николая I, взшедшего на престол в день декабрьско-

го восстания, требовалось вступить в диалог со своими гвардейцами, князьями и дворянами, осмелившимися взбунтоваться и понять истинные причины, побудившие их вывести полки на Сенатскую площадь. Тем более, что грозные сигналы о неблагополучии самодержавного, крепостного строя царской России ранее уже были явлены крестьянскими восстаниями под предводительством Емельяна Пугачева и Степана Разина. Но привычные традиции русского самодержавия казнить и подавлять оказались сильнее, и цвет нации, объединившийся в свое время в Союз спасения и Союз благоденствия, был отправлен на каторгу. А вместо них воцарились на всех этажах государственной власти лизоблюды и взяточники, которых так ярко изобразил Гоголь в своей бессмертной и до сих пор актуальной пьесе «Ревизор». И бесплодны оказались все усилия Николая I бороться с этим российским бедствием, повсеместным воровством, хищениями и взяточничеством, итогом которых стала, несмотря на героизм русских солдат, позорно проигранная в 1854—1855 годах Крымская война.

К сожалению и недоумению, все торжества, посвященные 400-летнему юбилею восхождения Романовых на престол, содержали лишь восхваления династии Романовых в целом и каждого царя в отдельности, создавших одну из самых могущественных империй, какой была Россия в 1914 году, к началу Первой мировой войны. Но восхваляя могущество Российской империи, государственные достижения и личные качества русских царей, нельзя забывать и не думать о причинах страшного, кровавого обрушения этой могущественной империи, закончившейся кровопролитной братоубийственной гражданской войной и трагической гибелью последнего императора Николая II, расстрелянного вместе с семьей в Екатеринбурге, в подвале дома инженера Ипатьева.

А так ли все безупречно было в самодержавной России? А разве юный Пушкин, еще за семь лет до выступления декабристов не писал:

Увы, куда не брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы.

Гений поэта позволял предвидеть и страшный конец русских самодержцев, когда в продолжение своей оды «Вольность» он писал:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью я вижу.

Конечно, о жестокой радости по поводу смерти детей Пушкин написал в юношеской запальчивости. О расстреле детей Николая II на глазах их отца можно вспоминать лишь с содроганием и ужасом, но отнюдь не с жестокой радостью. Однако, тем не менее, этот страшный конец русского императора поэт уже тогда, за 100 лет отчетливо предвидел.

Современник Пушкина, один из руководителей Северного общества декабристов, поэт Кондратий Рылеев в своих стихах наглядно продемонстрировал причины, из-за которых объединялись русские дворяне, будущие декабристы в общества «Союз спасения» и «Союз благоденствия» и что привело их на Сенатскую площадь.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людьми как скотами
Долго ль будут торговать.
Бары с земским судом
И приходским попом
Нас морочат и волочат
По дорогам и судам.
Нас поборами царь
Иссушил как сухарь.
Уж как худо на Руси,
Что и Боже упаси.

Но в том-то и особенность самодержавия, что окруженные толпой лизоблюдов и чиновочитателей, цари-самодержцы лишены возможности знать истинное положение и настроение своего народа и не имеют обратной связи от результатов своих единовластно принятых управленческих решений. А как известно из кибернетики, науки об управлении, любая система управления без обратной связи идет вразнос, что и произошло в результате с Российской империей и ее последним императором. И потому неслучайно, будущие декабристы объединялись в «Союз спасения» и коллективно искали пути ограничения царской власти, расходясь при этом во мнении. Если Павел Пестель в Южном обществе предлагал

республиканское правление и истребление царя и царской семьи, то в Северном обществе Никита Муравьев предлагал конституционную монархию, то есть сохранение царя, власть которого ограничивалась бы избираемым законодательным, исполнительным и блюстительным, то есть, контрольным органом. Вторил ему и Пушкин в своей оде «Вольность»:

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье.

В этой же оде поэт предрекал, что вечной стражей трона может стать сень надежная закона. И недаром ода «Вольность», написанная Пушкиным в 1817 году, за которую поэт попал в ссылку, ходила по рукам и хранилась в бумагах декабристов. Пожалуй, для России, в силу ее обширнейшей географической территории и многонациональности, необходима именно такая сильная самодержавная власть, сочетающаяся с избирательным законодательным и исполнительным органом, которые вместе могли бы сохранить трон, империю и обеспечить диалог с народом и народное благополучие.

Но не пошел Николай I не только на диалог с народом, но и на диалог с лучшими представителями российской знати, которые были обеспокоены народным бедствием и понимали, что в условиях крепостничества и ничем неограниченного самодержавия не сможет быть облегчена жизнь простого народа. Вместо диалога Николай I выбрал путь карания и изгнания на каторгу и в ссылку несогласных, осмелившихся противостоять его самодержавной власти, путь бюрократизации государственного управления, путь полицейщины и политического сыска. Горьким эхом отозвался для страны и для царской династии этот выбор, вначале покушениями, убийствами и террористическими актами, творимыми народовольцами, а затем, кровавым обрушением империи, революцией, гражданской войной и убийством царской семьи.

А между тем, программа декабристов с большим опозданием все-таки реализовывалась царями. Через 36 лет после декабрьского восстания Александр II отменил крепостное право и 25-летнюю рекрутчину, заменив 6—7 годами службы в армии. Но за эти, отсроченные 36 лет, продолжали накапливаться грозди народного гнева. «Колокол», издаваемый Герценом и Огаревым в Лондоне, призывал к борьбе русских воль-

нодумцев, из которых за это время выросли народовольцы, террористы-бомбометатели, жертвами которых и стал царь-освободитель Александр II.

С еще большей отсрочкой, в 70 лет, уже Николай II в 1905 году, после первой русской революции, учредил избирательный орган — Думу, как и предлагали декабристы. И снова, за время этого непозволительно долгого опоздания, выросла армия еще более грозных врагов самодержавия, революционеров-большевиков, безжалостно расправившихся с последним русским самодержцем и его семьей, обрушивших Российскую империю и развязавших братоубийственную гражданскую войну.

Вряд ли дворяне-гвардейцы, объединившиеся когда-то в тайные общества «Союз спасения» и «Союз благоденствия», предвидели такой ужасный конец русского самодержавия. Но они понимали, что в условиях крепостничества и неограниченного конституцией и избирательными органами самодержавия нельзя облегчить народное бедствие, и потому вышли на Сенатскую площадь.

Так же, как в свое время, возмущившись клеветой на Вадима Козина и П.И. Чайковского, я погрузилась в изучение всех доступных источников о жизни и творчестве этих людей, не меньше возмущенная клеветой на декабристов, теперь я погрузилась в изучение литературы о них, и прежде всего материалов, освещающих малоизвестную широкому читателю историю их пребывания в 30-летней сибирской ссылке. Очень помогли воспоминания, написанные декабристами под влиянием сыновей И.Д. Якушкина. Его, выросшие без отца сыновья, Евгений и Вячеслав, побывав в Ялutorовске у ссыльного отца, попросили всех его товарищей написать воспоминания о себе и своем времени. Эти воспоминания бережно хранились в семье Якушкиных и уже в советское время были опубликованы историками МГУ. Особенно информационно насыщенным оказался сборник с воспоминаниями и письмами И.И. Пущина, ближайшего лицейского друга Пушкина, который был главой артели декабристов во время их каторжных работ в Петровском заводе. И потом добросовестно вел переписку с ссыльными товарищами, рассеянными по разным сибирским городкам.

И снова погружение в чтение этих живых свидетельств вызвало уже знакомое ранее фантастическое состояние, когда, как живых, стала видеть и слышать этих людей. И оставалось только записывать за ними. И также, как ранее, родились

киносценарии о Вадиме Козине «Мой костер в тумане светит» и о П.И. Чайковском и Н.Ф. фон Мекк «Добрый гений. Полу-богиня», родился киносценарий телесериала о декабристах в Западной Сибири «Священен наш союз». Но теперь возникла не только непростая проблема поиска продюсера и денег для этого фильма, но и еще более тяжелая проблема преодоления негативного настроения, созданного клеветническими измышлениями, искажающими истинные мотивы этих дворян-гвардейцев, выведших полки на Сенатскую площадь. Остается надеяться, что, как писал Александр Володин, «Правда почему-то торжествует, но почему-то потом».

Увы, большевики, пришедшие к власти и сумевшие выстроить на обломках Российской империи могучий Советский Союз, не сделали выводов из ошибок самодержавия и также начали править без обратной связи и диалога с народом, не уставая восхвалять непогрешимость КПСС и ее вождей. Только теперь несогласные, осмелившиеся критиковать существующие порядки и КПСС, записывались в диссиденты, изгонялись из страны, либо помещались в психбольницы. И в результате так же, как Российская империя, только в более короткий срок, рухнул могучий Советский Союз.

Однако, отдать должное коммунистическим вождям, они в полной мере оценили героизм и нравственный подвиг декабристов-дворян, представителей так называемого класса эксплуататоров, восставших против самодержавия и крепостничества. Открывались музеи декабристов, писались о них книги, снимались фильмы, и они служили образцами для подражания и примером для подрастающего поколения. И не потому ли эти поколения советских людей, воспитанные на таких высоконравственных примерах и образцах, так массово откликнулись в эпоху гласности и перестройки на лозунги о демократизации страны и свержении самодержавной власти КПСС? И благодаря этой массовой поддержке демократов, в отличие от крушения Российской империи, тоталитарный советский режим обрушился бескровно, без братоубийственной гражданской войны.

Так в чем же дело, почему же сейчас, в эпоху правления эффективных менеджеров так беззастенчиво поносятся декабристы? Не потому ли, что они служат живым упреком нашим олигархам, накопившим свои миллиарды за счет народного труда и обнищания основной массы населения страны, что нимало не беспокоит купающихся в роскоши и скупающих на западе дворцы, виллы и яхты российских нуворишей? Можно, конечно, развенчивать дворян декабристов, героев войны 1812 года,

изгнавших из страны захватчика, непобедимого Наполеона, прошедших с русской армией от Бородина до Парижа и принесших себя в жертву для облегчения участи крепостных, но тогда кого же представить образцом для подражания современной молодежи? Уж не Анатолия ли Сердюкова, под эффективным руководством которого так нагло и в таких умопомрачительных масштабах была обворована наша армия?

Вот о чем надо всем нам думать и наверно, в первую очередь нашим священнослужителям, которые далеко не последнюю роль играют в духовно-нравственном воспитании молодежи. Но увы, как раз священнослужители наиболее громко и активно изобличают декабристов, да и выставка на манеже, где откровенно оболганы декабристы, названа «Православная Русь и Романовы» и готовилась она под эгидой патриархии и непосредственным руководством уважаемого отца Тихона, настоятеля знаменитого Сретенского монастыря. Не могли на этой выставке не изобличаться декабристы, выступившие против самодержавия, поскольку ее главной целью было убедить народ в безгрешности и великих государственных деяниях царей Романовых. Но если мы будем только упиваться победами и достижениями и не думать о причинах, которые привели к кровавому обрушению Российской империи, а затем, хоть и бескровному, но тем не менее, краху могучего Советского Союза, не повторим ли снова этот трагический для страны и народа путь? Разве не такой же бесславный конец богатейшей Византийской империи, просуществовавшей 1500 лет, показал в своем замечательном документальном фильме отец Тихон. Так почему же наши духовные пастыри позволяют себе снова этот путь опасного славословия, уже неоднократно приведший к краху таких могучих государств как Византия, Российская империя и Советский Союз.

И еще хотелось бы задать вопрос духовным пастырям: а как это славословие согласуется с заповедями Иисуса Христа, который предпочел царскому трону проповеди любви и милосердия, и кто ближе христианским заповедям — декабристы, не оставшиеся равнодушными к народному бедствию, или те, кто их изобличает, не останавливаясь при этом перед откровенным оговором их истинных целей и намерений? В православии есть важнейший и ценнейший обряд покаяния и раскаяния, требующий честного признания своих грехов и неблагоприятных поступков. И не священники ли должны учить этой честной самокритичности каждого из прихожан и мужеству быть честными в признании политических ошибок тех, кто стоит у руля нашего отечества, будь то цари или президенты.

А вместо этого, выставка на манеже, подготовленная под эгидой Патриархии, продемонстрировала угодливое прославление династии Романовых, проигнорировав их нежелание видеть истинных причин крестьянских войн Пугачева и Разина, восстания декабристов и в конечном счете, кровавого обрушения Российской империи. И заодно, беззастенчиво искажив истинные намерения тех, кто 14 декабря 1825 года вышел на Сенатскую площадь. А ведь еще Солженицын, вернувшись в 1994 году из своего изгнания, с болью говорил, что российским политикам не хватает честности, без чего не может быть построена новая, свободная и процветающая Россия. И как же жаль, что научить этой честности наших политиков не отважились, либо не поняли своей исторической миссии наши православные иерархи.

Романовы заступили на престол в тяжелейшее время, после русской смуты, когда была вконец разорена страна и захватчики-поляки оскверняли сердце России — Кремль. Но и 400-летие царской династии тоже отмечается в непростое время, когда постсоветская Россия переживает свою смуту, или как говорил М.А. Булгаков — «разруху в головах». Взамен рухнувшей коммунистической идеологии стали навязываться представления ложной разнузданной свободы, свободы от совести, культивируемой в обществе потребления. Эта духовно-нравственная дезориентация и разруха в головах особо пагубное влияние способна оказать на молодежь и наше подрастающее поколение. И противостоять этому пагубному влиянию призваны в первую очередь наши духовные пастыри и представители творческой интеллигенции, формирующие вкусы, нравы и в конечном счете, души молодых людей. А для того, чтобы в это смутное время стать истинными духовно-нравственными путеводителями и для нашего народа, и для молодых, в первую очередь священнослужителям и представителям творческих профессий нужно выверить свои собственные внутренние ориентиры на соответствие христианским заповедям любви и милосердия, завещанных человечеству Иисусом Христом.

И если честно следовать этим заветам, то многим священнослужителям, как это ни трудно, надо будет преодолеть соблазн служить сильным мира сего, восхвалять царей и правителей, закрывая глаза на нужды народа, и в угоду олигархам, не навешивать ярлыки предателей тем же декабристам, которыми двигало сочувствие к народному бедствию. В наше время, хотя и нет крепостного права, но людей, вызывающих со-

чувствие, у нас более чем достаточно, что-что, а сочувствовать у нас есть кому. И тем же школьникам, которые сидят на уроках голодные, поскольку их одинокие матери или многодетные родители не имеют средств на школьные обеды. И тем же детям — социальным сиротам, от которых вынуждены отказываться молодые одинокие матери, неспособные содержать ребенка на 300 рублей государственного пособия. И несовершеннолетним пацанам, начинающим жизнь за тюремной решеткой, поскольку государство сэкономило на специалистах, способных оказать им и их родителям своевременную помощь. И если бы наши священники сами испытывали это сочувствие, может быть тогда и наш православный президент, и наш православный премьер, прониклись бы таким же сочувствием и направляли государственные миллиарды налогоплательщиков не на мегапроекты, успешно разворовываемые эффективными менеджерами, а на социальную политику, образование, культуру и помощь семье и детству. И это была бы великая миссия и неценящая заслуга православия, способствующая укреплению и российского государства, и авторитета церкви, и истинно христианскому воспитанию нашего подрастающего поколения.

Следование евангелистским заповедям не помешало бы нашим верующим и неверующим служителям Мельпомены, по крайней мере, оно бы уберегло бы многих из них от нестерпимой пошлости, которой, увы, весьма нередко грешат наши продюсеры и режиссеры, наши юмористы и художники, не говоря уж о звездах шоу-бизнеса. И особо возмутительным является то, что эти ребята, не стесняясь, в своих постановках и репризах опошляют творчество великих русских драматургов и писателей. Что говорить, если в самом МХТ имени А.П. Чехова был поставлен спектакль по роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», где две соперницы — Грушенька, которую страстно любит Митя Карамазов и отвергнутая им аристократка Екатерина Ивановна, представлены лесбийской парочкой, о чем во времена Достоевского вряд ли помышляли и уж никак это не приходило в голову писателя. А сцену допроса Мити Карамазова режиссер украсил дубинками-фаллоимитаторами, которыми чиновник Перхотин избивает допрашиваемого. Не прописывал Достоевский сцену ментовского избиения, а уж тем более и в страшном сне писателю не снились дубинки-фаллоимитаторы. Можно и дальше продолжать «находки» этого молодого режиссера-экспериментатора, как и рассказывать о безобразном опошлении пьес Чехова, Островского, Шекспира в эпатажных постанов-

ках новомодных режиссеров-экспериментаторов. И вся эта пошлятина вываливается на экраны и сцены театров с единственной целью — завоевать дешевый успех у зрителя, повысить сборы и рейтинги, а в конечном счете — развращать вкусы и души зрителя, то есть, служить мамоне. Большой и непростительный грех берут на душу эти горе-художники тем, что во время духовно-нравственной смуты, переживаемой в стране, забивают головы людей и особенно молодых и незрелых, безнравственной пошлятиной, порождающей социальное зло, социальные отклонения и в том числе, социальное сиротство, то есть детей, брошенных развращенными родителями, на произвол судьбы.

Но не все так безнадежно в нашем государстве. Кроме этих пошляков у нас есть еще Татьяна Доронина и Юрий Соломин, художественные руководители МХАТ имени М. Горького и Малого театра, которые остаются верными великим русским, театральным традициям. На этих же традициях выросла и воспитана молодая смена талантливых актеров, также ставшими худруками театров: Евгений Миронов, Сергей Безруков, Олег Меньшиков. Не видела пошлых спектаклей я и на сценах областных драмтеатров в Красноярске, Омске, Самаре и в своем любимом Таганроге, где без всяких пошлых и развратных штучек смогли завоевать любовь зрителей, каждый раз заполняющих залы этих театров.

И среди священников немало батюшек, проникнутых действительным сочувствием, которые содержат при своих приходах социальные приюты для сирот и реабилитационные центры для молодых наркоманов. И хотя милосердие сейчас не в чести у власть-предержащих, эффективных менеджеров, оно все-таки неистребимо в сердцах многих русских людей, генетически усвоивших христианские заповеди православия.

И особенно позволяют убеждаться в этом мои коллеги, преподаватели факультетов социальной работы и социальной педагогики, учителя, психологи, социальные педагоги и работники, которые трудятся в самых разных отдаленных уголках нашей огромной страны. У меня в кабинете висит карта России, испещренная точками, которыми отмечены города, где, по приглашению коллег, для участия в конференциях и образовательных программах мне удалось побывать. Этими точками отмечены города от самых восточных до самых западных границ: от Магадана, бывшей столицы Колымских лагерей, до Калининграда, бывшей укрепленной прусской крепости Кенигсберг. И всюду есть эти бескорыстные, не замечаемые прессой и начальством люди, которые трудятся

за копейки, и движимые чувством милосердия, спасают наше трудное детство.

20 лет издается для практиков наш периодический журнал «Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы». И всякий раз, будучи главным редактором этого журнала, читая статьи наших авторов, которые приходят не только из больших городов, областных центров, но и из городков и поселков с ранее неизвестными названиями, я не перестаю удивляться тому, как самоотверженно, творчески и профессионально работают эти специалисты, реабилитируя детей с ограниченными возможностями, дезадаптированных подростков и социальных сирот, помогая родителям, воспитывающим инвалидов и приемных детей. Замечательные, доказавшие на практике свою эффективность, коррекционные программы были присланы социальными педагогами и психологами социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних: А.И. Мосягиной из Десногорска Смоленской области, Т.Ф. Никифоровой из Братска, И.В. Мельниковой из Рыбинска, Г.А. Бургановой из города Похвистнево Самарской области, И.В. Маштаковой из Свободненского социального приюта Амурской области, О.В. Коледовой из Великоустюгского детского дома, С.Н. Щулькиной из коррекционной школы 8 типа города Казыла Пермской области, О.В. Слабухой из города Кировск Мурманской области. Очень порадовали авторы И.А. Сабозова из Каргосогского района Томской области и Г.В. Галка из Невинномыска Ставропольского края, которые в своей коррекционно-реабилитационной работе используют музыку и изобразительное искусство. Разработаны нашими авторами Т.В. Гридневой из города Авангард Самарской области, С.В. Коптяевой и З.А. Кулаковой из Великого Устюга семинары-практикумы по гармонизации детско-родительских отношений в замещающих семьях. Не обойдены вниманием в работе социальных учреждений и пожилые люди, опытом работы с которыми делились С.Г. Бесчастная из Благовещенска и В.С. Рапота-Охраменко из города Советского Ханты-Мансийского округа.

Понятно, здесь перечислена лишь самая маленькая толика публикаций нашего «Вестника психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы» за 20 лет его существования. Не менее интересный опыт социальной работы с такой же широкой географией их авторов публикуется также в периодических журналах «Социальное обслуживание» и «Работник социальных служб», главным редактором которых является А.М. Панов, а их учредителем — Ассоциация работников

социальных служб, которую он возглавляет. Дивны дела твои, Господи. Если в начале 90-х годов, мы с Андреем Михайловичем и другими коллегами начинали вводить социальную работу и охранно-защитную превенцию в России под эгидой государства, он, будучи заместителем Министра социальной защиты, а я руководителем ВНИКа «Система государственной защиты семьи и детства», учрежденного Правительством России, то теперь, спустя более чем 20 лет, мы занимаемся этими проблемами, можно сказать, вопреки оптимизаторской дегуманизированной политике власть-предержащих, эффективных менеджеров. Ни конференций, ни семинаров для психологов, социальных работников и педагогов Министерство образования и Министерство социального развития и здравоохранения не проводят, не оказывают и никакой другой помощи этим специалистам. В основном, в этих ведомствах озабочены тем, как еще оптимизировать и лишить финансового обеспечения систему охранно-защитных превентивных мер, то есть, сэкономить на семье и детстве. И наши скромные журналы, издаваемые негосударственными организациями, некоммерческим партнерством «Консорциум «Социальное здоровье России», который 20 с лишним лет тому назад удалось мне учредить, и Ассоциацией работников социальных служб, учрежденной и возглавляемой А.М. Пановым, в результате оказались, по сути дела, единственными органами, объединяющими это профессиональное сообщество, оказывающими ему моральную поддержку и, что немаловажно, осуществляющими образовательные функции за счет обмена опытом между коллегами, работающими в разных уголках России.

Наши многочисленные коллеги, реализующие на практике охранно-защитную превенцию, оказывая профессиональную помощь семье и детям, выполняют еще одну сверхважную роль в это смутное время «разрухи в головах». Это профессиональное сообщество на своем примере демонстрирует духовно-нравственные ценности, несовместимые ни с завистью честолюбивых интриганов, ни с корыстностью расхитителей-коррупционеров, ни с бездушностью эффективных менеджеров-оптимизаторов, ни с пошлостью художественных экспериментаторов, в погоне за пресловутыми рейтингами развращающих молодежь навязыванием морали распущенности и вседозволенности.

Если в свое время И.А. Ильин считал зависть источником всех бедствий, то в наше время общество столкнулось с еще более зловещими вызовами. Теперь противостоять приходится не только зависти и порожденными ею пороками, но и пло-

дам нашего технократичного века, порождающего бездушие, эмоциональную глухость людей, в совершенстве освоивших компьютер и зависающих в интернете. Не этим ли объясняется такой современный феномен как отличник Сергей Гордеев, беспричинно расстрелявший учителя, или вызывающий у всех доверие пользователь интернета Алексей Кабанов, убивший и расчленивший жену, мать троих детей. Эти люди, помимо освоения компьютера, воспитывались с ориентацией на успех любой ценой. Моральные нормы, доброта, способность сочувствовать другим, считаться с их интересами, дорожить здоровьем и даже жизнями других, стали для этих компьютерщиков излишними и обременительными сантиментами на пути достижения личного успеха.

Увы, конкурентоспособные и бездушные технократы — это тоже порождение дегуманизированной политики эффективных менеджеров-оптимизаторов, навязывающих в образовании и здравоохранении неумеренную компьютеризацию, заменяющую живое общение учителя с учеником, врача — с больным на погружение в компьютер.

Но наше профессиональное сообщество, состоящее из верующих и атеистов, людей разного вероисповедания и национальностей, живет по христианской заповеди «Возлюби ближнего как себя самого». Своим бескорыстным трудом, защищая детство, они на деле способствуют воссозданию человеческой цивилизации, где миром правит любовь и милосердие, которое проповедовал Христос и за которое был распят фарисеями.

Но милосердие и веротерпимость предков сочетались с мужеством и готовностью ценой жизни защищать свое отечество от иноземных захватчиков и во времена Александра Невского, и во времена Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Михаила Кутузова. И уж совсем жив в памяти современников подвиг наших отцов и дедов, спасших страну и мир от фашистской чумы.

Этот прочный исторический фундамент, на котором выросли и сформировались мы, укрепляет нас и сейчас, когда в мирное время надо противостоять внутреннему врагу — монетократии, на услужении которого и «фиктивные» менеджеры-оптимизаторы, оптимизирующие государственный бюджет в свой карман, и пошляки-экспериментаторы, своим псевдохудожественным творчеством навязывающие обществу мораль вседозволенности и не стесняющиеся порочить имена отечественных гениев. Да и среди православных священников, на-

девших рясу и служащих в Храме, немало тех же фарисеев-начетчиков, которым чужды заповеди Христа.

Казалось бы, неравны силы, когда, с одной стороны, — сонм власть предержащих монетократов, а с другой — скромные безымянные «труженики тыла», бескорыстно спасающие детство, а стало быть, и будущее страны.

«Не в силе Бог, а в правде» — сказал когда-то Александр Невский. А сейчас, с учетом вызовов и угроз нашего времени, можно перефразировать слова защитника земли русской: «Не в деньгах сила и Бог, а в правде». И не может быть праведной политика бездушной технократии и монетократии, угрожающая нашему детству, а стало быть, будущему страны и нации.

И потому, вопреки всем оптимизаторским усилиям эффективных менеджеров, семена социальной работы и охранно-защитной превенции, посеянные 20 лет назад, дали свои многочисленные всходы, и их ростки уже вряд ли удастся заглушить. Напротив, хочется верить, что закон сообщающихся сосудов действует не только в физике, но и в социальной сфере, и наши идеи и усилия многотысячной армии социальных работников и психологов, направленные на спасение детства, а значит, на сохранение и процветание будущей России, просочатся в высшие властные структуры. И как писал поэт-декабрист Александр Одоевский в ответ на послание А.С. Пушкина в Сибирь: «Наш скорбный труд не пропадет». Тем более, что наш труд далеко не скорбный, он хотя и нелегкий, но все-таки радующий благодарностью от людей и детей с трудными судьбами, которым удалось помочь. И то, что с социальной работой нас одним из первых знакомил потомок декабристов, генеральный секретарь международной Ассоциации социальных работников, живущий в Швейцарии, А.В. Муравьев-Апостол, поистине, вещий знак судьбы и связующая нить времен. В заключение позволю себе нескромность привести свое четверостишие.

Когда-нибудь потом нам всем зачтется,
До судных дней, конечно, не дожить.
Но верю я, она не оборвется
Времен связующая нить.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо пролога	5
Знаки судьбы	8
Пассионарный 1991 год	11
Калина красная	15
Поворот судьбы	19
Режиссер	23
Начать сначала	27
Педагогические баррикады	33
Дорога к Богу	43
Кого Бог любит, того испытывает	50
Тяжкий путь прозрения	57
Самый счастливый 1989-й	60
Пути Господни неисповедимы	67
Из огня в полымя	74
Стартовая площадка моей научной карьеры	81
Бег с препятствиями	86
Школа выживания	92
Урок впрок	98
Перевал, преодоленный вдвоем	105
Роман, который принес мне свои сюрпризы	116
Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается	125
Ох уж эта наука	132
Оправданный авантюризм	142
Бои неместного значения	148
С Богом и без Бога	158
О чем вещал кладбищенский ворон	166

Небескорыстная любовь лжепророков	174
Бог не выдаст, свинья не съест	195
Схватка с коррупцией	202
Беда одна не ходит	212
Спасительное эхо прошлого	227
Непредвиденный зигзаг судьбы	235
О пошлость, как ты многолика	247
К чему приводит опошление святынь	257
Горькие плоды оптимизации	262
Где же выход?	274
Времена не выбирают	282
Наш скорбный труд не пропадет	304

Литературно-общественное издание

Светлана Афанасьевна Беличева-Семенцева

НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ. ИСПОВЕДЬ ПСИХОЛОГА

*Редактор О.И. Григорьева
Художник Е.В. Максименкова*

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 10.10.14. Подписано в печать 19.10.14.

Формат 84x108 1/32.

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,5 Тираж 2500 экз. Заказ № .